

Л.Г.Протасов

**ВСЕРОССИЙСКОЕ
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
СОБРАНИЕ
История
рождения
и гибели**

**Москва
РОССПЭН
1997**

ББК 63.3(2)611

П 83

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 97-01-16093

Протасов Л.Г.

П 83 **Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 368 с., илл.

Книга посвящена истории Учредительного собрания в России — от зарождения идеи всенародного представительства до разгона его в январе 1918 г. В центре исследования — выборы в Учредительное собрание, их итоги и политическая борьба вокруг его созыва и роспуска.

Книга предназначена всем, кто неравнодушен к отечественной истории.

ББК 63.3(2)611

ISBN 5-86004-117-9

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997

© Протасов Л.Г., 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всероссийскому Учредительному собранию история отвела всего один день жизни — 5 января 1918 г. Измотанные напряженным ожиданием его открытия, а затем и многочасовыми ожесточенными прениями, почти без сна проведя остаток ночи (заседание закрылось уже в пятом часу утра), депутаты вечером 6 января вновь потянулись к Таврическому дворцу. Однако решетки дворцовых ворот были наглухо запечатаны и охранялись стражей с пулеметами и двумя полевыми орудиями. Картина была зловещей и символичной.

В ночь на 7 января ВЦИК Советов, составленный из большевиков и левых эсеров, принял заготовленный В.И. Лениным декрет о роспуске Учредительного собрания. Роспуск мотивировался тем, что Учредительное собрание после ухода из него обеих упомянутых партий могло «играть роль только прикрытия борьбы буржуазных контрреволюционеров за свержение власти Советов»¹.

Так завершилась эпопея первого всероссийского народного представительства, самая долгая по своей предыстории, самая короткая, если говорить о его реальном существовании, самая драматичная по своей судьбе, по масштабу связанных с ним надежд и разочарований, ближайших и отдаленных последствий. Как справедливо замечено, «нигде столько не было нагромождено лжи, как вокруг Учредительного собрания»². И потому исследователю, взявшемуся за столь рискованную тему, надлежит прежде всего разобраться в корнях историографической аберрации, дабы не громоздить на старую ложь новую.

История революций обычно принадлежит победителям и под пером их историков принимает желаемую форму. В.И. Ленин уже назавтра назвал 5 января 1918 г. «потерянным днем», а депутатов-учредителей — «людьми с того света». Скоропалительный и беспощадный приговор диктатора-вождя много десятилетий воспринимался нашим сознанием как высший суд, как приговор окончательный, обжалованию не под-

лежащий. В памяти ряда поколений соотечественников этот эпизод сохранился, пожалуй, даже как трагикомический: со школьной скамьи запомнились знаменитые слова матроса А.Железнякова «караул устал, пора закрывать». Если Учредительное собрание и не было забыто вовсе, то лишь потому, что в нем видели некоего антипода, оттеняющего своей жалкой участью торжество и величие подлинной, советско-пролетарской демократии. Его изучение шло в идеологически строго заданных координатах послеоктябрьских ленинских оценок. Редкие монографии о нем пестрели нелестными эпитетами, образами, сравнениями. «Учредительное собрание в нашей революции промелькнуло, подобно тени, на историческом экране и, подобно тени, бесследно отошло в вечность»³, — писала в 1928 г. Н.А.Шавеко. Уже спустя полвека О.Н.Знаменский, наиболее серьезный исследователь темы, глубоко изучивший технико-организационные ее аспекты, в итоге пришел к выводу, что «Всероссийское Учредительное собрание, его идея еще до 5 января приняли политическую смерть»⁴. Нелогичность таких сентенций ныне очевидна: зачем же тогда надо было силой оружия устранять учреждение, которое и без того бессильно и даже мертво? Если же продолжить образный ряд, то уместнее сравнить Учредительное собрание с яркой и скоротечной кометой, прочертившей в 1917 году российский политический небосвод и до конца непознанной. Комета сгорела, но след ее остался...

Есть суд победителей, но есть и суд самой истории, не столь скорый, но более справедливый. В этом вновь убеждает всплеск широкого общественного интереса к событию давнего прошлого. Известно, что значимость исторических событий проверяется временем — подлинно великие не уходят в полное небытие, продолжают влиять прямо, а чаще опосредованно, на последующий ход истории. К.Ясперс писал: «Настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем на себе»⁵. Показательно, что те, кто разогнали Учредительное собрание, уже через несколько дней сымитировали его в виде съезда Советов. Как бы то ни было, на определенном историческом рубеже вдруг открылось, что идея Учредительного собрания вовсе не умерла в общественном сознании, что она выжила в политическом анабиозе, в долготемном забвении и вновь напомнила о себе в обстановке коренных политических перемен на рубеже 1980—1990-х годов. Следовательно, и легкость, с которой оно было ликвидировано и на которую обычно ссылаются в доказательство его нежизнеспособности, оказалась обманчивой. В сущности всю пережитую в недавние времена эпоху можно назвать эпохой учреди-

тельных собраний, разных по форме и названию, но заложивших основы совершенно новой государственности (или, точнее, забытой старой, либерально-рыночной модели) на руинах советской системы и СССР.

Всероссийское Учредительное собрание — одно из тех мировых явлений, которые воплощают в себе глобальные тенденции развития человеческой цивилизации и служат вехами ее истории. Чувствительный нерв нашей истории был затронут, и эта тема, можно сказать, обречена на популярность. Осмысливая ее как насущную научную и общественную потребность, важно понять мотивы того интереса, который проявляют к Учредительному собранию историки, юристы, публицисты, политики, просто читатели. Вызваны ли они неудовлетворенностью казенными историческими версиями, статусом самого учреждения, призванного установить конституционно-парламентский строй в стране, успевшей взять лишь первые уроки демократии, сожалением об упущенном шансе гражданского примирения и цивилизованного развития общества? Означало ли само Учредительное собрание окончательный перевод стрелки российского исторического развития на западный цивилизационный путь, а его неудача — обреченность такой попытки? Каждое из таких объяснений может быть правомерным, но ни одно из них не достаточно.

История Всероссийского Учредительного собрания полна загадок и парадоксов. На это обратил внимание еще «первый летописец» Октября Джон Рид. В предисловии к знаменитой книге о десяти днях, «которые потрясли мир», обращенном к американскому читателю, он задавался вопросами: «Если до Ноябрьской революции (по новому стилю — Л.П.) большевики боролись за Учредительное собрание, то почему впоследствии они разогнали его силой оружия? И если до того момента, как большевистская опасность стала явной, буржуазия выступала против Учредительного собрания, то почему же впоследствии она стала его поборницей?»⁶

Добавим еще один парадокс к сказанному. В мировой истории редко пристальное внимание потомков привлекает событие, так сказать, несостоявшееся, несбывшееся, не в прямом, физическом, а в сугубо историческом смысле, ведь Учредительное собрание не исполнило своего предназначения: не создало власти, признанной большинством народа, не провело насущных и долгожданных реформ, не предотвратило гражданской войны в России. Не смогло или не могло? Ответ на этот вопрос прежде казался однозначно простым — не могло! — теперь его надо признать вообще неразрешимым, дабы не стать на точку зрения исторического фатализма.

Как феномен истории Учредительное собрание всегда будет смущать умы ученых своей давней и неразрешимой загадкой: как сложилась бы российская история, будь иной и его судьба? Незавершенное, по тонкому замечанию Марка Блока, обладает для всякого живого ума очарованием не меньшим, чем нечто, успешнейшим образом завершённое⁷. Уместно добавить к этому, что и сам анализ исторической альтернативы, сколько бы он ни критиковался, если он основан на твердой почве конкретных фактов, важен и нужен как инструмент научного познания прошлого.

Современная историография Всероссийского Учредительного собрания отражает эволюцию общественного самосознания от простых объяснений, вроде злокозненных действий большевиков, до более глубокого понимания причин его крушения в самой российской исторической традиции, в национальной почве, в уровне правосознания общества, реальной роли всех социалистических партий и т.д.⁸ Прежняя идеологизированная дилемма — демократия буржуазная или пролетарская? — в последние годы почти вытеснена дилеммой общенаучной — демократия или диктатура? Даже марксистско-исторический взгляд на это событие эволюционировал от лобовой апологии разгона Учредительного собрания в духе сакральности ленинских оценок к более прагматичным и вполне правдоподобным конструкциям, в коих этот факт предстает как печальный, но неизбежный результат объективно сложившейся политической обстановки. Во всяком случае нужда более не выдается за добродетель.

Однако полное «онаучивание» проблемы как преодоление ее политизации и неизбежной при этом мифологизации еще предстоит, и она нуждается в системном исследовании, включающем связи Учредительного собрания с эволюцией российской государственности, социума, национального менталитета и пр. Гносеологически историк находится в весьма сложном положении. С одной стороны, ему надо абстрагироваться от очевидных результатов изучаемого процесса, «вжиться в эпоху», учесть субъективное видение людьми 1917 г. реальной обстановки, поскольку именно на основе этого видения они формировали цели и мотивы своих действий. Но, с другой стороны, изучать жизнь и судьбу Учредительного собрания лишь сквозь призму политических страстей 1917 г. и той не лишенной налета исторической случайности конъюнктуры значит в конце концов вернуться к эсхатологическому признанию необходимости именно данного варианта развития событий. Не только потому, что реальная история убедительнее и достовернее вообще, чем гипотетическая, просто действия большевист-

ского руководства в отношении Учредительного собрания были и впрямь логичны и последовательны, поскольку были адекватны политическим и этическим принципам этой партии, позволившим ей прорваться к власти.

Корень же вопроса не в том, как и почему была разогнана учредительная власть, формально выражавшая волеизъявление народа, а в том, почему она при всей ее легитимности оказалась беззащитной и беспомощной перед явной ее узурпацией в свободной стране. Ведь в тот момент большевики не были настолько сильны, чтобы не считаться с широким общественным мнением, с его твердой и решительной позицией.

Таким образом, само Учредительное собрание, его поучительная судьба автору представляются как бы верхушкой огромного айсберга, в основании которого долгая история развития самой идеи народного представительства, подготовка к созыву российской Конституанты и борьба вокруг нее, наконец, вершина политической демократии 1917 года — свободное всенародное голосование. Предпосылки для такого исследования вполне созрели. Спал публицистический азарт перестроечных лет, когда зачастую научная логика и точность исторических фактов подменялись игрой авторского воображения, а в самом Учредительном собрании виделась панацея ото всех постигших Россию бед. Совершенно очевидно, что оно не было ни гадким утенком российской демократии, как полагали одни, ни ее прекрасным лебедем, как считали другие. Время простых ответов прошло, и путь к истине лежит только через профессионализм историка.

Кроме того, ощущается настоятельная потребность в критическом пересмотре всего накопленного запаса фактов из истории Учредительного собрания, дискредитированных односторонним, зачастую просто необъективным истолкованием, когда в обороте были источники, в выгодном свете выставлявшие одну из борющихся сторон в ущерб другим. Правда, в последние годы не раз переиздавались стенограмма заседания Учредительного собрания и другие связанные с ним документы⁹. Однако источниковая база проблемы все еще остро нуждается в обогащении и переосмыслении как почва для формирования новых, более глубоких исторических представлений.

Со смешанным чувством неловкости и сожаления придется признать, что картина первых в России свободных общенациональных выборов, происходивших на основе демократического избирательного закона, какого не было тогда ни в одной другой стране мира, напоминает незавершенный

эскиз, набросок. С чувством неловкости потому, что в любой цивилизованной стране эти выборы стали бы предметом законной национальной гордости, а гордость за свое прошлое и есть одно из проявлений цивилизованности. С чувством сожаления — поскольку современное состояние документалистики проблемы оставляет немного надежд на то, что картину выборов удастся когда-либо полностью реконструировать.

Можно возразить, что трудами историков разных поколений, начиная с Н.В.Святицкого, собран и систематизирован обширный статистический материал. Это отчасти так, но в нем слишком много приближительности, фрагментарности, просто зияющих пустот. До сих пор единственным монографическим исследованием по истории самих выборов в Учредительное собрание в масштабах всей России остается книга... американского историка Оливера Рэдки¹⁰, вышедшая двумя изданиями в 1950 г. и в 1989 г. Не переведенная на русский язык, она практически недоступна российскому читателю. С уважением относясь к оригинальности наблюдений О.Рэдки, следует, однако, заметить, что этого нельзя сказать о документальной базе его исследования.

Ценность избирательной статистики 1917 г. уникальна. В свое время, впервые публикуя сводные итоги выборов в Учредительное собрание, Н.В.Святицкий писал: «Историку они дадут богатейший материал и ключ к решению происходивших и ныне происходящих великих событий»¹¹. Столь же высоко, хотя и с иных позиций, оценил их В.И.Ленин: «Данные о выборах в Учредительное собрание, если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе»¹².

Оба оппонента оставили пример и образцы политического прочтения материалов электоральной статистики, быстро давшие зловредные всходы. Идеологическая утилизация результатов голосования в Учредительное собрание стала нормой в советской историографии параллельно тому, как все более формальными становились и сами выборы в органы государственного управления. Итоги голосования привлекались историками обычно с заданной целью, для подтверждения определенного тезиса, в качестве цифровой иллюстрации. Такой подход не нуждался в привлечении всей совокупности статистических сведений и не стимулировал их поисков.

Неудивительно поэтому, что в конечном счете в забвении оставалось само социокультурное состояние российского общества в 1917 году, проявлением и одновременно отражением которого и были выборы. Г.Л.Соболев имел основание писать о

преобладающей в нашей науке тенденции изучать общественное сознание главным образом в его идеологических формах, недооценивая социальную психологию масс¹³. Если кому-то это разъяснение покажется маловразумительным, достаточно вспомнить, какую сложную, многокрасочную картину являют собой современные демократические выборы, и помножить все связанные с ними страсти на те ожидания мира, земли, порядка, с которыми в 1917 году ассоциировалось Учредительное собрание. Сама статистика тайного голосования, именно по причине его тайности, интимности, представляется наиболее аутентичным источником для изучения политических настроений общества.

Автор много лет занимался сбором статистики по выборам в Учредительное собрание, не ставя больших научных задач и не переоценивая значимость своего труда. Лишь постепенно необременительное увлечение, материализовавшееся в страсть коллекционера. Процесс эмпирического собирания фактов дарит свои радости, признавался М.Блок: «Добрый землепашец любит пахать и сеять не меньше, чем собирать жатву»¹⁴. Каждая новая находка, вроде сводки голосов в каких-нибудь Богом забытых, затерянных в северной глуши вятском Яранске или вологодском Яренске, в любом из шестисот уездов страны, становилась маленьким праздником души. В ходе поисков постепенно оформлялся общий замысел, а сами усилия обретали конечный смысл: собрать, насколько возможно, максимально полный свод избирательной статистики Учредительного собрания и представить его общественному взору. Наука, как и природа, не терпит пустоты. Итоги выборов в захолустных городах и деревнях для будущего исторического знания могут оказаться не менее ценны и полезны, чем результаты голосования в столицах. Поиски с их успехами и неудачами редко бывают скучными, однако раньше или позже они подходят к грани, за которой должно последовать обобщение, — нельзя подняться к новому пониманию проблемы, не освоив новой эмпирики. Может быть, эта книга найдет не только читателей, но и последователей, и это будет наилучшее ее продолжение.

Американский историк О.Рэдки задался вопросами, на которые не мог дать определенного ответа. Что оно, Учредительное собрание? Жертва несчастных обстоятельств или чужеродный цветок в России? Вернется ли однажды народ к этому политическому принципу или это такой политический принцип, который никогда не прорастет на равнине Восточной Европы¹⁵? Эта книга также не дает готового ответа на сакрамен-

тальный для всей нашей истории вопрос, но она содержит историческую конкретику, которая поможет читателю самому сделать из нее вывод. А потому будет уместно завершить это предисловие словами А.И.Герцена: «Наука не требует ничего вперед, не дает никаких начал на веру. Если же под началом понимать первую страницу, то в ней истины науки потому не может быть, что она — первая страница, и все развитие еще впереди»¹⁶.

Глава 1

ИДЕЯ, РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

1. У истоков великой идеи

История Всероссийского Учредительного собрания требует прежде всего тщательного осмысления исторически сформировавшегося содержания самой его идеи и ее места в структуре российского общественного сознания — без этого вся проблема как бы лишается фундамента, повисая в пустоте. К 1917 г. эта идея имела в России более чем столетнее прошлое, но это скорее основание для раздумий, а не для национальных амбиций.

Своими корнями идея Учредительного собрания уходит в позднее средневековье, в идеологию западноевропейского Просвещения. Выдвинутые его выдающимися представителями теории народного суверенитета и общественного договора исходили из естественного, неотчуждаемого права всех народов самим выбирать свой государственный строй, свою форму правления. Но первый опыт практической реализации этого права был осуществлен по другую сторону океана, где он был положен в основу принятой в 1776 г. Декларации независимости североамериканских колоний Англии, проникнутой демократическим, республиканским духом («Мы, народ Соединенных Штатов...»).

В формально-юридическом смысле учредительным собранием может считаться любой представительный орган, наделенный учредительными функциями, — от собрания граждан в античной республике до современного парламента. В этом смысле, возможно, правы те, кто ведут предысторию Всероссийского Учредительного собрания еще от Земских соборов¹. На них тоже решались важные государственные вопросы, избирались цари, как Борис Годунов в 1598 г. или Михаил Романов в 1613 г. Вместе с тем как форма диалога власти с обществом Земские соборы скорее восходили к общинной демократии, чем к представительной форме правления, и если они соединяли Россию с Европой, то... средневековой².

Однако в общеупотребительном смысле это понятие принадлежит уже новому времени и своим происхождением обязано Великой Французской революции конца XVIII века, когда

оно стало примером и символом борьбы с королевским абсолютизмом за конституцию и права граждан, за верховенство закона. Занесенная ветрами революций на восточную окраину Европы, в страну самодержавия и крепостничества, эта идея неизбежно должна была видоизмениться, стать симбиозом европейской политической культуры и российской исторической традиции. Идея Учредительного собрания вызревала и оформлялась здесь на примере тех стран, где уже сложились предпосылки гражданского общества, вытесняя отношения подданства, а государственный Левиафан не был так всемогущ. В России, при ином типе феодализма, а затем и капитализма, при политической неподвижности общества, при абсолютной монархической власти, державшейся не только силой принуждения, но и идеологией своего провиденциального происхождения, практикой всеохватного государственного патернализма, на протяжении всего XIX века не было почвы для реализации формулы «народ — источник власти».

Тем не менее идея верховенства народа не могла оставить равнодушными передовых людей России, начавших поиски своих путеводных теорий. Впервые она вошла в программные документы декабризма. Согласно проекту «Конституции» Н.Муравьева, «источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные законы для самого себя». Полномочия конституционных перемен признавались только за всенародным державным собором, то есть Учредительным собранием³. Впрочем, автор альтернативной «Русской правды» П.Пестель не разделял этой идеи, будучи сторонником жесткой и длительной революционной диктатуры. Дилемма — доверить власть самому народу или править радикально-олигархической группировке от имени народа — имеет, следовательно, давнюю историю. В любом случае, однако, речь могла идти лишь о форме «революции сверху», без участия самого народа.

Хотя идея учредительной власти народа оставалась «кабинетной», предпосылки ее будущей популярности накапливались и зрели вместе с ростом национального самосознания в образованном русском обществе, с поисками исторических путей, достойных великой, но отсталой страны. Стоит заметить, что даже идеологическая доктрина самодержавия — теория официальной народности — эксплуатировала, и не без успеха, идею учредительной власти народа, за тысячу лет до того добровольно избравшего для себя монархическую форму правления. Идея Учредительного собрания была подхвачена с особым воодушевлением новыми поколениями российского «освободительного движения», приобретая соответствующую историческую ориентацию — от Конвента времен Великой Фран-

цузской революции, открывшего путь к власти якобинцам, до Учредительного собрания 1848 г., установившего во Франции умеренный либеральный режим Второй республики. В ходе российской революции при любом вопросе общественная мысль невольно обращалась к прецедентам, аналогиям прежде всего из революционной истории Франции — «поучительнейшей лаборатории социально-политических опытов»⁴.

Со второй половины прошлого века, когда энергичная экономическая модернизация страны обострила потребность в адекватной государственной и общественной структуре, а усилившееся сближение с Западом еще более оттенило российскую архаику, эта идея получила новый импульс, становясь своего рода символом радикального обновления страны, разрешения всех насущных общественных проблем. Такое толкование придавало ей довольно отвлеченный, легендарный характер, чему способствовало и полное отсутствие в России до начала XX века гражданских свобод. Не случайно она черпала силу и в таких явно реликтовых источниках, как общинно-уравнительная организация деревни или исторические реминисценции, связанные с вечевыми порядками и Земскими соборами русского прошлого (народничество, отчасти славянофильство). Один из первых революционных манифестов — прокламация «Молодая Россия», изданная в 1862 г. П. Заичневским и его сообщниками, — требовал перехода власти в руки Национального собрания. Трудным путем шли к этой идее народники. Н.Г.Чернышевский, А.И.Герцен, М.А.Бакунин, П.Л.Лавров были равнодушны к вопросам политической демократии, не видели надобности в проповеди политического освобождения России как средства к грядущему всестороннему освобождению народа⁵. Конституционные реформы, казалось им, могут увести Россию с ее особого исторического пути, ведущего к социальной революции. Однако уже программа «Народной воли» (1879 г.) признавала, что «народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов»⁶. После убийства Александра II Исполнительный комитет «Народной воли» в открытом письме новому царю заявил о готовности безусловно подчиниться решению Учредительного собрания, если оно будет создано⁷.

Однако наиболее плодотворную свою разработку идея Учредительного собрания обрела в рамках поисков решения так называемого конституционного вопроса в России. Создание конституционного, правового государства исходным моментом предполагало допуск граждан в той или иной форме к определению основ государственности и к текущей законодательной деятельности. Гласная постановка этого вопроса была предпри-

нята по инициативе И.И.Петрункевича на рубеже 1870—1880-х годов. Один из будущих отцов-основателей конституционно-демократической партии, И.И.Петрункевич изложил свои взгляды в брошюре «Ближайшие задачи земства», за издание которой был арестован. Сам Петрункевич вспоминал: «Эта неспособность самодержавия честно выполнять принятые им перед народом обязательства и привела меня к убеждению, что только Учредительное собрание может оберечь страну от таких обещаний, которые гораздо легче берутся назад, чем даются»⁸.

Конституционные проекты, вышедшие из либеральной среды, различались степенью их радикализма, содержали подчас идею учредительной власти народа в нарочито завуалированной, отдающей дань национальной традиции форме созыва Земского собора. Другое разноречие касалось источника его созыва — октроированного царской властью, то есть сверху, или снизу, под широким общественным давлением.

В сознании российского общества созыв Учредительного собрания ассоциировался прежде всего с введением конституционного строя, и потому попытки историков жестко разграничить способы его достижения на революционные и реформистские не всегда корректны, особенно с учетом общей эволюции российской государственности. Даже ранний В.И.Ленин в 1890-е годы допускал политическое освобождение России путем созыва Земского собора царским правительством⁹. Такое допущение не кажется абсолютно нереальным, если вспомнить, что принятие так называемого конституционного проекта М.Т.Лорис-Меликова, который, действительно, мог стать шагом к конституции, было сорвано скорее революционерами, убившими 1 марта 1881 г. царя-реформатора Александра II, чем реакционерами из высшей бюрократии. Естественно, побудительные мотивы к достижению самой идеи у революционеров и либералов не могли совпадать: у первых доминировала цель разрушения существующего государственного строя, у вторых — права личности, переход к правовому государству на бессословно-представительной основе, для одних это была самоцель, для других — всего лишь средство.

Из этого следует, что идея Учредительного собрания приобрела в России более широкий и емкий, чем на Западе, смысл, не только политический, но и социально-философский. В то же время она оставалась элитарной идеей из-за глубокого разрыва в уровнях, возможно, и в типе политической культуры сравнительно тонкого образованного, интеллектуального слоя общества и толщи социальных низов. Она стала как бы ментальным свойством российской радикально-либеральной интеллигенции, ее своеобразной «Синей Птицей», обобщенным

выражением таких ее качеств, как «небуржуазность», неприятие самодержавно-бюрократического и полицейского произвола (министр внутренних дел В.К.Плеве определял образ поведения интеллигенции именно как постоянное дискредитирование власти и церкви¹⁰), традиционное народолюбие, включавшее и комплекс собственной вины перед народом за его придавленное состояние. Полное отсутствие до 1905 г. начал представительной демократии, с одной стороны, приобщение к политической жизни все более широких слоев маргинализованного в ходе ускоренной буржуазной эволюции населения, с другой, создавали романтически возвышенный, идеализированный образ Учредительного собрания, способного разом разрешить все общественные конфликты, содействовали его популяризации.

Вот как писал об этом в начале века известный юрист-государствовед (будущий теоретик большевистской «законности») М.А.Рейснер: «Учредительная власть является тем строителем, который тяжелый гранит народной мощи превращает в светлый и стройный храм народной свободы»¹¹. В такой постановке идея Учредительного собрания утрачивала конкретность, соотношенность с реальной жизнью, обретая хилиастические мотивы с неперемными в этом случае абсолютизацией цели, верой в возможность достижения «царства справедливости» и «земного рая», максимализмом средств. Подобное ее восприятие массовым сознанием становилось столь же естественным и неизбежным в России, насколько неприемлемым для западного рационально-индивидуалистического менталитета.

Знаменательно, что и сама российская автократия невольно служила распространению идеи: проводя реформы, она как бы оживляла конституционные настроения и ожидания, преследуя всякое вольномыслие, в том числе идею Учредительного собрания, она усиливала его романтический ореол мученичества и жертвенности. Как писала одна из газет в 1917 г., «история борьбы за Учредительное собрание — это Голгофа подвижничества»¹². Примечательно, что с этой историей борьбы современники связывали и тех деятелей «освободительного движения», которые в своих преобразовательных помыслах прямо такую идею не выдвигали (Н.И.Новиков и А.Н.Радищев), а то и просто отвергали, как П.И.Пестель¹³.

Вступление на престол Николая II вызвало новую волну конституционных требований. Они не отличались четкостью, но упоминали созыв народных представителей для обсуждения и решения государственных дел. В них весьма расплывчато звучал, а то и вовсе отсутствовал критерий того, должен ли это быть орган совещательный или законодательный. Однако со-

гласимся с теми исследователями, кто считают, что на практике очень трудно между ними провести грань. Со времени созыва Генеральных штатов Людовиком XVI сторонники абсолютизма осознали легкость, с которой первое переходило во второе¹⁴, и потому самодержавие так жестко реагировало на эти пожелания. Отметим лишь, что и в столь мягкой форме идея созыва народного представительства распространялась все шире, трансформируясь в идею всенародной учредительной власти.

К началу XX века противоречия и деформации общественно-исторического развития России особенно обострились. В этих условиях идея революции стала заразительной, психологическая готовность целых социальных слоев (рабочие, крестьяне, радикальная интеллигенция) к силовому разрешению «своих» проблем при неспособности власти к подлинному реформаторству как осознанной и продуманной политике делала обстановку в стране взрывоопасной. Соответственной идеей Учредительного собрания объективно стала идеей полного обновления России, ее приобщения к благам мировой цивилизации через разрешение таких проблем внутринационального развития, как политическая демократия, индустриальный и культурно-образовательный прогресс и пр. Любая интерпретация этой идеи в обстановке обострявшейся потребности в глубоких общественных преобразованиях принимала, по условиям России, радикализированный облик по мере соприкосновения с массовым общественным сознанием. Одновременно, благодаря своей сугубо идеологизированной форме, она не могла выступать иначе, как в иллюзорном виде.

Главным носителем этой идеи была быстро растущая демократическая интеллигенция, объединенная не столько общностью материальных интересов, сколько сходством духовных запросов и политических идеалов. «Народолюбие» стало ее нравственным императивом, вектором настроений — идея Учредительного собрания, трактуемого как альтернатива господствующему государственному и общественному порядку. При этом и революционеры и либералы были равно убеждены в том, что лучше самого народа знают, что ему нужно и как ему жить. Из этого следовало, что идея Учредительного собрания оценивалась ими как возможность самореализации, народ же оставался объектом их социальной практики, какое бы важное место ему ни отводили они в своих теоретических построениях. Иначе говоря, социальные и политические мотивы во взглядах интеллигенции настолько тесно переплетались с нравственными, что зачастую образовывали новое и далеко не бесспорное единство. Но дело еще было и в том, что в России идеи, владевшие интеллигентскими умами, становились божественным откровени-

ем, наделялись мыслимыми и немыслимыми добродетелями, любое отступление от них расценивалось как предательство прогресса¹⁵. Поэтому вся политическая жизнь России начала XX века прошла под знаком распространения идеи народного представительства в ее различных формах, среди которых ведущим было Учредительное собрание.

Общедоступность, а с нею и широкую популярность идее Учредительного собрания придала первая российская революция. Этому благоприятствовало объективное совпадение двух одновременных процессов: с одной стороны, усиление вертикальной социальной мобильности населения и маргинализации общества, создавшее питательную среду для роста антиправительственных настроений, с другой — интенсивное партийно-политическое оформление общества, его «партизация». Первыми, как известно, в России возникли революционные, социалистические партии, взявшие эту идею на вооружение и превратившие ее в лозунг массовой борьбы. Сама идея Учредительного собрания была теперь четко сформулирована и обоснована теоретически в программных документах, пропагандировалась в партийных изданиях, сохраняя, тем не менее, свое прежнее качество. Складывалось отождествление успехов западной цивилизации с фактом революций и созыва учредительных собраний, что, конечно, было справедливо лишь отчасти, ибо на Западе это был плод длительного исторического развития, в отличие от России.

Господство авторитарного режима в России, неразвитость демократических институтов объясняет особое место «государствования» в программатике политических партий. Первыми внесли в свою программу лозунг Учредительного собрания социал-демократы на II съезде РСДРП в 1903 г. Их программ-минимум требовала «низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом»¹⁶, которое обеспечит последовательное осуществление принципов демократической республики, политических свобод, широкого местного самоуправления и других демократических требований. Раскол социал-демократии в вопросах стратегии и тактики революции, в организационно-партийных делах на большевиков и меньшевиков выявил и разногласия между ними во взглядах на Учредительное собрание и его задачи. Для большевиков оно как бы выросло из восстания народа, чтобы стать промежуточной станцией на пути к будущей диктатуре пролетариата. В ноябре 1905 г. В.И. Ленин писал: «Чтобы окончательно смести остатки старых крепостнических учреждений самодержавной России, нельзя себе представить иного цельного и последовательного пути, кроме созыва всенародного Учредительного собрания»¹⁷. Меньшевики же не исключали его

созыва в парламентском, так сказать, варианте, под общественным давлением снизу. Но главное было в том, что, с их точки зрения, Учредительное собрание завершит цикл революционного развития страны и откроет эпоху длительного эволюционного самодвижения общества, пока оно не «созреет» для социализма.

Если для марксизма как продукта западной политической культуры обращение к идее Учредительного собрания было логичным и естественным, то у другого борца против самодержавия — партии социалистов-революционеров — эта идея имела традиционную, крестьянско-общинную оболочку. Программа ПСР была официально принята в январе 1906 г. на I съезде партии. В ней эсеры заявляли, что прямую революционную борьбу против царизма будут соединять с агитацией за созыв Земского собора (Учредительного собрания), свободно избранного всем народом без различия пола, сословия, национальности и религии «для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков в духе установления свободного народного правления»¹⁸. Его созыв они выдвигали и как условие прекращения своих террористических акций против представителей администрации.

Отличавший эсеров революционный романтизм наглядно проявился в том, что созыв Учредительного собрания они возвели в абсолют, как непосредственное и полное торжество народовластия. Отколовшиеся от них в 1906 г. эсеры-максималисты пошли еще дальше: с демократически избранным Учредительным собранием они связывали введение в стране трудовой республики и полной социализации общества, то есть обращения во всенародное достояние земли, фабрик и заводов¹⁹.

Требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права было выставлено также в программах Бунда, еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион», латышской социал-демократической рабочей партии, Революционной украинской партии, других социалистических партий и движений, если и не в буквальном виде, то по общему смыслу²⁰.

Роль буфера в социальных и политических конфликтах российского общества начала XX века играл либерализм. Именно на стыке веков в нем происходили знаменательные сдвиги. Старый, земско-дворянской закваски либерализм теснился новым, разночинно-интеллигентским. В либерализме усиливались конституционалисты, считавшие образцом парламентский строй Западной Европы. Вместе с тем он исходил из убеждения, что в России все политические перемены должны совершаться в ходе мирной плавной эволюции, во избежание «бунта,

бессмысленного и беспощадного», со стороны черни. А это неизбежно предполагало поиски компромисса с монархией. Общая политическая платформа русского либерализма изложена в первом номере журнала «Освобождение», вышедшем в Штутгарте еще в 1902 г. В заявлении «От русских конституционалистов» содержались требования демократических свобод и бессословного народного представительства с правами высшего контроля, законодательства и утверждения государственного бюджета. Однако подчеркивалось, что конституционалисты не будут «искать выход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе»²¹. Автором заявления был П.Н. Милюков, в ту пору уже известный историк, совмещавший университетскую кафедру с политической трибуной. Как и большинство его сподвижников, Милюков считал наиболее приемлемым для России историческим примером Англию с ее монархической формой правления при сильном, полномочном парламенте.

На этой политической платформе организационно оформились в 1903 г. Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов. Правда, сами либеральные радикалы не шли дальше встроения в политическую систему России выборного законодательного органа с правами бюджетного и административного контроля. Но уже в ходе проведенной Союзом освобождения «банкетной кампании» 1904 г. (пропагандистской акции в поддержку конституционных требований опять же по образцу Франции 1848 г.) требование это радикализировалось, вылившись в открытое выдвижение лозунга Учредительного собрания²².

В разгар революции, в июле 1905 г., Всероссийский земский съезд принял проект, согласно которому предлагалось создание Государственной думы как инструмента политических реформ и контроля за монархической властью²³. Либерально-демократическая модель преобразований учитывала опыт западных демократий и национальные российские традиции.

Либеральное движение, как это следует из самого термина, всегда многолико. После Манифеста 17 октября 1905 г., которым декларировался ряд свобод и учреждалась законодательная Государственная дума, различные либеральные течения стали быстро оформляться в политические партии. Немногие из них задержались на исторической сцене, но среди них были две самые крупные, конституционные демократы и Союз 17 октября, — олицетворявшие левый и правый фланги либерализма. Раскол оппозиционных сил проявился и в толковании требования Учредительного собрания. Съезд конституционно-демократической партии уже 18 октября 1905 г. выразил неудовле-

творенность царским манифестом и объявил задачей партии достижение Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, «причем реформированная, в силу Манифеста 17-го октября, государственная дума может служить для партии лишь одним из средств на пути к осуществлению той же цели»²⁴. Добившись затем весьма влиятельных позиций в I Государственной думе и уверовав в то, что Россия уже вступила на конституционный путь развития, кадеты охладели к лозунгу Учредительного собрания и в 1906 г. сняли его. Став партией легальной оппозиции, они избрали и иной путь продвижения к правовому государству европейского вида: расширение законодательных прав Думы, создание ответственного перед нею правительства, проведение широкой программы социальных реформ.

Что касается партии октябристов, то она заявила, что со времени Манифеста 17 октября «народ наш становится политически свободным, наше государство — правовым государством»²⁵. Признавая незыблемым для России принцип конституционной монархии, октябристы решительно отвергли идею созыва суверенного Учредительного собрания, которое отдалит столь желанный час успокоения страны и «заключает в себе полный разрыв связи с прошедшим, поведет к пересмотру таких начал нашего политического и общественного быта, кои не могут быть поколеблены без тяжелого революционного потрясения всей страны»²⁶.

Либералы, не связывавшие себя теоретическими догмами, уже тогда, несомненно, понимали, насколько опасным и обоюдоострым политическим оружием может оказаться лозунг созыва Учредительного собрания в случае его практической реализации. Соединение этого лозунга с другим — всеобщего избирательного права — придавало ему законченный революционный смысл. Само вовлечение широких необразованных масс в процесс принятия ответственных политических решений (через систему всеобщих выборов) было чревато непредсказуемыми последствиями для страны. Революционная идея замены царского самодержавия «самодержавием народа» пугала их как возможным торжеством левого экстремизма, так и скрытой в ней угрозой сохранить государственное принуждение, лишь видоизменив его, утвердить силу над правом. Б.А.Кистяковский писал, в частности, П.Б.Струве еще в 1903 г. о том, что результатом деятельности социал-демократов будет замена «самовласти Романова "Божией милостию" самовластием Ленина во имя самодержавия народа»²⁷.

Отсюда и стремление в противовес гипотетическому Учредительному собранию как форме всенародного представитель-

ства возвысить роль Государственной думы, расширив ее парламентские функции и реформаторскую деятельность. Отсюда и растущий скептицизм в отношении всеобщего избирательного права населения. Само по себе оно никогда не было достаточной гарантией стабильного демократического развития. Западные демократии продвигались ко всеобщей подаче голосов долго и постепенно, в России «прыжок» к такой демократии обещал неясные последствия²⁸. Так, Партия мирного обновления, возникшая летом 1906 г. на стыке между кадетами и октябристами (П.А.Гейден, Д.Н.Шипов, Е.Н.Трубецкой, М.А.Стахович и др.), признав справедливость этого права в принципе, констатировала, что немедленное осуществление его в полном объеме может дать результаты, не отвечающие цели истинного народного представительства²⁹. Как бы то ни было, с отходом либералов от лозунга Учредительного собрания он переходил в монопольное обладание социалистов и все более связывался в массовом политическом сознании с социалистическим общественным идеалом.

Показательно, что некоторые партии традиционалистского типа, отвергая Учредительное собрание, считали нужным фиксировать свое отношение к нему в программных документах, как это сделала, например, правомонархическая Всероссийская Отечественная партия. Одной из своих задач она указала «противодействие созыву Учредительного собрания и другим революционным актам, поддерживающим смуту»³⁰.

Особенностью российского политического процесса было большое число партий, их дифференциация, дробление, многообразие оттенков даже внутри основных направлений. Это наглядно проявилось в вопросе о созыве Учредительного собрания, который в обстановке прогрессирующего кризиса власти и копившегося массового социального недовольства стал вопросом текущей политической борьбы и вызвал острые межпартийные разногласия о путях создания и задачах учредительной власти. Обычно принятые при этом критерии радикализма нуждаются, на наш взгляд, в коррективах, ибо перспективы общественного прогресса России зависели не только от того, как далеко она продвинется по пути революции, но и в меньшей степени от того, по какому типу цивилизационного развития она пойдет. На вестернизацию, на образцы западной демократии и реформистские методы их достижения ориентировались не только либеральные круги, но и те социал-демократы, которые сознавали необходимость развития правового общества как базы будущего социализма. Поэтому меньшевики по своей ментальности были ближе к кадетам, чем к единомышленникам по марксистскому вероучению — большевикам. Последних, в свою очередь, сближало с эсерами и другими «почвен-

никами» стремление утилизировать историческую самобытность России, прежде всего ее особый, отличный от западного, тип политической культуры населения, стихийно-разрушительный по преимуществу (западнически-марксистская фразеология большевизма сути дела не меняет). Тем самым возникали неожиданные политические расклады сил и блоки.

Общность ближайшей политической задачи леворадикальных сил — свержение самодержавия насильственным путем — обусловила и некое единство их взглядов на то, каким должно быть Учредительное собрание как подлинный глас народа. Для этого оно должно было, во-первых, избираться на основе всеобщего избирательного права, во-вторых, быть суверенным. Это значило, что «русское Учредительное собрание не может быть ограничено никем — оно должно себя ограничить само»³¹. В таком революционном толковании Учредительного собрания явственно ощущается, однако, противоречие между внешним преклонением перед «общенародной волей» и требованием демократической республики, то есть этой «воле» заведомо предписывалось строго определенное решение. Это был явный источник будущих коллизий.

Лозунг немедленного созыва Всероссийского Учредительного собрания разделялся многочисленными возникшими в 1905 г. общественными союзами и организациями, объединявшими в своих рядах демократически настроенные элементы общества (журналисты, адвокаты, врачи, инженеры, почтово-телеграфные служащие, Всероссийский Крестьянский союз и др.). На всю страну прозвучал призыв «социалиста вне партий» лейтенанта П.П.Шмидта. Возглавив восстание на крейсере «Очаков», он 15 ноября 1905 г. послал царю следующую телеграмму: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам. Командующий флотом гражданин Шмидт»³². Превращение популярной идеи в лозунг массового движения в 1905 г. существенно меняло ее качество. С одной стороны, выдвигавшие это требование партии становились своего рода заложниками этой идеи, с другой стороны, сакрализация идеи Всероссийского Учредительного собрания массовым общественным сознанием как бы давала санкцию ее рядовым поборникам на любые самочинные действия во имя достижения этой цели или, еще чаще, под этим предлогом. Так, видный большевик А.К.Воронский вспоминал, как в марте 1905 г. учащиеся Тамбовской духовной семинарии, где он учился, учинили погром в учебном заведении с криками: «Да здравствует Учредительное собрание!» Мемуарист не мог скрыть охватившего его при этом

смешанного чувства упоительного восторга, бешенства, ужаса разрушения — «и было в этом разрешающее облегчение»³³.

В самом деле, идея всевластия Учредительного собрания, «овладевая массами», соединялась в их сознании с мистическим ожиданием едва ли не мгновенного, чудесного разрешения всех общественных противоречий, в свою очередь, побуждая своих массовых адептов к немедленным действиям. Это отличало российский вариант от западноевропейского ее аналога³⁴. Однако такое «идолопоклонство» в соответствии с законами социальной психологии влечет за собой и полное разочарование в своем кумире и равнодушие к нему, если он почему-либо не оправдывает всех связанных с ним надежд. И.В.Гессен, обозревая судьбу Всероссийского Учредительного собрания, писал о 1905 году: «Не тогда ли было уже predetermined опозорение Учредительного собрания, которое, родившись, наконец, в крови и тяжких муках, сразу получило презрительную кличку "учредилка", мановением руки Ленина было задушено и выброшено на свалку истории»³⁵.

Как писал М.Горький в «Несвоевременных мыслях», «лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания, политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови»³⁶. Пафос этих строк легко объяснить тем, что написаны они всего несколько дней спустя после разгона большевиками Учредительного собрания и расстрела ими манифестации его сторонников в Петрограде. Конечно, не за отвлеченную идею боролись и жертвовали собой рабочие, а тем более крестьяне, но именно эта идея стала своего рода символом грядущего освобождения России. Учредительное собрание виделось всеми прогрессивными политическими партиями и стоящими за ними народными массами альфой и омегой демократической революции³⁷.

Однако к 1917 г. вполне выявились и некоторые реалии, которые нес в себе феномен Учредительного собрания и которые становились решающими при воплощении этой идеи в жизнь. Обнаружилось, что ее популярность напрямую зависит от характера переживаемого момента, от конкретной политической ситуации, резко усиливаясь в революционную эпоху и заметно ослабевая в условиях политической стабилизации общества. Это наблюдение как бы намекало, что в критическую минуту круг сторонников Учредительного собрания может оказаться вовсе не так широк, как ожидалось. Очевидна была и зависимость этой идеи от интеллектуально-образовательного

уровня мышления разных социальных слоев общества. Насколько свойственна она была индивидуализированному сознанию среднего интеллигента, настолько трудно представить себе отдельного рабочего или мещанина, проникнутого ею. В массовых слоях она была скорее выражением коллективно-бессознательного начала, измеряемого в категориях социальной психологии, чем проявлением политической ментальности. Но и тогда, когда эти слои под влиянием партийных идеологов требовали Учредительного собрания, они видели в нем нечто иное, чем прямое народовластие. Для их этактизированного сознания это все же был орган стоящей над ними власти. Не случайно и в 1905 г. и в 1917 г. именно массы создали Советы как органы прямой демократии, им близкие и понятные.

Немаловажно было и то, что каждая из политических сил, борющихся за созыв Учредительного собрания, в своих расчетах заведомо предписывала ему собственный план общественного переустройства. Между тем внутреннее состояние теоретической разногласицы и политической междоусобицы, в котором пребывала российская революционная демократия, само по себе являлось потенциальным источником серьезных трудностей, если не кризиса, будущего верховного органа. Наконец, тяжелым грузом была утвердившаяся в общественном сознании необходимость избрания его непременно всеобщим и равным голосованием, что крайне усложняло его созыв, более того, могло практически помешать такому созыву.

После первой русской революции лозунг Учредительного собрания утратил актуальность, как бы исчез с политических знамен. Страна вновь стала на путь эволюционного развития, на дорогу мирной модернизации. Однако эта модернизация шла весьма неравномерно, и чем дальше она уходила в экономической сфере, тем нагляднее было отставание политических перемен. Первая мировая война, выразившая глобальный кризис цивилизации, со всей очевидностью обнажила ее противоречия в России, явное несоответствие между существующим государственным строем и потребностями развития страны.

Победа февральской революции 1917 г. и свержение самодержавной власти в корне изменили общеполитическую ситуацию в России. Страна полицейско-бюрократического произвола, где подавляющее большинство населения даже формально было отстранено от участия в государственных делах, в считанные дни стала настолько свободной, насколько это вообще было возможно в условиях военного времени. Возникли благоприятные условия для созыва всенародно избранного Учредительного собрания, для превращения давней мечты передовых

людей России в конкретную политическую задачу текущего момента. Необходимость его созыва диктовалась отсутствием в стране всеми признанной, легитимной власти, которая обладала бы правовым и моральным авторитетом, достаточным для проведения назревших за многие века преобразований во всех сферах жизни.

Как это всегда бывает в истории, вторая русская революция шла неисповедимыми путями, не вписываясь ни в одну из соперничавших на политическом рынке схем. Самодержавный колосс развалился буквально в несколько дней под ударами восставшего народа, не оказав при этом действительно серьезного сопротивления. А вместе с тем отпало и всеобщее представление о том, что Учредительное собрание придет на смену самодержавному правлению, представлению, построенное на аналогии с событиями Великой Французской революции конца XVIII века³⁸. Главная и традиционная задача его была решена — в России фактически установилась демократическая республика с максимумом политической легальности. Созыв же всероссийского народного представительства требовал месяцев, тогда как в стране сложилось крайне сложное и запутанное положение с центральной и местной исполнительной властью. Революция не создала «чистой» либерально-буржуазной власти, не привела и к революционно-демократической диктатуре левых партий.

Видный левоменьшевистский деятель Н.Н.Суханов отмечал, что в дни февральской революции лозунг Учредительного собрания оставался «совершенно в тени»³⁹. Мнение столь авторитетного мемуариста, весьма обстоятельного и точного в деталях, не может быть оставлено без внимания. Но, думается, это лишь «внешняя правда», то есть доступная прямому наблюдению поверхность событий.

По сути же едва ли Суханов прав. Этот лозунг звучал рядом с другими революционными призывами в листовках, выпущенных в дни восстания в Петрограде Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским комитетом большевиков, Межрайонной организацией объединенных социал-демократов, «Инициативной группой» меньшевиков. В Москве Учредительное собрание фигурировало в обращениях эсеров, большевиков к рабочим и солдатам. Уже 28 февраля Московское областное бюро большевиков заявило: «Наша задача — создать Временное революционное правительство для созыва Учредительного собрания»⁴⁰. В первые же дни марта, когда революционная волна достигла провинции, требование созвать Учредительное собрание звучало на митингах и демонстрациях трудящихся в Харькове, Киеве, Саратове, Покрове и других городах. Поднявшиеся про-

тив самодержавной власти массы не забыли, конечно, популярный лозунг 1905 года.

Но было и другое. События февральской революции нарастали лавинообразно, с головокружительной быстротой. В момент, когда царский трон зашатался, а на улицах восставший народ сражался с войсками и полицией, мобилизующую роль играли самые простые и всем понятные призывы, способные увлечь на немедленные действия. Революционные вожаки звали народ не к избирательным урнам, а к оружию, на штурм полицейских участков, тюрем, арсеналов. «Все наши помыслы были прикованы к уличной, грандиозно развертывавшейся борьбе... — вспоминал фактически руководивший тогда питерскими большевиками А.Г.Шляпников. — Вопросы боевой практики отодвинули на задний план все заботы по оформлению движения»⁴¹.

Вопрос об Учредительном собрании незримо витал и под сводами Таврического дворца, где в конце концов решалась в те дни судьба власти в стране. Спонтанное развитие революционных событий определило дворцу место эпицентра политической жизни. Здесь заседала IV Государственная дума, сюда, к широко известному и легальному очагу оппозиции (в Думе в 1915 г. оформился либеральный «Прогрессивный блок», добивавшийся создания «ответственного министерства» или хотя бы «министерства народного доверия»), стекались толпы восставшего народа, в залах и кабинетах Таврического дворца раскладывались различные политические пасьянсы. И чем отчетливее вырисовывался размах революции, тем чаще в кулуарах дворца упоминалось Учредительное собрание.

Впервые такая перспектива обозначилась 27 февраля. Явившиеся на заседание Государственной думы депутаты узнали, что император распустил ее, выразив очевидное нежелание считаться с оппозицией. Думцы растерянно бродили по коридорам, не решаясь ни разойтись по домам, ни открыть заседание, бросив тем самым вызов монаршей воле. В эти часы многие оппозиционеры припоминали исторический прецедент, как в 1789 г. депутаты от третьего сословия Генеральных штатов Франции отказались подчиниться указу короля Людовика XVI о роспуске и, собравшись в гимнастическом зале, объявили себя Национальным собранием страны и поклялись добиться конституции. Этим столкновением парламента с монархией началась тогда революция.

Пример великих французов, памятный по гимназическим учебникам, пугал непредсказуемостью своих последствий. Председатель Думы М.В.Родзянко, по его собственному признанию, не осмелился собрать Думу вопреки царскому указу, ибо «это потребовало бы своим прямым последствием — объ-

явить себя Учредительным собранием»⁴². Вместо этого он объявил частное совещание в Полуциркульном зале дворца, где собралось до 200 думцев. Отдельные левые депутаты (трудовики В.И.Дзюбинский, А.Ф.Керенский, меньшевики Н.С.Чхеидзе, М.И.Скобелев) предлагали провозгласить себя Учредительным собранием, чтобы от имени народа создать новую власть⁴³. В этом же убеждал Родзянко и пришедший в Таврический дворец народный социалист В.И.Чарнолусский⁴⁴. Учитывая реальный ход событий и, в частности, оформляющуюся в недрах революции снизу альтернативную власть в лице Советов, успех такого предприятия представляется маловероятным, даже если бы оно было поддержано другими думцами, но и не исключенным вовсе. Взамен этого был образован Временный комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями. За столь многословным и туманным названием скрывались одновременно и неуверенность учредителей, и неясное желание спасти монархию, хотя бы ценой отречения Николая II.

2 марта в Пскове после телеграфных переговоров с Родзянко и командующими фронтами император отрекся от престола за себя и за своего малолетнего сына Алексея в пользу своего брата Михаила Александровича. Экс-император заповедал ему «править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены»⁴⁵. Такой поворот дела был удобен для поборников конституционной монархии. Во-первых, место подлинного и суверенного, всенародно избранного Учредительного собрания могла занять та же Дума с учредительными полномочиями. Во-вторых, личность нового царя вроде бы исключала возможность возврата к самодержавным порядкам. П.Н.Милюков, как никто другой хлопотавший о сохранении в России короны, позже писал: «Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией для перехода к конституционному строю»⁴⁶. Его ближайший соратник по кадетской партии В.Д.Набоков, хотя и испытывал как юрист сомнения относительно законности прав Михаила Романова на трон, считал, что этим устранен был бы роковой вопрос о созыве Учредительного собрания во время войны⁴⁷.

Однако новоявленный Михаил II стал самым недолговечным в русской истории монархом — его «царствование» длилось около суток. Ненависть народа к старому режиму была такова, что даже говорить вслух о сохранении монархии в те дни было опасно. Да и сам Михаил предпочитал тогда находиться не в своем доме, а на квартире князя Путятина. Именно здесь,

на Миллионной, 12, и он отрекся 3 марта от престола. В манифесте, составленном при участии видных кадетских юристов Б.Э.Нольде и В.Д.Набокова, Михаил соглашался принять власть, «если таковая будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы государства российского». До тех пор он призывал граждан повиноваться Временному правительству⁴⁸.

Итак, последний на троне Романов публично назвал преемником власти Учредительное собрание. Любопытно, сколь разную реакцию вызвало это заявление. Присутствовавший при отречении А.Ф.Керенский пылко благодарил Михаила: «Верьте, Ваше императорское величество, что мы донесем драгоценный сосуд вашей власти до Учредительного собрания, не расплескав из него ни единой капли». Совершенно иначе воспринял это Николай II. Не чувствуя нужды скрывать свои истинные мысли, он записал 4 марта в дневнике: «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой (так называли тогда в политическом просторечье всеобщие, равные, прямые и тайные выборы. — Л.П.) для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость»⁴⁹. Все это приобрело теперь, пожалуй, фарсовый оттенок, но для героев описанных событий было исполнено исторического смысла.

Вернемся, однако, в Таврический дворец, где в те же самые дни и часы проходили главные события. Каждому питерцу было знакомо невысокое строгое здание на Шпалерной улице, желтого цвета, в стиле классицизма, построенное в конце XVIII века архитектором И.Е.Старовым для князя Г.А.Потемкина. («Это пространное и великолепное здание... не из числа обыкновенных», по словам Г.Р.Державина.) Долгое время использовавшееся для разных выставок, оно в 1906 г. было перестроено под резиденцию Государственных дум. Теперь же Таврический стал своего рода символом свободы и даже материализованным воплощением двоевластия в стране: в правом его крыле некоторое время (до переезда в Мариинский дворец) размещалось Временное правительство, в левом — до переезда в Смольный институт 3 августа находился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Даже в этом чувствовалась политическая символика.

Образовавшийся в результате революции вакуум верховной власти в России не мог сохраняться долго. Ее судьба решалась в переговорах Исполкома Петроградского Совета с Временным комитетом Государственной думы. Правосоциалистические советские лидеры, отказываясь от притязаний на власть, готовы

были передать ее либеральному («буржуазному») правительству на определенных условиях. Эти условия из восьми пунктов, наспех записанные на простом клочке писчей бумаги в ходе пленарного заседания Совета, и стали предметом ожесточенных споров в ночь на 2 марта вокруг вопроса о характере государственного строя и программе нового правительства. Делегаты Исполкома Н.Д.Соколов, Н.Н.Суханов, Ю.М.Стеклов, Н.С.Чхеидзе отказались от требования Совета немедленно декретировать демократическую республику в обмен на обязательство думских лидеров не провозглашать монархию до Учредительного собрания.

В разгар переговоров призошел пикантный эпизод, который предал гласности впоследствии Стеклов. Член думского комитета В.В.Шульгин, имевший всероссийскую репутацию ярого монархиста и русского националиста, при упоминании в советских условиях немедленных мер к созыву Учредительного собрания воскликнул: «Если бы мне сказали два дня тому назад, что я выслушаю это требование и не только не буду возражать, но признаю, что другого исхода нет... я назвал бы безумцем того, кто бы это сказал, и себя считал сумасшедшим. Но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования!»⁵⁰. В итоге переговоров одним из обязательств Временного правительства стало непредрешение формы будущего правления до Учредительного собрания. Соответственно пункт 4 правительственной декларации от 3 марта 1917 г. гласил: «Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны»⁵¹.

«Прозрение» В.В.Шульгина знаменательно не внезапной переменой взглядов (до конца жизни он остался монархистом), а как отражение уникальной правовой и политической ситуации тех дней. Она была крайне запутанной. Правительство располагало официальной властью, но было «пленником» Совета, в руках которого была реальная сила в виде массовой поддержки и контроля над армией. Россия перестала быть монархией, но и не стала формально республикой. К тому же отречение Николая II не только за себя, но и за наследника нарушило закон о престолонаследии, и при удобном случае монархисты не преминули бы объявить этот акт недействительным.

Столь же неясным был и вопрос об источнике новой власти. Революционное «правотворчество» масс, свергнувших монархию, создавших Советы, общественные комитеты, фабзавкомы и другие полномочные органы, никак не вписывалось в

Основные законы Российской империи — от Цезаря известно, что оружие и закон не уживаются друг с другом. Но в системе высших институций страны еще сохранялись Государственная дума и Государственный совет, да и само Временное правительство своим рождением было обязано не народной инициативе, а кулуарному компромиссу. Вести свою «родословную» от революционного порыва масс с точки зрения политического момента было модно и выгодно, но в то же время и опасно — это значило признать такое право за «улицей» и впредь. И Временное правительство считало себя формально правопреемником династии, не забывая о своем думском прошлом и не упуская случая подчеркнуть свое революционное происхождение. Как писала 7 марта кадетская «Речь», «революция, почин Думы и переданный старым режимом легальный титул — таковы три источника полноты власти Временного правительства», словно бы не видя несовместимости правовых оснований.

Между тем, по словам первого военного министра Временного правительства А.И.Гучкова, буквально с первых дней своего существования оно ощущало шаткость своего положения именно как нехватку легитимности. Не было санкции народного избрания, не было законодательных учреждений, опирающихся на народную волю. «Итак, Временное правительство висело в воздухе... Получалось впечатление какого-то захвата, самозванства». Сам Гучков видел выход хотя бы в созыве Государственной думы, «все же покоящейся на народном избрании»⁵². Но и это было нереально без полной ее демократизации.

Все эти юридические коллизии могли быть разрешены простым, давно испробованным цивилизованными сообществами способом — созывом учредительного органа. Именно он как выражение воли всего народа должен был дать безупречную легитимацию будущей власти и завершить переход страны на рельсы демократии. В политическом плане это был исторический компромисс, адекватный сложившейся обстановке. Заключенным в ночь на 2 марта соглашением между думскими и советскими лидерами был выработан четкий юридический статус Всероссийского Учредительного собрания. Он включал в себя три принципа: 1. Выборы всеобщим свободным голосованием («общенародная воля»); 2. Решение главных вопросов государственной жизни, в том числе и определение формы правления, есть исключительная прерогатива Учредительного собрания («непредрешение»); 3. Наконец, оно само, и только оно, определит круг и границы своих задач («Хозяин Земли Русской»). Характерно, что ни одна из основных политических сил общества в тот момент не осмелилась открыто возражать против его

созыва, тем более, что каждая из них сохраняла шанс если не на успех в ходе выборов, то на благоприятное для себя изменение общего политического климата в стране. Показательно в этом смысле доверительное сообщение М.В.Родзянко начальнику штаба Ставки генералу М.В.Алексееву: «Решение Учредительного собрания не исключает возможности возвращения династии к власти»⁵³. Несомненно лишь одно: созывом Учредительного собрания предreshалось, что если монархия и будет в России, то будет конституционной, парламентской.

Таким образом, высказанное в сердцах императрицей Александрой Федоровной пожелание, чтобы «две змеи» — Дума и революционеры — отгрызли друг другу головы⁵⁴, не сбылось. Созданное под советским контролем «буржуазное» министерство носило официальное название Временное революционное правительство, что указывало на хронологическую и политическую ограниченность его полномочий. В день его возникновения, 2 марта, «Известия Петроградского Совета» не без доли снисходительности, свойственной хозяину положения, писали, что Временное правительство не имеет права устанавливать никакую постоянную форму правления: оградить народ от козней контрреволюции, помочь ему довести революцию до конца, до созыва Учредительного собрания — вот и все его назначение. Таков был, по сути дела, российский политический *modus vivendi*. Его значение трудно переоценить. Такое решение гарантировало послефевральский демократический режим в стране и на время установило баланс сил, соединив революционные и реформаторские устремления. Оно отчасти обуздывало, хотя и не пресекало, партийные амбиции.

Вместе с тем Временное правительство оказалось в итоге в довольно двусмысленном положении. Официозная советская литература считала, что оно его тонко использовало: издавая законы в пользу помещиков и буржуазии, подчеркивало свое полномочие, пока не созвано Учредительное собрание; напротив, саботируя реформы в интересах трудящихся, ссылались на недопустимость предвосхищения его воли⁵⁵. Если это и так, то верно и другое. Чем далее, тем более обнажалась оборотная сторона переходной формулы «непредрешения», роковая для страны. Правительство не могло свободно распорядиться полученной им властью в целях реформирования страны в той мере, в какой готово было это сделать, не рискуя быть обвиненным, главным образом слева, в посягательстве на права будущего «Хозяина Земли Русской». Отчасти поэтому оно обрекалось на бездействие, на пассивное выжидание Учредительного собрания⁵⁶. В то же время левозкстремистские силы эта формула связывала лишь в той мере, в

какой они признавали за ним окончательную санкцию своих прямых действий.

Одновременно встает и другой вопрос: было ли согласие Временного правительства на созыв суверенного законодательного собрания только тактическим ходом, на чем настаивала та же официозная историография? Ответ должен быть скорее отрицательным. Министры-либералы П.Н.Милюков, Н.В.Некрасов, Г.Е.Львов, А.И.Шингарев и другие были приверженцами идеи правового государства и конституции, и за исключением М.В.Родзянко никто на переговорах не возражал против пункта об Учредительном собрании, вопреки ожиданиям социалистов⁵⁷. Политическое маневрирование в этом вопросе началось значительно позже.

Идея Учредительного собрания, став общегосударственным, общенациональным делом, сразу оказалась в фокусе партийно-политического противоборства. На первый взгляд, овладев общественным сознанием, она должна была принять надпартийный смысл, гарантировав гражданский мир и решение основных государственных проблем. На деле все оказалось иначе⁵⁸.

2. Учредительное собрание в программах и тактике политических партий в 1917 году

Календарная весна 1917 года совпала с бурной политической весной в России. Политизация российского общества напоявила половодье. В короткий срок объявилось несколько десятков партий. Одни из них переживали трудности перехода от нелегалыщины к свободной деятельности, другие — стадию организации и становления, правомонархические партии, напротив, сходили на нет. Другой характерной чертой весеннего политического пейзажа был рост массового активизма и его влияния на жизнь страны с помощью таких средств давления, как многочисленные общественные организации, различного рода публичные акции (демонстрации, митинги, забастовки и др.), наконец, вооруженная сила втягивавшихся в политику миллионов солдат.

В сложной и изменчивой конфигурации сил в России от марта к октябрю 1917 г. просматривается своеобразное троецетрие: либералы во главе с кадетами, блок умеренных социалистов — эсеров и меньшевиков, большевики. Их взаимодействием определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные более мелкие и промежуточные партии. Всякое сравнение страдает, но уместнее сравнить эту конфигурацию с параллело-

граммом сил, вектор которого часто менялся, чем с равнобедренным треугольником. И сами партии являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации.

Вопрос о власти разрешился в результате февральской революции так, как не предполагала того ни одна партийная доктрина. Поэтому все ведущие политические партии вынуждены были пересматривать, а то и вовсе менять свою стратегию и тактику, приспособляя их к новым условиям и обстановке. Какую роль при этом они отводили Учредительному собранию? Какую линию в отношении его намечали? Не ответив на эти вопросы, нельзя понять историю самого Учредительного собрания.

Первые заявления на этот счет оставляют впечатление совпадения и единодушия, что вполне отвечало стихийно сложившемуся единству антицаристских, антиправительственных сил в ходе февральской революции.

Первым публичным актом большевиков был Манифест бюро ЦК «Ко всем гражданам России» от 27 февраля. Призывая к созданию Временного революционного правительства, манифест в числе его задач указывал созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Этот документ, как и ряд ему подобных, вышедших из недр леворадикальных кругов, свидетельствует о том, что большевики связывали с Учредительным собранием закрепление революционных завоеваний и установление демократической республики, то есть в духе традиционной социал-демократической программы-минимум, считая, что эта форма власти наилучшим образом обеспечит интересы народа и будущую борьбу за социализм. Это была вполне «проучредительская» позиция. В Московском Совете, например, в те дни В.А.Аванесов и В.П.Ногин почти в одинаковых выражениях говорили о том, что все силы надо направить на борьбу за созыв Учредительного собрания и установление демократической республики, которая и осуществит требования пролетариата⁵⁹. И Аванесов, и Ногин были в рядах партии с ее основания, имели хорошую теоретическую выучку, и потому их упования на Учредительное собрание не могли быть случайны, а общий примирительный тон их речей диссонировал с налетом партийной риторики. Вряд ли Л.Д.Троцкий был неправ, когда впоследствии, критикуя умеренных большевиков, в том числе Ногина, припоминал им, что под завершением демократической революции они подразумевали проведение реформ через Учредительное собрание, в коем большевикам отводилась роль левого фланга⁶⁰. В самом деле, наиболее «социалистического», наиболее «антибуржуазного» решения

назревших общественных проблем они могли ожидать скорее от него, чем от Временного правительства.

Впрочем, эту позицию большевиков можно объяснить не только доктринально, но и психологически. По словам одного из них, Н.Ангарского, «в те дни все находились в состоянии некоего революционного угара, всеобщего ликования. Классовые противоречия еще не успели обнаружиться. "Клятвой времени" для социалистов были лозунги: Учредительное собрание, демократическая республика»⁶¹.

Но большевистский максимализм уже и тогда не мирился с пассивным следованием в русле событий — большевики были против терпеливого ожидания Учредительного собрания, стремясь продвинуть революцию как можно дальше. 5 марта «Правда» в передовой статье призвала трудящихся немедленно вводить 8-часовой рабочий день, конфисковывать земли помещиков, явочным, захватным порядком проводить другие меры. В большевистской прессе звучали предостережения против того, будто народовластие можно установить посредством простого голосования. «Надо отказаться от подобных конституционных иллюзий, — говорилось в московском «Социал-демократе» от 18 марта. — **Полное народовластие на местах должно быть осуществлено до Учредительного собрания.** Должны быть созданы новые органы новой жизни... Учредительное собрание лишь утвердит новый порядок, освятит его и достроит верхушки нового здания, имя которому Демократическая Республика».

По-видимому, вопрос о роли и месте Учредительного собрания в революции в марте 1917 г. не был до конца ясен и для самого В.И.Ленина, оторванного в своем швейцарском «далеке» от России и питавшегося скудной газетной информацией. Безраздельно владевшая им идея классового сознания не вязалась с общенародной волей и ее воплощением в учредительной власти — нетрудно было предвидеть, кого изберет крестьянская Россия. Придя к выводу о том, что демократическая революция в основном завершена и в стране назревает новая революция пролетариата против буржуазной власти, Ленин обязан был пересмотреть и свое отношение к лозунгу Учредительного собрания. При этом он исходил из того, что эпоха буржуазного парламентаризма завершилась, а революционные события в России являются прологом мировой социалистической революции. В ленинской схеме развития событий («Прощальное письмо к швейцарским рабочим») не нашлось места Учредительному собранию, но он считал при определенных условиях возможным использовать его в интересах социалистической революции, как он ее понимал⁶².

Свое принципиальное отношение к данному вопросу Ленин высказал со всей определенностью, едва ступив на камни Петрограда, 4 апреля: «Жизнь и революция отводят Учредительное собрание на задний план»⁶³. С тех пор оно занимало в политической стратегии Ленина подчиненное место. До лета 1917 г. он упоминал о нем лишь в связи с тем, что Временное правительство затягивало назначение выборов. С ростом силы и влияния Советов нарастало и неприятие им парламентаризма как буржуазной формы государственности: «Советы выше всяких парламентов, всяких Учредительных собраний»⁶⁴.

Но, как непревзойденный тактик, Ленин не упускал из виду таких зигзагов революции, при которых Учредительное собрание могло быть полезно большевикам. Поэтому он резко отвергал упреки в свой адрес, будто он против скорейшего его созыва⁶⁵. Ленин не исключал еще некоторое время того, что оно, если будет созвано достаточно скоро, станет своеобразным российским Конвентом, санкционировав передачу власти Советам. Или того, что Всероссийский съезд Советов «народ сделает Учредительным собранием»⁶⁶. Такие варианты «комбинированного типа» (Учредительное собрание плюс республика Советов) представлялись ему маловероятными, но к ним следовало быть готовыми. Не лишено смысла мнение М.В.Вишняка о том, что Ленин не задумался бы предпочесть и Учредительное собрание Советам, если бы в этом была польза для его партии⁶⁷. Во всяком случае тактические соображения для него значили не меньше, а чаще всего больше, чем теоретические.

Вместе с тем Ленин понимал богатейшие агитационные возможности подготовки к созыву Учредительного собрания и ориентировал свою партию на полное их использование для дискредитации правительства и своих политических соперников, для пропаганды большевизма. Отсюда и очевидная противоречивость многих его оценок и высказываний, за которыми следует видеть особенности обстановки, в которой они сделаны.

Ленинская формула немедленного перехода к социалистической революции породила острую дискуссию в набиравшей силы партии на VII конференции РСДРП(б) в конце апреля. Выдвижение лозунга передачи всей власти Советам в глазах многих делегатов обесмысливало саму идею Учредительного собрания. Главный оппонент Ленина Л.Б.Каменев доказывал, что демократическая революция не закончена и такие институты буржуазной демократии, как парламентская республика и Учредительное собрание, не исчерпали своих исторических возможностей. В.П.Ногин предостерегал: «И крестьянство, и пролетариат — все ждут Учредительного собрания. Мы не

должны выкидывать этого лозунга и выдвигать новый, непонятный». С.Я.Багдатьяев, П.Г.Смидович высказали предположение, что Учредительное собрание может состояться раньше, чем власть перейдет к Советам, и к этому надо быть готовыми. Несмотря на столь разнообразные аргументы, конференция окончательно низвергла эту идею с ее социал-демократического пьедестала. В резолюции по текущему моменту говорилось, правда, в достаточно общей форме, что только неустанная работа по прояснению классового сознания трудящихся обеспечит успешный переход всей государственной власти в руки Советов «или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т.д.)»⁶⁸. Если в этом документе Учредительное собрание хотя бы глухо упоминалось большевиками, то в «Материалах по пересмотру партийной программы» Ленин вовсе обошел его⁶⁹.

Авторитет и воля Ленина, его жесткий курс на углубление социальной и политической конфронтации, на полное идейно-организационное размежевание с социалистами-оборонцами, поощрение прямых действий снизу стали определяющими в отношении партии к Учредительному собранию. Но это не значит, что оппозиция в этом вопросе была полностью устранена. Заново формировавшаяся партийная структура в 1917 году еще не обрела того централизма и окостенелости, как впоследствии, а решения партийного аппарата еще не обладали непререкаемой силой. Жизнь рядовых большевиков во многом определялась местными условиями, и центр не лишал их свободы маневра. То, что у многих из них не выработалось предубеждения против Учредительного собрания, обернулось существенным плюсом для партии в ходе выборов.

Большевики не разделяли в целом официально принятого принципа «непредрешенства». «Итак, не будем ждать у моря погоды, — призывала одна из их газет. — Не возложим надежд только на Учредительное собрание. Будем брать позицию за позицией, чтобы обезвредить реакцию»⁷⁰. Такая гибкая, эластичная тактика, основанная на стремлении максимально использовать обстоятельства и настроения масс, немало послужила популярности большевизма. Но объективно она умаляла суверенность будущего верховного органа страны и вызывала заслуженные обвинения в двусмысленности и неискренности. Впрочем, подобные упреки скорее следовало адресовать диалектической природе самой революции.

В целом же представляются надуманными и провиденциальными попытки приписать большевикам наличие наперед детально просчитанного плана действий в отношении Учредительного собрания. Трудно согласиться с меньшевистским пуб-

лицистом Б.Горевым, будто с самого приезда Ленина большевики «предприняли скрытый, замаскированный, но вполне определенный поход против Учредительного собрания»⁷¹. Такие суждения не учитывают ни изменчивости политической ситуации, ни эволюции самого большевизма, одним из конкурентных свойств которого в ту пору была способность удерживать в себе чуждые партийной ортодоксии элементы. Теоретически, исходя из марксистского подхода к социальной жизни, большевики не верили в общественную гармонию, достигнутую посредством Учредительного собрания. Но в связи с тем, что с созывом его осенью 1917 года соединялись конкретные ожидания земли, мира, наконец, надежды на гражданский компромисс в стране, среди них было немало его сторонников.

Две другие крупные социалистические партии — эсеры и меньшевики, занявшие после февраля срединное место в политическом спектре, сохраняли верность лозунгу Учредительного собрания. Это не означало, что их программные установки не претерпели изменений, особенно у эсеров, отказавшихся от мысли, будто свержение монархии откроет дорогу социализму через уравнильный передел земли. Обе партии образовали политический блок, идейную базу которого составила меньшевистская концепция незрелости России для социализма и необходимости растянуть этап буржуазной демократии.

Поддержка Всероссийского Учредительного собрания была одной из скреп правосоциалистического блока, и сами они много послужили его популярности. Меньшевики могли, например, гордиться тем, что именно их представители настояли на включении этого лозунга в программу новообразованного Временного правительства. Эсеры со всей настойчивостью пропагандировали Учредительное собрание, и это тем важнее, что по существу в их руках было большинство советских газет того времени.

Вместе с тем меньшевики питали сложные чувства к будущему детищу революции. С одной стороны, они полагали недопустимым для социалистов брать власть в неготовой к этому стране. Их не отвращал парламентаризм, они не боялись откровенно сказать: строй, который создаст Учредительное собрание, не будет нашим строем, новая власть, которую оно учредит, не будет нашей властью⁷². Другая провинциальная газета, отражая взгляды меньшевиков, писала: «Поскольку революция не является социалистической, ее задачи в полной мере способно осуществить Учредительное собрание, в котором преобладает крестьянство и городская мелкая буржуазия»⁷³. Оно должно было, по мысли меньшевиков, предложить всеобщий справедливый мир, дать крестьянам землю, обуздать анархию и контрреволюцию. В чисто партийном смысле под-

готовка к выборам должна была установить связи партии с пролетарскими массами и примыкавшими к ним общественными элементами.

Однако, будучи правоверными марксистами, меньшевики не позволяли себя обаять гипнозом «общенародной воли». Они испытывали сильные опасения относительно своей будущей роли в законодательной ассамблее, понимая, что крестьянство пойдет не за ними. Центральный орган меньшевиков-оборонцев «Рабочая газета» 14 марта предрекла даже возможность того, что голосами крестьян будет восстановлена монархия и дело народной свободы будет наполовину проиграно. Бакинский «Социал-демократ» предупреждал, что и Учредительное собрание не дает гарантий стабильности: вчера избиратели отдали свои симпатии эсерам и меньшевикам, сегодня — большевикам, а завтра — каким-нибудь другим сладкоречивым знаменосцам⁷⁴.

Нельзя отрицать, что иные мрачные пророчества меньшевиков сбылись полностью или частично. Они считали опасными социалистические эксперименты в крестьянской России, напоминая, в частности, что сроки социалистической революции не раз уже назначались в прошлом, но эти предсказания были ложными — «капитализм оказался гораздо более эластичным и гибким, чем это предполагали основоположники научного социализма»⁷⁵. Меньшевики предостерегали большевиков против захвата власти, так как в этом случае им часто придется прибегать к насилью, ущемляя свободу и демократию. Опасения, будто Временное правительство сорвет выборы, они отметили, ссылаясь на бдительный контроль со стороны организованной демократии.

Таким образом, для меньшевиков Учредительное собрание было стартом в длительное плавание России в социалистическую гавань через долгий прогресс производства, культуры, сознания, социальной защиты трудящихся. Сами по себе взгляды эволюционного социализма не вызывают ныне тотального неприятия, но вопрос в том, насколько они соотносились с бурным характером переживаемой Россией в 1917 году эпохи. По словам эсера А.Н.Баха, для меньшевиков правоверный марксизм был «подушкой лени», на которой покоились их головы в ожидании естественно-исторического пришествия социалистического строя⁷⁶. Меньшевики предлагали народу терпеливо ждать Учредительного собрания, остерегая его от самочинных действий. Возражали они и против притязаний Советов на государственную роль, видя в них только общественные организации временного типа.

Возраставшее, по закону всякой революции, давление политических флангов на эсеров-меньшевицкий центр, усиливало

и упования меньшевиков на Учредительное собрание, особенно после июльских событий, в которых они видели проявление большевистского экстремизма и попытку захвата власти. Меньшевики все более нервничали, опасаясь новых вспышек анархии и пытаясь до созыва Учредительного собрания удержать локомотив революции на демократическом пути.

Меньшевизм в 1917 году был представлен рядом течений, обособленных даже организационно. На крайнем правом фланге особняком стояло плехановское «Единство», заметное главным образом авторитетом своего вождя, совмещавшее самый строгий марксизм с лояльностью к либерализму. Наиболее влиятельны в партии были центристы, возглавляемые Ф.И.Даном, И.Г.Церетели, Н.С.Чхеидзе. Левое крыло включало в себя интернационалистов от группы Ю.О.Мартова до внефракционных социал-демократов, тяготевших к газете «Новая жизнь». Левые меньшевики контактировали с большевиками, стараясь спасти единство демократических сил, и во многом разделяли их отношение к Учредительному собранию. Об этом выразительно свидетельствуют мемуары Н.Н.Суханова⁷⁷.

В отличие от меньшевиков, отношение эсеров к Учредительному собранию было в 1917 году, как и прежде, овеяно политической романтикой. «Для нас Учредительное собрание, — писал О.С.Минор, — созданное на основе всеобщего избирательного права, представлялось тем фокусом, куда сойдутся лучи истинно народной воли, где, наконец, народ найдет покой, доверив Учредительному собранию свою судьбу... Мы были уверены, что народ понимает взлелеянную нами ценность, что он понимает великий демократический принцип народовластия, своего суверенитета. Мы верили, что крестьянство и пролетариат как единая сила дадут Учредительному собранию устойчивое положение, помогут ему создать, наконец, истинно народную, трудовую власть»⁷⁸. В этом пространным отрывке сплелись и пафос эсеровского народолобия, и утопизм их веры, и масштаб постигшего их затем разочарования.

Впрочем, в реальной жизни тех месяцев было сложно отделить революционную экзальтацию от трезвого политического расчета. Эсеры твердо надеялись получить в Учредительном собрании большинство мест голосами десятков миллионов крестьян и вершить его судьбу. Через него они собирались провести давно обещанную крестьянам социализацию земли.

Но оба взаимосвязанных эсеровских лозунга — Учредительного собрания и передела земли — оказались в глубоком противоречии, которого партийные лидеры не смогли преодолеть. Откладывая радикальную и трудоемкую земельную реформу до Учредительного собрания, они полагали, что его можно созвать не ранее осени, пока крестьяне не управятся с полевыми ра-

ботами. Но такой оттяжки не желали сами мужики. Для успокоения деревни эсерам, которые с мая 1917 г. держали в своих руках пост министра земледелия, пришлось пойти на частичные меры: временное запрещение купли-продажи земли, лесов, организацию земельных комитетов с последующей передачей в их ведение помещичьих имений. Однако меры эти безнадежно опаздывали, социальное напряжение в деревне к осени достигло своего предела, сделав положение правительства совершенно шатким. Эсеры не страдали меньшевистским «синдромом власти», но их нерешительность легче объяснить, чем оправдать: крутой ломкой старых порядков, неподготовленными реформами они боялись еще более дестабилизировать обстановку в стране, десять миллионов граждан которой находились под ружьем, дезорганизовать и фронт и тыл.

На этой почве среди эсеров постепенно усиливалось и оформлялось левое крыло. Оно было за скорейшее решение земельного вопроса, не дожидаясь санкции Учредительного собрания, считая, что закон идет за жизнью, а не наоборот. Не делали левые эсеры культа и из самой ассамблеи, возлагая надежды на Советы как выразителей воли трудовой демократии и, не без влияния большевиков, на победу революции на Западе, которая поможет России начать переход к социализму. Когда Всероссийское Учредительное собрание стало в оппозицию к власти народных комиссаров, левые эсеры во главе с М.А.Спиридоновой и Б.Д.Камковым стали соучастниками его роспуска и по форме и по сути, хотя не все конкретные действия большевиков в этом деле одобряли.

Правый фланг неонародничества занимала Трудовая народно-социалистическая партия, принявшая это название после объединения в июне 1917 г. народных социалистов и трудовиков. Ныне мало кому известная, она была заметной величиной на выборах в Учредительное собрание. Интеллигентская по составу, ТНСП включала в себя многих видных общественных деятелей (А.В.Пешехонов, В.А.Мякотин, В.В.Водовозов, Н.В.Чайковский, А.С.Зарудный и др.), известных благодаря своей активности на ниве науки, права, просвещения, борьбы с голодом, кооперативного движения, публицистики. Сами энесы определяли себя как «партия полного народовластия, постепенной подготовки социалистического строя». Декларируя своей социальной задачей защиту интересов трудящихся масс в их борьбе с эксплуататорами и вместе с тем — подчинение классовых и групповых интересов общенародным, они представляли собой симбиоз либерализма и социализма, что позволяло им критиковать своих кадетских союзников справа за классовый эгоизм, а эсеров — за популизм, заигрывание с массами.

После февральской революции народные социалисты объявили себя приверженцами Учредительного собрания, ибо, как заявил Организационный комитет партии, «только оно правомочно и способно установить в стране порядки, согласные с волей народа»⁷⁹. Их партийные лозунги делали акцент на критике централизма, бюрократизма, за развитие общественно-федеративных начал. «Не человек существует для государства, а государство должно существовать для человека, для удовлетворения его нужд» или «Все для народа, все через народ!» — под этими призывами охотно подпишется современный демократ, но в 1917 году они казались слишком абстрактными, непонятными, далекими от непосредственных чаяний самого народа.

Правосоциалистический блок отличался полифоничностью, в которой звучали мелодии классического, западноевропейского марксизма и самобытного пути России к «крестьянскому социализму». Его фланги были так растянуты, что фактически охватывали не только левых кадетов, но и правых большевиков. Но в этом была и сила эсеро-меньшевистского «кентавра». За ним была поддержка большинства населения страны, влиятельные, если не господствующие, позиции в органах власти и в средствах массовой информации. На этих партиях лежало и основное бремя ответственности за безотлагательный созыв Всероссийского Учредительного собрания, и из всех политических сил лишь они были в нем искренне и до конца заинтересованы.

При всем многообразии социалистического спектра в России было и нечто общее, присущее всем социалистам и формировавшее в итоге их отношение к Учредительному собранию, — безграничная вера в свою теорию, в возможность строить жизнь общества по ее рецептам, а также и то, что именно они лучше всех знают и выражают интересы «народа». Поэтому каждая из этих партий претендовала на то, чтобы говорить от его имени. Реализация этих утопий и неизбежное их крушение грозили многими бедами и этим партиям и самому народу.

После бесплодных попыток сохранить конституционную монархию кадетской партии потребовалась срочная и крутая политическая переориентация. Уже 3 марта ее ЦК решил созвать партийный съезд для обсуждения программы и вопроса об Учредительном собрании. Через неделю расширенное заседание ЦК предложило будущему съезду заменить требование парламентской монархии на демократическую республику. Местные организации его поддержали, и в конце марта VIII съезд Партии народной свободы единогласно (!) высказался за республику. Тогда же была создана комиссия под председательством правоведа М.М.Винавера для проработки вопросов, связанных с созывом Учредительного собрания. Кадетский

ЦК даже предлагал создать особое министерство по делам Учредительного собрания во главе с Ф.Ф.Коккошкиным. По мнению Е.А.Скрипилева, все это было лишь пропагандой, шумихой⁸⁰, рассчитанной на обман народа.

Такая оценка до недавних пор господствовала в нашей историографии, исходящей из того, что кадеты, во-первых, были буржуазной партией, во-вторых, представляли собой штаб российской контрреволюции. И то, и другое ныне нуждаются в существенных коррективах. В 1917 году в руководящих органах Партии народной свободы собственно буржуазные деятели составляли не более $\frac{1}{5}$ их состава, остальные — интеллигенты и чиновники, примерно то же было и в других этажах партии⁸¹. Избранный в мае ЦК состоял в значительной части из профессоров-историков (П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер, А.А.Корнилов, С.Ф.Ольденбург, А.К.Дживилегов), юристов (М.М.Винавер, Ф.Ф.Коккошкин, В.Д.Набоков, В.А.Маклаков и др.). Член ЦК и философ А.Изгоев называл свою партию буржуазной, но не капиталистической, имея в виду ее приверженность общечеловеческим ценностям⁸². Отстаивая принцип неотчуждаемости личных и имущественных прав граждан, кадеты, что вполне естественно, были убежденными противниками революции, с ее громадными издержками в виде анархии, духовных и материальных потерь, возможной гражданской войной с перспективой торжества реакции в итоге. Альтернативным они считали путь реформ и социальных компромиссов, со всей энергией отстаивая этот путь в 1917 г.

Войдя в состав Временного правительства, кадеты стали правящей, «государственной» партией. Но в данном случае они оказались в полном разладе с самими собой, что наглядно проявилось в их отношении к Учредительному собранию. Никто не сделал так много для разработки его статута, как кадетские эксперты, и никто так не тормозил его созыва, как именно министры-кадеты. Признавая в принципе право каждого на участие в делах государства (не все кадеты, впрочем, думали так. В.Маклаков и В.Набоков считали Учредительное собрание в неграмотной стране фарсом⁸³), они зло высмеивали тезис о «кухарках», управляющих страной. По мнению резкого и откровенного Милюкова, выборы в Учредительное собрание станут возможными лишь после того, как разумная государственная власть сможет опереться на крестьянскую массу. Теоретически кадеты соглашались с правом всех классов на плоды революции. Орган ЦК газета «Речь» писала 5 марта: «Все участвовали в этой революции, все ее делали — и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, и потому никто не имеет на нее исключительного права». Из этого принципа вытекала роль Учредительного собрания как регулятора межклассовых отноше-

ний. Но, располагая уже фактической, хотя и неполной, властью, кадеты боялись подвергнуть ее риску легитимации через всенародные выборы. Пример прошлых Государственных дум подсказывал им, что легче добиться успеха на выборах в обстановке спада революционной волны. «Этот мираж — Учредительное собрание — во многих умах тогда возбуждал совершенно непостижимые надежды»⁸⁴, — вспоминал В.Д.Набоков. Считая себя партией «здравого смысла», кадеты вовсе не разделяли этих ожиданий.

Отсюда и двойственность кадетской политики в этом пункте, переходившая в политиканство. Они часто ссылались на Учредительное собрание в рассуждениях о предстоящих реформах, охотно манипулировали идеей его суверенитета. Свой уход из состава Временного правительства 2 июля кадетские министры мотивировали именно узурпацией его прав в вопросе об украинской автономии. 15 июля кадетский ЦК в качестве условия возвращения партии в новый кабинет министров опять же потребовал от премьера А.Ф.Керенского: «осуществление всех основных социальных реформ и разрешение вопросов о форме государственного строя должны быть безусловно отложены до Учредительного собрания»⁸⁵.

Нельзя не согласиться с В.И.Старцевым, что для кадетов Учредительное собрание оказалось вовсе не священной короной, а рискованной политической операцией, спешить с которой не следовало⁸⁶. Вопрос о сроках его созыва постоянно обсуждался на кадетских съездах и в партийных кулуарах. На VII съезде в конце марта Ф.Ф.Кокошкин, ссылаясь на огромные трудности организации всеобщих выборов в России, считал невозможным созвать Учредительное собрание раньше осени. Ряд делегатов предлагал даже отложить его до окончания войны⁸⁷.

Последний вариант был наиболее приемлем, с кадетской точки зрения. Позже В.Д.Набоков назвал это «единственно правильным решением вопроса», но для такого шага у правительства не было реальной силы⁸⁸. И сами кадеты не осмеливались открыто заявить о несвоевременности созыва учредительной власти в обстановке войны и революции, предпочтя тактику проволочек, намеков на неподготовленность выборов, на возможность фальсификации народной воли, дабы убедить общественность в необходимости отсрочить выборы. В то же время они старались сохранить за собой контроль над механизмом проведения выборов и организации Учредительного собрания. Во время периодически возникавших правительственных кризисов кадеты прилагали усилия, чтобы удержать в своих руках пост министра внутренних дел, курировавшего весь подготовительный процесс. «Только наш министр внут-

ренных дел может добиться отсрочки», — убеждал своих коллег М.М.Винавер на заседании ЦК партии 19—20 июля. Ему вторили М.С.Аджемов и В.Д.Набоков⁸⁹.

Все болевые точки кадетской позиции были успешно атакованы их противниками слева, большевиками прежде всего. На общем фоне экономических трудностей, нерешенных социальных проблем и бесперспективной войны массы было легко убедить в том, что именно кадеты — виновники всех их бед. Кадетов не без оснований подозревали в том, что они хотят сорвать Учредительное собрание, а их идею сильной национальной государственности однозначно воспринимали как намерение реставрировать в стране монархию. Оказавшись в положении «революционеров поневоле», кадеты не имели таких шансов на самих выборах, на какие вправе были рассчитывать в иное, неревolutionное время.

Что касается праволиберальных партий и течений, то они с самого начала не скрывали своего скептического отношения к Учредительному собранию, предсказывая национальную катастрофу в результате победы на выборах социалистов. Эту тему постоянно развивала газета «Утро России» — орган партии прогрессистов и рупор московских деловых кругов. На базе распавшейся партии октябристов возникли либеральная республиканская и республиканская демократическая партии. Они призывали спокойно ждать Учредительного собрания, ничем не осложняя работу правительства.

Многочисленные национальные партии социалистического и демократического толка сильно расцвечивали палитру борьбы вокруг Учредительного собрания. Однако надо заметить, что яркую национальную окраску этот лозунг принял в 1917 году далеко не сразу. Проблема национального самоопределения резко обострилась с захватом большевиками власти в государстве, но одновременно быстро падала репутация Всероссийского Учредительного собрания на фоне появления многих национальных и областных учредительных собраний.

Против Учредительного собрания открыто выступили лишь крайние политические группировки. Февраль резко сдвинул влево политическую ось страны. Монархизму был нанесен удар, от которого он не смог оправиться. Партии и организации черносотенного типа почти не напоминали о себе, служа скорее жупелом, которым социалисты пугали массы. На крайнем правом фланге это были ультрамонархисты, не желавшие поступаться принципами «самодержавия, православия и народности». Кампанию против Учредительного собрания вела газета А.С.Суворина «Новая Русь». По сообщениям печати, «Союз монархистов» загодя объявил все решения будущей ассамблеи необязательными для русского народа, оставляя за собой пол-

ную свободу действий в целях восстановления монархии⁹⁰. Слева против Учредительного собрания вели обструкцию анархисты, свои антигосударственные убеждения образно выражавшие так: и у ангела, если ему дать власть, вырастут рога. Различные анархические течения видели в этом предприятии бессмысленную растрату народных сил и средств. «Пусть соберется это Учредительное собрание, и это будет даже лучше: тогда и слепые увидят, что никакое правительство ничего не дает и ни к чему не ведет»⁹¹. 6 ноября, в канун выборов, московская федерация анархистов специальным заявлением оповестила, что не верит в творческую силу власти, даже самой революционной. «Чего народ не осуществил фактически, того не даст ему никакое правительство, никакой парламент, никакое Учредительное собрание», новые общественные отношения могут быть созданы только смелыми актами самодеятельности и вольными организациями самих трудящихся⁹². Анархические настроения были широко распространены в маргинальных, лишенных устойчивого социального бытия слоях общества, часто выливались в различные эксцессы. Но серьезного воздействия анархическая идея отрицания Учредительного собрания на его судьбу не оказала, не считая, конечно, того факта, что караул, разогнавший депутатов, возглавлял матрос-анархист А. Железняков.

Так в общих чертах выглядела позиция наиболее влиятельных политических партий и движений. Она впоследствии легла в основу их предвыборных платформ. Но, повторимся, в первые месяцы революции подводные течения в этом вопросе были слабо различимы, скорее наоборот — идея всенародного Учредительного собрания и формула непредрешения будущего государственного устройства играли безусловно стабилизирующую роль, обуздывали партийные амбиции, поддерживая политическое равновесие в обществе. В этом смысле показательно обилие пропагандистской литературы об Учредительном собрании, в которой излагалась история представительных учреждений, сопоставлялись избирательные системы, давалось общее представление о партиях без явного предпочтения одной из них.

В таком пока еще спокойном ожидании мало кто обратил внимание на статью в большевистской «Правде» от 9 июня. Обращаясь к делегатам I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, газета внушала: «Всероссийский съезд Советов... вы должны считать даже выше Учредительного собрания, ибо выборы в Учредительное собрание будут не через организации, созданные самим народом, а от самых различных классов общества».

3. «Народовластие» и народ

Никакая изощренная тактика, никакая политическая энергия партий не могли принести им успеха без поддержки тех, на кого они были рассчитаны. По Ф.Энгельсу, при исследовании движущих сил истории «надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы»⁹³.

Весной 1917 г. идея Всероссийского Учредительного собрания, полномостного и всеразрешающего, переживала свой триумф. Иначе и быть не могло на фоне так называемых «мартовских настроений», преобладавших тогда в обществе. «Первые дни по смерти тирана, — замечал Н.М.Карамзин, — бывают счастливейшими для народов, ибо конец страдания есть живейшее из человеческих удовольствий»⁹⁴. Николай II, конечно, не Иван Грозный, но свержение самодержавия вызвало в стране состояние всеобщей эйфории, пьянящего восторга и надежды на обретение единства всех слоев общества. Психологически это настроение отражало временное и непродолжительное, но широкое единение разнородных социальных сил против исторически устаревших, отживших форм. Откуда было обывателям Мосальска или Ялutorовска знать о таившихся в глубинах антицаристской коалиции разногласиях?! Полная деморализация защитников прежнего режима усиливала иллюзию общенациональной гармонии. Все чувства вдруг обрели остроту и свежесть. Даже опустылевшая за три года война стала источником нового вдохновлявшего чувства революционного обончества.

Если революция общенародная, то и плоды ее должны принадлежать всем — таково было преобладающее умонастроение. Большинство граждан, вчерашних верноподданных, активно включаясь в политическую жизнь страны, оставалось еще вне прямого влияния партий — это состояние масс можно назвать стихийной, беспартийной революционностью. Еще менее сильно было рядовому гражданину в ту пору уловить партийные нюансы в отношении Учредительного собрания, поскольку все апеллировали к его авторитету, прежде всего социалисты. «Желание идти в ногу с революцией, — писал очевидец тех дней, — опасение, как бы не прослыть реакционером, толкало многих в ряды социалистических партий, и социалистов в марте оказалось столько, что нужно было изумляться, как это мог столько лет существовать прежний, только что свергнутый строй»⁹⁵. Идея Учредительного собрания быстро проглатывалась, но плохо усваивалась «мартовскими социалистами».

Российский обыватель издавна был приучен черпать информацию из официальных источников. Уже 28 февраля Петроградский Совет в воззвании к населению призвал: «Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания». Через три дня новообразованное Временное правительство торжественно провозгласило одной из своих задач немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. Лозунги «Да здравствует Учредительное собрание!», «Вся власть Учредительному собранию!», произносимые как магические заклинания, стали непременным атрибутом митинговых речей, газетных статей, хлынув потоком на жадно внимающую публику. Обнажившиеся вскоре партийные разногласия по поводу войны, аграрного вопроса и пр. хотя и обострились, но лозунга Учредительного собрания не колебали, скорее подпитывали его, оставляя за ним высшую санкцию. Даже максималистские призывы большевиков немедленно брать крестьянам помещичью землю, а рабочим — контроль над заводами и фабриками окончательное решение предоставляли верховному народному представительству.

Формула верности Учредительному собранию была внесена в текст государственной присяги. Так, гласные Московской городской думы торжественно клялись «быть верными Временному Всероссийскому правительству, повиноваться ему не за страх, а за совесть, свято блюсти пользу государственную, свято выполнять волю предстоящего Учредительного собрания».

По словам М.Вишняка, секретаря и историка Всероссийского Учредительного собрания, после февральской революции требование его созыва стало «наиболее близким и дорогим для всех слоев и классов, партий и групп народа», в преданности и верности ему стали соревноваться даже недавние и самые ожесточенные его враги⁹⁶. Схожую внешне, но совсем иную смысловую оценку этому явлению дал Н.Н.Суханов: «Все, кому было до революции столько же дела, сколько до прошлогоднего снега... все рассыпались в своей любви к свободе, в преданности Учредительному собранию»⁹⁷. Что было за этим мнимым единством, какие конкретные ожидания? Как воспринимали в действительности его различные слои общества?

В советской историографии, именовавшей народ творцом революции, отношение масс к Учредительному собранию не изучалось никем, исключая О.Н.Знаменского. Причина была как в общем негативном подходе к самому учреждению, так и в представлении, будто в революционные эпохи исторически значимы лишь прямые действия масс, а не их побуждения и настроения. Но при таком узком взгляде вне поля зрения ос-

тается именно народ, то есть большинство населения, непосредственно в политических акциях не участвующее.

Несомненно, самой чувствительной к вопросу об Учредительном собрании была интеллигенция. При всех своих внутренних различиях профессионального, политического, имущественного характера, она являла собою нечто целое, связанное интеллектуальным характером труда и такими качествами, как знания, гуманизм, духовный опыт. Характерно, что российская интеллигенция чаще трактуется как нравственная категория, чем социологическая: в отличие от западной, она не имела прочных корней в буржуазной среде, в чиновничьей иерархии, ею владел не культ личного благополучия, а скорее тяга к социальной справедливости, «всечеловечность»⁹⁸. Претендуя на идейно-политическое руководство нацией, она выступала как конкурент правящей бюрократии⁹⁹, резко критически относясь к властям предрежущим. По утверждению А.Ф.Керенского, русская интеллигенция всегда воспринимала государство как враждебную силу и прежде всего из этого чувства, а не из социалистических теорий, черпала свою оппозиционность¹⁰⁰.

К этому необходимо добавить, что роль интеллигенции в формировании идей и теорий, в привнесении их в массовое общественное сознание была огромной и до 1917 года и в течение его. Во всех политических партиях России, особенно в высшем руководстве, ее удельный вес был очень высок. Почти сплошь интеллигентской была и вся политическая элита страны. Разумеется, политически ангажирована была не вся интеллигенция. Весьма значительной ее части, в силу особого ее положения в обществе, было присуще убеждение, что надо служить общенациональным, а не узко классовым целям. Отчасти поэтому она оставалась внепартийной, отстаивая свое право на гражданскую и интеллектуальную свободу, внепартийной, но не аполитичной.

Таким образом, идея всенародного Учредительного собрания была органически близка мироощущению интеллигенции, особенно демократической. Уже 2—3 марта это требование включили в свои наказания студенты Замоскворечья, служащие Московского союза потребительских обществ. Учителя стали главными ее проводниками и пропагандистами в деревне, составили костяк низового избирательного аппарата. О.Н.Знаменский и В.А.Шишкин полагают, что лозунг Учредительного собрания был воспринят только «мелкобуржуазной демократической интеллигенцией», а в остальном он был дежурным, примелькавшимся пунктом резолюций митингов, которые организовывали эсеры и меньшевики¹⁰¹. Справедливость этого утверждения, увы, не поддается проверке.

Однако очевидно, что интеллигентские слои постепенно остывали к идее всенародного представительства по мере того, как революция приоткрывала непривлекательные черты взлелеянного ею образа народа, его озлобленность, стихийную разрушительную силу, равнодушие к духовно-культурным ценностям. Страх перед возможным возвратом реакции сменился страхом перед «грядущим хаом». Несомненно, что интеллигентский электорат, добившись духовной свободы, уже не верил в магическую силу Учредительного собрания и исходил прежде всего из собственного правосознания, указывавшего на него как на самый разумный политический институт. Столкновение с реальной политической жизнью показало ему, что Учредительное собрание силой обстоятельств превратится в парламент с учредительными функциями, которому придется заниматься всеми вопросами российского государственного быта¹⁰². Это поправление интеллигентских кругов стало заметно уже после июльских событий 1917 года. В конце июля Всероссийский съезд врачей, диагностировав в стране наличие «острого социального психоза», потребовал отсрочки созыва Учредительного собрания, введения военного положения и создания твердой власти¹⁰³. Резко критическое отношение этой части интеллигенции к «просоциалистическому» Учредительному собранию буквально сквозит со страниц дневника такого видного представителя гуманитарной интеллигенции, как профессор Ю.В.Готье, именовавшего его не иначе, как «всероссийский кабак»¹⁰⁴. Другой мемуарист и ярый приверженец Учредительного собрания эсер Б.Соколов отмечал, что разочарование интеллигенции в нем началось еще в 1917 г.¹⁰⁵.

Некая часть интеллигенции, осуждая политический радикализм и экстремизм, не оставляла надежд на гражданское примирение в стране, призывая даже вообще прекратить политическую борьбу до избрания высшего законодательного органа. Декларация Советов депутатов трудовой интеллигенции, оглашенная на Государственном совещании в Москве в августе 1917 года, требовала: «До Учредительного собрания настоятельно необходимо полное прекращение всеми средствами партийных, классовых и национальных посягательств, откуда бы таковые ни исходили, во избежание насилия над сокровенной волей народа, которая будет выражена в Учредительном собрании»¹⁰⁶.

В социальной пирамиде России интеллигенция в основном входила в состав средних городских слоев. Это наиболее загадочная часть общества: ее позиция многое определяет в политической жизни, но менее всего поддается прогнозу. В 1913 г. в России средние городские слои насчитывали около 12 млн

человек¹⁰⁷, в их числе служащие, ремесленники, торговцы, неквалифицированные рабочие, мещане и пр. Вероятно, каждый общественный слой, исключая интеллигенцию, воспринимал Учредительное собрание прежде всего как призму своих узко социальных интересов. В данном смысле чего могли желать эти элементы? Их срединное положение в обществе побуждало их к стабильности, поиску компромиссов в политике, твердой власти, против анархии. Для средних слоев «сверхзадачей» было создание правового государства, гарантировавшего их собственность и безопасность при непременно мирном, реформистском преодолении возникшего в стране кризиса. Их представители имели возможность широко пропагандировать свой взгляд на Учредительное собрание через свои политические и профессиональные объединения, через Советы.

В то же время в этих слоях наиболее заметно проявлялось «обмещанивание», желание выждать исхода борьбы, что позже подтвердилось их широким уклонением от участия в выборах. Вообще слабость «среднего класса», традиционного оплота стабильности и правопорядка, была в России весомым фактором обострения социальной и политической конфронтации.

Отношение рабочих к Учредительному собранию, по мнению ряда исследователей, было прохладным и даже равнодушным¹⁰⁸. За неимением в России прочных традиций парламентаризма и опыта легальной профессиональной и политической деятельности российский рабочий больше полагался на свою силу, чем на избирательный бюллетень, и в этом убеждении его неустанно поддерживали большевики.

Но сама идея Учредительного собрания не была вовсе чужда рабочим. Она постоянно высказывалась на их многочисленных митингах и собраниях. 12 марта в Москве состоялась грандиозная демонстрация рабочих и солдат, с участием полумиллиона человек, в поддержку Учредительного собрания для установления демократической республики¹⁰⁹. С тем же в марте выступали рабочие Советы Петрограда, Ревеля, Нижнего Новгорода, Архангельска и других мест. На I конференции Советов Иваново-Кинешемского района в апреле отмечалось, что лозунг Учредительного собрания вызывает среди рабочих сочувствие и даже «горячо приветствуется»¹¹⁰.

Подобные факты легко умножить, если бы количество служило исчерпывающим доказательством. Важнее другое: как соотносился этот лозунг с иным, все более набравшим силу именно в пролетарской среде, — вся власть Советам. В сознании большинства рабочих, по крайней мере в дооктябрьский период, они не исключали, а дополняли друг друга, будучи наполнены демократическим содержанием. Лучшим подтверждением этого стали сами выборы в Учредительное собрание: в го-

родах никто не голосовал так активно, как рабочие. Невозможно допустить, что это делалось ради скорейшего его роспуска.

Но какова бы ни была позиция города, судьбу голосования при всеобщем и равном избирательном праве решало разбросанное по сотням тысяч сел, деревень, хуторов, станиц, аулов, кишлаков, стойбищ крестьянство. Одних волостей в стране было свыше 15 тысяч.

Политическая функция крестьянства, в прошлом обозначавшаяся формулой «союзник пролетариата», была на самом деле неизмеримо сложнее, воздействуя на ход общественного развития всем укладом жизни деревни, инерцией выработанных общинным бытом привычек, особенностями мужицкой психологии. Многие поколения революционеров приводила в прошлом в отчаяние пассивность крестьян. «Разве мы не знаем, — восклицал А.И.Герцен, — что такое сельское население? Какова его упорная сила и упорная косность?»¹¹¹

XX век быстро размывал патриархальное мировоззрение крестьянства. Легкость, с какой оно приняло гибель монархии, это неоспоримо показало. И все же политическое сознание крестьян едва пробуждалось. Было бы опрометчиво по сотням и тысячам крестьянских резолюций и наказов Учредительному собранию судить о глубине их политизации. Подавляющая часть крестьян и в 1917 году оставалась вне политики, будучи неграмотной не только политически, но и вообще неграмотной. Социальный идеал крестьянства «Земля и Воля» не был связан с конкретными политическими формами, не случайны авторы современной монографии о духовном освобождении русского крестьянства вовсе не упоминают Учредительного собрания¹¹². Конечно, наиболее развитые крестьяне были знакомы и с социалистическими теориями, но понимали их в примитивных образах всеобщего уравниательства.

Однако в Учредительном собрании был мощный импульс, который стал сильнее извечного крестьянского равнодушия к вопросам политики и который целыми деревнями гнал их на избирательные участки, порой за несколько верст от дома. Это был земельный вопрос. Хотя крестьяне и пытались решить его сами и по-своему, не дожидаясь правительственных узаконений, они привычно не могли быть спокойны без санкций свыше. Перед выборами было немало опасений, что безразличие крестьян может сорвать голосование, но этого не произошло. По словам Ф.И.Дана, крестьяне в 1917 году, хотя и были политически инертны, широко и охотно пользовались благами республиканской политической свободы¹¹³.

Политические ветры не обошли соломенные крыши деревни. Шли толки об Учредительном собрании, принимались решения в его поддержку. Как правило, принимались они «еди-

ногласно» сходами и митингами крестьян, но и это «единогласие» и явно «городской» стиль резолюций, как подмечал еще Г.В.Плеханов, явно показывают, что писались они людьми совсем другого образа мыслей и одобрялись не потому, что содержали в себе требование Учредительного собрания¹¹⁴. Сами выборы отчетливо выявили, что крестьяне весьма туманно представляли себе, что такое Учредительное собрание. Их безусловное уважение к нему базировалось во многом на двух деревенских предрассудках — привычке подчиняться указаниям властей и мистическом преклонении перед непонятным, таинственным. Суть крестьянского сознания оставалась скорее в приспособлении к сложившемуся порядку, чем в установке на его сознательное преобразование. Характерно, что именно крестьяне обращались в адрес Учредительного собрания с письмами-просьбами о решении своих конкретных нужд, вплоть до разбора внутрисемейных дел¹¹⁵.

В марте 1917 г. А.М.Коллонтай писала из Петрограда В.И.Ленину и Н.К.Крупской в Швейцарию: «Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю народ, потому что на первом плане сейчас не рабочий, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных политических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем»¹¹⁶.

Действительно, «человек с ружьем», в решающий момент революции повернувший его против монархии, стал героем дня, а вместе с тем и субъектом новой политической жизни. Канула в небытие официальная доктрина «армия вне политики». 1 марта Петроградский Совет принял небезызвестный Приказ № 1, который узаконил гражданские права солдат и объявил политическое подчинение войск Советам. Высшее командование попыталось было изолировать фронт от деструктивного воздействия революции, но быстро поняло тщетность своих усилий и теперь лишь старалось как-то канализировать политизацию Действующей армии, направляя ее в русло революционного оборончества. Делегаты партий и общественных организаций наводнили армию. Одновременно росло и осознание солдатами своей способности вооруженной силой влиять на решение коренных политических вопросов, а с ним и роль катализатора событий и социальная агрессивность. Развитие всех кризисных ситуаций в стране так или иначе было связано с участием армии.

Естественно, развернулось острейшее политическое соперничество за контроль над армией. 7 марта Временное прави-

тельство утвердило текст новой армейской присяги, которая обязывала «повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему российское государство, впредь до установления образа правления волей народа при посредстве Учредительного собрания». В ней ничего не говорилось о защите революции и свободы, и под давлением солдат и Петроградского Совета правительству пришлось согласиться на отмену присяги вообще до созыва Учредительного собрания¹¹⁷.

Отныне судьбы армии и Учредительного собрания тесно переплелись. По-разному воспринимаемая, эта идея тем не менее глубоко укоренилась в военной среде.

Генералитетом мысль об Учредительном собрании поначалу была воспринята как сугубо разрушительная для армии. В ней виделась угроза для боевого духа войск. «Неизвестность и Учредительное собрание — две опасные игрушки в применении к действующей армии», — заявил высший военный авторитет в стране генерал М.В.Алексеев. «Вопрос об Учредительном собрании считаю для блага России и победоносного конца войны совершенно неприемлемым»¹¹⁸, — отвечал великий князь Николай Николаевич, несколько дней бывший верховным главнокомандующим после отречения царя.

Трудно сказать, чего в этом было больше: политической слепоты или просто непонимания конкретной обстановки. М.В.Родзянко, метивший тогда в премьеры нового правительства, увещевал генералов, что созыв Учредительного собрания возможен не ранее, чем через полгода, а до тех пор войну можно завершить полной победой. Не сразу армейские верхи поняли, что формула «непредрешения» оставляет и для них шансы вновь овладеть армией.

Иначе отнеслась к Учредительному собранию демократически настроенная часть офицерского корпуса, кадровый состав которого резко обновился в годы войны вследствие притока разночинных элементов, не ориентированных на военную карьеру. 1—2 марта собрания офицеров Петрограда приняли резолюцию о поддержке новой власти до Учредительного собрания. В апреле проходивший в столице Всероссийский офицерский съезд единогласно высказался за созыв Учредительного собрания, выразив уверенность, что «избирательный закон воплотит в себе полностью демократические принципы всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» и в избирательной кампании примут активное участие вся армия и флот¹¹⁹.

Эти ожидания офицеров-демократов передал в своих воспоминаниях А.И.Верховский, проделавший в революции феерическую карьеру от обычного армейского офицера до военного министра: «Я надеялся, что свободный народ изберет Учредительное собрание и устроит свою жизнь так, как сам захочет —

на началах правды и добра. И то, о чем писал Некрасов, о чем мечтал Толстой и к чему с такой страстностью звала бичующая сатира Салтыкова-Щедрина, станет действительностью»¹²⁰. Не все офицеры, разумеется, рассуждали так. Многие примирились с идеей Учредительного собрания как с неизбежным злом или просто «плыли по течению». Среди фронтовых офицеров, писала 30 марта газета «Солдат-гражданин», высказывается сочувствие и чрезвычайный интерес к выборам в Учредительное собрание, но возникает попутно «масса вопросов и недоумений». Эта идея вошла в программы всех выступавших под республиканским флагом офицерских объединений.

Учредительное собрание своим «непредрешенчеством» в определенной мере «работало» на Временное правительство, на его власть в армии и его военную политику. Поэтому оно быстро и прочно вошло в лексику командных приказов, перестав шокировать своей непривычностью, а затем и просто став дежурным упоминанием. Приказ командующего войсками Московского военного округа полковника А.Е.Грузинова от 8 марта предписывал: «До созыва Учредительного собрания, которое установит форму правления, мы должны признать только одну власть — это власть Временного правительства»¹²¹. Командир Измайловского полка в Петрограде облек этот тезис в лирическую форму: «Оно (правительство. — Л.П.) состоит из всем известных своей честностью лиц, с ним соединились и рабочие, которым дорога Россия. Этому правительству надо верить, пока не соберется весь народ русский для выборов»¹²².

В солдатской же среде эта идея распространилась, как огонь по сухой соломе. По свидетельству А.И.Деникина, вскоре после свержения царя даже на отдаленном Румынском фронте, куда все новости приходили с опозданием, всех интересовало, будет ли армия представлена в Учредительном собрании¹²³. Требование его скорейшего созыва разделялось всеми представительными солдатскими организациями — комитетами и Советами, как и участие в выборах военнослужащих. Так, I съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта, проходивший в апреле в Минске, потребовал, чтобы «в выборах в Учредительное собрание солдаты, не исключая находящихся на фронте, должны принимать участие на равных правах со всеми гражданами»¹²⁴. Заявление военного министра А.И.Гучкова о желательности отсрочки его до «после войны» вызвало протесты в армии.

Правда, историками высказывается и сомнение в популярности этого лозунга среди солдат. Г.Л.Соболев, отмечая скромное место его в резолюциях солдат Петроградского гарнизона, полагает, что они не связывали введение демократической формы правления с Учредительным собранием и постепенно

переходили на точку зрения передачи власти Советам¹²⁵. По мнению О.Н.Знаменского, хотя число солдатских резолюций за Учредительное собрание летом 1917 года возросло, это говорило скорее об интенсивности агитационной работы партий, а не о популярности лозунга: «нет, не волновала воображение, не занимала умы революционных рабочих и солдат перспектива созыва Учредительного собрания»¹²⁶.

Этими суждениями нельзя пренебречь, хотя едва ли у солдатской массы были ясные и четкие политические идеалы. Один из организаторов военной работы ПСР Б.Соколов свидетельствует, что «вначале, в первые месяцы после революции, Учредительное собрание было для фронтовых солдат чем-то абсолютно неизвестным, неясным, безусловной terra incognita»¹²⁷. Их симпатии больше тяготели к Советам, более им напоминавшим деревенские сходы, более близким: «К чему какое-то Учредительное собрание, когда есть наши Советы, где заседают наши депутаты, которые могут все разрешить, во всем разобраться». Однако уже в июне—июле пропаганда идеи Учредительного собрания дала свои плоды, и чем дальше, тем больше именно с ним связывались надежды на мир, скорое окончание войны и возвращение домой. Б.Соколов отмечает, что идея Учредительного собрания для солдат была ограничена вопросом войны, тогда как идея народоправства соединялась в их сознании с Советами.

Солдаты по большей части были недавними крестьянами, их восприятие в социальном плане мало отличалось от крестьянского. Но, действительно, это восприятие уже было свободно от налета мистической, благоговейной веры. Солдаты, в силу условий своего армейского бытия, поразительно быстро политизировались в 1917 году, но это была политическая субкультура особого, маргинализованного типа. Привычка к военной опасности, жить одним сегодняшним днем, психология «человека с ружьем», конфликтность отношений с офицерством, умело подпитываемые разрушительной для армии большевистской и вообще интернационалистской пропагандой, — все эти факторы сложно воздействовали на настроения солдат, с их нетерпением, готовностью к резким и немедленным действиям, склонностью к экстремизму.

Несомненно, резолюции солдатских комитетов и Советов об Учредительном собрании не вполне адекватно отражали эти настроения, в них угадываются скорее чувства военной интеллигенции (офицеры, военные чиновники, врачи, комитетская элита). Улавливая эти нюансы, офицер связи одной из запасных бригад М.Вемберг в середине октября в обзоре о настроениях войск сообщал: «В воздухе определенно чувствуется какая-то насыщенность атмосферы, напряженность настро-

ения... Много говорится об Учредительном собрании, вернее — о предстоящих выборах в это собрание. Впрочем, эти разговоры имеют место более в верхах (т.е. среди членов войсковых Советов и комитетов), нежели в толще солдатских масс»¹²⁸.

В «толще» армии интерес к Учредительному собранию тоже усиливался, об этом говорит обилие солдатских резолюций в его поддержку в октябре—ноябре. Но это ожидание было лишено экзальтации и полностью подчинено практическим ожиданиям, причем не без доли лукавства. В тыловых гарнизонах солдаты под предлогом скорых выборов и опасности лишиться права голоса отказывались идти на фронт, в другие гарнизоны, на переформировку. Но этот мотив не возникал при переводе фронтовых частей в тыловой район. Дежурная ссылка на Учредительное собрание в таких случаях никого не могла обмануть, хотя и желание солдат дожить до долгожданного мира понятно и естественно.

Подведем итоги. Идея народоправства, воплощенного в Учредительном собрании, безусловно, не была чуждой народам России. Ее питали исторические реминисценции, связанные с некогда действовавшими представительными органами (веча, земские соборы), патриархально-общинные привычки крестьянства, гуманистические побуждения интеллигенции. Идея эта была весьма неравномерно разлита в разных слоях общества, сообразно их положению, социальному, политическому, культурному опыту. Но все же в 1917 году, как отмечал М.В.Вишняк, «отдельные слои и группы населения опасались только одного: быть обойденными в праве участвовать в решении задач, как бы их интересы не были обойдены в будущем Учредительном собрании»¹²⁹.

Каждый общественный слой, исключая интеллигенцию, воспринимал вместе с тем Учредительное собрание прежде всего сквозь призму своих конкретных социальных интересов. При этом основная масса населения, весьма туманно представлявшая себе конституционное государство, понимала Учредительное собрание как одноактное событие, способное сразу же решить все насущные проблемы, благодаря чему оно превращалось в их глазах в некий абсолютизм, фетиш¹³⁰. Напротив, интеллигенции в 1917 г. свойственно растущее охлаждение к идее Учредительного собрания, так удивлявшее всех наблюдателей событий.

Как ни широко распространились всходы идеи Учредительного собрания в общественном сознании народа, корни их были неглубоки в почве, бедной традициями представительной демократии и правовой культуры. Проблема отягчалась тем, что революция дала гигантский выброс в сферу политической жизни людских масс, ранее к ней равнодушных и даже испы-

тывавших к политике неприязнь. Они привносили в нее и свои страдания, и свои помыслы, и свою агрессивность, и склонность к силовым методам решения конфликтов, необычайно окрепшую благодаря осознанию своей ударной роли в насильственной ликвидации монархии. Еще важнее, что в России социальные низы смогли в короткий срок создать свои представительные органы, претендовавшие если не на власть, то на свою долю плодов революции. Через них они рассчитывали реализовать свои непосредственные практические интересы. Таков был социально-политический «бульон» для наиболее амбициозных политических сил, среди которых большевики во главе с Лениным явно выделялись волей, целеустремленностью, готовностью во имя этих целей не останавливаться перед крайними средствами.

Подытоживая опыт первой революции в России, П.Б.Струве писал: «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой»¹³¹. В 1917 году это повторилось в гиперболических размерах. Но была и новизна: теперь радикальные массы не столько шли за революционными партиями, сколько толкали их впереди себя, желая разом получить от них разрешение своих ожиданий. В итоге партия, ставшая на этот путь, ценой осязаемой поддержки миллионов людей должна была порвать, если не по форме, то по сути, с идеей всенародного Учредительного собрания.

Своеобразным оправданием разгона Учредительного собрания воспринимается ныне известный тезис о том, что в 1917 году вовсе не было единой, общей идеи такого рода, что каждая политическая сила вкладывала в нее желаемый ей смысл. В самом деле, каждая партия примеряла эту одежду на себя, представления разных слоев общества об Учредительном собрании не совпадали. Но то же самое можно сказать и о вопросах войны, мира, аграрном, национальном и пр. В реальности же в то время не было более универсальной идеи, вошедшей в себя все другие лозунги революции.

Знаменательно, что Учредительное собрание стало своего рода правовой нормой, органически вошедшей в систему как государственного права, так и права, формировавшегося снизу. Можно указать на судебные решения о лишении пассивного и активного избирательного права в Учредительное собрание, о временном, впредь до его созыва, разделе земли. Кронштадтский Совет 25 августа по делу о провокаторах постановил оставить их под арестом до созыва Учредительного собрания¹³².

После февральской революции с идеей Учредительного собрания произошло то своеобразное расщепление, которое подстерегает всякую возвышенную цель при ее перемещении из

мира теории в практику, — предмет идеального поклонения стал объектом грешных политических страстей. Превращаясь из фантома в реальность, она вбирала в себя весь груз острейших проблем, которые обществу предстояло решать. Это столкновение с действительностью вдруг обнаружило хрупкость идеи Учредительного собрания, ее фатальную зависимость от уровня политической культуры общества. В революционном 1917-м году не было еще такого исторического опыта и порожденного его анализом политического мышления, которые нацеливали бы общество на использование политических методов вместо силовых и преимущество взаимных уступок над конфронтацией¹³³. В 1917 году только одно могло обеспечить Учредительное собрание — безотлагательная разработка избирательного закона и немедленная его реализация.

Глава 2

ПРЕДВЫБОРНЫЙ МАРАФОН

1. В юридических лабиринтах

В середине марта министры Временного правительства принесли в Сенате присягу, в которой клялись «принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок» Учредительного собрания и «преклониться перед выраженной им народною волей об образе правления и основных законах Российского государства»¹. Вряд ли кто из них предполагал тогда, что путь к нему окажется длиной почти в год. Все четыре состава Временного правительства в своих декларациях (от 3 марта, 6 мая, 8 июля и 26 сентября), как магическое заклинание, повторяли намерение созвать Учредительное собрание, но успевали пройти лишь часть этого пути.

Трудно устоять перед искушением сразу же поставить традиционный для российской истории вопрос «кто виноват?» в затяжке созыва «Хозяина Земли Русской», найти и заклеить виновника. Прежде всего взгляд падает на Временное правительство, затянувшее разработку избирательного закона, а затем отсрочившее время созыва Учредительного собрания. Юридически оно было полновластным органом, поскольку действие старых Основных законов Российской империи было остановлено, а новые могло принять только Учредительное собрание. Налицо и корыстный мотив: с его созывом прекращались полномочия министров.

Столь распространенное суждение не лишено справедливости, но оно банально. О реальных границах власти правительства лучше всего говорят его регулярно возникавшие кризисы с почти калейдоскопической сменой министров, включая министра внутренних дел, непосредственно ведавшего подготовкой к Учредительному собранию. Не секрет и то, что всякое его ответственное решение вызывало острую критику слева и справа именно за посягательство на права высшей учредительной власти.

История подготовки Учредительного собрания есть, в сущности, история русской революции со всеми ее коллизиями. Конечно, и в прошлом аналогичные ассамблеи чаще всего вырастали из революций. Но то, что в других странах вызревало постепенно и разрешалось частично, поэтапно, в России 1917

года приняло обвальный характер. «Нигде и никогда не бывало, — размышлял в эмиграции М.Вишняк, — чтобы стране приходилось решать такое множество сложнейших и насущнейших вопросов — политических, экономических, социальных, национальных, — которые сгрудились со всех концов необъятной и разноплеменной России и, за века тьмы и неволи, требовали немедля постановки на очередь дня... Эти трудности неимоверно осложнялись обстановкой мировой войны»².

Первое же официальное заявление о созыве Всероссийского Учредительного собрания порождало у широкой общественности сразу три вопроса: как? где? когда?

Ответ на первый из них был предопределен народным характером революции — всеобщее избирательное право на основе прямого, равного и тайного голосования. Об этом объявлялось и в первых правительственных актах, и нельзя представить, чтобы кто-то мог публично оспорить это право, не выказав себя при этом контрреволюционером. Между тем сомнения в применимости этого важнейшего революционного завоевания к условиям «лапотной» России, конечно, высказывались, но кулуарно. Так, вдумчивый и наблюдательный Ю.В.Готье записал в своем дневнике: право голосования неграмотного создает то, что всеобщее голосование — не тайное и наоборот³. Столь же очевидно, что детальная проработка и, еще более, реализация такого избирательного закона потребуют много времени и приведут к затяжке подготовительных работ к выборам и созыва самого Учредительного собрания.

Без серьезных осложнений решился вопрос о месте, где соберутся депутаты. Выбор был между Петроградом и Москвой, но различие между ними было не так географическим, как политическим. С точки зрения демократии, Петроград имел несомненный приоритет, прежде всего как революционная столица и символ свободы. 11 марта Исполком Петроградского Совета категорически постановил, что о созыве Учредительного собрания в Москве не может быть речи. Такое же решение приняло Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, заседавшее в начале апреля в Петрограде.

«Москвичи» были представлены в основном либеральными кругами. 7 марта Московская городская дума высказалась за то, что местом созыва Учредительного собрания должна быть «сердце России — Москва, являющаяся на протяжении всей русской истории собирательницей и хранительницей живых духовных проявлений и чаяний русского народа»⁴. Ссылка на историю здесь скорее словесный декор, маскирующий суть намечавшихся партийно-политических разногласий. Более откровенно, с простосердечием провинциала, но и с прозорливостью провидца поведал о них профессор А.Н.Савин. 11 апреля в га-

зете «Воронежский телеграф» он писал: «За то, чтобы в Москве было Учредительное собрание, те, кто хочет, чтобы народные избранники работали возможно свободнее, за Петроград те, кто свой партийный и классовый идеал и интерес ставят выше свободно принятых решений... Вожди рабочих надеются, что в Петрограде Учредительное собрание попадет в гораздо более революционную обстановку, будет захвачено гораздо более боевыми настроениями. За этой надеждой мысль, что в случае резкого расхождения между настроениями Учредительного собрания и желаниями революционного пролетариата народных представителей можно будет заставить подчиниться воле пролетариата».

Основной довод левых партий состоял в том, что в Питере мощные революционные силы смогут обеспечить защиту народных избранников от происков контрреволюции.

Временное правительство тоже предпочло Петроград, но по иным соображениям: размещение в Москве требовало больших дополнительных хлопот и расходов. Это и решило исход дела. Помещением для заседаний был назначен Таврический дворец, резиденция всех четырех Государственных дум.

Самым важным и острым был вопрос о сроке созыва Учредительного собрания. Несомненно, своевременное указание точного и достаточно скорого срока явилось бы важным фактором стабилизации политической обстановки в стране, усилив общественное внимание к всенародному представительству, форсировав его законодательную и организационно-техническую подготовку. На переговорах между советскими и думскими лидерами в ночь на 2 марта, как уже говорилось, было достигнуто соглашение о немедленной подготовке к созыву Всероссийского Учредительного собрания. Конкретная дата при этом не оговаривалась, и вряд ли это в тот момент было реально. Стороны сошлись на том, что Временное правительство не будет пользоваться военной обстановкой для отсрочки его созыва. Более того, не оговаривалось и другое — время, в течение которого будет обнародован срок его созыва. В этом вопросе царил полная неопределенность. По мнению министра-председателя Г.Е.Львова, подготовка к созыву должна была занять от трех до шести месяцев; М.В.Родзянко считал, что это произойдет не ранее, чем через полгода⁵. Нельзя не согласиться, что, если бы сроки были определены и объявлены в начале марта, волей-неволей за подготовительную работу пришлось бы браться без промедления⁶.

Довольно скоро советские лидеры ощутили неспешность правительства и попытались оказать давление на министров. 13 марта прошли между ними переговоры по этому вопросу, которые не дали конкретных результатов. Все соглашались с

неотложностью созыва Учредительного собрания, но министры называли крайним сроком середину лета, а делегаты исполкома считали его слишком далеким⁷. Кто бы из них мог подумать тогда, что летом определится только время выборов и начала работы законодательного собрания, и то предварительно?!

Несомненно, Временное правительство первого состава не видело нужды спешить с Учредительным собранием, которое ему было навязано Советами, хорошо понимая, сколь мало оно могло рассчитывать на благоприятный исход выборов. Дело не сводилось, конечно, к личным амбициям отдельных министров, оно заключалось прежде всего в боязни открыть дорогу экстремизму и анархии. Управляющий делами правительства и непосредственно ведавший подготовкой к Учредительному собранию В.Д.Набоков рассуждал так: «Если бы до Учредительного собрания удержалась какая-нибудь власть, то созыв его был бы несомненным началом анархии. Будь у правительства реальная сила, оно могло бы сразу отложить вопрос до окончания войны. Такой силы у него не было»⁸. Однако при этом не было и недостатка в предложениях и способах оттягивания созыва Учредительного собрания до того момента, когда это уже стало чревато полной утратой власти.

Дело само собой стало затягиваться, когда оно погрузилось в пучину юридической проработки избирательного закона. 8 марта Временное правительство поручило образованному при нем Юридическому совещанию составить план мероприятий по разработке Положения о выборах в Учредительное собрание. Однако вскоре выявилась потребность в создании для этого специального органа, и 25 марта правительство учредило Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах, в состав которого должны были войти ведущие эксперты по вопросам государственного права, статистики, а также политические и общественные деятели разных направлений, в том числе и от Советов. Но лишь через месяц правительство утвердило персональный состав его членов. Эту затяжку М.В.Вишняк объясняет тем, что правительству пришлось отказаться от разработки проекта только силами юристов, учитывая отношение к данному вопросу различных партий и организаций⁹. Минув еще месяц, срок для революционного времени огромный, пока Особое совещание открыло, наконец, свои заседания 25 мая.

Председателем Особого совещания стал Ф.Ф.Кокоскин, признанный знаток права, в его состав были назначены также видные юристы Н.И.Лазаревский, В.М.Гессен, С.А.Котляревский, Б.Э.Нольде, В.В.Водовозов, историк-академик А.С.Лаппо-Данилевский и др.¹⁰. Впоследствии этот состав разросся до сотни членов, в результате аппарат Особого совещания, по сло-

вам В.Д.Набокова, оказался настолько сложным и громоздким, что стало невозможным рассчитывать на сколько-нибудь быстрое окончание работы и назначение выборов в ближайшем будущем¹¹. Другая и, очевидно, не менее важная причина его малопродуктивной работы состояла в партийно-политической разногласии («многоголовое сборище, почти парламент», по оценке Б.Э.Нольде¹²). Уровень демократизма проекта избирательного закона нередко трактовался сторонами сквозь призму узкопартийных интересов, дабы обеспечить своей партии больше шансов на выборах. Большевик М.Ю.Козловский, как отмечает мемуарист, подчеркивал преобладание в Особом совещании «имущих» над «трудящимися», выражая недоверие его составу, и вообще вел себя вызывающе¹³. Это затрудняло и оттягивало достижение консенсуса, хотя следует признать, что в итоге Особое совещание проделало весьма основательную работу.

Пытаясь сократить подготовительный цикл, Исполком Петроградского Совета в конце марта также создал Комиссию по Учредительному собранию во главе с трудовиком Л.М.Брамсоном. В нее вошли в основном представители правонароднических партий, в частности эсер Н.В.Святицкий, трудовики В.В.Водовозов и В.Б.Станкевич, для которых Учредительное собрание было как бы символом веры. Выработанные ими рекомендации по проекту избирательного закона отражали коллективное мнение советских кругов (пропорциональная система выборов, понижение возраста избирателей и пр.) и должны были стать демократическим противовесом либеральным пожеланиям со стороны Особого совещания.

Доклад советской комиссии был заслушан на Всероссийском совещании Советов (29 марта — 3 апреля 1917 г.), на котором специально обсуждался вопрос об Учредительном собрании. Докладчик В.Б.Станкевич обратил внимание делегатов на то, что мировая история не знала аналогичных учреждений, на которых лежала бы столь тяжелая и ответственная задача. Это не была дежурная риторика; Станкевич убеждал в нереальности требований созвать ассамблею уже через два-три месяца: «Если раньше, с пылу, с жару, не отдавая себе отчета во всей трудности работы, действительно некоторые называли май, июнь, то эти месяцы в настоящее время уже никем не называются». Самым ранним сроком Станкевич определил сентябрь¹⁴. Совещание высказалось за то, что Учредительное собрание должно быть создано возможно скорее в Петрограде, для чего необходимо ускорить выработку избирательного закона, полностью воплощающего демократические принципы.

Таким образом, советские лидеры сняли свои подозрения в адрес «буржуазного» правительства в намеренном затягивании

дела и разделили с ним ответственность за положение дел с Учредительным собранием еще до того, как вошли в состав коалиционного министерства в мае 1917 г. Это ставило перед ними новые проблемы. На том же Всероссийском совещании Советов И.Г.Церетели высказался в том духе, что есть лишь один способ объединить народное движение — вести его под знаменем Учредительного собрания к демократической республике. Но все больше сомнений порождал вопрос о том, не слишком ли долог этот путь, будет ли народ ждать.

В мае—июне по-прежнему вопрос о времени созыва Учредительного собрания не сходил с повестки дня, со страниц прессы. 21 мая кадетская «Речь» поместила статью профессора В.М.Гессена «Время и место созыва Учредительного собрания», в которой после дежурных напоминаний о сложности проблемы делался вывод, что выборы не удастся провести ранее конца октября и потому само Учредительное собрание сможет собраться лишь около середины ноября. Не настаивали на незамедлительном созыве и правосоциалистические партии. Эсеры даже убеждали, что поспешные выборы могут дать «очень нежелательные для свободы результаты», добиваясь их назначения на осень, поскольку летом крестьяне заняты на полевых работах. По признанию М.Вишняка, демократия недооценивала значение скорейшего созыва Учредительного собрания, рассеивая свое внимание и силы, отвлекаясь от главного¹⁵. В сущности еще раньше такой вывод сделала и упомянутая комиссия Исполкома Петроградского Совета, отметив, что затяжка в подготовке созыва Учредительного собрания отчасти «объясняется промедлением со стороны социалистических партий и демократических организаций, в том числе и Совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁶.

В Петроградском Совете полагали, что срок этот определится после того, как будут разработаны общие принципы избирательного права, когда выявится корпус избирателей. Но, с другой стороны, отсутствие точного срока выборов придавало всей подготовительной работе «безразмерный», неконтролируемый характер.

Единственной силой, добивавшейся безотлагательного созыва Учредительного собрания, были большевики. Их представителем в Особом совещании был М.Ю.Козловский (в июле он был исключен по обвинению в государственной измене, и его сменил П.А.Красиков). 31 мая он говорил о недопустимости промедления, приводя мнения специалистов, что Учредительное собрание может быть созвано к 1 сентября¹⁷.

Поначалу большевики опасались, по-видимому, что выборы состоятся прежде, чем партия сумеет отобилизовать для этого свои силы. 3—4 апреля Московская городская конференция

РСДРП(б) отметила, что скорейший созыв Учредительного собрания диктуется интересами демократии, но «в целях наибольшей успешности нашей предвыборной агитации избирательный период должен быть достаточно продолжительным (не более трех месяцев, но не менее двух)». На состоявшейся 20 апреля конференции большевистских организаций Центрально-Промышленного района высказывалось мнение, что избирательный период должен продлиться не менее трех месяцев, иначе это будет на руку буржуазным партиям с их опытом, средствами, техникой и т.д.¹⁸. Даже по этим представлениям выборы не могли состояться раньше августа—сентября.

Позиция большевиков в этом вопросе была, следовательно, не вполне искренней, а моральные основания для критики официальной линии выглядели сомнительными. Участие большевиков в непосредственной разработке избирательного закона было весьма скромным (среди них почти не было правоведов), и оказать реальное влияние на законотворческий процесс они не могли. Но пункт о созыве Учредительного собрания стал излюбленной мишенью их обличений в адрес правительства. Большевистская пресса от намеков переходила к прямым обвинениям в нежелании созвать народных представителей. «Временное правительство не спешит с созывом Учредительного собрания, — писала 28 мая самарская «Приволжская правда». — ...За три месяца подготовка к Учредительному собранию не сдвинулась с мертвой точки».

Эта критика была не во всем справедливой (подготовка все-таки велась), но тонко рассчитанной и политически более чем убедительной. Она дискредитировала в глазах масс не только кадетских министров, но и советских вождей, поклявшихся контролировать каждый шаг Временного правительства. Ссылки на огромные трудности, возникшие при подготовке закона, более не воспринимались иначе, как пустые отговорки.

Впоследствии, чаще всего в эмиграции, те, кто был причастен к организации Учредительного собрания, обменивались взаимными упреками в затягивании его созыва, в партийном эгоцентризме, не щадили в своих мемуарах и себя. По оценке В.М.Чернова, «главную причину затяжки с Учредительным собранием было то, что кадетская партия ультимативно настаивала на соблюдении всех формальностей процедуры по организации выборов», не допуская участия в них «самочинных органов народной власти»¹⁹. Однако то, что было приемлемо для революционера Чернова, совершенно противоречило правосознанию профессиональных юристов-кадетов. Ф.Ф.Кокошкин, выступая на VII съезде кадетской партии, возражал против того, чтобы жертвовать формальностями ради ускорения дела: «Скорейший созыв Учредительного собрания чрезвычайно

важен, но не менее важно, чтобы воля народа выражалась самым правильным образом»²⁰. Другой кадет, В.Д.Набоков, считая главным виновником этой затяжки исполком Совета, полагал, однако, невозможным ускорить дело хотя бы упрощением всей процедуры, так как начался бы немедленный поход против правительства, с обвинением его в намерении составить закон кабинетным, бюрократическим путем²¹. В подобных обличениях, признаниях и полупризнаниях есть немалая доля истины, но только доля. «Законничество» кадетских юристов воспринималось как саботаж, и во всяком случае оно все более и более отставало от лихорадочного темпа жизни страны. Абсурдное сочетание доктринального упрямства и практической неискушенности, замечает по этому случаю В.П.Булдаков, обычно подстегивает правовой беспредел²². Когда же логика развития событий впрямую столкнула силу права и право силы, победа последнего была безоговорочной.

В такой обстановке вопрос о сроках созыва Учредительного собрания скорее всего мог разрешиться в кризисной форме. Так и случилось. В самом Временном правительстве он вызвал разногласия после того, как в начале мая был образован коалиционный кабинет с участием социалистов. А.Ф.Керенский, В.М.Чернов, И.Г.Церетели, М.И.Скобелев побуждали остальных министров назначить выборы и созыв Учредительного собрания на сентябрь. Кадеты А.И.Шингарев, Д.И.Шаховской, А.А.Мануилов противились, но, видимо, и они сознавали, что дальше медлить опасно.

Эти опасения обрели реальные очертания в связи с назначенной под давлением ЦК большевиков на 18 июня массовой демонстрацией в Петрограде. «Чтобы предупредить успех большевиков, вырвать у большевистской агитации ее жало, — свидетельствовал М.Вишняк, — правительство назначило срок выборов за четыре дня до демонстрации»²³.

14 июня во Временное правительство был вызван Ф.Ф.Кошкин. На прямо заданный ему вопрос, когда могут состояться выборы, он назвал два месяца со времени избрания новых органов самоуправления. Резко возражал И.Г.Церетели, доказывая, что в ненормальных условиях, в которых пребывает Россия, придется поступиться юридически безукоризненной процедурой. Премьер князь Г.Е.Львов обвинил в затяжке Советы, слишком долго и пристрастно подбиравшие личный состав Особого совещания²⁴. В конце концов после длительных консультаций с членами Особого совещания и многочасовых прений, затянувшихся за полночь, Временное правительство назначило выборы на 17 сентября, а открытие Учредительного собрания на 30 сентября. Установленная вынужденным, аварийным решением, эта дата была заведомо нереальна и обре-

чена на невыполнение, по выражению Н.Н.Суханова, «писана вилами на воде»²⁵. Нереально было и проведение выборов в один день. Правительство и само это понимало, и, когда после июльского пика массовая стихийная волна спала, оно с легким сердцем отодвинуло эти сроки на ноябрь.

Вопрос о сроках созыва Учредительного собрания принципиален для тех историков, которые связывают с ним возможность альтернативного развития событий по демократическому пути. Его осуществимость во многом, если не решающим образом, определялась такими сроками. Чем раньше, тем, вероятно, лучше, хотя и нельзя утверждать определенно, когда, на каком этапе революции открытие Учредительного собрания могло наверняка остановить нарастание паралича власти и сползание к гражданской войне в стране. Французский историк Ш.Сеньобос мудро предостерегал на этот счет: задавать себе вопросы очень полезно, но отвечать на них очень опасно.

О.Н.Знаменский, тщательно исследовавший историю разработки и реализации закона об Учредительном собрании, полагал, что, если бы не было «раскачки», оно могло быть создано уже в июне. Гарантию он видел в привлечении представителей Советов и других организаций к составлению списков избирателей и другим подготовительным мерам. Неизбежные при этом издержки поспешности не могли сравниться с издержками промедления²⁶. С этим можно бы согласиться, но в таком случае первой из таких издержек должна была стать, например, двухступенная система выборов в деревне, для крестьянства. Трудно, однако, предположить, чтобы столь недемократичная, по меркам 1917 года, хотя и практически удобная норма могла найти применение в свободной России, и потому возможность, о которой упоминает О.Н.Знаменский, представляется сугубо гипотетической.

Новейшая история многих европейских стран показала, что переходный период революций, в течение которого у власти пребывают правительства со временными полномочиями, обычно занимает не более трех-четырех месяцев. В Германии, например, после Ноябрьской революции 1918 г. выборы в Национальное Учредительное собрание состоялись уже в январе 1919 г.

Но Россия не Германия ни по цивилизационным, ни по географическим условиям. Подготовка всеобщих выборов в необъятной стране была неминуемо сопряжена со столь же грандиозными трудностями организационно-технического характера. Это в полной мере понимали и ощутили составители избирательного закона и те, кто его претворяли в жизнь, но менее всего принимают в расчет исследователи. Никогда прежде в России не проводилось всеобщего голосования. Низкая общая

культура населения, отсутствие достаточного количества просто грамотных людей для избирательного аппарата, особые геополитические условия страны, раскинувшейся на бескрайних просторах Евразии, многоязычной, пестроукладной, переживающей одну из тяжелейших за свою историю войн. При самом честном и добросовестном отношении к делу оно требовало не недель — месяцев, даже если забыть о российских бюрократических традициях.

Очевидно, что масштабы всех трудностей не предвидели и сами законодворцы. Показательна метаморфоза с В.В.Водовозовым, публицистом, кандидатом права, страстным поборником народовластия. В своих статьях об Учредительном собрании он отводил первоначально на его созыв 8-10 недель. Осенью 1917 г. Водовозов, озабоченный, по язвительному замечанию М.Вишняка, тем, где найти грамотных членов участковой комиссии для 90 жителей Новой Земли²⁷, полагал, что надо еще не менее трех месяцев, и это при условии, что Учредительное собрание откроется без делегатов Сибири и Севера, где за такой срок подготовить выборы невозможно.

Принятый, хотя и со значительной задержкой, закон о выборах в Учредительное собрание стал в итоге перлом революционного законодательства, к чести и историческому оправданию его авторов.

Выступая 20 июня на заседании I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, один из них, Л.М.Брамсон, говорил: «Тот избирательный закон, который дней через десять увидит свет, представляется наиболее демократическим и наиболее последовательно проведенным, с точки зрения социалиста, законом, какого не знает еще ни одно государство Европы, а может быть... и всего мира»²⁸. При его подготовке переводились и сопоставлялись тексты избирательных законов Франции, Германии, Бельгии, Норвегии, Сербии и других европейских стран и североамериканских штатов. Однако ни один из них не мог быть механически перенесен на российскую почву без учета демократического характера революции и того содержания, которым была насыщена идея Всероссийского Учредительного собрания.

При открытии Особого совещания премьер Г.Е.Львов напомнил его членам, что работа по подготовке избирательного закона «требует величайшей справедливости по отношению ко всем частям и группам пестрого состава населения нашего громадного государства»²⁹. Без преувеличения, этот принцип был соблюден практически полностью, хотя и утверждался он в острой подчас борьбе.

Так, при обсуждении вопроса о возрасте избирателей мнения разделились по партийному признаку. Эсеры и меньшеви-

ки отстаивали свои программные положения, согласно которым избирательный ценз равнялся 20 годам. Кадеты апеллировали к европейскому опыту, где обычно граждане получали право голоса с 21 года. По словам В.А.Маклакова, в этом случае «мы будем в хорошей компании: с нами будут Северо-Американские Соединенные Штаты, Англия и Франция»³⁰. Большевики добивались понижения избирательного возраста до 18 лет, явно рассчитывая на юношеский максимализм. Их аргументы обретали особую вескость, когда речь шла об армии, где миллионы молодых людей, досрочно взятых под ружье (в годы войны стали брать не с 21 года, а по достижении 18 лет), рисковали своей жизнью за интересы государства, не получая важнейшего гражданского права. В итоге за пониженный ценз для армии высказался и Исполком Петроградского Совета. 29 мая Особое совещание после длительного взвешивания доводов pro и contra 42 голосами против одного предоставило право голоса всем военнослужащим независимо от возраста. Остальные граждане могли голосовать, если ко дню выборов им исполнилось 20 лет (ст. 3, гл. II «Об избирательном праве» Положения о выборах). Однако давление на правительство с целью понизить возрастной ценз продолжалось. 15 октября в Москве на митинге на Красной площади и на Скобелевской площади, где было 700-800 большевиков, среди прочих был и лозунг «Право 18-летних для Учредительного собрания»³¹.

Крупным демократическим достижением было и предоставление избирательного права женщинам — такое право имели тогда жительницы немногих государств (Норвегия, Дания, Финляндия, Австралия, Новая Зеландия, ряд американских штатов). Противников равноправия женщин было немало, причем не только среди правых, но, как это ни странно, и среди левых. Если правые уверяли, что женщины ничего в политике не смыслят, склонны к крайностям и, увлеченные демагогией большевизма, будут способствовать его торжеству, то с левой стороны высказывались опасения противоположного свойства: женщины консервативны, они хотят вернуть монархию. На заседании Бюро ЦК РСДРП(б) 15 марта киевский делегат (его фамилия не установлена) высказал именно такое суждение. 2 апреля на Всероссийском совещании Советов делегат Серов из Вологды предостерег, что женщины «по большей части еще плачут по Николаю Второму»³². Однако более убедительно прозвучал контрдовод трудовика В.Б.Станкевича: чем можно оправдать лишение избирательного права Веры Фигнер и «бабушки русской революции» Екатерины Брешко-Брешковской?

Поначалу не было единства в этом пункте и среди министров. Во второй половине марта главу правительства князя

Львова посетила делегация известных общественных деятелей России (В.Фигнер, С.Панина, А.Милюкова, А.Тыркова). Премьер заверил их, что женщинам будет дано права голоса.

Состоявшиеся летом и в начале осени выборы в органы местного самоуправления — городские думы и волостные земства — опровергли страхи и худшие предположения. Женщины, по наблюдениям очевидцев, не были склонны к политическим крайностям, отличаясь особой серьезностью при голосовании. Но эти выборы показали и другое — в деревне женщинам еще предстояло бороться за свои права, преодолевая патриархально-крестьянские предрассудки. Так, в селе Ново-Троицком Бердянского уезда (Таврическая губерния) мужики отменили выборы волостного земства из-за того, что в них участвовали женщины, и на повторные выборы уже их не допустили. В Платоновке Козелецкого уезда на Черниговщине, в некоторых других местах крестьяне не допустили женщин к земским выборам³³.

Избирательный закон не предусматривал каких-либо ограничений имущественного и образовательного характера. Не было и ценза оседлости, от которого прежде особенно страдали многочисленные рабочие-сезонники и крестьяне-отходники. В избирательные списки включались все лица, прибывшие на территорию избирательного участка к моменту их составления. Это обеспечило право голоса за сотнями тысяч беженцев из западных губерний, оккупированных германскими войсками. Не делалось различия между природными россиянами и натурализовавшимися иностранцами, принявшими российское гражданство хотя бы накануне составления избирательных списков. Кочевники должны были голосовать там, где будут жить во время выборов.

Особое совещание отклонило поправку об ограничении в избирательных правах содержателей домов терпимости, признав тем самым, что принадлежность к той или иной профессии, как бы она ни была отвратительна, не может служить поводом для такого ограничения³⁴.

Вместе с тем вводились и изъятия из электората. Были лишены избирательных прав все лица, находившиеся к моменту выборов под стражей. В отношении тех из них, кто еще находился под следствием и чья вина не была установлена судом, это выглядело нарушением презумпции невиновности. Но октябрьский переворот и здесь многое изменил. Случаи голосования в тюрьмах известны. Лишались права голоса лица, не восстановленные в правах состояния после отбытия наказания по суду³⁵.

Специфическим был вопрос о дезертирах, счет которых шел на миллионы (по крайней мере, не менее двух). Командование

требовало поражения их гражданских прав, и начальник штаба Ставки генерал М.В.Алексеев в письме военному министру А.И.Гучкову от 16 апреля рекомендовал лишить дезертиров права выбирать в Учредительное собрание³⁶. На этой точке зрения стояли, естественно, все оборонцы, не желая давать такого косвенного морального оправдания дезертирства, как предоставление беглецам права голоса. Юридически же ситуация ныне представляется абсурдной, поскольку дезертир, явившийся на выборы, подлежал задержанию, после чего он уже не был вполне дезертиром. Но это лишь иллюстрация к тому состоянию, в каком находилась в ту пору страна.

Впрочем, большевики отстаивали иной взгляд на проблему дезертирства, рассматривая его как форму массового политического протеста против несправедливой войны, как самодемобилизацию армии. В лишении дезертиров избирательных прав они видели внесудебную расправу. 26 мая Временное правительство своей властью определило, что военнослужащие, самовольно покинувшие ряды войск, лишаются права избирать в Учредительное собрание и права на землю (последнее решение должно было утвердить само высочайшее Собрание)³⁷. На деле же и это ограничение оказалось неэффективным. Число дезертиров не уменьшилось, а постоянно умножалось; они безбоязненно являлись на избирательные участки, голосовали сами и зачастую оказывали давление на избирателей.

В недрах Особого совещания острую дискуссию породил вопрос об избирательных правах членов царской семьи, мало-значительный, на первый взгляд. Вначале предполагалось лишить Романовых лишь пассивного права, то есть быть избранными в Учредительное собрание, дабы не дать возможности монархическим элементам развернуть легальную агитационную кампанию. Что касалось права голоса для Романовых, то в этом не усматривалось опасности, так как «ничтожное количество членов царствующего дома никоим образом не может повлиять на самый исход выборов»³⁸. При обсуждении вопроса 30 мая в Особом совещании развернулись споры. По мнению кадетов, выраженному Ф.Ф.Кокошкиным, лишение Романовых права голоса «неэстетично», выглядит актом политической мести, не гармонируя с общим демократическим духом закона. Им резко возражал М.Ю.Козловский, напомнив, что народ, свергнувший монархию, тем самым определил свое отношение к Романовым. Дарование же им избирательных прав было бы попранием воли народа и преступлением против революции.

Особое совещание явным большинством (38 голосов против 5) отклонило всякое ограничение избирательных прав царской семьи. Тем большим было изумление всех, когда Временное правительство отказало Романовым и в активном и в пас-

сивном избирательном праве. Вероятно, таким способом оно хотело избавиться от подозрений в симпатиях к монархии: в противном случае именно так истолковал бы это народ, а для левых это был бы лучший подарок. Группа членов семьи Романовых (великий князь Николай Михайлович и др.) заявили протест против такого решения, мотивируя его тем, что отдельные ветви семьи состоят в дальнем родстве с царем и несправедливо налагать столь серьезную гражданскую кару на всех членов фамилии³⁹.

Перед самым октябрьским переворотом в небольшевистских газетах муссировался вопрос о том, может ли Ленин, официально состоявший под судом, избирать и быть избранным в Учредительное собрание. Вопрос был поднят Московской столичной окружной комиссией перед сенатом⁴⁰, но разрешился он, как известно, самой жизнью.

Ключевым был, безусловно, вопрос о системе выборов. Сравнительные достоинства и недостатки разных избирательных систем, возможность их применения в условиях России изучала специальная комиссия Особого совещания, они широко обсуждались в прессе. Выбор был сделан в пользу пропорциональной системы как наиболее демократичной. Она была изобретена французским революционером Сен-Жюстом, усовершенствована и обоснована английским мыслителем Д.-С.Миллем. Эта система уже применялась в ряде государств Европы (в «старой» Швейцарии, в «молодых» Сербии, Болгарии, Финляндии и др.). Ее основное преимущество перед широко распространенной мажоритарной системой заключалось в том, что она не требовала абсолютного большинства голосов в каждом избирательном округе и обеспечивала права меньшинства, что, пожалуй, признается ныне главным критерием демократизма. Это означало, что даже самая слабая партия могла послать своих представителей в Учредительное собрание, набрав установленный для данного округа минимум голосов. В условиях России несомненным плюсом было и то, что можно было в наибольшей степени использовать существующее административное деление страны, приняв за избирательный округ губернию или область. Странники пропорциональной системы видели ее достоинство и в устранении личной борьбы, при которой волю народа могли узурпировать авантюристы и демагоги.

За эту систему в принципе высказывались и либералы. На VII съезде кадетской партии Ф.Ф.Кокошкин в докладе об Учредительном собрании характеризовал пропорциональную систему как наиболее целесообразную в России и справедливую. Кадетский ЦК, высказавшись за нее, рекомендовал своим

местным организациям обсудить этот вопрос и представить свои соображения Центральному комитету⁴¹.

Но в кадетской среде были и возражения против этой системы, высказанные, впрочем, чаще задним числом, на фоне триумфа большевизма. Их общий смысл заключался в том, что пропорциональное представительство и прямые тайные выборы для России малопригодны, учитывая на 70% неграмотное население и «полное незнание с политическими партиями»⁴². «Эта система чужда духу русского народа, — писала 14 ноября выходящая в Великом Устюге прокадетская газета «Северо-Двинский край», — потому что она закабалает избирателя партийными списками, которые не позволяют проявить истинный лик народа. Скорее всего можно опасаться, что благодаря этой системе в Учредительное собрание пройдут не выразители воли народа, а политические самозванцы». Уже в эмиграции, касаясь итогов выборов в Учредительное собрание, крымский кадет Д.С.Пасманик писал: «Хваленая пропорциональная система понизила сознательность до нуля. Голосовали массы по команде за "Землю и волю", за "Долой войну"⁴³. Повидимому, не случайно именно провинциальные кадеты, ближе знавшие состояние массовой культуры электората, оспаривали пропорциональную систему. Имеет, вероятно, смысл суждение о том, что резкое, по-русски, расширение избирательных прав населения уже при выборах в Государственные думы вызвало в России хронологически более ранний кризис либерализма⁴⁴. В 1917 г. кадеты это уже ощутили.

Скептики были и в самом Особом совещании. Особое мнение по этому вопросу зафиксировали В.В.Водовозов, В.А.Мякотин, В.М.Гессен. Признавая пропорциональную систему пригодной для политически развитых стран, с малым населением и малой территорией, они настаивали, что в интересах демократии требовать упрощения выборов — единоличные выборы по большинству голосов⁴⁵.

В подобных замечаниях был некий резон, тем более что Особое совещание выбрало многоименный вариант пропорциональной системы, когда избиратель голосовал за весь список кандидатов в целом и не мог произвести в нем никаких изменений. Стоило ему поменять последовательность кандидатур, вычеркнуть или вписать кого-либо, и такой бюллетень считался недействительным. Однако столь же мало общество было готово и к голосованию по персональному признаку. И оппоненты резонно возражали, что в такой стране, как Россия, это откроет дорогу политическим хамелеонам, способным обольстить неопытных избирателей, особенно в деревне.

Между тем пропорциональная система была технически удобна тем, что она не требовала создания новых избиратель-

ных округов — в большинстве случаев их границы совпадали с границами губерний и областей. Было и еще одно важное соображение, оставшееся вне внимания исследователей вопроса. Мажоритарная система требовала нарезать большое количество мелких избирательных округов (не более уезда), что могло стать для многих национальностей тем или иным предрешением вопроса об их территориальном разграничении и было чревато значительными осложнениями⁴⁶. Поэтому она применялась лишь там, где ее нельзя было избежать: в обширных малонаселенных местностях, в губерниях и областях, которые по численности своих избирателей могли послать не более одного-двух депутатов в Учредительное собрание (Архангельская и Олонецкая губернии, Закаспийская, Камчатская, Якутская области). Всего таких округов было 12; в них мандат получал список, собравший относительное большинство голосов. Ее несомненный минус был в том, что игнорировались права меньшинства на представительство.

Комиссия по системам права рассматривала и предложенную Н.М.Фридманом систему, применявшуюся в Люксембурге, согласно которой вся страна рассматривалась как один округ, разделенный на участки-уезды. В каждом из таких участков партия могла выдвинуть только одного кандидата, который был бы, предположительно, известен избирателям. После подсчета голосов по всей стране мандаты должны были распределяться в соответствии с избирательным метром. Однако комиссия отклонила этот проект, указав, что он сочетает в себе недостатки и пропорциональной и мажоритарной систем, не обладая их достоинствами⁴⁷.

В целом же пропорциональная система отвечала растущей политизации общества и обеспечивала многообразие политических оттенков в законодательном собрании. Сами выборы по существу превращались в соперничество крупных и мелких партий, их предвыборных платформ. Выдержать конкуренцию с ними независимые депутаты не могли. Избирательная система давала не вполне компетентный состав депутатов, так как в списки попадали прежде всего партийные активисты, а не люди, готовые к законодательной деятельности, — таковых в революционных партиях практически не было.

Размышляя по этому поводу, А.И.Солженицын в своем эссе «Как нам обустроить Россию?» сделал вывод: «Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям... Во всяких государственных выборах партии, наряду с любыми независимыми группами, имеют право выдвигать кандидатов, агитировать за них, но без составления партийных списков... Власть — это заповеданное служение и не может быть предметом конкуренции

партий». Писатель, конечно, прав в том, что при данной системе каждый отдельный кандидат ответственен лично не перед избирателями, а только перед своей партией. Преимущество же оказывалось у партий, более централизованных, с большей властью партийных инстанций. Оставляя в стороне нерасположение А.И.Солженицына к демократии как форме правления, ущемляющей свободу отдельной личности, вспомним известную сентенцию: демократия не слишком хороша, но ничего лучшего человечество не придумало. Да и, очевидно, не система голосования подвела Россию...

А.И.Солженицын указывает, что в 1917 году многоименную пропорциональную систему поддержали и кадеты и большевики, и Гессен и Ленин. Поддержали потому, что она удобна в партийных целях. Но ее поддержали и социальные низы, которым упрощенно партийное деление облегчало общественно-политическую ориентировку в бурном водовороте событий. Так, II крестьянский съезд Воронежской губернии 20 июля приветствовал принцип голосования не за одно лицо, а за партию и призвал крестьян голосовать за партию эсеров⁴⁸.

Закон о выборах устанавливал шкалу наказаний за нарушение свободы выборов и даже покушение на нее. Например, виновные в самовольном снятии, уничтожении публично вывешенных избирательных объявлений, воззваний, списков наказывались арестом на срок до одного месяца или денежным штрафом до 100 рублей, виновные в попытках помешать избирателям свободно голосовать — заключением в исправительный дом до трех лет. Духовное лицо, которое во время богослужения станет оказывать какое-то влияние на выборы, подлежало тюремному заключению на срок до шести месяцев. Самое тяжелое наказание определялось за помехи выборам и деятельности избирательных комиссий — вплоть до шестилетней каторги. Известно, однако, что строгость российских законов умеряется необязательностью их исполнения. Попыток применения этих санкций в процессе выборов нами не отмечено, кроме одной⁴⁹.

Но это уже не связано с самим избирательным законом. Его достоинства признаны даже советской историко-правовой наукой, взращенной на образцах 100-процентного голосования за единственного кандидата. В нем нельзя увидеть признаков какого-либо предпочтения или стеснения одной из групп населения. Особое совещание справедливо подчеркивало, что «столь широкое осуществление начал всеобщности на выборах неизвестно доселе ни одному законодательству, и Россия в этом отношении идет, несомненно, впереди других стран»⁵⁰. Состав избирателей был так широк, как нигде в мире. В Европе в это время только в Швейцарии могли голосовать, как в

России, 20-летние. В Англии, Франции, Соединенных Штатах возрастной ценз равнялся 21 году, в Швеции, Финляндии, Австрии — 24 годам, в Германии, Бельгии, Норвегии, Испании — 25. Нигде в мире, кроме России, не имели тогда избирательных прав военнослужащие (в царские времена устав запрещал им участие в политической жизни, пребывание в каких-либо политических обществах). Всеобщее избирательное право было введено в России тогда, когда в Англии право голоса имели только 30% населения. Для сравнения — в Государственные думы могли избирать около 15% жителей России.

Закон способствовал приобщению к политической жизни и государственно-правовому оформлению ряда народов и территорий, прежде лишенных права голоса и представительства в высших законодательных учреждениях страны. Это касалось малых народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Казахстана. Все местные учредительные собрания, национальные и областные, созываемые позже на неподконтрольной большевикам территории (Украина, Таврия, Прибалтика, Армения, Грузия, Сибирь и др.), были основаны на законе о выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Правоведами отмечено его влияние на избирательные реформы в ряде европейских стран (в Англии в 1918 г. к выборам были допущены женщины с 30-летнего возраста и военнослужащие, а до того избирательные права имели только 65% взрослых мужчин⁵¹.)

М.В.Вишняк, один из соавторов избирательного закона, с горечью констатировал: «огромный дефект закона — его совершенство»⁵². П.Сорокин, отмечая демократизм закона, тем не менее иронизировал, что «он так же годится для современной России, как вечернее платье для прогулки на лошади»⁵³. Этот парадокс разделяли многие современники, вкладывая в него свой смысл, свое понимание событий. Но в нем есть и объективная логика. Мировой парламентский опыт указывает на определенный баланс между характером представительного учреждения и его работоспособностью. Избирательный закон преследует либо те, либо другие ценности: либо справедливость и равенство, либо сильное правительство. В данном случае первое было явно в ущерб второму. Закон не предусматривал никакого процентного «порога», что было вполне демократично, благоприятствовало малым партиям, но уподобляло будущее законодательное собрание лоскутному ковру. Экстремальные условия революции, войны, исторической запущенности реформ в России оборачивались тем, что каждая демократическая мера была как бы чревата собственной противоположностью. Но главный дефект этого закона состоял, на наш взгляд, в том, что он слишком запоздал.

«Вводить всеобщее избирательное право... в стране с традициями авторитаризма, патриархальности, сословности, размытыми отношениями собственности, минимумом политической грамотности (не говоря уже о грамотности элементарной) было одной из величайших нелепостей, — пишет В.П.Булдаков. — Закон должен соответствовать уровню правосознания активной части населения»⁵⁴. Против этого трудно спорить и теоретически, и особенно практически, отталкиваясь от опыта 1917 г. Иначе, как абсурдом, нельзя назвать проведение всеобщего голосования при единственном кандидатском списке без названия (Прикаспийский округ). В избирательном законе следует видеть, очевидно, одно из проявлений российского либерального мессианизма и одновременно неразрешимое противоречие русской революции. Полагая, что даже объявление выборов в V Государственную думу по старому избирательному закону принесло бы стране меньше вреда, В.П.Булдаков признает, однако, что с революцией куриальная система ушла в прошлое. Более того, Государственная дума как таковая стала для масс своеобразным жулелом.

Рассуждения по поводу закона о выборах во Всероссийское Учредительное собрание кажутся праздными: все равно ведь избирательная демократия в 1917 году не сработала. Однако этот исторический экскурс позволяет видеть в избирательной реформе 1917 года плод разумного компромисса, возобладавшего над узкопартийными интересами и амбициями. В Маринском дворце, где заседали Особое совещание и его комиссии, была представлена почти вся российская политическая палитра. По воспоминаниям М.В.Вишняка, руководство работой было авторитетным и компетентным. Председателями комиссий с общего согласия избирались известные профессора, секретарей и докладчиков поставлял преимущественно более молодой левый сектор Особого совещания. Только по частным вопросам расходились резко фланги. Как правило же, предложения руководителей в общем собрании и в комиссиях встречали сочувствие и одобрение подавляющего большинства⁵⁵. Как бы там ни было, собравшись 2 сентября на свое последнее заседание, Особое совещание в целом могло считать свою задачу выполненной.

20 июля Временное правительство утвердило первые пять глав Положения о выборах с тем, чтобы, основываясь на них, начать практическую подготовку к выборам, одновременно дорабатывая проекты остальных разделов Положения⁵⁶.

26 июля Временное правительство возложило подготовительные работы, связанные с открытием Учредительного собрания, на Юридическое совещание. Ему поручено было представить пакет правовых актов, которые, не посягая на прерогати-

вы суверенного Учредительного собрания, должны были облегчить его деятельность. Это были проекты тех узаконений, которые станут перед депутатами сразу после начала работы: регламент работы Собрания, его организационный статут, положение исполнительной власти, будущая российская конституция. Они носили не официальный, а скорее частный характер, руководствовались благим желанием помочь депутатам, учитывая профессиональную неподготовленность многих из них⁵⁷. Большинство проектов не было доведено до конца, поскольку большевистский переворот пресек работу этих правительственных учреждений. Тем не менее представляет интерес, по каким рельсам предполагалось направить ассамблею, как мыслилось проектантам будущее государственное строение России.

21 сентября Юридическое совещание приняло заключение о порядке открытия Учредительного собрания и юридическом положении вследствие этого исполнительной власти. В документе отмечалось, что всякая попытка со стороны Временного правительства определить порядок самого конституирования Учредительного собрания (по аналогии с Францией 1848 г.) была бы нарушением прав последнего, ибо оно не заимствует своих полномочий от правительства. Но если Временное правительство может назначить день первого заседания Учредительного собрания, то оно компетентно и объявить его открытым. На этом роль его прекращалась, и право председательства переходило к старейшему депутату. Однако при отсутствии регламента работы могли возникнуть значительные затруднения, поскольку предложения от партий или групп из состава Учредительного собрания могли вызвать возражения. Для этого требовалось разработать Наказ. Временное правительство формально прекращало свою деятельность, но министры должны были оставаться на своих постах в качестве органов текущего управления, подчиненных Учредительному собранию и ответственных перед ним впредь до организации новой исполнительной власти⁵⁸.

Учредительное собрание должно было открыться с прибытием в столицу не менее $\frac{1}{3}$ уже избранных депутатов. Право торжественного открытия предоставлялось главе Временного правительства. Собрание образовывало 18 отделов (политический, юридический, военный, экономический, бюджетный, социальный и др.) для предварительного обсуждения вопросов, которые затем выносились бы на общее заседание. Пленарные заседания должны быть публичными, если только депутаты не решат иначе. Наказ Учредительного собрания должно было принять оно само, основываясь на временном Наказе, разработанном Юридическим совещанием. В ходе его незавершившейся подготовки участники совещания пытались добросовест-

но обобщить и свести воедино опыт законодательных учреждений Европы и Наказ Государственной думы.

8 октября Юридическое совещание приняло «Временные правила об ограждении безопасности Учредительного собрания и охранении порядка в его здании». Для охраны личной неприкосновенности депутатов и всего Собрания его председателю придавались специальные воинские части; без требования председателя в зал заседания не могла войти никакая вооруженная сила, в радиусе одной версты воспрещались публичные сборища. За воспрепятствование «свободной деятельности Учредительного собрания посредством насильственных действий или наказуемой угрозы» грозила каторга⁵⁹.

Всероссийское Учредительное собрание, по определению Юридического совещания, обладало всей полнотой власти с того момента, как оно само признает себя существующим. В этом сомнений не было. Но каковы его prerogatives? Должно ли оно ограничиться принятием конституции или стать своего рода Конвентом, то есть по существу чрезвычайным революционным органом, наделенным не только законодательной, но и исполнительной властью? Последнее толкование отстаивали социалисты, но верх взяла либеральная трактовка, основанная на идее разделения законодательной и исполнительной власти. Ссылаясь на опыт истории, юристы-кадеты доказывали, что соединение властей чревато застоєм в делах государственного управления. Идея Конвента была отвергнута Юридическим совещанием, поскольку она «приводит к самому безудержному деспотизму» и потому осуждена историей⁶⁰.

С другой стороны, летом 1917 г. в общественном мнении утвердилось представление о том, что Учредительное собрание продлится неопределенно долго прежде, чем сможет решить возложенные на него задачи, и потому ему предстоит самому сыграть роль парламента. Это порождало немалые юридические и практические сложности во взаимодействии различных ветвей власти. В качестве образца для будущей государственной модели России была избрана Третья республика во Франции, установленная в 1871 г. после разгрома Парижской коммуны. Это была республика президентского типа, с временным президентом как главой верховной исполнительной власти, с парламентом из двух палат, что должно было придать устойчивость законодательной системе. Естественно, все эти наметки были лишь сырьем для последующей его переработки в законы Учредительным собранием. Но в них легко обнаружить стремление пересадить на почву российской государственности наиболее жизнеспособные побеги европейской республиканско-парламентской системы. Очевидно желание создать твердую

власть, учитывая авторитарные традиции российской государственности и массового правосознания.

Юридическое совещание занималось также и подготовкой Основного закона государства в таком его виде, который помог бы Учредительному собранию разобраться в конкретных государственно-правовых вопросах и принять акт конституционного характера. В основу конституции предполагалось положить принципы народного верховенства, широкого обеспечения местного самоуправления, признания и обеспечения широкой индивидуальной свободы граждан⁶¹. Специальной комиссии Юридического совещания удалось разработать тексты отдельных статей и разделов будущей конституции, однако полный ее текст она выработать не успела.

Читатель имеет перед исследователем важное преимущество: располагая той же информацией, он не связан строгими канонами научного профессионализма. Историк же имеет дело не с побуждениями, а с результатами человеческих деяний. Он не может гадать, какие конкретные решения о государственном строе России приняло бы Учредительное собрание. Читатель не пройдет мимо такой возможности, и вряд ли он ошибется, предположив, что оно выскажется за демократический режим в стране.

Ныне, когда наша послеоктябрьская история воспринимается не как разрыв с прошлым, а как его продолжение, от этих мыслей нельзя отказаться. Недавний крах неработоспособной, квазигосударственной советской системы, оформление сильной президентской исполнительной власти с реальным, а не фиктивным многопартийным парламентом воспринимаются ныне как движение к универсальным и вечным принципам демократии, попытки внедрить которые были и в 1917 году.

Приходится, однако, наряду с этим констатировать, что цивилизационные предпосылки для складывания в России представительной демократии классического типа были тогда слишком слабы. В связи с этим в современной историко-философской литературе высказывается мысль, будто Россия в XX веке была вообще обречена на тоталитаризм⁶², словно бы не в этой стране в феврале 1917 года была сброшена авторитарная власть и на протяжении нескольких месяцев существовали демократические свободы и институты. Но не приходится отрицать, что они оказались слишком хрупки и что вообще революционная эпоха — не лучшее время для становления парламентских форм правления, ибо она всегда чревата диктатурой. Ущемленные в экономико-правовом отношении низы жаждали социального реванша, им были безразличны соображения легитимности власти, и они тяготели к прямой демократии, грозившей вылиться в охлократию, власть толпы. Эта опасность побужда-

ла и те элементы общества, которые разделяли принципы парламентаризма, на неопределенный переходный период желать установления сильной и твердой власти.

Делая лишь первые шаги, представительная демократия в России не успела выработать защитных механизмов, была легко уязвима перед попытками узурпации власти. Это был первый, но необходимый этап демократического развития России. Какова бы ни была дальнейшая судьба Всероссийского Учредительного собрания, разработчики избирательного закона сделали максимум от них зависящего, чтобы оно стало действительным выражением воли народа. Но силы распада действовали в революционной России еще энергичнее.

2. Организационная лихорадка: в погоне за утерянным временем

«На исходе тринадцатой недели корабль был закончен постройкой и оснащен, — писал М.Вишняк, имея в виду избирательный закон. — Оставалось спустить его на воду и доплыть до назначенной гавани»⁶³. В Таврическом дворце начался ремонт по случаю предстоящего открытия Учредительного собрания — Временное правительство отпустило на эти нужды 2 миллиона рублей.

22 июля Положение о выборах во Всероссийское Учредительное собрание было опубликовано в «Вестнике Временного правительства», став известным всей стране. После долгих блужданий в законодательных лабиринтах популярная идея наконец предстала перед общественностью в строгом блеске лапидарных юридических формул, в броне закона. Но отдельные статьи Положения затем дополнялись и корректировались правительством с учетом возникавших при его реализации проблем.

Как уже говорилось, драматическая судьба Учредительного собрания бросила тень и на историографию вопроса. Почти не исследована технология выборов, работа избирательного аппарата. Между тем это были важнейшие составные части всего выборного процесса, требующие специального анализа.

Сложным и трудоемким был комплекс проблем, связанных с определением численности избирателей, делением страны на избирательные округа, выделением для них депутатских квот. Решение любого социального вопроса, всякая реформа в России неизбежно упиралась в огромность ее населения и территории и зачастую увязали в этом. Осуществление всеобщего избирательного права в России имело как бы две стороны — политическую и социальную. Если первая не вызвала особых за-

труднений, то решение второй задачи представляло громадную техническую трудность.

В ходе работы Особого совещания было установлено, что оптимальное число членов Учредительного собрания составляет около 800 человек (хотя предлагалось и полторы тысячи в целях более широкого представительства интересов и мнений), а количество депутатских мест в каждом из округов должно быть не менее семи (в противном случае пропорциональная система выборов существенно обесценивалась). Это означало, что один депутат в среднем приходился на 200 тыс. жителей. При образовании избирательных округов за основу было принято существующее административное деление России на губернии и области, что сильно упрощало дело. Но для этого пришлось поступиться полным равенством территорий и дать некоторую представительскую льготу слабо заселенным и обширным сибирским округам. Учитывая, что в десяти сибирских губерниях и областях средняя плотность населения составляла всего 0,93 человека на одну квадратную версту (в Березовском уезде Тобольской губернии — 0,05), было признано справедливым понизить для них норму представительства с 200 тыс. человек до 140 тыс. на один депутатский мандат⁶⁴. Льготы были даны и фронтовым округам, где практически все имели право голоса. Если в первом случае один депутат должен был приходиться на 179 тыс. жителей, а во втором — один депутат на 100 тыс. военнослужащих, то для остальной территории пропорция была 1:219 тыс. жителей.

Серьезной и ответственной задачей оказалось исчисление контингента избирателей по стране в целом и по отдельным округам. Это объяснялось как изъянами демографической статистики (всеобщая перепись населения России производилась еще в 1897 г.), так и порожденными войной миграционными потоками, текучестью населения, прежде всего перемещением беженцев из оккупированных неприятелем губерний в глубь страны. От величины электората зависело решение целого ряда других вопросов: границы избирательных округов, определение числа депутатских мандатов, количества избирательных участков, их обеспечение материалами выборного производства. Изучением вопроса занималось Статистическое совещание о методах определения населения избирательных округов. Его председателем был А.А.Кауфман, среди экспертов были известные статистики А.Е.Лосицкий, И.Ф.Макаров, Н.Семевский и др. Для определения численности электората ими привлекались разные источники: данные сельскохозяйственной переписи 1916 г., анкета отдела заготовок Министерства продовольствия 1917 г., сведения Переселенческого управления (надо было знать число беженцев), данные Татьянинского комитета и др.

Признав дефектность всех источников, эксперты Статистического совещания решили опереться на сельскохозяйственную перепись как «наименьшее из зол» и по возможности корректировать ее. А для тех местностей, где эта перепись не проводилась, а также для Витебской губернии, цифры были взяты из «Статистического ежегодника России за 1915 г.» с соответствующей коррекцией. При определении численности населения отдельных местностей, особенно Сибири, Туркестана, Степного края, Закавказья, прифронтовых губерний, между специалистами вспыхивали острые споры. В итоге было решено пренебречь передвижением населения и не принимать его в расчет. Для тех случаев, когда возникали серьезные расхождения в экспертных оценках численности населения (например, для Уральской области были два варианта — 1053,9 тыс. жителей и 828,0 тыс.), эксперты единодушно приняли максимальную цифру⁶⁵.

В конце концов статистики сошлись на общероссийской цифре в 164,2 млн человек, в том числе 151,7 млн гражданских лиц и 12,5 млн военнослужащих⁶⁶. Если учесть, что численность имевших право голоса лиц в возрасте 20 лет и старше определялась, согласно переписи 1897 г., в 51,6% от гражданского населения, то общее число избирателей составляло несколько более 90 млн граждан. Именно эта цифра — 90 млн — с учетом возможной 10-процентной погрешности и была принята Министерством внутренних дел в качестве исходной при заготовке необходимого делопроизводственного материала⁶⁷. Однако за вычетом населения оккупированных территорий (примерно 7090 тыс.), где выборы предполагалось провести сразу после их освобождения, она понижалась до 85—86 млн человек. Всего же с некоторым запасом намечалось изготовить для голосующих 100 млн конвертов⁶⁸.

Небезынтересно сопоставление этих цифр с расчетами числа избирателей, приведенными в записке директора Центрального статистического комитета Н.Семевского от 28 апреля 1917 г. Взяв за исходный возраст 20 лет и исключив население оккупированных районов, Семевский определил контингент избирателей в 79,5 млн. Он не забыл оговориться, что эта цифра приблизительна и в действительности окажется несколько ниже с учетом военных потерь лиц в возрасте 20 лет и более⁶⁹. На деле же она была выше, поскольку Н.Семевский не принял во внимание беженцев и не мог знать, что для военнослужащих избирательный возраст будет понижен до 18 лет.

В целом подсчеты специалистов оказались довольно схожими и, что еще более важно, достаточно точными. Сами они полагали, что установленные ими цифры «являются лучшими из всех имеющихся статистических данных о численности населе-

ния России»⁷⁰. Что эта оценка в целом была ими заслужена, выявилось при составлении списков избирателей. В большинстве округов количество избирателей было близко к расчетному. Наиболее существенное отклонение отмечено нами в Псковской губернии, где вместо 760 тыс. избирательных карточек понадобилось 950 тыс.⁷¹, но это, скорее всего, связано с осенними перемещениями войск в прифронтовом районе, которых не могли предполагать эксперты.

Исходя из величины и размещения электората, был образован в общей сложности 81 избирательный округ — 73 гражданских и 8 воинских. Два округа находились вне пределов страны: округ Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии с центром в Харбине и округ для русских экспедиционных войск во Франции и на Балканах. Обеспечивались права российских граждан в тех национальных государствах, которые находились под протекторатом России. В Финляндии они присоединялись к Петроградскому губернскому округу и могли голосовать на участках в Гельсингфорсе, Выборге и Териоках. В Бухарском ханстве российские граждане присоединялись к Самаркандскому округу, в Урянхайском крае, объявленном в 1914 г. под протекторатом России, — к Енисейскому. Иначе говоря, им предстояло голосовать за кандидатские списки соответствующих округов. Из-за невозможности проведения здесь переписи русского населения избирательные списки составлялись по заявлениям граждан. Отдельные не занятые неприятелем уезды Ковенской и Виленской губерний были присоединены к Витебскому и Минскому округам. Что касается полностью оккупированных губерний (Гродненская, Курляндская, Холмская), то отведенных им 30 депутатов они должны были избрать сразу по очищению их от неприятеля. Была отвергнута просьба беженцев Гродненской губернии о временном допущении выборов для них на двухстепенной основе. Комиссия по окраинам Особого совещания посчитала, что нет особых «беженских» интересов, и не хотела создавать прецедент⁷².

Избирательные округа сильно различались величиной электората, посылая в Учредительное собрание от одного до 36 депутатов (Закавказский округ). Очевидны благие побуждения законодателей учесть при этом все многообразие географических, демографических, хозяйственных, этнических и прочих факторов, не вмещавшихся в жесткие рамки давно сложившегося административно-территориального деления России. Не удалось по этой причине соблюсти принцип «губерния=округ». Из Астраханской губернии, например, в отдельные округа — Прикаспийский и Ордынский — были выделены Калмыцкая и Киргизская степи (аймаки), населенные кочевыми народами, что гарантировало им представительство в Учредительном собра-

нии. Особое совещание предусмотрительно отклонило предложение о создании округов по национальному признаку.

Комиссия по окраинам Особого совещания неоднократно обсуждала вопрос об организации выборов в Закавказье. Здесь столкнулись две позиции. Одну из них предложил Н.Г.Адонц, поддержанный И.Г.Церетели: разбить территорию Закавказья с его мозаичным составом населения на три округа, чтобы учесть интересы трех крупнейших этносов — армян, грузин и азербайджанцев (в 1917 г. их называли татарами). Этот проект раскритиковали кадеты Ф.Ф.Кокошкин, М.С.Аджемов, высказывавшиеся за создание единого округа на территории Закавказья, что позволило бы и русским рассчитывать на представительство. В результате комиссия по окраинам признала, что полное несовпадение административного деления Закавказья с племенными границами побуждает к образованию единого избирательного округа с населением около 7,5 млн человек⁷³.

Надо, впрочем, заметить, что не всегда соединение губерний и областей в один округ или, наоборот, их дробление были адекватны местным условиям, вызывая здесь справедливые нарекания в бюрократическом характере решения. Логически трудно увязать слияние обширных Акмолинской и Семипалатинской областей в Степной округ с населением почти в 3 млн человек и выделение из Сыр-Дарьинской области в качестве самостоятельного округа Аму-Дарьинского отдела, получившего право послать в Учредительное собрание одного депутата. Хотя, разумеется, каждое из этих решений имело обоснование и известный практический смысл.

В исторической литературе высказывались суждения, будто Временное правительство распределило депутатов по округам с умыслом дать явное предпочтение аграрным губерниям перед промышленными⁷⁴, ограничив этим избирательные права рабочего населения и уменьшив шансы большевиков. Но эти подозрения не имеют под собой почвы, а все объяснение заключается в том, что аграрные губернии обычно были более многолюдны. И потому не должно удивлять, что Тамбовская губерния с населением в 3,3 млн жителей избирала 16 депутатов — в два раза больше, чем соседняя Тульская губерния, где проживали 1,7 млн человек.

Как и ожидалось, после оглашения расписания избирательных округов и депутатских мандатов с мест поднялась и пошла в столицу волна ходатайств, рекомендаций, протестов, имевших целью изменить в свою пользу представительство в Учредительном собрании. В них обычно содержались жалобы на ущемленность своих прав в сравнении с другими категориями избирателей. Наибольшую активность развили руководители казачьих войск, добиваясь выделения их в отдельные округа.

Атаман Оренбургского войска А.И.Дутов, настаивая на этом, предупреждал недвусмысленно: «Иначе казачество будет считать, что его игнорируют»⁷⁵. 2 октября съезд горцев Северного Кавказа обратился к правительству с ходатайством об увеличении числа депутатов от Терско-Дагестанского округа с 10 до 15, по примеру Сибири⁷⁶. Делегация от Урянхайского края и Усинского горного округа просила выделить им два места — одно от русского населения и одно — от коренного⁷⁷.

Много просьб, инспирированных комитетскими верхами, шло с фронта. Со ссылками на особые условия и тяготы Действующей армии, на сокращение ее личного состава в них высказывались настойчивые пожелания уменьшить избирательный метр со 100 тыс. избирателей до 75 тыс. О выделении в отдельные округа ходатайствовали Дунайская речная флотилия и 7-й кавалерийский корпус, дислоцированный в Персии⁷⁸. Просьбы о допущении к выборам поступали от русских военнопленных в Германии⁷⁹, от колоний прокаженных и др.⁸⁰.

Большинство этих обращений правительством было отвергнуто. Вместе с тем в конце сентября оно согласилось увеличить представительство от округов с казачьим населением (Область Войска Донского — с 17 до 19, Кубано-Черноморский — с 14 до 16, Оренбургский — с 11 до 12), от столичных Петроградского и Московского и от некоторых окраинных округов. Во фронтовых округах избирательный коэффициент уже в ходе выборов явочным, по существу, порядком был понижен до 75 тыс. человек, что равнозначно увеличению количества депутатских мандатов.

Так постепенно были заложены важные организационные предпосылки выборного дела. Но предстояло нечто неизмеримо более сложное — подготовиться к голосованию, равного которому по масштабам не было в мировой истории.

Общее руководство подготовительными работами Временное правительство возложило на Всероссийскую по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию (сокращенно — Всевыборы), открывшую свою деятельность 7 августа в Маринском дворце. Возглавил ее кадет, профессор Московского коммерческого института Н.Н.Авинов, незадолго до того завершивший выработку новых положений о земстве и городах⁸¹. Все 16 членов комиссии имели опыт работы в Особом совещании. Ввиду важности Всевыборов в событиях, описываемых в этой книге, укажем ее полный состав: кадеты М.М.Винавер, В.М.Гессен, В.А.Маклаков, В.Д.Набоков, Б.Э.Нольде; энесы И.В.Яшунский, Л.М.Брамсон, Э.Э.Понтович; эсеры М.В.Вишняк, Г.И.Лордкипанидзе, М.С.Фокеев; меньшевики В.В.Гомбарг, В.Н.Крохмаль; прогрессист И.М.Гродзицкий; от партии центра А.Г.Лелюхин. В комиссии почти поровну были пред-

ставлены либералы и социалисты, что имелось в виду для взаимного контроля. Товарищами председателя были Набоков и Брамсон. Но партийная ориентация не проявлялась сколько-нибудь заметно в организационно-технической деятельности комиссии. Исключением стал ее конфликт с Совнаркомом, носивший отчетливо политическую окраску, в котором, впрочем, члены комиссии действовали в полном единстве.

Всевыборы осуществляли свою распорядительную деятельность в границах, очерченных Положением о выборах, контролировали подготовку и проведение выборов, подсчет голосов. Штат их канцелярии насчитывал 206 сотрудников с общим годовым содержанием в 856 тыс. рублей⁸². Авинов укомплектовал ее лучшими сотрудниками из канцелярий Государственной думы и Государственного совета. Всевыборы издавали свои «Известия», их редактировал И.В.Яшунский.

Априори было известно, что организация выборов с участием гигантской массы избирателей и к тому же в экстремальных условиях будет сопряжена с особыми трудностями, но подлинного их размера не мог предвидеть никто. Они обнаруживались одна за другой по мере проведения избирательного закона в жизнь, опрокидывая установленный им график сроков и мероприятий.

Согласно постановлению Временного правительства от 14 июня и Положению о выборах, составление списков избирателей возлагалось на органы волостного и городского местного самоуправления, избранные на основе всеобщего и равного голосования. Исполнительным органам земств и городских дум предстояло озаботиться организацией учета электората, рассылкой избирательных записок и именных удостоверений по домам, выполнением других распоряжений комиссий по выборам на местах. Задачи эти проще решались там, где давно существовали земства и была налажена более или менее регулярная текущая статистика населения. Однако земских учреждений к 1917 году вовсе не было на огромных пространствах Севера, в Сибири, Туркестане, на Дальнем Востоке, на Кавказе. Волостного земства в России не было вообще. Таким образом, надо было провести фактически выборы дважды — в местное самоуправление и в Учредительное собрание, что крайне утяжелило задачу. Это была излишняя и непозволительная по тем условиям роскошь.

В конце мая Временное правительство распорядилось о выборах в волостные земские органы в 37 губерниях в срок до 1 октября 1917 г.; для ряда северных губерний, Сибири, Степного края, Уральской области сроки выборов затягивались до конца апреля 1918 г. Выборы шли со скрипом. Проведение их тормозилось бюрократической неразворотливостью властей и

глухим сопротивлением самого крестьянства. Эти выборы крестьяне привычно связывали с неизбежными новыми налогами, реквизициями и прочими тяготами со стороны администрации. В итоге к началу сентября волостные выборы завершились только в девяти губерниях, несколько лучше обстояло дело с переизбранием уездных земских учреждений.

Сравнительно медленно подвигались и муниципальные выборы: к середине октября городские думы были переизбраны в 650 городах из 798⁸³, а это ломало весь порядок подготовительных работ, жестко регламентированный законом о выборах. От разделения округа на избирательные участки до голосования должно было пройти два месяца. Строго определены были сроки и последующих предвыборных операций: за месяц до выборов — обнародование списков избирателей, 10 дней на их обжалование в участковых комиссиях, 5 дней — на рассмотрение жалоб, 10 дней на обжалование решений участковых комиссий и пр. Нарушение срока хотя бы одной из операций этого цикла сбивало общий ритм работ и отодвигало время проведения самих выборов. Многие могла изменить местная инициатива, но Всевыборы твердо стояли на букве закона и ходатайства с мест об упрощении предвыборной процедуры неизменно отклоняли, ссылаясь на то, что им не присвоено это право.

Кампания по выборам в органы местного самоуправления была поистине грандиозной: надлежало избрать свыше 400 тыс. гласных по всей России. В ряде отношений она стала полезной репетицией будущих выборов в Учредительное собрание. И в городах, и в деревне в основном сохранялось то же разделение территории на избирательные участки, в качестве первоосновы использовались списки избирателей на выборах в городские думы и волостные земства (хотя и напрашивается вопрос: если эти списки составлялись старыми органами самоуправления, стоило ли снова городить огород?), в значительной степени прежним оставался избирательный аппарат, особенно в деревне. Политическим партиям эти выборы дали ценную информацию об электоральном поведении населения.

Муниципальные выборы несколько притушили эйфорию в ожидании выборов в Учредительное собрание. Сельское население, по многочисленным откликам, весьма прохладно отнеслось к своему гражданскому долгу. Сплошь и рядом на выборы приходило не более трети избирателей. В городах явка была заметно выше, но и здесь уклонение от голосования было значительным. В сентябре на выборах в районные думы Москвы участвовали всего 30% избирателей. К тому же выборы в городские думы нередко сопровождалась эксцессами, «героями» которых обычно были солдаты местных гарнизонов, протесто-

вавшие против действительного или мнимого ущемления их прав. Достаточно сказать, что были опротестованы итоги выборов в 43 (!) городах, причем в добром десятке их выборы были аннулированы и назначены повторно⁸⁴. Растущая политическая апатия одних и нетерпимость других вызывали у многих озабоченность: а что же будет на выборах в Учредительное собрание?

Множество проблем возникало с организацией выборного аппарата. Согласно Положению, организация выборов возлагалась на избирательные комиссии и на городские и земские управы. Всего по стране намечалось создать около 112 тыс. избирательных участков и, следовательно, такое же количество участковых комиссий, 652 уездных и равнозначных им комиссий, 127 городских (в городах с населением свыше 50 тыс. жителей). Их состав замещался главным образом по выбору органов местного самоуправления и судебных учреждений. Окружную избирательную комиссию возглавлял председатель губернского земского собрания (или его заместитель), в ее состав входили также товарищ председателя окружного суда по административному отделению (или его заместитель) и по два представителя от городской управы губернского города и губернской земской управы. В состав комиссии на правах полноправных членов входили также по одному представителю от каждого заявленного списка кандидатов. Уездные комиссии формировались под председательством административного судьи, включая в себя двух мировых судей и по два избранных представителя от городской и уездной земских управ⁸⁵.

В начале августа Временное правительство санкционировало создание избирательных комиссий, не дожидаясь завершения муниципальной кампании. Поэтому добиться полной однородности окружных и уездных комиссий не удалось. Так, во главе Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской окружных комиссий стояли председатели окружных судов, во главе большинства других — председатели губернских земских собраний. Это обстоятельство, впрочем, не отразилось на качестве работы избирательного аппарата. Высокий удельный вес судейских должен был обеспечить, и в целом обеспечил, точное следование закону. Однако в ряде редконаселенных местностей их просто не хватало для укомплектования комиссий. В северных и сибирских губерниях мировые судьи были разделены расстояниями в 400-500 верст. В Прикаспийском и Ордынском округах, образованных для кочевых народов на территории Астраханской губернии, их не было вовсе, и пришлось выписывать мировых судей из соседней Саратовской губернии⁸⁶. Все это требовало длительного согласо-

вания и переписки со Всевыборами и еще более затягивало процедуру подготовки к выборам.

О масштабе предстоявших избирательному аппарату работ можно судить по перечню обязанностей, определенных Положением о выборах (гл. III, ст. 16) за окружными избирательными комиссиями: 1) наблюдение за своевременным образованием и действиями уездных и городских комиссий; 2) утверждение распределения избирательных участков и рассмотрение всех заявлений в связи с этим; 3) установление порядка времени составления избирательных списков и наблюдение за этим; 4) рассмотрение кандидатских списков, их публикация; 5) заготовление необходимого количества избирательного материала; 6) производство подсчетов по округу, определение результатов голосования и обнародование их; 7) выдача членам Учредительного собрания удостоверений об избрании; 8) передача всего выборного производства во Всероссийскую комиссию; 9) распоряжение кредитами, отпущенными для производства выборов по округу⁸⁷.

Если создание верхнего звена аппарата выборов было сопряжено со значительными, но преодолимыми трудностями, то трудности особого рода подстерегали в деревне, где сплошь и рядом недоставало людей, способных выполнять элементарные функции членов участковых комиссий. Из Балты (Подольская губерния) жаловались на бедность деревни интеллигентными силами, которых просто не хватало на 178 комиссий уезда. Единственная надежда — учителя, которым рассылали специальные письма с просьбой не уклоняться от участия в комиссиях⁸⁸. Из Армянска (Таврическая губерния) в начале октября били тревогу: «не хватает культурных работников, требуются инструктора, деревень и сел не обслуживаем»⁸⁹. Что говорить об удаленном за многие тысячи верст от столиц Верхнеудинске?! «В ряде волостей уезда совершенно нет грамотных», — сетовали там⁹⁰. Где было возможно, функции комиссий по выборам в Учредительное собрание передавались комиссиям, ведавшим недавними выборами волостных земств. В других местах, например, в Шемахинском уезде Бакинской губернии, для работы в качестве секретарей сельских комиссий командировались городские учителя. Уездная комиссия ставила вопрос о привлечении к организации выборов чиновников и учеников старших классов⁹¹.

Все анкеты по личному составу участковых комиссий стекались в Мариинский дворец, в статистический отдел Всевыборов. Они дают по-своему выразительную картину социокультурного состояния деревни. В составе комиссий учителя, врачи, письмоводители, духовные лица и другие представители сельской интеллигенции явно уступали крестьянам. Среди чле-

нов комиссий встречались солдаты, чернорабочие. В графе «образование» не все даже председатели комиссий могли написать «среднее» — обычно это были лишь церковно-приходские, народные школы, духовные училища, дававшие начальное образование. В комиссиях Архангельской губернии большинство членов были малограмотными, не получив никакого образования. Конечно, так было не везде. Но даже в сравнительно культурной Виленской губернии у членов участковых комиссий преобладало «домашнее» образование⁹², то есть практическое его отсутствие.

Сообщения с мест были полны тревоги за судьбу выборов: организация избирательного аппарата растянулась сверх всякой меры — на месяцы. Всюду был разнороб, особенно на первых порах. В Казанской губернии уездные комиссии появились в августе, тогда как окружная комиссия в самой Казани открылась лишь 30 сентября, сдерживая своим отсутствием работу в уездах. Напротив, в Каменце-Подольском окружная комиссия начала свои действия 2 сентября, но и к началу октября в двух уездах Подолии избирательные комиссии еще не были сформированы⁹³.

Показательно, что, когда Всевыборы затребовали от округов информацию о состоянии подготовительных дел на местах, более половины окружных комиссий не откликнулись на этот запрос. Не только неоперативность была тому виной, некоторые из них и сами не знали точного положения дел в уездах. Парадоксальный факт: Тульская окружная комиссия обратилась во Всевыборы с просьбой своим авторитетом воздействовать на Каширскую, Алексинскую и Новосильскую уездные комиссии, не реагирующие на ее телеграммы. Понадобилось прямое вмешательство председателя Всевыборов Н.Авинова⁹⁴. Со своей стороны, с мест постоянно жаловались на несвоевременность распоряжений из центра, на неполучение необходимых инструкций. Положение о выборах не везде было получено вовремя, а кое-где только к их началу.

Реорганизация избирательного аппарата шла параллельно с технической подготовкой выборов. Так, в Тамбовской губернии Козловская, Усманская, Моршанская и Темниковская уездные комиссии поначалу были сконструированы в нарушение Положения, поскольку представители от земств были избраны своими управами без участия демократических организаций. По требованию окружной комиссии они были переизбраны в соответствии с законом⁹⁵.

Проведение выборов требовало крупных финансовых и материальных затрат, особенно чувствительных в военное время. Временное правительство 10 сентября отпустило 6 млн рублей «на первоначальные мероприятия по организации и производ-

ству выборов»⁹⁶, но этого было слишком мало. Расходы окружных комиссий на приобретение бумаги, типографские работы, денежное содержание членам комиссий, вознаграждение земским служащим за составление списков избирателей, поездки инструкторов и пр. не покрывались этой суммой. В Енисейской губернии они, например, составили около 90 тыс. рублей, далеко превысив смету⁹⁷. Недостающие средства пришлось испрашивать у небогатого местного самоуправления.

Бумажный дефицит был острым в 1917 году. Между тем Положение о выборах публиковалось на 16 языках. Каждый избиратель должен был получить для голосования все кандидатские списки (в среднем 9-10 на округ), чтобы выбрать из них единственный. В национальных районах их приходилось печатать и на туземных языках. По расчетам Министерства внутренних дел, требовалось 100 млн именных удостоверений и около 1 млрд. бюллетеней. Потребность, допустим, Оренбургской губернии исчислялась в 1350 тыс. удостоверений, столько же конвертов, 13,5 млн экз. кандидатских списков, 75 пудов клея и т.д.⁹⁸. Для Тамбовской губернии требовалось 2500 пудов бумаги, 2167 тыс. конвертов⁹⁹. 14 июля правительство возложило на МВД руководство заготовкой всех материалов, установив предельным сроком выполнения заказов 20 августа. Заказы размещались в России, Финляндии и даже в нейтральной Швеции. Промышленники обязаны были в первую очередь исполнять заказы, связанные с выборами (исключая военные заказы). Довольно скоро, однако, выяснилось, что вовремя заказы выполнены не будут. Отчасти этому мешала забастовка рабочих писчебумажных фабрик в августе—сентябре. Правда, стачечный комитет соглашался выделять бумагу исключительно для нужд выборов в Учредительное собрание¹⁰⁰, но это мало меняло дело.

В этих условиях правительству пришлось пойти на неординарные действия. Министерство внутренних дел распорядилось сократить число конвертов на 25%¹⁰¹. Более того, Временное правительство предприняло необычно смелый для него шаг — оно разрешило реквизицию бумаги, предназначавшейся для частных нужд. Это привело к ряду пикантных ситуаций, когда чиновники выступали в роли экспроприаторов частной собственности. Саратовский губернский комиссар вынужден был реквизировать на одной из фабрик 1200 пудов газетной бумаги¹⁰². Казанский губернский комиссар воспретил вывоз из Казани без особого разрешения бумаги до окончания выборов, а местный Совет конфисковал для выборных нужд всю бумагу у фабриканта Сергеева¹⁰³.

Но и готовая избирательная документация не вдруг поступала туда, где ее ждали. Часто подводила инфраструктура. Ог-

ромные расстояния, бездорожье при осенней распутице, ледостав на громадных сибирских реках, отсутствие телеграфной связи в отдаленных местностях. Наконец, обычная российская безалаберность... Закавказский комиссариат, фактически управлявший внутренними делами всего региона, установил льготный режим перевозки грузов для нужд Учредительного собрания, но дикая природа Кавказа была равнодушна к людским заботам. В горах Дагестана погиб транспорт с бумагой, в горах Турецкой Армении снежная лавина погребла под собой нескольких инструкторов по выборам. На Алтае по знаменитому Чуйскому тракту ямщики отказывались везти грузы по ночам, опасаясь обнаглевших грабителей. Нередко тюки с выборной документацией терялись в пути, приходили не по назначению, срывая намеченные сроки, а то и сами выборы. Известен факт, когда эти грузы вместо Могилева-Подольского были отправлены в Могилев.

Вот почему во Всевыборы все настойчивее шли тревожные сигналы о неподготовленности к своевременному проведению выборов и о необходимости их переноса на более поздний срок. Согласно Положению, 27 окружных комиссий, главным образом окраинных территорий, имели право отсрочить выборы в отдельных участках на 15 дней, но дальнейшая отсрочка допускалась только с разрешения Всевыборов¹⁰⁴. Беспокойство на местах нарастало. Акмолинская областная комиссия 3 октября предупреждала, что «вследствие громадных расстояний и затруднительности сообщений начать выборы в срок не представляется возможным»¹⁰⁵. Из Сибири и Туркестана сообщали, что с учетом тамошних экстремальных условий выборы могут состояться не ранее января 1918 года. Затягивалась подготовка и в не столь отдаленных губерниях — Смоленской, Нижегородской, Черниговской¹⁰⁶. В иных случаях, впрочем, окружные комиссии заведомо перестраховывались, настаивая на отсрочке выборов.

Вопрос о переносе общероссийского срока выборов возник, можно сказать, вместе с его объявлением. Решение Временного правительства о назначении их на сентябрь, как и проведении выборов в течение одного дня, оставалось декларацией о намерениях до конца июля, когда был принят, наконец, избирательный закон, но в оставшиеся недели он уже практически не мог быть осуществлен.

Однако вопрос о времени выборов и созыва Учредительного собрания всегда был не столько организационно-техническим, сколько политическим. Любое его решение неизбежно вызывало острый общественный резонанс. Июльские события, правительственный кризис не способствовали, а замедляли проведение выборов. В свою очередь, организационные же не-

урядицы становились более чем благовидным предлогом для тех политических сил, которые были заинтересованы в его оттяжке. К середине июля Временному правительству удалось стабилизировать свое положение и пресечь волну полустихийных, полуорганизованных массовых выступлений под антиправительственными, пробольшевистскими лозунгами. Оно смогло избавиться, наконец, от назойливого контроля со стороны Советов. В армии, которую с этого времени возглавил генерал Л.Г.Корнилов, явно усилилась командная власть офицерства. В обществе наблюдался крутой подъем антибольшевизма, принявшего черты истерии в связи с официальным обвинением лидеров партии в преступных связях с германским генштабом.

Во второй половине июля вопрос об отсрочке выборов, как говорится, витал в воздухе. 26 июля съезд старообрядцев Томской, Енисейской губерний и Семипалатинской области призвал правительство перенести выборы на декабрь. 29 июля Совет Союза казачьих войск предложил другую дату — январь¹⁰⁷. Эти и подобные обращения имитировали общественную инициативу, необходимую правительству для формального решения вопроса заново.

Рупором отсрочки выборов была кадетская партия, ее центральная и провинциальная пресса. П.Н.Милюков на частном совещании членов Государственной думы 18 июля потребовал отложить выборы, дабы не превращать их в комедию¹⁰⁸. За это же высказался и IX съезд Партии народной свободы, проходивший в Москве в конце июля. Переход партии по существу в оппозицию к Учредительному собранию произошел под воздействием двух разнородных, на первый взгляд, взаимоисключающих друг друга факторов. С одной стороны, это было несомненное укрепление ее роли и влияния в составе второй правительственной коалиции, куда кадеты вернулись победителями после демонстративного ухода из Временного правительства 2 июля. С другой стороны, кадетов тяготило предчувствие крупной неудачи на предстоящих выборах. На проходивших в это время выборах в городские думы они смогли завоевать 15% мест, против 19% у эсеров, 17% у большевиков, 6,5% у меньшевиков, 34% у социалистического блока. В уездных городах кадеты имели всего 5%¹⁰⁹. Это побуждало их все громче критиковать избирательный закон, который был разработан при их же активнейшем участии. Вот почему условием своего вхождения в правительство Керенского кадетские лидеры выдвинули отсрочку выборов по крайней мере на два месяца¹¹⁰, что до известной степени развязывало им руки в попытках достижения «твердой власти» в стране.

Мотивируя необходимость отсрочки выборов, харьковская газета «Южный край» писала 1 августа: «Помимо подготовки

чисто технической, необходима также и подготовка, которую можно было бы назвать и политической и которая должна быть осуществлена в форме самой широкой предвыборной агитации... Выполнить всю громадную работу, связанную с созывом Учредительного собрания, представляется совершенно невозможным в оставшийся короткий промежуток времени, и потому отсрочка созыва Учредительного собрания является неизбежной, хотя с принципиальной стороны и нежелательной». Словесные оговорки относительно «принципиальной нежелательности» отсрочки могли обмануть только самых легковверных.

Эту же позицию разделяли праволиберальные круги. Их рупор «Утро России», посвятив 18 октября целую полосу подготовке к выборам, предостерегал: «Путь Учредительного собрания будет трагическим. Слишком сильны ему противодействующие». В России идет не столько демократизация, отмечала газета, сколько варваризация страны, не готовой ко всеобщему избирательному праву: «нельзя же сказать, что 70-80 млн бюллетеней будут соответствовать такому же числу сознательных граждан».

Несомненно, это хорошо понимали лидеры умеренных социалистов, в чьих руках находились и руководство Советами и ряд министерских портфелей. Их одолевали сомнения: не вызовет ли перенос выборов нового прилива массового недовольства? Но перспектива развала коалиции, остаться наедине с властью казалась им еще опаснее. 27 июля член Особого совещания М.М.Добраницкий выступил на заседании отдела ЦИК Советов по подготовке к выборам в Учредительное собрание и заявил о необходимости отсрочки, встретив в целом понимание членов ЦИК. 5 августа бюро ЦИК постановило, что выборы следует назначить на 22 или 29 октября с тем, однако, чтобы больше не допускать отлагательств¹¹¹. В составе ЦИК только меньшевик Ф.И.Дан, пожалуй, энергично противился этому решению, предпочитая «плохие» выборы их отсрочке, которая большинству представлялась уже неизбежной.

9 августа Временное правительство назначило новые сроки: дни выборов в Учредительное собрание — 12—14 ноября, день его открытия — 28 ноября. Рубикон был перейден. На следующий день, 10 августа, «Известия» ЦИК дали статью «Отсрочка Учредительного собрания», оправдывая эту меру трудностями военного, политического и технического характера. «Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами»¹¹², — писал В.И.Ленин с возмущением явно деланным, поскольку он не мог не оценить агитационных дивидендов, каковые затяжка обещала его партии.

Стоит заметить, что большевики почти не принимали участия в публичных спорах о сроках, так как это вело бы к «отвлечению» народных масс от главного, с их точки зрения, — борьбы за власть Советов и дальнейшего «углубления» революции. Но они поддерживали требование скорейшего созыва Учредительного собрания.

Вожди советской демократии не проявили той политической жесткости, которой требовали от них массы и которая могла бы ускорить созыв Учредительного собрания, пусть и в ущерб демократизму. Не проявили не из личной мягкотелости, а сообразно своему видению путей и задач революции. Вместе с тем заинтересованность Советов как массовых беспартийных организаций в безотлагательном созыве Учредительного собрания была очевидной, а их влияние на ход подготовки к нему весьма значительным. Более того, Советы в той мере, в какой они располагали неофициальной властью, играли теньевую, но вполне реальную роль гаранта Учредительного собрания, с которой приходилось считаться правительству Керенского и после июльских дней.

Не были ли в таком случае правы большевики и другие левые, желавшие видеть именно в Советах прямых организаторов выборов в Учредительное собрание или во всяком случае требовавшие действенного советского контроля за подготовкой к выборам? Необходимость передачи всей власти в стране из рук буржуазного правительства Советам летом—осенью 1917 года они все чаще аргументировали как раз тем, что только Советы обеспечат своевременные выборы и созыв Учредительного собрания (имелся в виду, конечно, политический, а не организационный аспект). В нашей литературе также высказывается мнение, что Советы своим непосредственным вмешательством в избирательный процесс, отказом от ряда формальностей могли бы предотвратить перенос выборов с сентября на ноябрь. Было бы недопустимо игнорировать это мнение, не замечая его принципиального характера, или отмахнуться от него ссылкой на неприменимость сослагательного наклонения к истории.

И все же эта точка зрения представляется неубедительной, оторванной от действительных исторических условий, ибо то, что выдвигается в качестве альтернативы реальному ходу событий, означало *de facto* и *de jure* превращение Советов в ту самую настоящую и ответственную власть, к которой их руководство отнюдь не стремилось и к которой сами эти органы, как это теперь очевидно, не были готовы. Грубо говоря, это то, чего быть просто не могло. Самое авторитетное свидетельство этого дал I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший в июне.

Вопрос об Учредительном собрании занял важное место в работе съезда: в повестке дня он стоял третьим, после пунктов об отношении демократии к войне и к власти. Открывая 3 июня съезд, Н.С.Чхеидзе назвал его «преддверием будущего Всероссийского Учредительного собрания». Этой темы касались едва ли не все ораторы, в их речах громко звучал мотив ускоренной подготовки к нему. От фракции меньшевиков-интернационалистов Мартов потребовал: «Мы должны заявить ясно и отчетливо, что дальнейшие оттяжки Учредительного собрания должны прекратиться». Ему вторил правофланговый меньшевизма и Бунда М.И.Либера: «Правительство должно понимать, что каждый день отсрочки Учредительного собрания есть колоссальный удар не только по революции, но и по самой возможности сохранения нового порядка»¹¹³. Либера намекал не столько на монархическую, сколько на большевистскую опасность.

Съезд создал при ЦИК Центральное избирательное бюро для контактов с местными Советами в вопросах избирательной кампании. Что касается задач Советов в этой области, то съезд определил их так: «а) стоять на страже того, чтобы всем избирателям была обеспечена полная свобода выборов и чтобы выборы происходили в обстановке, исключающей всякое давление на волю избирателя; б) широко поставить дело популяризации сведений об основных целях Учредительного собрания, о задачах демократии в этом собрании и порядке выборов в него; в) повсеместно активно бороться против абсентеизма избирателей и содействовать более активному участию населения в выборах»¹¹⁴.

Эта резолюция говорит сама за себя и не требует комментариев. Она вполне согласуется с другим фактом: совместную резолюцию фракций эсеров и меньшевиков о том, что переход власти к Советам равнозначен крушению революции, I Всероссийский съезд принял 543 голосами против 126¹¹⁵.

Разумеется, роль Советов не сводилась к популяризации Учредительного собрания и поддержанию порядка в дни выборов. Их представители местами участвовали в работе избирательных комиссий, оказывали им разнообразное содействие. Однако наивно полагать, будто участие Советов в составлении избирательных списков или других рутинных операциях на подготовительной стадии могло существенно сократить ее сроки. Для этого у них не было необходимого аппарата, кадров, опыта, единой организации. В деревне Советы и вовсе казались островками в бескрайнем крестьянском море. Попытки же самочинного вмешательства некоторых Советов в деятельность аппарата выборов наталкивались на противодействие последнего и были чреватой общей дезорганизацией процесса.

Выражая официозный взгляд на этот вопрос, правовед Б.Сыромятников писал в газете «Русское слово»: «Привлечение Советов не обеспечивает ни беспристрастия, ни правильности предвыборной работы»¹¹⁶.

Отсрочка выборов и созыва Учредительного собрания до конца осени вызвали недолгое удовлетворение одних, резкое недовольство и разочарование других. Вторых было явное большинство. Левая и даже умеренно социалистическая пресса усматривала в этом происки кадетов, давление буржуазных кругов на Временное правительство, осуждала соглашательство советских лидеров. Меншевицкая «Рабочая газета» выражала сомнение, что отсрочка вызвана действительно непреодолимыми техническими трудностями, и призывала демократию «взять на местах в свои руки дело подготовки выборов, чтобы вести его самым напряженным темпом»¹¹⁷.

В сентябре—октябре заметно умножилось количество резолюций с требованием не допустить новой отсрочки выборов, особенно в армии. По существу это требование граничило с недоверием правительству и поддерживавшим его советским вождям.

Громоздкий выборный механизм, однако, был правительством запущен и пришел в движение. Его тронутый бюрократической ржавчиной маховик постепенно набирал обороты, его звенья и блоки приходилось чинить или менять на ходу, не останавливая машины. Окружные комиссии в своем большинстве сделали все, что от них зависело, для обеспечения выборов. В октябре организационно-техническая подготовка к выборам в Учредительное собрание вступила в решающую фазу, и всякий посвященный в грандиозность этой работы и непредубежденный наблюдатель вновь и вновь должен поразиться тому, что этот опыт впервые проделала страна, которая вела на грани истощения мировую войну, страна, сотрясаемая кризисами власти сверху и тектоническими социальными сдвигами в недрах общества.

Но чем дольше и нетерпеливее становилось ожидание Всероссийского Учредительного собрания, тем отчетливее перед общественностью вставал неожиданный вопрос: а для чего оно? Издававшаяся М.Горьким газета «Новая жизнь», безуспешно старавшаяся примирить различные фракции российской социал-демократии, 5 октября так ответила на него: «Учредительное собрание лишь в том случае выведет страну из тупика, если в нем составится прочный правящий блок, объединяющий большинство крестьянства, мелкой буржуазии городов и рабочего класса».

Так с чем же шли в Учредительное собрание главные политические силы страны?

3. Предвыборная политическая кампания: борьба за электорат

Осенью 1917 года борьба вокруг Учредительного собрания вступила в новую стадию и разгорелась с небывалой для прежних избирательных кампаний силой. Политическое соперничество развернулось не из-за сроков и порядка избрания, а непосредственно за депутатские места, за избирателя. На большей части территории страны предвыборная кампания проходила на фоне резко обострившейся борьбы за власть, принимавшей местами облик гражданской войны. Вплетаясь в ткань этих событий, эта кампания отражала социальную и психологическую напряженность момента. Отчасти по этой причине она затянулась в масштабе страны до начала 1918 г. Понимая ее значение, Центральный музей войны и революции, созданный при Московском общественном управлении, обратился к окружающим комиссиям и к партиям с просьбой присылать экземпляры всех агитационных изданий¹¹⁸.

Предвыборная политическая кампания как часть общероссийского революционного процесса отличалась богатой вариативностью, разнообразием форм. Но сквозь это конкретное многообразие отчетливо просматриваются ее основные черты, тенденции.

Прежде всего эта борьба носила почти исключительно партийный характер. В ней участвовали, конечно, и непартийные объединения, но их общий неуспех лишь подтверждал правило. В самом Учредительном собрании число беспартийных составило лишь несколько десятков депутатов. И прежде ни одна из влиятельных российских партий не могла игнорировать Учредительного собрания, теперь же предвыборная тактика стала основой общепартийной стратегии.

В ходе предвыборной кампании довольно отчетливо выделяются, не столько хронологически, сколько по существу, две различные стадии. Первую можно назвать мобилизационной, подготовительной, в большинстве округов она растянулась до октября. На этой стадии партии, образно говоря, выстраивались в боевой порядок, подтягивали тылы, проверяли оружие. Занятые подбором кандидатов, составлением избирательных платформ, поиском политических партнеров партии почти не сталкивались в непосредственной предвыборной борьбе между собой. В целом это был вяло текущий цикл: сказывались и ослабляющая отсрочка выборов до ноября, и привычка долгой раскачки, и отвлечение сил на иные политические дела.

Иной была вторая стадия с ее открыто «лозунговым» характером. Межпартийное соперничество за голоса избирателей развертывалось на фоне ожесточившейся борьбы за государст-

венную власть, вследствие чего и сама предвыборная драма приобретала черты обостренности, взвинченности, даже истерии. Ее все убыстряющийся ритм соответствовал знаменитой партитуре Ф.Листа: играть быстро, как только можно быстро и, все-таки, еще быстрее.

Предвыборная кампания стала важным фактором общественной жизни, одним из средств формирования массового политического сознания и одновременно манипулирования им. Изо дня в день пресса, прежде всего советская и социалистическая, настойчиво пропагандировала Учредительное собрание: публиковалось и разъяснялось Положение о выборах, описывалась история борьбы за народное представительство в России, история подобных учреждений в других странах. Газеты часто выходили под аншлагом «Вся власть Учредительному собранию!», «До выборов в Учредительное собрание осталось... дней» и т.п. В местных газетах, служивших тогда главным информатором населения о происходящем в стране, регулярно помещались объявления избирательных комиссий, схемы распределения участков, списки и биографии кандидатов, иные предвыборные материалы. В некоторых городах (Петроград, Рязань, Харьков, Одесса, Винница, Омск) под эгидой окружных комиссий и местного самоуправления выходили издания «Учредительное собрание».

По свидетельству Д.Рида, Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. Затем — слово. Россию захлестнул поток живого слова. «Лекции, дискуссии, речи — в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездках, и в трамваях, повсюду»¹¹⁹.

При всей конфронтационности, отличавшей эту фазу избирательной кампании, она была амбивалентной по своему воздействию на электорат, побуждая граждан делать политический выбор, голосуя как «за», так и «против». Впрочем, немалая часть избирателей, оглушенная и сбита с толку пропагандистской войной, предпочла «заткнуть уши», отойти в сторону от борьбы, заодно и от выборов.

В предвыборной работе всех партий отчетливо и узнаваемо проявился стиль, «почерк» каждой из них, выдававший их политические амбиции и их внутреннее состояние, поиски «своего» избирателя и методы воздействия на него. Между тем эти важные сюжеты пока изучены очень поверхностно, на узком конкретном материале.

Тон задавали социалистические партии. Общая антибуржуазная направленность их пропаганды, апелляция к социальным низам и революционным чувствам, совместная деятельность в Советах и других массовых организациях порождали схожие черты в их предвыборных мероприятиях, в тактике действий, несмотря на доктринальные расхождения. Большевики не гнушались издавать популярные брошюры об Учредительном собрании, написанные эсерами, энесами, меньшевиками, не вступая в прямую полемику с их авторами.

Объявление в июне даты выборов в Учредительное собрание прозвучало для социалистических партий как стартовый сигнал. «Правда» уже 18 июня призвала большевиков и им сочувствующих к предвыборной работе «приступить сейчас же». 28 июня с аналогичным воззванием к членам партии выступил ЦК РСДРП(б). 6 августа ЦК поручил нескольким своим членам составить комиссию по выборам в Учредительное собрание¹²⁰. Однако эта комиссия ограничилась лишь общим надзором и составлением списка кандидатур ЦК в Учредительное собрание, и непосредственное руководство предвыборной работой большевиков во всероссийском масштабе практически перешло к Секретариату ЦК партии.

И эсеры, и меньшевики, не разделявшие большевистской приверженности к жестким организационным принципам, сочли все же необходимым централизовать свою предвыборную работу. В начале июня ЦК ПСР образовал комиссию по Учредительному собранию во главе с В.М.Зензиновым. В ее составе были Н.Д.Авксентьев, А.Р.Гоц и понаторевшие в Особом совещании Н.В.Святицкий и М.В.Вишняк. Комиссия должна координировать составление кандидатских списков, структурировать местные организации, обеспечивать их литературой и кадрами агитаторов. 15 июля состоялся Всероссийский день партии социалистов-революционеров, прошедший под знаком подготовки к Учредительному собранию, в частности сбора средств в агитационный фонд партии.

Меньшевики создали свою комиссию по подготовке к выборам в начале августа, но неудовлетворенность ее работой побудила ЦК в начале сентября образовать вместо нее Центральный избирательный комитет РСДРП с участием членов ЦК Б.И.Горева, Р.А.Абрамовича, В.Н.Крохмалю и др. Комитет выделил из своего состава бюро, создал ряд комиссий (литературно-агитационную, организационную, юридическую и финансовую)¹²¹. 26 июля ОК меньшевиков рассмотрел проект избирательной платформы, подготовленный Б.И.Горевым, и утвердил его¹²². 25 августа Объединительный съезд меньшевистских организаций потребовал от местных комитетов создавать свои избирательные структуры, готовить кадры агитаторов и пр.¹²³

12 сентября центризибирком меньшевиков решил обратиться к «американским товарищам» за помощью в избирательной кампании¹²⁴.

В поисках источников финансирования предвыборных расходов партии социалистического спектра оперировали примерно одинаковым набором средств, эффективность которых, конечно, зависела от изобретательности и предприимчивости местных организаций. Помимо доходов от издательской деятельности это были отчисления однодневного заработка для партийцев, кружечные сборы и пожертвования, лотереи-аллегри, митинги-концерты и прочие массовые мероприятия, субсидии Советов. Однако при всем том денежные ресурсы этих партий, по крайней мере их центральных органов, были явно несоизмеримы. Так, к концу сентября в предвыборном фонде ЦК РСДРП(б) было около 7 тыс. рублей, тогда как на счету меньшевиков к концу октября имелось 105 тыс., что, впрочем, было в десять раз меньше запланированной суммы¹²⁵.

На этом фоне вполне обеспеченными выглядели эсеры. Они обладали мощной партийной прессой (до сотни газет), опирались на развитую сеть местных комитетов и организаций (по некоторым данным, до миллиона членов), наконец, через Е.К.Брешко-Брешковскую получили солидную финансовую поддержку от Американского Красного Креста¹²⁶. Поэтому по размаху предвыборного прессинга избирателей никто не мог соперничать с эсерами, которые могли ставить перед собой самые смелые задачи, разнообразя средства идеологического воздействия на электорат.

Эсеры издали огромное количество рекламно-агитационной литературы — от популярных брошюр об Учредительном собрании до художественных плакатов, более предназначенных для деревни и армии. По свидетельству прапорщика-большевика С.М.Нахимсона, на Северном фронте эсеры буквально всю армию засыпали рекламными плакатами, разноцветными воззваниями¹²⁷. И в тылу эсеровская «наглядная агитация» обильно уснащала заборы и стены домов, доставляя много труда сдиравшим их большевизированным солдатам. Целенаправленно воздействовала на избирателя эсеровская пресса. Например, газета «Жизнь народа» из таврического городка Алешки в своих 69 номерах поместила статей о войне и мире — 21, об Учредительном собрании — 14, о государственном устройстве и свободе — 9, о земле — 5 и т.д.¹²⁸. Фактически же мотив учредительной власти варьировал по всей тематике публикаций.

Большое часто проявляется в малом. Рассмотрим вполне заурядный эпизод деятельности эсеров в Мариинском уезде Томской губернии накануне выборов, когда они, по их самооцен-

ке, «напрягли все силы». Из Мариинска в уезд были посланы 19 агитаторов, мобилизованы все сельские эсеры. Были распространены 42 тыс. экземпляров агитационной литературы, в том числе брошюры «Чего требуют эсеры?», «Что нужно трудящемуся народу», «Земля — народу», биографии эсеровских кандидатов и даже «контрпропагандистская» листовка «Как большевики решают земельный вопрос?». 42 тыс. экземпляров на 119 тыс. избирателей, 25 тыс. рублей расходов — эти цифры впечатляют¹²⁹. И то, что в Мариинском уезде эсеры взяли 90% всех голосов, не в последнюю очередь результат умелой и масштабной агитационной работы.

По объему печатной агитации меньшевики заметно уступали своим партнерам по политическому блоку. Они, правда, наладили выпуск серии 5-копеечных листовок об Учредительном собрании, из цикла «Рабочая библиотека», наметили программу лекций (Б.И.Горев, Л.М.Пумпянский, М.И.Либера, Ф.А.Череванин, Ф.И.Дан и др.). Через печать они широко пропагандировали опубликованный еще в июле проект избирательной платформы РСДРП. Был объявлен рублевый сбор в предвыборный фонд партии.

В предвыборных целях все социалисты широко использовали Советы. Согласно решениям I Всероссийского съезда Советов, подготовка к выборам должна была идти в духе общесоциалистической ориентации, паритетности советских партий. Съезд Советов Московской области (региональное объединение Советов 14 центральных губерний) в конце июня также высказался за равномерную поддержку на выборах всех трех социалистических списков (эсеров, меньшевиков и большевиков), исключая «мнимосоциалистические партии, подобные народным социалистам и "Единству" Плеханова»¹³⁰. ЦИК Советов издал около 170 тыс. экземпляров агитационной литературы, открыл краткосрочные курсы инструкторов по выборам. Подобные же курсы были созданы Советами во многих городах, их контингент состоял главным образом из эсеров, большевиков и меньшевиков, но партийные разногласия вряд играли какую-то роль. На курсах при Казанском Совете занимались, например, около двухсот добровольцев, преимущественно солдат и офицеров. Они изучали основы избирательного права, технику выборов, программы партий и пр. Среди делегатов инструкторского совещания Кавказской армии было 295 эсеров, 49 меньшевиков, 15 большевиков, 5 кадетов, 60 беспартийных и 60 делегатов неустановленной партийности. На Румынском фронте инструкторские курсы подготовили свыше 1 тыс. человек¹³¹.

Разумеется, советское сотрудничество не было бесконфликтным. Политический акцент предвыборной работы Совета

определялся его общей партийной физиономией, обычно проэсеровской. Положение большевиков, если они были в меньшинстве, осложнялось их репутацией крайних радикалов. Так, Орловский Совет в октябре при распределении между фракциями средств на агитацию в Учредительное собрание выделил большевикам лишь 2 тыс. рублей вместо трех, «так как организация ничем себя не проявила». Лишь после протеста большевиков их уравнили с эсерами и меньшевиками¹³².

Анализ содержания массово-агитационной работы социалистических партий оттеняет их своеобразие, дает любопытные, порой парадоксальные наблюдения.

Предвыборная деятельность большевиков велась с напряжением сил, на первый взгляд, неожиданным для партии, отрицавшей саму возможность существования общенародной воли. Первые ее проявления отмечены еще летом 1917 г., когда на местах, не ожидая директив сверху, стали действовать в этом направлении. Газета самарских большевиков «Приволжская правда» уже 18 июня поместила статью «К избирательной кампании», где рекомендовала создать повсюду избирательные комитеты из большевиков. «Нужно довести до рабочего все тонкости избирательной техники, разъяснять смысл и цели партий», — зывала газета и в июле—августе делала это из номера в номер. Не ограничиваясь печатными призывами, губком РСДРП(б) 13 августа организовал в Самаре предвыборную демонстрацию. 21 сентября «Приволжская правда» вновь писала: «Товарищи из уездов. Сообщите нам теперь же обо всем, что делается вами в отношении выборов в Учредительное собрание... С сегодняшнего дня газета будет уделять много внимания вопросам, связанным с Учредительным собранием». В избирательный фонд большевиков было собрано 1610 рублей, не считая отчисления однодневного заработка членами партии¹³³.

Однако так было не везде, и настоящего размаха большевистская предвыборная работа достигла уже в середине осени, когда в большинстве губерний она была введена в четкие организационные рамки, поставлена под контроль партийных комитетов.

Эту активность большевиков можно оценивать в разных аспектах. Прежде всего она свидетельствует, что в широких партийных слоях, особенно провинциальных, не было предубеждения против Учредительного собрания как полномочного представительного органа. Ею опровергается и часто высказывавшиеся в адрес большевиков их политическими противниками подозрения в коварных расчетах, вроде намерения сорвать выборы. Наконец, она отражала особенность политического пейзажа в стране в самый тяжелый для большевиков период —

июль—август. Подготовка к выборам давала им легальное поле деятельности, особенно нужное там, где их плотно окутывала атмосфера вражды и обвинений по поводу «германских денег».

На предвыборных партийных конференциях вместе с вопросом об Учредительном собрании и в связи с политическим моментом обсуждались решения VI съезда РСДРП(б), ориентировавшие партию на вооруженное свержение Временного правительства. Поэтому среди части большевиков не мог не встать вопрос о совместимости обеих тактических установок — на выборы и на восстание — об опасности распыления сил на двух направлениях. О наличии таких сомнений можно судить по материалам состоявшегося 27—28 сентября пленарного заседания Московского областного бюро большевиков. Его радикально настроенное большинство осудило колебания ЦК в вопросе о власти и приняло закрытое постановление, в котором, в частности, говорилось, что «в условиях настоящего момента политическая борьба переносится из всяких представительных учреждений на улицу»¹³⁴.

Такой акцент мог создать впечатление ненужности подготовки к Учредительному собранию, расхолодить большевиков на местах. Вероятно, поэтому понадобилось разъяснение работника Мособлбюро И.С.Кизельштейна: «Ставя в порядок дня восстание, наша партия тем не менее должна готовиться к выборам в Учредительное собрание так, как если бы новой революции не произошло»¹³⁵. Более того, делегаты занялись подсчетом шансов большевиков на выборах. Получалось, что от 14 центральных губерний России они могли провести около 30 кандидатов. В действительности их оказалось почти вдвое больше.

По свидетельству Е.Б.Бош, после VI съезда партии многие задавали вопрос: как быть с Учредительным собранием, если власть перейдет к Советам. На 4-й Киевской областной конференции он был поставлен, и Г.И.Чудновский доказывал необходимость Учредительного собрания при переходе власти к Советам как сугубо делового кабинета для подготовки документов. Но его не поддержал никто¹³⁶.

Большевистская предвыборная агитация была целиком подчинена принципу практической целесообразности, полезности для партии. В своем печатном виде она была лаконична и деловита, лишена возвышенных рассуждений об историческом предназначении и всеспасительности Учредительного собрания. В устном варианте она брала не эффектными ораторскими приемами, а созвучием тому, что хотели слышать солдаты, рабочие и крестьяне. Единственные из социалистов, большевики не опубликовали свою предвыборную платформу, которая в расчете на массовое некритическое восприятие была упрощена

до крайней элементарности, сведена к трем-четырем ударным лозунгам (немедленный мир, земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — Советам), не требовавшим сложных теоретических обоснований и разъяснений. При этом большевистские лозунги, ясные и простые, слабо поддавались искажению, двусмысленному толкованию, и потому оппоненты большевизма часто против своей воли их тиражировали. Правда, большевикам трудно приходилось в ораторских дуэлях перед интеллигентной городской публикой, но они, как сообщали из разных мест, вознаграждали себя успешной уличной агитацией, где им не было равных.

Не приходится отрицать популистский характер этой агитации, даже с учетом искренней веры ее прозелитов в возможность разом и легко осуществить обещанное. Самой сильной стороной ее были политические обличения, способные сами по себе увлекать людей. Тон задал Ленин. 18 июня он впервые предложил: «Наша главная задача в пропаганде и агитации вообще, в кампании выборов в Учредительное собрание, в частности, состоит теперь в самом обстоятельном, деловом и наглядном выяснении широким массам рабочих и крестьян, что за политику нашей страны ответственные теперь эсеры и меньшевики, как правящие партии»¹³⁷. Разоблачительный тон такой агитации не требовал, строго говоря, детально разработанной избирательной платформы, воздействовал не столько на мысль, сколько на чувства избирателей. Не случайно И.Г.Церетели, чей нравственный авторитет в революционных кругах был наивысшим, упрекал ленинцев в том, что они отстранились от воспитания политического сознания масс и стремятся играть на их недовольстве войной и разрухой¹³⁸. В броских большевистских призывах переплетались элементы расчетливой демагогии, искреннего стремления к социальной справедливости, наивно-оптимистических представлений о средствах и сроках достижения этого блага.

Характерный образчик большевистской агитации — статья «За кого голосовать?» в тульской «Пролетарской правде». Она предупреждала граждан, что нельзя голосовать за кадетов, которые скрутят народ в бараний рог и беспощадно расправятся с социалистами; народные социалисты — переодетые кадеты и даже хуже их, ибо те честные люди и не называют себя социалистами; меньшевики и эсеры — холопы и подголоски буржуазии; меньшевики-интернационалисты лишь на словах против войны и своими колебаниями разлагают революционную демократию¹³⁹. Стиль статьи также типичен и показателен. Резкость и даже грубость политической полемики были обычными в 1917 году, но большевики больше других уверовали в то, что этот тон наиболее убедителен в общении с малокуль-

турными слоями населения, воспринимается теми как знак полной социальной близости.

Соответственно избирательная платформа большевиков не требовала долгой подготовки агитаторов — это было важно для бедной интеллигентными силами партии. Так, в Тамбовской губернии, где большевики не были сильны, они рьяно готовились к выборам. Их фракция в Козловском Совете организовала курсы агитаторов. Эти 20 агитаторов объезжали все деревни. Было издано 150 тыс. листовок. В Кирсанове большевики подготовили 10 агитаторов и т.д.¹⁴⁰

Другой крупнейшей удачей стала подсказанная жизнью идея привлечения к агитации солдат, прежде всего в деревне. Уже к концу лета авторитет большевиков в солдатской среде, особенно в тыловых гарнизонах, необычайно вырос, и это было своевременно оценено партией. Именно солдаты стали главной опорой большевиков в ходе предвыборной кампании, с их помощью удавалось проникнуть туда, где о партиях вообще не слыхали, где большевистские идеи в своем теоретизированном виде не могли рассчитывать на признание. В столичных и провинциальных большевистских газетах публиковались обращения к солдатам, едушим в деревню, памятки для них. В Сызрани, с ее многотысячным гарнизоном, большевики через газету призывали отпускных и командированных солдат перед отъездом бесплатно получить в партийном комитете литературу для деревни, во Владивостоке такое же объявление адресовалось солдатам и матросам и т.д.¹⁴¹

Примеров эффективного использования солдат большевиками множество, и сложность только в их систематизации. По воспоминаниям Н.Н.Рабичева, воронежские большевики подготовили и проинструктировали несколько десятков солдат. «Работу посланные товарищи проделали гигантскую. Оказалось, что они с первых же слов умели находить дорогу к уму и сердцам крестьян»¹⁴². В это легко верится. Безотказно срабатывал принцип социальной идентификации: для крестьян солдат был «свой», в отличие от заезжего интеллигента в городском костюме. Безыскусная речь производила впечатление не только тем, ЧТО говорилось, но и тем, КТО говорил. Вот характерная сценка, подсмотренная очевидцем в Раненбурге (Рязанская губерния): «На базаре, среди грязной площади, под морозящим дождем, серая шинель внакидку на плечи, в фуражке лихо набекрень, указывая на большевистский список на заборе, ораторствует перед мужиками: Ну чего еще ждать? Самим надо брать землю и волю!»¹⁴³.

Не упуская мелочей, большевики утилизировали такой канал влияния на умы крестьян, как письма солдат родным. На этот счет были специальные партийные решения, вроде резолюции

Костромской губернской конференции РСДРП(б) о необходимости «организовать» письма солдат с советом «голосовать за большевиков, ввиду того, что эти письма имеют громадное значение в деревне»¹⁴⁴. «Засыпьте деревню письмами», — призывала большевистская печать. Действительно, написанные корявым почерком, без правил орфографии и пунктуации, эти письма воспринимались в деревне как свет истины, принеся большевикам многие тысячи дополнительных голосов на выборах. Победу большевиков в г.Илецкая Защита местная газета связывала именно с этим: «большинство жен-солдаток, получив письма с фронта, голосовали за список № 8»¹⁴⁵. Солдат Л.Гарбуза в письмо родным в станицу Чарсаковскую (под Омском) вложил большевистскую листовку. Большевики, писал он, хотят, чтобы вся власть принадлежала народу, чтобы земля сейчас же без выкупа перешла к крестьянам, чтобы немедленно заставить кулаков и богатых кончить начатую ими войну, — меньшевики же и эсеры только кормят народ обещаниями¹⁴⁶.

По мере начавшейся осенью 1917 года плановой демобилизации солдат старших возрастов и параллельно усиливавшегося развала армии поток хлынувших в глубь России солдат нарастал, обгоняя всякие попытки охватить его идейно и организационно. От имени большевиков все чаще говорили и действовали в духе анархо-большевизма. «Этот элемент даже не большевики, — писал о них офицер связи 42-й пехотной запасной бригады (Тверь) Панин, — а темные люди без прошлого, без хороших традиций, точнее, новые, вынесенные на поверхность из низов люди»¹⁴⁷. Эти элементы своим необузданным поведением и демагогией накануне и во время самих выборов, разумеется, отбрасывали тень и на большевиков, но политические плюсы для партии при этом заметно превышали минусы.

Но более всего политических очков большевики приобрели на резкой критике Временного правительства. Не будучи до 25 октября причастны к власти, они тонко использовали выгоды пребывания в оппозиции, играя на ошибках власти. При этом обычно не делалось особых различий между кадетами и «лжесоциалистами» — разница была скорее в резкости обличений. За большевиками еще не тянулся шлейф невыполненных обещаний, они отличались от других левых партий решительным волевым настроем, психологической готовностью к самой острой борьбе, и это импонировало антибуржуазно настроенному электорату. Слово «большевик» стало синонимом решительного революционера, особенно после подавления корниловского путча.

Однако жестко конфронтационная линия большевиков («скрытые враги народа — меньшевики и эсеры», как писала 12 ноября самарская «Приволжская правда»), продиктованная

жгучей потребностью власти, была весьма обоюдоострым оружием. В этом им пришлось убедиться сразу после захвата власти, когда сами они оказались объектом резких нападок уже в роли правящей партии и когда пришлось гасить, часто силой, ими же разбуженные социальные инстинкты масс. Но большевики ни в коей мере не страдали комплексом властобоязни.

Их собратья по вероучению — меньшевики хорошо понимали, какие трудности ждут их на выборах в Учредительное собрание. В докладе Б.И.Горева на Объединительном съезде РСДРП 25 августа прозвучало: «нужно быть готовыми, что мы будем иметь численно небольшую фракцию»¹⁴⁸. Неудача на летних муниципальных выборах, где меньшевики в целом не набрали и десятой доли мест, подстегивала их активность. Особенно энергичны были они в Московской, Тверской, Тульской, Пермской, Харьковской губерниях, традиционно — в Грузии. Самарский губком объединенной РСДРП в каждый уезд направил «комиссара партии»¹⁴⁹.

Подготовка ко всероссийским выборам встряхнула меньшевистские организации, придав им новый импульс и поставив конкретную цель в виде депутатских мандатов. По информации Московского областного бюро РСДРП, в сентябре губернские конференции меньшевиков Центральной России главным образом обсуждали вопросы, связанные с Учредительным собранием. «Жизнь парторганизаций в этот период работы значительно оживилась, местами, можно сказать, была ключом. Была развита широкая агитационная работа как устная, путем выступлений на избирательных собраниях, митингах, так и путем листовок и брошюр». В общей сложности было переиздано 300 тыс. листовок восьми названий¹⁵⁰. Агитационные бюро были созданы в Архангельске, Батуме, Гомеле, Казани, Одессе, Оренбурге¹⁵¹. Прикидывались шансы партии. 23—24 сентября Владимирская губернская конференция РСДРП посчитала, что в худшем случае возможно проведение двух кандидатов, но при широкой предвыборной агитации можно рассчитывать и на четырех. Поэтому она просила ЦК поставить во главе губернского списка Мартова, чтобы противостоять большевикам¹⁵².

Однако в целом меньшевики не переоценивали себя и свою работу. «Менее месяца осталось до выборов, а по-настоящему избирательная кампания не начата еще», — с грустью констатировал 25 октября бакинский «Социал-демократ». Московский «Вперед!» 10 октября также сетовал на слабость массовой агитации и организации сил. За этими lamentациями крылось нечто большее, чем простая неудовлетворенность или интеллигентская рефлексия, — за ними было чувство обреченности, предощущение неудачи. Меньшевистский пропагандистский механизм работал на полных оборотах, но уже как бы по инер-

ции, без веры в результат. Это сложное психологическое состояние выдает реплика Крымского союза РСДРП: «Единственный выход для революционной демократии — Учредительное собрание, иначе она будет раздроблена гражданской войной... Без воодушевления, без подъема, пусть без радости и вдохновения пройдут выборы. Но они должны пройти под флагом сурового сознания долга и бесконечной ответственности»¹⁵³.

Доктринерский характер избирательной платформы РСДРП-объединенной изначально не сулил меньшевикам большого успеха. В ее преамбуле подчеркивалась неготовность России к социализму: он будет возможен лишь тогда, когда развитие промышленности и рост народного богатства подготовят для этого почву, а большинство народа станет сознательными социалистами¹⁵⁴. Столь отдаленная и туманная перспектива могла послужить самооправданию меньшевиков, но не могла увлечь массы народа, жаждавшего быстрых и кардинальных перемен своего положения. Обтекаемые социальные обещания вроде усиленного налогообложения имущих классов не вызывали уже доверия после полугодового бесплодного пребывания партии у кормила власти.

Не отличалась широтой и социальная база меньшевизма. Это были квалифицированные и культурные категории рабочих, книжно знакомых с марксизмом, социалистически настроенная интеллигенция, сходные с нею элементы офицерского и рядового состава армии. Негативно относясь к крестьянству как силе консервативной, меньшевики почти не пытались влиять на деревню, уступая ее партнерам по блоку — эсерам. Вологодские меньшевики призывали городское трудовое сословие голосовать за РСДРП, дабы иметь верных защитников своих интересов, «а эсеров пошлет в Учредительное собрание деревня, и их будет и так большинство»¹⁵⁵.

Но и в городских кварталах влияние меньшевиков убывало, подобно «шагреновой коже». В рабочих кварталах их теснили большевики. Тверские меньшевики жаловались, что им не дают говорить на фабриках Берга и Морозова: «От большевиков не устают, прямо с работы валят на большевика, и четырехтысячный театр Морозова битком полон». Перед Учредительным собранием они потеряли и свою крепость — Залогинскую фабрику¹⁵⁶.

В противоположность меньшевикам эсеры твердо рассчитывали на победу на выборах, прежде всего благодаря поддержке деревни. На III съезде ПСР в мае 1917 г. Н.И.Ракитников прямо заявил: «Мы должны в будущее Учредительное собрание войти, по возможности, большинством, чтобы обеспечить выполнение наших заветных стремлений — социализации земли»¹⁵⁷. Так же решительно была настроена и эсеровская

провинция: «Учредительное собрание бывает раз в века. Его полномочия безграничны. Поэтому необходимо серьезно, с полным сознанием своей ответственности перед родиной приступить к выборам»¹⁵⁸.

Предвыборная платформа ЦК ПСР, опубликованная 26 октября, обещала бороться за скорейшее прекращение войны, путем не сепаратного, а демократического мира, без аннексий и контрибуций; за участие народа в управлении страной через местное самоуправление и создание «свободного союза свободных народов России, управляемых всенародными выборными представителями (федеративная демократическая республика); за преодоление экономической разрухи через механизм государственного регулирования; за проведение социализации земли; за рабочей контроль над производством и ограничение рабочего дня¹⁵⁹. Эта программа была пронизана верой в ее чудесную силу, в полную адекватность теоретической схемы реальной жизни, как бы та ни складывалась. В этом были одновременно и сила и слабость эсеров. Их ударным лозунгом была социализация земли, посредством которой они собирались выбить у капитализма почву из-под ног, раз и навсегда запретив скупку, продажу и аренду земли.

Поскольку предвыборная борьба шла в основном между партийными платформами, личностный момент в ней был малозаметен. Кандидаты были неизвестны большинству избирателей. Но только не у эсеров. Субъективный социализм как философская основа эсеровской политической ментальности ярко проявился в их предвыборной работе. Они широко утилизировали революционно-романтические традиции партии. Эсеровские газеты живописали героические эпизоды «Народной воли», подвиги террористов И.Каляева, З.Коноплянниковой и др., положивших свои молодые жизни на алтарь революции. Биографии местных эсеровских кандидатов излагались с упором на их мученичество — аресты, ссылки, каторга — во имя народного счастья. «Почему я буду голосовать за список партии социалистов-революционеров? — вопрошало одно из их рекламных изданий. — Потому, что за эсеров — их героическое прошлое. Они будут добиваться мира, воли, стремиться к отмене косвенных налогов, обложению имущих классов и прочим принципам социальной справедливости».

Под знамена эсеровской агитации были привлечены ветераны народничества Е.К.Брешко-Брешковская, исколесившая, несмотря на свой 72-летний возраст, полстраны, В.И.Фигнер, А.В.Якимова, И.Д.Лукашевич, И.И.Майнов. Но в этой апелляции к героическому прошлому было нечто театральное, искусственное, эксплуатация чувства ненависти народа к уже поверженному деспотическому ярму. В остальном в эсеровской рек-

ламе доминировали те же обещания. Характерно, что в этой риторике все было в прошедшем и будущем времени, но нацисто отсутствовало время настоящее, в котором эсеры пребывали у власти.

Обладая прочными позициями во властных структурах, эсеры имели от этого не только очевидные выгоды в предвыборной борьбе, но и свои проблемы. Они жаловались на загруженность своих функционеров, отвлеченных текущими административными делами. В Тамбовской губернии, где эсеры контролировали и администрацию, и самоуправление, и почти все Советы, «большинство более или менее видных партийных работников были под бременем работы в земствах, городском самоуправлении, комитетах и т.п. ...И в силу этого товарищи нервничали и безнадежно махали рукой на предвыборную агитацию»¹⁶⁰.

Это затруднение эсеров можно понять. Но еще серьезнее партия страдала от своей причастности к власти с другой стороны — речь идет о резком падении авторитета Временного правительства, не сумевшего вывести страну из глубокого кризиса. На эсерах, с мая державших за собой пост министра земледелия, лежала ответственность за волокиту с аграрной реформой. Это давало их противникам мощный пропагандистский козырь. Кадеты, сами требовавшие отложить все реформы до конца войны, не без цинизма уверяли, будто эсеры лишь на словах сочувствуют крестьянам. В.И. Ленин же еще в августе дал указание партийным работникам перенести центр тяжести антисеровской агитации с разоблачения утопизма их уравнительной аграрной программы на разоблачение их измены крестьянству в земельном вопросе¹⁶¹.

Однако то, что эсеры победили на выборах в Учредительное собрание, не было игрой случая. Собственные слабости и просчеты они сумели перекрыть всеохватной агитационно-пропагандистской работой, особенно в деревне, мобилизовав все партийные силы, весь потенциал крестьянского доверия к партии.

Тонкую предвыборную игру вела Партия народной свободы. Ей не требовалось много времени для предвыборной мобилизации — за плечами был богатый опыт аналогичных думских кампаний. 6 июля IX съезд партии обсудил вопрос о подготовке к Учредительному собранию. Была образована центральная агитационная комиссия, намечены другие практические меры¹⁶². Не было у кадетов недостатка ни в средствах, ни в ораторах, ни в публицистах, способных в самом привлекательном виде и самым убедительным образом подать публике дело партии. Не терзали их и внутренние конфликты. Тем не менее положение кадетской партии было непростым и в некоторых

отношениях щекотливым. Крупномасштабную подготовку к выборам приходилось соединять с осторожной, но настойчивой линией на оттяжку, а по существу срыв Учредительного собрания, тщательно маскируемой процедурными и правовыми ссылками, вроде неучастия в выборах двух-трех миллионов российских военнопленных. После провала мятежа Л.Г.Корнилова положение ведущей либеральной партии стало еще более двусмысленным. Хотя прямых свидетельств ее причастности к путчу обнаружено не было, для взрыва антикадетских настроений в массах вполне достаточно было намеков и подозрений. Вся левая пресса озаботилась тем, чтобы донести связь между кадетами и Корниловым до рядового избирателя. В глазах последнего «кадет» значило «корниловец», тем более что кадетский ЦК не отмежевался публично от мятежа. Естественно, не у всех граждан это вызвало негодование — в той части общества, которая жаждала сильной власти, способной остановить революционный «беспредел», предвыборная репутация кадетов даже поднялась.

Будучи, по их самооценке, партией «здравого смысла», кадеты не теряли дорогого предвыборного времени. Кадетская партийная машина была хорошо отлажена, кадетская агитация имела отчетливый почерк: определенность социальной базы, обращение не к классовым, а к общегосударственным и общенациональным интересам, упор на необходимость правопорядка и твердой власти в стране. Эта тактика была рассчитана на поддержку всех «государственно мыслящих элементов», на разлитые в обществе патриотические чувства, оскорбленные военными поражениями и национальным унижением после распада бывшей империи, а также на естественную усталость народа от политических штормов.

Кадеты расчетливо тратили свои силы (к осени они имели не менее 370 организаций), не отвлекаясь на бесплодную борьбу в очагах большевистского или эсеровского засилья. Центральная агитационная комиссия призвала членов партии и сочувствующих ей адвокатов, учителей, преподавателей вузов, студентов организовать в северных губерниях и в Сибири курсы, лектории в связи с выборами в Учредительное собрание¹⁶³.

Богатые практическим опытом кадеты создали эффективную агитационную сеть. В Баку действовали 10 районных комитетов, имевших задачу «осветить истинную демократическую физиономию партии и опровергнуть, наконец, то ходячее шаблонное и неправдоподобное воззрение о "буржуазности" партии, которое так усиленно муссируют левые течения»¹⁶⁴.

Характерный эпизод. Таврические кадеты выпустили листовку в форме вопросов и ответов, где подчеркивалось, что их

партия выше всего ставит принцип общего народного блага, торжество законности и порядка, а не карманные интересы одного класса, что она выше классовой борьбы, против всякого гнета и насилия. В расколотом противоречиями обществе такие заявления казались донкихотством или выглядели неискренними.

Другой ведущий мотив кадетской пропаганды — разоблачение несостоятельности социалистов, их неспособности управлять обществом. «Левые социалистические партии не способны ни к какой положительной работе, способны только обещать»¹⁶⁵. Кадеты убеждали граждан, что если страной будут по-прежнему править социалисты, то земля будет в кармане у Вильгельма II, а воля — у Николая II. При этом острие кадетской пропаганды было направлено против большевиков.

Представ перед избирателем «государственной» партией, кадеты обязаны были убедить его, что они в достатке располагают государственными людьми. (П.Н.Милуков говорил о провинциальном социалисте, который разъяснял недоумевающим соратникам свое намерение голосовать за кадетов так: «Когда мне нужно пальто, я иду к портному, когда требуются часы — к часовщику. Теперь мне нужны для России государственные люди — я пойду к кадетам».) К активной предвыборной работе был привлечен весь цвет партии. На Дону побывали А.И.Шингарев, М.С.Аджемов, Ф.И.Родичев. Приезд в начале ноября в родной Воронеж А.И.Шингарева стал событием для города, на его выступлении публика ломилась. В Бобруйске в октябре с триумфом выступал профессор П.И.Новгородцев. Он анализировал опыт учредительных ассамблей на Западе, критиковал марксизм за антигосударственность и большевиков за анархизм. При этом не забывались и революционные заслуги партии¹⁶⁶.

Кадетским «златоустам» часто удавалось брать верх над своими оппонентами в открытых дискуссиях. Но эти победы были одержаны главным образом перед «своей», интеллигентной и обывательской публикой. Усилия того же Шингарева не помогли воронежским кадетам отвоевать хотя бы одно депутатское место.

Кадетам было трудно найти общий язык с простым людом — рабочими и крестьянами. Их предвыборные призывы в этих случаях становились отвлеченнее и декларативнее. «Рабочие! Если вы не хотите безработицы и голода от разрушения промышленности, голосуйте за список № 5! Крестьяне! Если вы не хотите, чтобы у вас отобрали ваши надельные земли, голосуйте за список № 5», — возглашали пермские кадеты. Но при этом им приходилось вуалировать свое нежелание передать крестьянам помещичью землю безвозмездно. Отвергая разом

все социалистические варианты решения земельного вопроса — социализацию, муниципализацию, национализацию, кадеты не могли, однако, соблазнить крестьян, в плоть и кровь впитавших привычки общинного быта, перспективой превращения в земельных собственников. По словам крымского кадета Д.С.Пасманика, «деревня была закрыта для кадетов, хотя большинство таврических крестьян были богаты и многоземельны. Кадетская партия обслуживала лишь очень тонкий слой городской интеллигенции и культурных обывателей»¹⁶⁷. Впрочем, кадеты умышленно не напирала в своей агитации на самые болезненные вопросы — аграрный и войну.

В рабочих кварталах кадетским агитаторам было просто опасно появляться. Из Иваново-Вознесенска сообщали, что агитаторы кадетов и списка «Возрождение России» (во главе с М.В.Родзянко) побоялись приехать: «в нашем городе им делать нечего»¹⁶⁸. Известный кадет В.Оболенский так описал свое участие в одном из октябрьских митингов в Пскове: «Говорить приходилось перед заведомо враждебной аудиторией. Наши речи прерывались криком, руганью, а порой — сплошным ревом озлобленной толпы»¹⁶⁹. Кое-где (Полтава, Владивосток) типографские рабочие отказывались набирать кадетские воззвания¹⁷⁰.

Среди кадетов бытовало мнение, что их идеи настолько сильны и жизненны, что могут сами бороться за себя. Отчасти это было, вероятно, так, ибо собранный на выборах в Учредительное собрание урожай голосов, главным образом в городах, оказался довольно неожиданным и для самих кадетов, еще не забывших своего муниципального фиаско. Этот успех не может быть объяснен только предвыборной работой партии и был связан с логикой развития революции в России, с поляризацией общественных сил.

Менее всего видны были в предвыборной кампании крайние цвета политического спектра России. Правые элементы почти не выступали открыто, под монархическими стягами. Подстраиваясь под общий тон, они обличали анархию и слабость власти, не забывая подчеркнуть, что большевизм, который модно ругать, есть лишь яркое проявление того анархического начала, которое скрыто или замаскировано у других социалистов и даже у кадетов¹⁷¹.

Обструкционистскую позицию в отношении выборов заняли анархисты. В своих газетах они называли Учредительное собрание реакционным органом, который нужен буржуазии, чтобы «заговорить» революцию, закрепить народ. «Мы не зовем вас голосовать за какой-нибудь партийный список в Учредительное собрание. Оно вам не нужно. Вместо него налаживайте ваши беспартийные организации, налаживайте ваши

отношения с деревней, принятие хозяйства в свои руки»¹⁷², — зывали к рабочим анархо-синдикалисты. Анархисты с одобрением восприняли переход большевиков в оппозицию к Учредительному собранию, видя в Ленине анархиста-государственника, не до конца освободившегося от марксистской фразеологии.

Сложился ли на почве Учредительного собрания единый антибольшевистский фронт, о котором постоянно твердили большевики и связанная с ними историографическая традиция? Ответ должен быть скорее отрицательным. Никакой слитности, единства действий против большевизма не обнаруживается не только между демократией либеральной и революционной, но и внутри последней. Эсеры, например, имели инструкцию своего ЦК, в которой рекомендовалось разъяснять «тот вред, какой могут принести социал-демократы трудовому крестьянству, всему делу трудового народа при решении земельного вопроса в Учредительном собрании»¹⁷³.

В свою очередь, меньшевики ревниво переживали нарушение «разделения труда» своими партнерами по блоку: эсерам — деревня, меньшевикам — город. «За полгода революции, — писал меньшевистский публицист, — эсеры приобрели большую популярность в рабочей среде, в особенности в тех слоях, которые сохранили связь с деревней и для которых так заманчиво звучит эсеровский лозунг "Земля и Воля". До сих пор на выборах в городские и районные думы, в деятельности Советов нашей партии не удавалось достаточно решительно отмежеваться от социалистов-революционеров, поскольку в вопросах тактики они шли вместе с меньшевиками против большевиков и главный разделяющий нас вопрос — аграрный — откладывался до Учредительного собрания. Теперь на выборах в Учредительное собрание надо дать решительный бой мещанским утопиям эсеров»¹⁷⁴.

Действительно, меньшевики не упускали случая указать, что эсеровское требование социализации земли приведет к поножовщине в деревне¹⁷⁵. По мнению части меньшевиков, партнерство эсеров приносило партии больше вреда, чем пользы, в частности, из-за усилившегося левоэсеровского крыла. На Тульской губернской конференции меньшевиков делегат из Венева говорил об эсерах как о людях сомнительной честности, поскольку они поощряют анархию и самозахваты: пусть-де грабят богачей¹⁷⁶.

Предвыборная политическая кампания была, образно говоря, «войной всех против всех». В ней каждая из основных политических партий преследовала свои цели, отстаивала свои рецепты спасения России. Партии центра — эсеры и меньшевики вели борьбу на два фронта: против большевиков и против

кадетов. Если первые были для умеренных социалистов хоть и узурпаторами власти, но все же «неразумными друзьями революции», то кадеты — ее убежденными классовыми врагами. И этим было все сказано.

Дополнительные неяркие, но разнообразные цвета в предвыборную политическую палитру вносили другие партии и непартийные избирательные объединения. Не ставя перед собой амбициозных задач, они добивались представительства в Учредительном собрании.

Внушительной силой в 1917 году была кооперация. Разными ее формами было охвачено до 24 миллионов человек¹⁷⁷, она располагала разветвленной организационной структурой, влиятельной прессой. Всероссийский кооперативный съезд, проходивший в Москве в начале октября, после острых дебатов высказался за самостоятельное участие в выборах, мотивируя это необходимостью объединить все демократические течения, стоящие за энергичную оборону страны, за свободу и водворение законности и порядка, дабы не допустить в Учредительное собрание пораженцев, интернационалистов, анархистов. По словам лидера кооперативного движения А.В.Чаянова, «в России еще не сложились жизненные, мощные политические партии, и потому кооперация считает своим долгом вмешательство в политическую жизнь страны». Предложенная им съезду резолюция прошла 84 голосами против 17 представителей рабочих кооперативов, требовавших ограничиться поддержкой социалистических партий¹⁷⁸.

Решения московского съезда раскололи кооперативное движение, объединявшее людей разной политической ориентации. В ходе губернских съездов кооператоров определились три подхода к вопросу об участии в выборах: выдвижение самостоятельных списков, поддержка социалистов, полное невмешательство в политику. Последнее направление, более всего отвечавшее сути кооперации, было наименее популярным и считалось прокадетским. Сплочению мешали и внутренние имущественно-социальные различия. Вот как комментировался тульскими эсерами состав губернского кооперативного съезда: вроде бы хорошие люди, но в большинстве своем помещики и попы — эти люди не дадут крестьянам земли¹⁷⁹.

В низовых кооперативных объединениях вспыхнула борьба, выявляя политическое разномыслие и баланс сил. Решения принимались самые разные. В Чите кооператоры, выдвинув сначала своих кандидатов, предпочли затем разойтись по партийным квартирам¹⁸⁰. Алтайский кооперативный съезд (10—11 октября) решил не выдвигать своих кандидатов, а поддержать одну из соцпартий. При этом в поддержку эсеров голосовали 140 делегатов, меньшевиков — около полусотни, больше-

виков — единицы¹⁸¹. В Харькове правление потребительских обществ Юга России, объединявшее около 700 кооперативов, 1 октября осудило решение московского съезда как раскольническое и призвало популяризировать Учредительное собрание, «поддерживая программы государственных и народных социалистов»¹⁸². В то же время харьковские союзы учреждений мелкого кредита и содействия сельской кооперации поддержали решение о самостоятельном выступлении¹⁸³.

Среди тех, кто поддержал самостоятельное участие в выборах, выделялись оренбургские кооператоры. Их газета «Союзная мысль» из номера в номер пропагандировала своих кандидатов, давала сравнительные таблицы платформ политических партий. Самостоятельные списки выдвинули также кооператоры Бессарабии, Владимирской, Нижегородской, Новгородской, Петроградской, Симбирской, Томской и Тульской губерний.

Довольно странно, что кооператоры свою предвыборную работу вели под девизом «В единении — сила!» и «Кооперация беспартийна». Как правило, они агитировали на два фронта — против кадетов и против большевиков, выдвигая требования демократической республики, правопорядка, уничтожения частной собственности на землю, проведения мер социальной защиты трудящихся и т.п.

Однако видимых следов предвыборной работы кооператоров источники не сохранили. Уже тогда наблюдатели предсказывали им неудачу, так как с их именем не разбирающееся в экономических вопросах население связывало продовольственный кризис со всеми его последствиями¹⁸⁴.

В предвыборную борьбу активно включилась православная церковь. На Всероссийском Поместном соборе, начавшемся в Москве в середине августа 1917 года, раздавались голоса о том, что в связи с приближением выборов архимандритам необходимо быть в своих епархиях «для преподавания руководства пастве в деле выборов». Хотя не все церковники одобряли вмешательство в политику, Поместный собор принял обращение, составленное при участии Е.Н.Трубецкого и С.Н.Булгакова, в котором призывал всех православных, осенив себя крестным знаменем, без различия положения, сословий, партий и народностей идти на выборы как на подвиг веры, службы, любви: «Пусть победит в себе народ наш обуревающий его дух нечестия и ненависти»¹⁸⁵. Церковная печать освещала подготовку к выборам, напоминала о голосовании как о долге совести, осторожно критикуя социалистов за их взгляды на положение религии в обществе.

Церковники баллотировались более чем в тридцати округах под разными названиями (православные приходы, духовенство и миряне, «за веру и порядок», «христианское единение» и др.).

К ним, как оплоту старой государственности, тяготели консервативно-монархические круги там, где они не решались открыто выступить под своим именем. В Харьковской губернии среди кандидатов от православных приходов, если верить местному «Социал-демократу», было немало вчерашних членов Союза русского народа¹⁸⁶. В тех же случаях, когда клерикалы не выдвигали своих списков, их симпатии обычно адресовались кадетам, планы которых признавались самыми справедливыми и для церкви Христовой полезными¹⁸⁷.

Вятские священники 8 октября специально обсуждали вопрос об Учредительном собрании. Общее настроение выразил настоятель кафедрального собора о.Люпергольский: «Если с нашей стороны не будет проявлен абсентеизм, если духовенство откликнется, мы бесспорно сможем провести в Учредительное собрание своего кандидата». Был поставлен вопрос об объединении духовенства с кадетами, но это вызвало возражения: «Тогда про нас скажут, что мы объединились с капиталистами, буржуями». Собрание решило выставить список совместно с мирянами¹⁸⁸.

Но и в среде духовенства проник политический раскол. 16 октября съезд благочинного округа Вятского уезда решил воздержаться от поддержки указанного выше списка ввиду крайней непопулярности некоторых кандидатов среди демократического сельского духовенства. Свои голоса он решил отдать кадетам¹⁸⁹.

В 13 избирательных округах выставили свои списки старообрядцы, главным образом в местах расселения раскольников и компактных старообрядческих общин: Москва, Алтай, Забайкалье, Поволжье, Дон, Урал. Потомки «огнепального» протопопа Аввакума были в целом консервативной частью электората, но считали необходимым принять самое деятельное участие в выборах, выяснив все местные старообрядческие нужды и потребности, чтобы их депутаты вошли в Учредительное собрание «вполне подготовленные и знакомые с общегосударственными и местными вопросами». «Политическая программа старообрядцев всех сословий» не содержала, впрочем, конкретных пунктов, но в ней была четкая установка: «Вся страна должна подчиниться установлениям и решениям Учредительного собрания»¹⁹⁰. Но и среди староверов не было согласия, в их среде шли процессы политизации и поляризации. В Приамурье группа беспоповцев обратилась к единоверцам с призывом голосовать на выборах за социал-демократов, убеждая не сыграть на руку кадетам и другим реакционным силам¹⁹¹. По некоторым свидетельствам, староверы имели самых неистовых агитаторов¹⁹².

Накал предвыборной борьбы поддерживали и другие политические партии (энесы, прогрессисты, радикал-демократы), сословно-классовые организации, национальные и религиозные объединения (сибирские областники, казаки, мусульманские, еврейские, польские, немецкие и прочие списки), национальные партии. Из них наиболее конкурентными были объединения, выступавшие под национальным флагом.

Предвыборная кампания явилась, таким образом, своеобразной школой политизации и отчасти «партизации» российского электората. Факт этот, несомненно, неоднозначен, если рассматривать его в общем контексте драмы, пережитой страной в 1917 году. Невозможно отрицать рост общественного самосознания тех многочисленных слоев населения, которые прежде стояли вне общественно-политической жизни. Это был крупный шаг в формировании политической культуры народа, который мог быть продолжен и закреплён практикой последующих всеобщих голосований. Достаточно сослаться на оживление просветительной работы в деревне, многочисленные запросы из волостей на представителей партий для ознакомления с их программами.

С другой стороны, этот социокультурный сдвиг был лишен глубоких цивилизационных корней. Он подпитывался атмосферой революции и войны, настроениями нетерпимости и социальной розни и, в свою очередь, углублял и обострял очаги конфронтации в обществе. В таких условиях массы рядовых избирателей неизбежно становились орудием популизма и социальной демагогии. Уже предвыборная кампания достаточно наглядно показала, насколько малы шансы умеренных партий добиться признания у радикализированных масс.

Предвыборная борьба развертывалась одновременно на трех тесно связанных и все же самостоятельных театрах: город, деревня, армия. На каждом из них она развивалась по разным сценариям, при иных условиях, с иной расстановкой сил. Лидерство принадлежало городу, где политический пульс бился наиболее напряженно. Городское население отличалось социальной разнородностью, и потому любая партия могла рассчитывать здесь найти «своего» избирателя. Острые предвыборные схватки разворачивались в обеих столицах, в большинстве губернских центров, во многих уездных и заштатных городах. Борьба шла здесь с переменным успехом, и до выборов нельзя было предсказать точно ее исход. Провинциальная публика была подобна плазме, ее настроение колебалось в зависимости от того, кто был последним оратором. Авторитет местного популярного деятеля мог предрешить исход всего голосования.

Из города политические токи шли в деревню. Именно она и должна была своими голосами решить судьбу выборов и, сле-

довательно, стать главным полем предвыборной политической борьбы. Однако в действительности этого не произошло. Предвыборная агитация в деревне была скоротечной, носила в целом очаговый характер. Очевидец свидетельствовал: «Город не очень-то побаловал деревню агитацией, а наше захолустье осталось и к выборам со своими старыми примелькавшимися ораторами. Навернется изредка проезжий эсер, набежит случайно распропагандированный на службе солдат, придет "верный человек из волости", и снова тихо... И кажется, что дремлет по-прежнему деревня, что не интересуют ее выборы»¹⁹³.

Не приходится поэтому удивляться, что в деревне шла форменная охота за голосами. Любому беспристрастному наблюдателю было ясно, что верх здесь возьмут эсеры. Однако перед выборами большевикам, почти не имевшим своих партийных ячеек в деревне, удалось существенно их потеснить, главным образом с помощью солдат и посредством призывов к крестьянам немедленно самим брать землю. Любопытный в этом смысле эпизод приводила Е.К.Брешко-Брешковская. В курской деревне она агитировала за эсеров при явной благосклонности публики. Но вдруг встал большевик: «Что такое Учредительное собрание? Слова или вот этот лист, который я разорву и брошу. Только и видели. А ты вот возьми своими руками (и он загребает в воздухе), тогда твое будет, тогда не выпустишь, такто надежнее». И собравшиеся загомонили: «А и вправду, своими руками возьмешь, вернее будет»¹⁹⁴. Подобный «митинговый эффект» был сильным, но недолговечным.

Наконец, особым полем предвыборной борьбы была почти десятиmillionная армия, чья политическая позиция все более отождествлялась с ее вооруженной мощью. В основном здесь шла схватка «двух гигантов» — эсеров и большевиков. Несмотря на организационные сверхусилия ПСР, борьба шла с нарастающим перевесом большевиков, особенно в тыловых гарнизонах, где их агитация практически ничем не сдерживалась.

Сложнее большевикам приходилось в Действующей армии, где они испытывали стеснения со стороны командования и комитетов, местами значительные. Но и здесь предвыборная кампания по существу легализовала их деятельность. «Самая подготовка к выборам в Учредительное собрание, на которую буржуазия возлагала огромные надежды, поворачивается своим острием против буржуа, — вспоминал большевик Я.А.Яковлев. — Даже в тех воинских частях, где отсутствуют большевистские организации, солдатские требования отчеканиваются в большевистские формулы»¹⁹⁵. То же свидетельствует и противная сторона. Согласно одной из сводок Ставки за октябрь, «громадное развитие в армии получает большевистское тече-

ние, усилившееся в последнее время в связи с предвыборной агитацией в Учредительное собрание»¹⁹⁶.

Предвыборная кампания, набрав обороты, безо всякой паузы перешла в выборы. Во многих округах необъятной России уже считали голоса, тогда как в других округах она только разгоралась.

4. Кандидатские списки и предвыборные блоки

Предвыборная тактика включала в себя и такие принципиальные моменты, как составление кандидатских списков и их блокирование между собой. Они могли существенно повлиять на распределение голосов и депутатских мандатов в конкретных избирательных округах. Почти не изученная, эта сторона выборного дела детализирует общую картину, отражает важные нюансы всероссийской политической жизни, действие скрытых факторов, недоступных подчас прямому наблюдению.

Согласно «Положению о выборах в Учредительное собрание» (гл.5), кандидатские списки могли заявляться не позднее, чем за 30 дней до выборов, то есть к середине октября. Для выдвижения списка требовалось не менее ста подписей избирателей данного округа, один из них становился представителем кандидатского списка в окружной избирательной комиссии. Хотя эта процедура не отличалась сложностью, в каждом из округов были отвергнуты списки, не отвечавшие формальным требованиям (отсутствие заявлений всех кандидатов о согласии баллотироваться, неточные записи заявителей и пр.), что отчасти отражало культурно-правовой уровень электората. Кандидат, понятно, мог в каждом округе баллотироваться лишь по одному списку, но имел право выставить свою кандидатуру сразу в нескольких округах (не более пяти).

В сентябре—начале октября все ведущие избирательные объединения, прежде всего партийные, провели свои съезды и конференции с выдвижением кандидатов в Учредительное собрание. Обычный порядок был таков. Центральные органы намечали общепартийные кандидатуры и распределяли их по избирательным округам с тем, чтобы обеспечить своим лидерам избрание и одновременно их авторитетом подкрепить список местных кандидатов. Региональные партийные конференции намечали своих кандидатов, обсуждали общепартийные кандидатуры и включали их в список на те или иные места. Партийные центры оставляли за собой право контроля за составлением списков. Данная процедура становилась контрольной проверкой для каждой из партий — уровня ее демократизма, организационной и идейной спайки, взаимоотношений партий-

ных верхов и низов, наконец, общей ориентированности на Учредительное собрание.

Заслуживающим внимания показателем является сама нумерация кандидатских списков. Заявленные списки получали номера в порядке их утверждения окружными комиссиями, и потому номер официальной регистрации отчасти отражал оперативность партийных комитетов, меру их заинтересованности в выборах, уровень правовой культуры. Тамбовские большевики внесли свой список третьими (12 октября), но из-за процедурных нарушений он был утвержден лишь через неделю под № 7197. Сопоставление порядковых номеров пяти ведущих общероссийских партий дает такую картину: для конституционно-демократической партии, выдвинувшей кандидатов в 66 округах, средний индекс равен 3,8, для эсеров — 4,1, меньшевиков — 4,7, энесов — 5,6, большевиков — 6,0. В среднем на округ приходилось 9 списков (то есть индекс равнялся 9). Кадетские списки шли первым номером в 18 округах, вторым — в 11, третьим — в 5 округах; эсеры — соответственно в 15, 10 и 21, меньшевики — в 4, 13 и 7 округах. В то же время большевики опередили всех своих конкурентов лишь в Забайкалье, в девяти округах были зарегистрированы вторыми, в пяти — третьими.

Мы рассматриваем эти показатели как вполне объективные и по масштабу наблюдений и по процедуре регистрации, основанной на букве закона. Бросается в глаза политический прагматизм кадетской партии: противодействуя выборам, она более других преуспела на этой стадии предвыборной подготовки, ранее других отобщиливала свои силы.

Кандидатские списки имеют еще одно внутреннее свойство: благодаря своей упорядоченности они проливают свет на внутрипартийную неформальную иерархию, служат источником для определения партийного рейтинга. При этом следует учитывать три фактора: количество округов, в которых был заявлен партийный кандидат, его место в кандидатском списке, наконец, престижность для партии избирательного округа, что было особенно важно для большевиков, меньшевиков, кадетов с их резко очерченной социальной базой, но не столь существенно для эсеров, которые почти всюду имели гарантированный минимум мандатов.

Хотя местные партийные комитеты формально были заявителями списков, высшее партийное руководство стремилось контролировать этот процесс. Оно составляло перечень «обязательных», общепартийных кандидатур, добиваясь их включения в списки местных комитетов. По закону число кандидатов в списке не должно было превышать общее количество мандатов по округу более чем наполовину. Однако очевидно, что перспективы избрания зависели прежде всего от места, которое

кандидат занимал в списке. Условно говоря, в округе, где эсеры могли провести в Учредительное собрание 5-6 своих кандидатов, большевики могли рассчитывать лишь на 2-3 депутатских места¹⁹⁸, не говоря о кадетах или энесах. Поэтому значимость, скажем, четвертых-пятых мест у этих партий была разной.

Изучение расписания обязательных кандидатур позволяет также судить о том, как само руководство партий представляло сравнительную ценность избирательных округов, устанавливая разверстку кандидатов так, чтобы максимально облегчить их избрание. По тонкому замечанию В.В.Лазарева, выявление латентного упорядочения округов восполняет отсутствие документов, в которых такие предпочтения выражались бы явно, а также может многое сказать об отношении партии к своим потенциальным избирателям¹⁹⁹.

Как говорилось выше, кадеты успешнее других преодолели «кандидатский» цикл. Уже в августе съезд Партии народной свободы наметил 25 обязательных кандидатур, среди которых были П.Н.Милоков, И.И.Петрункевич, М.М.Винавер, Ф.Ф.Кокوشкин, А.И.Шингарев, В.А.Маклаков, Ф.И.Родичев, П.И.Новгородцев, а также «желательных». За местными комитетами сохранялось право отвергнуть общепартийные кандидатуры²⁰⁰. Однако до серьезных конфликтов, судя по имеющимся данным, дело не доходило: высокая организованность партии и блестящая репутация лидеров сыграли свою роль.

Так, Ярославский губернский кадетский съезд, следуя рекомендациям ЦК, наметил на первые места князя Д.И.Шаховского и Н.А.Морозова (оба имели имения в губернии), третьим поставив местного кандидата Н.Н.Глебова. Шаховской, однако, отказался баллотироваться, сославшись на болезнь и занятость. 10 октября губернский съезд уговорил его остаться в списке, передвинув на третье место. На первую позицию по телеграмме ЦК был поставлен А.И.Коновалов²⁰¹.

Весьма последовательной была линия ЦК РСДРП(б). В конце сентября он обнародовал для сведения местных организаций список 25 обязательных кандидатов и 15 рекомендуемых. В порядке номеров в списке официальных кандидатов стояли В.И.Ленин, Г.Е.Зиновьев, Л.Д.Троцкий, Л.Б.Каменев, А.М.Коллонтай, А.В.Луначарский, Н.И.Бухарин, Ю.Л.Пятаков, И.В.Сталин и др., что, вероятно, отражало значимость их с точки зрения ЦК. Все обязательные кандидаты «должны были стоять на первых местах в списках»²⁰². В этом списке почти не было провинциальных работников, кроме А.С.Киселева, В.П.Милютина, Н.И.Крестинского и С.Г.Шаумяна. Тогда же ЦК обратился ко всем партийным организациям с просьбой скорее сообщить свои списки кандидатов, с указанием их воз-

раста, занятий, партстажа, полицейских преследований, чтобы ЦК мог их просмотреть и предложить внести изменения. Предлагалось также сообщить, сколько голосов большевики получили на выборах местного самоуправления и сколько кандидатов они надеются провести в Учредительное собрание²⁰³.

Уже на другой день, 29 сентября, Зиновьев через партийную газету «Рабочий путь» предупредил местных большевиков, что при подборе кандидатов ни в коем случае не должно отдаваться предпочтение тем интеллигентам, которые в партии без году неделя, следует больше выдвигать рабочих.

В.И. Ленин в это время скрывался в Финляндии и в составлении списка кандидатур ЦК не участвовал. Ознакомившись с ним, вероятно, в «Рабочем пути», он подверг его разностной критике, явно опасаясь «самостийности» некоторых кандидатов, их неподчинения строгой фракционной дисциплине. Особенно возражал он против кандидатуры недавнего меньшевика-интернационалиста М.А. Ларина. Ленин требовал включить в обновленный список больше представителей от рабочих, рассчитывая на их «близкое, тесное, интимное» сближение с депутатами-крестьянами: «ораторов и литераторов набивать в Учредительное собрание значит идти по избитой дороге оппортунизма и шовинизма»²⁰⁴. Узнаваемое ленинское недоверие к партийной интеллигенции, равно как и эзотерическая вера в классовое пролетарское сознание, объясняют, каким он хотел видеть Учредительное собрание — не многоголосым парламентом, а конвентом, издающим революционные декреты по воле яacobинского руководства. Такая позиция разделялась и некоторыми местными комитетами. I Петроградская окружная конференция 1 октября постановила, что лица, имеющие партийный стаж менее одного года, не могут быть выдвинуты кандидатами в члены Учредительного собрания²⁰⁵.

В дополнение к обязательному ЦК РСДРП(б) составил расширенный список рекомендуемых кандидатур из 119 человек, среди которых были 41 рабочий, 18 военных (в их числе 4 офицера), 39 журналистов, 5 юристов, 5 учителей, 3 инженера, 3 статистика, 2 приват-доцента, 1 профессор (астроном П.К. Штернберг), 1 врач и 1 конторщик²⁰⁶. «Ораторы и литераторы», включая Ларина, сохранились в списке, «рабочие» были пополнены партийными функционерами, вроде К.Е. Ворошилова, С.П. Воскова, М.И. Калинина, Н.А. Жиделева. А.Е. Бадаева, П.А. Залуцкого, Н.П. Глебова-Авилова. Троекратное расширение списка отразило растущие притязания большевиков на роль в Учредительном собрании, одновременно удовлетворило претензии местной партийной элиты.

Об этом можно судить по конкретным фактам. Костромская губернская конференция РСДРП(б) в начале октября об-

ратилась в ЦК с просьбой оставить одну кандидатуру (М.А.Ларин), в крайнем случае и вторую (А.И.Рыков). Представитель Московского областного бюро партии В.Н.Максимовский от имени партийных центров выразил согласие не настаивать на обеих кандидатурах. В итоге Ларин вошел в список первым, остальные девять мест заняли местные большевики²⁰⁷.

Вполне демократично разрешился вопрос и в другом случае. ЦК не настаивал на своем, когда Ставропольский комитет РСДРП(б) просил отвести кандидатуры И.В.Сталина и С.Г.Шаумяна, неизвестные местным избирателям²⁰⁸. Они были передвинуты на третью и четвертую позиции. Впрочем, уступка оказалась формальной, поскольку реально большевики здесь не могли рассчитывать на успех и не получили ни одного мандата. В Архангельской губернии, напротив, по настоянию ЦК местные большевики Новов и Зинкевич были заменены М.К.Мурановым и Г.Оппоковым-Ломовым²⁰⁹.

Анализируя распределение большевистской элиты по округам, можно установить их сравнительную ценность, включавшую престижность региона, настроения электората. Ленин был выдвинут в пяти округах: Петроград, Москва, Петроградская и Уфимская губернии, Балтийский флот; среди «пятизвездочных» были также Зиновьев, Каменев, Троцкий, Коллонтай, Луначарский, Бубнов, Дзержинский, Урицкий, В.М.Смирнов, историк М.Н.Покровский²¹⁰. Москва и центральная Россия оставались московским большевикам — В.П.Ногин, Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, С.Я.Бобинский, М.С.Ольминский, И.И.Скворцов-Степанов, И.Н.Стуков, А.П.Смирнов и др. Урал, Донбасс, Сибирь и другие регионы ЦК передал в ведение областных объединений РСДРП(б), никто из партийных лидеров не выдвигался в азиатских округах. Стоит заметить, что они почти не участвовали в непосредственной агитационной работе вне обеих столиц, и потому выезд М.С.Урицкого в Новгород на губернскую партконференцию воспринимается скорее как исключение.

Куда труднее проблема кандидатских списков решалась у эсеров. Завоевание большинства депутатских мандатов грозило стать пустой иллюзией из-за внутрипартийной междоусобицы. В сентябре группа «старых деятелей» ПСР (С.Л.Маслов, Н.Я.Быховский, Н.Д.Авксентьев, Н.И.Ракитников, В.М.Зензинов и др.) в обращении к партии заявила, что разброд прокрался в ее центральные учреждения, лишая их всякого авторитета²¹¹. На лидерство в партии претендовало левое крыло, выступавшее против коалиции с кадетами, за переход власти к Советам. Левые вышли из состава общей эсеровской фракции Демократического совещания, образовали отдельную фракцию в Предпарламенте. Усиливалась трещина и справа: элементы,

группировавшиеся вокруг газеты «Воля народа» — официоза Керенского, все более расходились по принципиальным вопросам с черновским центром, намереваясь выступить на выборах с отдельным списком. В самом ЦК углублялись расхождения между Н.Д.Авксентьевым — А.Р.Гоцем, стоявшими за продолжение коалиции с кадетами, и В.М.Черновым²¹².

Комиссия по Учредительному собранию при ЦК ПСР составила список 130 общепартийных кандидатур, представленный в начале августа VII Совету партии. ЦК претендовал примерно на треть заявленных кандидатур, что вызвало протесты провинциальных делегатов. В итоге было решено выделить Центральному комитету по одному месту в губернских списках. Согласительная комиссия сократила список до 58 обязательных кандидатур, составив также резервный список «на всякий случай»²¹³.

Распределение эсеровских лидеров по избирательным округам показывает, что престижными у них считались, кроме столиц и фронтов, аграрные губернии, с их давними традициями крестьянского движения. Так, В.М.Чернов баллотировался в Воронежской, Тамбовской, Харьковской губерниях, Н.Д.Авксентьев — в Бессарабской, Могилевской, Новгородской и Пензенской, Е.К.Брешко-Брешковская в Минской, Смоленской, Харьковской, Черниговской и Симбирской. Наличие в этом перечне промышленно развитой Харьковской губернии легко объяснить желанием подкрепить довольно уязвимые позиции российских эсеров авторитетом вождей.

Однако именно здесь и возникали коллизии. Местные комитеты не испытывали доверия к раздираемому противоречиями ЦК ПСР, да и сами придерживались разных ориентаций. Вологодская, Калужская, Полтавская, Ставропольская и Томская губернские организации не приняли ни одной общепартийной кандидатуры, а Вятская, Кубанская, Пермская и Тамбовская выделили ЦК по одному месту²¹⁴. В Алтайской губернии эсеры включили предложенные ЦК кандидатуры В.В.Руднева, Е.Ф.Роговского и М.И.Левина в свой список под номерами 2, 4 и 6, отдав, таким образом, приоритет алтайским эсеровским деятелям²¹⁵.

Если порядок мест в единых эсеровских списках не влиял на общее количество полученных ими голосов и ЦК вполне мог позволить провинциальную «фронду», то выдвижение параллельных эсеровских списков резко меняло ситуацию. 30 сентября ЦК ПСР, пытаясь пресечь автономистские действия «еретиков», предупредил, что все эсеры, выставившие свои кандидатуры в Учредительное собрание помимо общепартийных списков, будут исключены из партии²¹⁶.

Тем не менее в ряде округов левые эсеры, ощущая свою силу, выставили самостоятельные кандидатские списки: Воронежский, Енисейский, Тобольский, Кубано-Черноморский, Приамурский, Балтийский флот. В Вятском округе попытались заявить свой список эсеры-максималисты, но затем сняли его, вероятно, в связи с решением своего руководства бойкотировать выборы. Раскольники были изгнаны из партии. В Воронеже, например, из ПСР были исключены 40-50 левых, распущена городская организация²¹⁷.

Гораздо чаще, однако, левые эсеры старались не обособляться, чтобы, по признанию И.З.Штейнберга, использовать на выборах имя партии²¹⁸. Тем более, что доктринальные установки фракций ПСР слабо различались, а тактические нюансы были мало известны эсеровскому электорату, главным образом крестьянскому. Формальное единство партии сохранялось, но такое «сожительство» было весьма двусмысленным и ослабляло партию, обострив борьбу при определении состава кандидатур, особенно в центральных округах.

Острая ситуация возникла в эсеровской организации Петрограда. На VIII общегородской конференции 8 октября левые были в большинстве и продиктовали свою волю. Первую позицию в кандидатском списке они предпочли уступить В.М.Чернову, чье имя должно было «протащить» весь список. Вторым стоял лидер левых эсеров Б.Д.Камков, человек в партии недавний, «обнаруживший уклон к анархизму и большевизму»²¹⁹. Третье место было отдано ЦК с условием, что это не будет А.Р.Гоц или кто-то из правых эсеров. Хотя центристы демонстративно отказались голосовать (не голосовали 63 делегата конференции из 169), это был все же общепартийный, а не левоэсеровский список. ЦК ПСР не оставалось ничего иного, как признать его официальным²²⁰. Но в итоге ПСР почти не приняла участия в предвыборной борьбе в столице, и некоторые эсеры-черновцы заявляли, что отдадут свои голоса оборонцам, лишь бы не пропустить левых эсеров²²¹.

Скандалным было дело и в Петроградской губернии. ЦК запретил левым эсерам выдвинуть свой отдельный список. В ответ те отказались включить своих представителей в общепартийный список и решили воздержаться от всяких действий в выборной кампании²²². Такой исход, впрочем, вполне устроил ЦК ПСР.

«Дело народа» 1 октября сетовало, что «провинция большей частью не считается со списками ЦК». Обстановка в округах определялась, вероятно, соотношением сил в губернских организациях. Об этом можно судить и по составу кандидатских списков. В Харьковской губернии первое и третье места занимали центристы Чернов и Святицкий, но все остальные места

в списке заняли левые и близкие к ним украинские эсеры. По словам лидера последних В.М.Качинского, «список № 5 является официальным списком партии с.-р. и в то же время — левым. В этом списке нет так называемых "правых", ярых обронцев»²²³. В Казанском округе левые эсеры, пропустив на первую позицию кандидата ЦК Г.А.Мартюшина, заняли все остальные в списке. То же было в Псковской губернии, где первым стоял кандидат от ЦК Г.К.Покровский. С явным преимуществом левых были составлены списки в Калужской и Уфимской губерниях (в последней центрист В.А.Филатов стоял лишь четвертым в общепартийном списке). Екатеринбургские эсеры-центристы агитировали за общепартийный список, по их признанию, «с душевной болью», поскольку в нем были «кандидаты большевистского толка»²²⁴.

Однако чаще условия диктовали умеренные эсеры. Хотя во Владимирской губернии список кандидатов открывала М.А.Спиридонова, за нею сомкнутым строем шли центристы, в Москве А.А.Биценко была только четвертой, в Пензенской губернии левые эсеры шли под номерами 4 и 6. Разумеется, далеко не всегда можно точно идентифицировать позицию эсеровских кандидатов или время их полевания. Так, Р.П.Эйдеман в Енисейском, А.П.Близнюк в Воронежском округе прошли в Учредительное собрание по общепартийным спискам, хотя в обеих губерниях левые эсеры выдвигались самостоятельно.

Стараясь угрозами и уступками удержать левые элементы в лоне партии и тем самым «замазать» ее раскол, руководство ПСР надеялось не только скрыть сей печальный факт от рядового сочувствующего избирателя. Оно надеялось, что прошедшие по общепартийным спискам левые снимут затем свои кандидатуры. 8 ноября «Дело народа», объявив об исключении из партии левых эсеров, выразило «твердую уверенность, что они сочтут долгом своей политической чести снять свои кандидатуры в Учредительное собрание».

Расчеты не сбылись и даже имели обратный эффект. Правое, оборонческое крыло ПСР находило неприемлемым для себя как хранителей партийной чести пребывание в общих списках с интернационалистскими элементами. Еще 30 сентября «воленародовцы» призвали местные организации не включать в кандидатские списки рекомендованных ЦК «крайних пораженцев и максималистов»²²⁵. 10 ноября «Воля народа» поместила статью под заголовком «Не голосовать за левых с.-ров», в которой открыто заявляла, что левозэсеровские кандидаты списка № 9 по Петрограду — «наши враги», а потому «ни одного голоса им, ни одного голоса их политическим друзьям большевикам». В статье с сожалением отмечалось, что и ЦК ПСР встал на путь колебаний и примиренчества.

Ситуация и в самом деле была более чем сомнительной. Обыгрывая ее, известный публицист Б.Воронов (В.Лебедев) саркастически советовал сторонникам Камковых, Натансонов, Биценко и других левых эсеров просто голосовать за большевиков, ибо копия всегда бледнее оригинала²²⁶.

Не сумев нейтрализовать левоцентристских тенденций в партийном руководстве, «воленародовцы» пошли против решения ЦК, выдвинув в ряде округов самостоятельные списки. Они мотивировали свои действия тем, что в условиях раскола партии многие голоса просто пропадут у эсеров, так как избиратели будут голосовать за другие партии²²⁷. За нарушение партийной дисциплины Организационный комитет «Воли народа» был исключен из эсеровских рядов, хотя среди его кандидатов были такие заслуженные народники, как И.Д.Лукашевич, И.И.Майнов, А.В.Прибылев²²⁸. ЦК ПСР призвал не голосовать за список эсеров-оборонцев в Петрограде²²⁹.

Меньшевики, готовясь к выборам, попытались преодолеть или хотя бы сгладить внутрипартийные разногласия. По словам одной из газет, «огромное идейное влияние социал-демократии, обнаружившееся в ходе российской революции, стоит в резком, вопиющем противоречии с организационной слабостью социал-демократической партии... В настоящее время, когда мы стоим накануне избирательной кампании в Учредительное собрание, вопрос о сплочении социал-демократической партии не терпит никакого отлагательства»²³⁰. Меньшевики провели около 40 губернских конференций, обсуждая на них подготовку к выборам, намечая списки кандидатов.

ЦК РСДРП наметил 19 обязательных кандидатов — от А.Н.Потресова до Ю.О.Мартова. Однако примирить разные течения не удалось. В меньшевистской фракции Предпарламента при обсуждении кандидатских списков произошел раскол. Фракция интернационалистов во главе с Мартовым возражала против включения централиста Н.С.Чхеидзе. То же случилось и на Петроградской городской конференции РСДРП, установившей, что список кандидатов должен включать только левых. В ответ меньшевики-оборонцы заявили свой отдельный список во главе с А.Н.Потресовым и П.П.Масловым. Если учесть, что свой список выдвинули и плехановцы, то очевидно, что конкуренция сразу трех меньшевистских списков в Петрограде не только дробила голоса, но и отталкивала избирателя жалким зрелищем партийной склоки. Так было не только в столице, а и еще в десятке губерний. В Харьковской губернии конференция РСДРП отказалась включить в свой кандидатский список меньшевиков-оборонцев, и те выставили отдельный список во главе с Гвоздевым и Потресовым²³¹.

ЦК РСДРП вынужден был смириться с реальным положением дел, не решившись, в отличие от эсеровского ЦК, на решительные санкции против ослушников. Фактически он «умыл руки», не желая усугублять положение, даже в тех случаях, когда левоменьшевистские организации блокировались с большевиками на выборах. Известен, впрочем, факт исключения из РСДРП двух тульских меньшевиков, вошедших в список кооператоров, — за «явный отказ от классовой борьбы»²³².

Не удивительно, что и Бунд, формально входивший в состав РСДРП, в ряде округов, главным образом в черте оседлости, предпочитал самостоятельность, а в единых списках с меньшевиками выступал как равноправный партнер.

Среди наиболее активных участников предвыборной борьбы была Трудовая народно-социалистическая партия. Она выставила своих кандидатов почти в 60 избирательных округах страны, и потому нельзя согласиться с мнением О.Н.Знаменского, будто ее интерес к Учредительному собранию ослаб из-за крайне неблагоприятного для энесов исхода выборов в органы самоуправления²³³. Легче предположить, что эта неудача подхлестнула партию. Еще в июне на I (Объединительном) съезде по докладу Л.М.Брамсона были приняты тезисы «О подготовке к Учредительному собранию», в которых подчеркивалось, что предвыборная работа требует «наиболее серьезного внимания и максимального напряжения сил». Деятели центра и местным активистам предписывалось выяснить надежные округа с точки зрения шансов на самостоятельные списки и условия для полного или частичного блокирования. Было постановлено, что ни один из предлагаемых местными отделами ТНСП кандидатов не может быть включен в окружной список без согласия ЦК, равно и для включения кандидата от ЦК требовалось согласие местного комитета. Разногласия передавались в арбитражную комиссию²³⁴.

В конце сентября состоялся II съезд ТНСП, где главным вопросом было определение избирательной платформы и тактики. Съезд наметил 30 обязательных кандидатур, в их числе А.В.Пешехонов, В.А.Мякотин, В.В.Водозовов, Н.В.Чайковский, Л.М.Брамсон, С.П.Мельгунов, С.Я.Елпатьевский, В.В.Волк-Карачевский и др.²³⁵. Съезд исключил предвыборные блоки с интернационалистами как абсолютно неприемлемые и предложил совместные шаги с «Единством», кадетами и теми социалистами, которые исключат из своих списков «пораженцев»²³⁶. Распределение округов и мест в кандидатских списках у энесов прошло без трений.

Согласно данным Всевыборов, по 74 гражданским округам было заявлено почти 5 тыс. кандидатов. Среди них было 589 большевиков, 27 социал-демократов-интернационалистов,

596 меньшевиков-объединенцев, 92 меньшевика из организации «Единство», 210 эсеров, 513 эсеров в совместных с крестьянскими Советами списках, 15 эсеров-оборонцев, 427 энесов, 137 энесов совместно с кооператорами, 134 национальных социал-демократа, 31 национальный эсер, 73 прочих социалиста. Таким образом, в списки были внесены 1438 кандидатов социал-демократических и 1566 — народнических. Социалисты составили 63% всего кандидатского корпуса. «Правые», по терминологии и классификации Всевыборов, — это 179 кандидатов от Союза земельных собственников, 198 — от православной церкви, 80 — от торгово-промышленников, 15 земле- и домовладельцев. К третьей группе относились 642 кадета, 385 национал-демократов, 17 радикальных демократов, 30 казаков. Наконец, 189 «неопределенных» в большинстве принадлежали к местным спискам²³⁷.

Решительное преобладание кандидатов-социалистов отражало не только уровень притязаний соцпартий, но и, при всех противоречиях между ними, направленность массированного агитационного воздействия на электорат. Столь же наглядна слабость либерализма, прежде всего кадетского, — лишь 22% кандидатов. Незрелость в России «среднего класса», более всего заинтересованного в общественной стабильности и правопорядке, против социального экспериментаторства, не могла быть компенсирована ни «качеством» либеральных кандидатов, ни целеустремленной предвыборной работой.

Венцом всей политической кампании была система предвыборных блоков и соглашений, остающаяся белым пятном в истории Учредительного собрания. Между тем ее структура отражает сложную и изменчивую конфигурацию политических сил в масштабе страны, в особенности на региональном уровне, углубляет понимание межпартийных связей и отношений в критический момент истории. Принципы таких соглашений обычно жестко определялись решениями партийных форумов, но существенно корректировались местными условиями.

Согласно закону о выборах, допускались предвыборные блоки двоякого рода: во-первых, общие кандидатские списки разных избирательных объединений (полное соединение), во-вторых, блокирование самостоятельных кандидатских списков (частичное соединение), которое допускалось не позднее, чем за 15 дней до выборов. Легко уловить разницу между ними. В первом случае партнеры выступали с общей платформой, объединяя усилия и ресурсы, воздерживаясь от взаимной критики. Во втором случае им не приходилось поступать ни местами в списках кандидатов, ни принципами, поскольку предвыборную работу они вели независимо друг от друга. Зато механическое сложение полученных ими голосов могло дать лишнее

депутатское место. Соединение списков в соответствии со статьей 53 Положения о выборах имело в виду последующее распределение мест между ними пропорционально количеству поданных за списки голосов.

Помещенный ниже рисунок показывает наличие совместных кандидатских списков в результате соглашений между крупными избирательными объединениями, партийными и непартийными (рис.1).

И вновь подтверждается, уже графически, вывод о политической изолированности кадетов. По существу они были на выборах самой правой партией, и потому формальные блоки направо ничего им не могли прибавить — консервативная часть электората и без того ориентировалась на кадетов. Еще уже было пространство для маневра влево, поскольку правые социалисты панически боялись уронить свой престиж альянсом с кадетами.

Потенциальными партнерами кадетов были торгово-промышленные объединения и земельные собственники, также стоявшие на «государственной» точке зрения. Так, Союз земельных собственников ставил своей задачей «укрепить в России государственный правопорядок, расшатанный революционно-демократическими партиями, и начала земельной собственности, как его основы», разрушенной социалистами²³⁸. Руководство Всероссийского торгово-промышленного союза рекомендовало местным торгово-промышленным и биржевым комитетам, если они не выдвинули своих кандидатов, голосовать за кадетов. Однако это решение не носило императивного характера и ни к чему не обязывало. Таврический торгово-промышленный союз был волен 5 ноября признать, что кадеты — единственная партия, которая сможет защитить интересы торгово-промышленного класса, оказав ему поддержку²³⁹. Но чаще деловые круги более полагались на себя, чем на кадетскую партию, на их взгляд, слишком интеллигентную и мало связанную с народной толщей²⁴⁰. Ярославский губернский торгово-промышленный съезд 16 сентября назвал работу кадетов кабинетной: их не видно на улицах и оттого они терпят поражения. Среди недостатков партии упоминали также обилие евреев и манию величия лидеров²⁴¹. Состоявшееся в Москве 11 октября совещание представителей торгово-промышленных и биржевых союзов, комитетов и обществ, считая необходимым провести в Учредительное собрание таких предпринимателей, как П.П.Рябушинский, С.Н.Третьяков, А.И.Коновалов, не приняло однозначного решения о блоках с кадетами²⁴². В результате во многих округах буржуазно-дворянские организации в противовес кадетским выставляли собственные списки кандидатов.

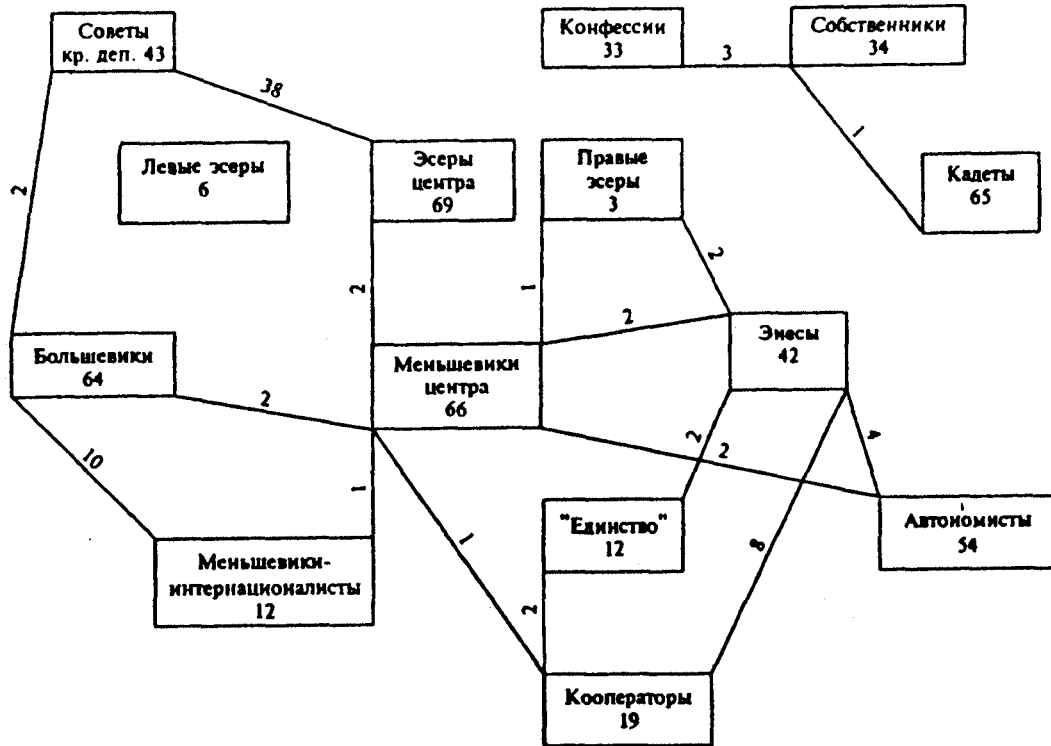

Рис. 1. Схема полных соединений (совместные списки кандидатов). Рядом с избирательным объединением указано число округов, где им заявлены списки; цифра на линии соединения указывает количество таких соединений.

Со своей стороны, кадеты, дорожа своей внеклассовой репутацией, старались дистанцироваться от откровенно буржуазных списков. Московский комитет к.-д. категорически отверг предложение торгово-промышленников о блоке, заявив, что в принципе ничего не имеет против их кандидатур как людей либеральных, принадлежащих к прогрессивным слоям купечества, но по тактическим соображениям предпочитает сохранить самостоятельность²⁴³. Из 66 округов, где кадеты заявили свои списки, они только в четырех пошли на полное соглашение с другими избирательными объединениями.

Слева выделялись четкостью позиции большевики. VI съезд РСДРП(б) постановил, что их предвыборные блоки возможны только с партиями, стоящими на принципах интернационализма. 10 октября ЦК осудил, по докладу Я.М.Свердлова, большевиков Румынского фронта, договорившихся с меньшевиками о выдвижении единого списка, настояв на разрыве соглашения²⁴⁴.

Партнерами для большевиков могли быть меньшевики-интернационалисты. В десяти округах, в том числе Алтайском, Бессарабском, Забайкальском и др., они выставили совместные списки. При таких соглашениях неизбежны были взаимные уступки. В Иркутске, например, были отведены кандидатуры Ленина и Мартова²⁴⁵. В Бессарабии в списке объединенных интернационалистов первое и третье места заняли «новожизнцы» Б.В.Авилов и В.А.Базаров, второе и четвертое — большевики М.А.Ларин и Д.Б.Рязанов-Гольдендах.

6 сентября ЦК РСДРП(б) обсуждал вопрос о соглашении с газетой «Новая жизнь», органом внефракционных социал-демократов-интернационалистов, чтобы она поддержала на выборах только большевиков, не выдвигая своих кандидатов. Переговоры было поручено вести М.С.Урицкому и В.П.Милютину, но они завершились неудачно²⁴⁶. По сообщению «Утра России», сам М.Горький, издававший «Новую жизнь», отверг предложение баллотироваться по списку московских большевиков²⁴⁷.

Меньшевики-оборонцы воспринимали соглашение своих однопартийцев с большевиками как измену делу партии. Забайкальские меньшевики призывали голосовать против своих же интернационалистов: «Они будут вредны пролетариату как нарушители партийного единства, им придется идти за демагогами-большевиками»²⁴⁸. На II конференции объединенной организации РСДРП Юго-Западного фронта в конце сентября некоторые делегаты (А.А.Трояновский, Павлов) высказались за соглашение с большевиками, отмечая их сдвиг в сторону укрепления дисциплины в армии. Конференция, однако, отвергла блок, сославшись на то, что солдатские массы, привыкшие

видеть меньшевиков яростно враждующими с большевиками, не поймут этого²⁴⁹.

Лишь в двух округах — Вологодском и Тобольском — объединенные организации РСДРП включили в свои кандидатские списки большевиков, оставшихся вместе с оборонцами, несмотря на строгие партийные решения.

Меньшевики охотно шли на полные соглашения в тех округах, где они были заведомо слабы. Обычно это были социалистические блоки, включавшие плехановцев, «воленародовцев», народных социалистов и др.

Эсеры, сознавая силу своего влияния, соблюдали солидность, придирчиво выбирали партнеров. Еще в июне III съезд ПСР высказался против блоков с другими партиями на выборах в Учредительное собрание, но рекомендовал соглашения с крестьянскими Советами, стремясь закрепить за собой крестьян. Это было тем проще, что руководство Всероссийского Совета крестьянских депутатов во главе с Авксентьевым было эсеровским. Отдел по Учредительному собранию при Исполкоме Всероссийского Совета крестьянских депутатов рекомендовал местным Советам не выставлять отдельных списков, а только поддерживать те или иные партии или выдвигать общие с ними кандидатуры²⁵⁰. На практике это означало поддерживать эсеров.

Совместные списки эсеров с крестьянскими Советами были заявлены в 35 избирательных округах, хотя не всегда это было беспроblemно. Крестьянские съезды обычно требовали паритетного представительства кандидатов, опасаясь «назойливого влияния политических партийных дельцов»²⁵¹. Эсеры, со своей стороны, боялись открыть дорогу в Учредительное собрание политически «сырым» крестьянам и категорически требовали выдвигать лишь тех, чей уровень был не ниже того, который партия предъявляла своим кандидатам.

В отчете комиссии по Учредительному собранию при ЦК ПСР по этому поводу указывалось: «В большинстве мест блок заключался на следующих основаниях. Приблизительно половина депутатских мест в списках предназначалась партийной организации и половина крестьянским Советам при том несомненном условии, что выставляемые ими кандидаты будут членами партии эсеров»²⁵². Обычно крестьянские депутаты выслушивали представителей различных партий, в основном по аграрному вопросу, а затем высказывались за эсеров. В Ярославской губернии крестьяне два первых места отдали кандидатурам ЦК ПСР, остальные были из числа местных эсеров. Могилевский крестьянский съезд отдал эсеровским функционерам три первых места, остальные заняли его представители²⁵³. Во

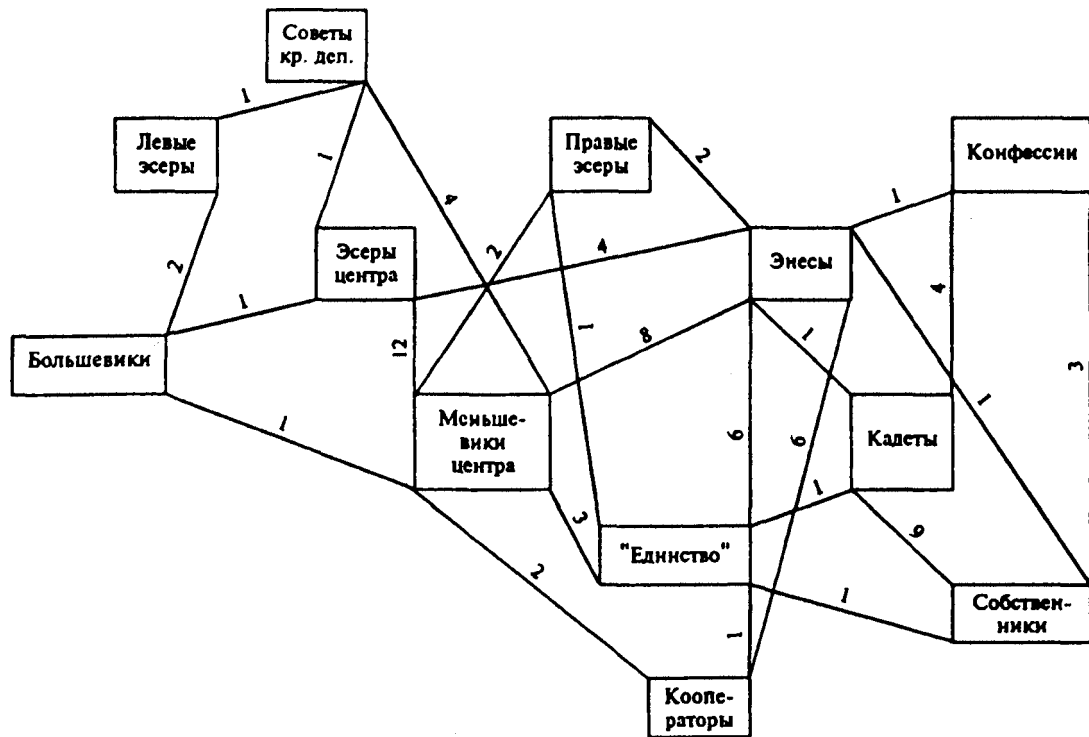

Рис. 2. Схема частичных соединений (блокирование списков кандидатов).

Владимирской губернии места в совместном списке были поделены пополам²⁵⁴.

На Вятском губернском крестьянском съезде, после традиционного заслушивания ораторов от разных партий, делегаты абсолютным большинством голосовали за общий список с эсерами. Лишь 4 делегата высказались за большевиков и 6 — за энесов. Эсеры потребовали, чтобы все крестьянские кандидаты были опытными партийными работниками. От трех уездов кандидаты были отведены как «не вполне надежные эсеры». Обсуждение шло бурно, почти до рукоприкладства. 1 октября Глазовский уездный комитет ПСР, чьи кандидаты были забаллотированы, заявил протест, но тем не менее присоединился к общегубернскому съезду, чтобы не раздробить голоса²⁵⁵. В нескольких округах крестьянские Советы выступили самостоятельно.

Однако эсерам не удалось добиться соглашения со Всероссийским Крестьянским союзом. Подчеркивая свою нейтральность, он не считал возможным объединиться с крестьянскими Советами именно потому, что считал их по существу эсеровскими организациями, которые своей нетерпимостью и партийностью стремятся разрушить ВКС²⁵⁶. Наиболее активно Крестьянский союз выступал в Московской губернии. В октябре Московский областной съезд крестьян, поддерживающих ВКС, высказался за самостоятельное выступление на выборах, поскольку партии лишь бросают заманчивые обещания, но их не выполняют, к тому же «ни одна партия не может охватить многомиллионного и разнообразного по составу крестьянства»²⁵⁷. И в Москве, и в Московской губернии ВКС заявил своих кандидатов, а в Тобольской губернии выставил общий список с энесами, сумевший завоевать один депутатский мандат. Лишь в Иркутской губернии Крестьянский союз блокировался с эсерами.

Рисунок 2 отражает картину частичных предвыборных соединений — блокирование кандидатских списков. Этот элемент предвыборной тактики применялся чаще, поскольку он ни к чему не обязывал партнеров. К тому же такие соглашения заключались на местах без санкции центральных органов и практически не были известны рядовому избирателю. Историче-ски они ценны тем, что реально отражают расстановку сил на местах, наличие партийных предпочтений второго рода, менее явных.

Легко заметить, что полные и частичные соглашения между избирательными объединениями почти не дублировали друг друга, а лишь взаимно дополняли. Ни одна из партий не желала остаться в изоляции и своей активностью старалась компенсировать издержки первой стадии кампании. Показательнее

всего действия местных кадетских организаций, как бы наверстывавших ранее упущенное. Они соединяли свои списки с торгово-промышленниками, земельными собственниками, «Единством», энесами, старообрядцами, стоявшими на «государственной» точке зрения. Лишь в одном округе — Псковском — ими было заключено соглашение с автономистами.

Напротив, большевики почти исчерпали на первом этапе свои возможности блокирования. Они заключили лишь по одному соглашению с левыми эсерами (Енисейский, Уфимский), федералистами (Уфимский округ). Отметим также соединение их списков с меньшевиками-объединенцами на Румынском фронте, в нарушение запрета ЦК РСДРП(б), добавившее большевикам свыше 36 тыс. голосов, хотя и не давших лишнего депутатского мандата.

Удалось выявить лишь один случай результативности частичных соединений: в Минском округе эсеры благодаря соединению своего списка с меньшевистско-бундовским смогли к своим трем мандатам добавить четвертый, отобрав его у большевиков.

На первый взгляд, кажется странным, что наиболее частыми партнерами в этой фазе оказывались мелкие партии и даже фракции. Так, на счету народных социалистов до 20 таких соглашений, группы «Единство» — 6, но это не парадокс, а отражение срединного их положения в политическом спектре. Кроме того, собственная малочисленность побуждала эти объединения к активному поиску партнеров. Промежуточное положение энесов на стыке социализма и либерализма позволяло им широко маневрировать: в 42 округах энесы выставили самостоятельные списки, в 12 — совместные, еще в 20 округах они блокировались на уровне кандидатских списков, включая кадетов (Тверская губ.), эсеров-оборонцев (Петроград, Симбирская губ.), меньшевиков-центристов. Итоги выборов показали, однако, узость их социальной базы в стране, бесперспективность либерально-социалистического направления.

Следует учесть также, что частичные соглашения, в отличие от полных, производились уже после событий 25 октября, когда обстановка в стране кардинально изменилась и усилились противобольшевистские объединительные тенденции. Одной из задач оппозиции было нанести большевикам поражение на выборах, легальным способом отстранив их от власти. Первую задачу им решить удалось, вторую — нет.

Глава 3

ПЕРВЫЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

1. Октябрь уж наступил...

Российский государственный корабль, лавируя между Сциллой и Харибдой политического радикализма справа и слева, приближался к желанной цели — Учредительному собранию. Однако при этом положение самого Временного правительства делалось все более шатким, и оно, по едкому сравнению Н.Н.Суханова, все более напоминало пароходный винт, вертящийся в воздухе и не производящий никакой полезной работы¹. Поэтому приближение «Хозяина Земли Русской» обостряло в обществе не только надежды, но и опасения за его судьбу, в случае особых обстоятельств, например, смены власти в стране.

Такой поворот событий отнюдь не исключался. Общественное доверие к правительству убывало на глазах, и последнее все более воспринималось как временное буквально. Попытка консолидировать общество с помощью Государственного совещания, созданного в Москве в августе, дала скорее обратный результат. Объективно складывались условия в пользу введения твердой власти во имя спасения страны. В конце августа Россию потряс военный мятеж Ставки во главе с генералом Л.Г.Корниловым. Характерно, однако, что свое выступление против правительства Корнилов обосновывал «...необходимостью довести народ до Учредительного собрания, на котором он сам решит свою судьбу и выберет уклад своей новой государственной жизни»².

Было ли это искренним намерением или политическим блефом мятежного генерала, известного, впрочем, прямоотой ума и поступков, желанием завуалировать популярным призывом военную диктатуру? Ответа на данный вопрос история не дала. Да и вряд ли он однозначен. Скорее все-таки это было своеобразное выражение российского бонапартизма, вынужденного прибегать к некоторым революционным лозунгам³. Среди них не последней была формула непредрешения будущего государственного строя до Учредительного собрания, сохранявшая свое обаяние даже среди вождей «белого дела» в годы гражданской войны⁴.

Тем не менее в «корниловщине» революционная Россия увидела смертельную угрозу себе и своим завоеваниям. В результате военный мятеж спровоцировал подъем и новый выброс леворадикальных массовых настроений, заметно ослабевших в послеиюльской обстановке. Теперь уже со стороны этих сил, прежде всего рвавшихся к власти большевиков, вырисовывалась угроза всенародному представительству. И хотя ее очертания были еще довольно смутны, угроза эта с начала осени все более тревожила правых социалистов и либералов. Их пресса с растущим беспокойством писала о преклонении большевиков перед стихийными действиями масс, о все более прохладном отношении их лидеров к Учредительному собранию, которому они противопоставляли Советы как органы будущей власти.

В этом отношении многие заявления и действия большевиков были и в самом деле двусмысленными. Курс на вооруженное свержение Временного правительства был принят VI съездом РСДРП(б) вместе с решением об активной предвыборной кампании в Учредительное собрание. Побуждая массы к самостоятельным социальным акциям, большевики, однако, признавали за Учредительным собранием окончательную санкцию в этих вопросах. Потребовав в середине сентября от ЦК немедленно начать подготовку захвата государственной власти, В.И. Ленин тогда же отмечал, что «перед демократией России, перед Советами, перед партиями эсеров и меньшевиков открывается теперь чрезвычайно редко встречающаяся в истории революций возможность обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок без новой оттяжки»⁵. Но все противоречия тактики большевиков, подлинные или мнимые, снимаются тем, что они подходили к вопросу о власти с позиций политической целесообразности, считаясь с разными путями достижения власти. Учредительному собранию предстояло лишь закрепить и оформить то, что уже было завоевано, с большевистской точки зрения, революционной практикой.

Поэтому все резолюции о власти, предлагаемые фракциями РСДРП(б) представительных учреждений, подобно ВЦИКу, Петроградскому Совету, Демократическому совещанию, непременно содержали требование немедленного созыва Учредительного собрания, что в той обстановке было равнозначно компромиссу в рамках широкой правительственной или советской коалиции социалистов, сохраняло шанс мирного развития событий.

Суть политической ситуации в стране осенью 1917 года заключалась в перманентном кризисе правительственной власти. Коалиция с кадетами в массовом общественном сознании была окончательно скомпрометирована. Не решаясь на кардиналь-

ные меры, которые могли бы укрепить власть (активные поиски мира, передача земли крестьянам и пр.), правые социалисты во главе с А.Ф.Керенским сооружали новые демократические подпорки — объявление России республикой, созыв Демократического совещания, а затем и Временного Совета республики (Предпарламента). По замыслу Керенского, они должны были задержать сползание общества к опасной черте и путем гласного обсуждения вопросов о власти и реформах связать левых легальностью, помочь Временному правительству дотянуть до Учредительного собрания. Оправдывая свое название, Предпарламент должен был закончить свою работу за неделю до его открытия.

7 октября, на первом же заседании Предпарламента, Л.Д.Троцкий от имени большевистской фракции огласил декларацию о выходе из его состава. В ней утверждалось, что «буржуазные классы, направляющие политику Временного правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное собрание. Это сейчас основная задача цензовых элементов, которой подчинена вся их политика, внешняя и внутренняя»⁶. Уход большевиков стал настоящей сенсацией, породив в столице слухи о восстании, которое они готовят⁷.

Эта декларация имела «двойное дно». Демонстративный отказ большевиков от легальной парламентской деятельности говорил о победе в руководстве партии сторонников жесткой линии Ленина—Троцкого на захват власти через восстание. По мнению наблюдателей, большевики тем самым объявили гражданскую войну не только цензовым элементам, но и всем социалистам, не желающим принять «премудрости» лениных и троцких⁸. Вместе с тем фактический разрыв с Учредительным собранием был облечен в форму рассуждений о необходимости его защиты от посягательств со стороны буржуазии. И это не было обычной революционной риторикой в стиле 1917 года. Такие доводы искусно использовались лидерами большевизма в качестве отвлекающего маневра и были рассчитаны больше на массы, чем на политических противников. Если в области военной подготовка восстания успешно маскировалась потребностью обороны Петрограда от угрозы со стороны германских войск и «второй корниловщины», то в политическом — необходимостью обеспечить созыв Учредительного собрания. Удивительно, но лояльные большевикам элементы среди социалистов, вроде «Новой жизни», убеждали их официально опровергнуть подозрения в организации восстания, подтвердив свою верность Учредительному собранию.

Стараясь представить себя единственными гарантами его созыва, большевики активно готовились к другому важному для них политическому событию — II Всероссийскому съезду

Советов рабочих и солдатских депутатов. Потерпев неудачу в попытках санкционировать переход всей власти к Советам через ВЦИК, они собирались сделать это через съезд, опять же во имя необходимости обеспечить созыв Учредительного собрания. Хор голосов в поддержку съезда и передачи власти Советам смешался с протестами против подмены всенародного представительства сугубо классовыми, хотя и массовыми организациями. С митинговых трибун, со страниц газет на большевиков сыпались обвинения в том, что предсъездовской суетой они срывают Учредительное собрание, отвлекают силы от предвыборной работы. «Большевики — ярые противники Учредительного собрания, — писала эсеровская газета, — созыва его не хотят и срывают его созывом съезда Советов. Ведь Учредительное собрание обязательно даст крестьянское большинство, а к крестьянству большевики относятся отрицательно»⁹. Отказ многих Советов послать своих делегатов на всероссийский съезд лишь облегчил задачу большевиков.

В это же время в большевистской лексике вновь всплыла формула «комбинированного типа» развития революции — «республика Советов плюс Учредительное собрание»¹⁰. Ее принципиальное отличие от доиюльской состояло в перемене мест слагаемых, отчего, вопреки математической аксиоме, менялась и сумма. Ибо в своем октябрьском варианте эта формула означала, что право Учредительного собрания на существование зависело от его подчинения воле Советов. Однако лишь политически искушенный ум улавливал скрытое противоречие между лозунгами «Вся власть Советам!» и «Вся власть Учредительному собранию!». Если Советы как органы контроля за Временным правительством обеспечивали реальность созыва Учредительного собрания, то как властные органы они превращали его в фикцию.

Беря власть в стране, большевики брали в свои руки и судьбу Учредительного собрания, и потому важно уяснить, как они собирались ее решать. В самом ЦК возник острый конфликт между сторонниками немедленного восстания и поборниками компромисса с Учредительным собранием, среди которых наиболее влиятельны и авторитетны были Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев.

На заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября, где было принято решение о восстании, они развернули систему аргументов в пользу выжидания. Каменев и Зиновьев убеждали, что из-за громадного роста большевистских настроений буржуазия не сможет сорвать созыва Учредительного собрания. «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии. Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходят... Мы можем получить третью, а то и больше мест

в Учредительном собрании». Настаивая, что Временное правительство не сможет подделать выборы, правые цекисты рисовали радужные перспективы: «В Учредительном собрании мы будем настолько сильной оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу, либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок»¹¹.

На расширенном заседании ЦК 16 октября Каменев и Зиновьев вновь настаивали на мирном варианте, высказывали сомнения в успехе вооруженного выступления. На этот раз первой скрипкой был Зиновьев. В ответ на рассуждения о нетерпении масс, чреватом их разочарованием в большевиках, о планах правительства сдать Питер немцам он заявил: «...У нас неправильное отношение к Учредительному собранию. Не исключена возможность, что мы там будем с левыми эсерами в большинстве... Мы не имеем права рисковать ставить на карту все»¹². Каменев заверял сообщников: «Готовясь к Учредительному собранию, мы вовсе не становимся на путь парламентских реформ».

Успокоительная оговорка Каменева не была случайной. Среди соображений за немедленное восстание было и то, что не за горами маячило 28 ноября — день открытия Учредительного собрания, резко менявший всю политическую ситуацию в стране. Восстание теряло немало шансов на успех, будучи поднято не во имя всероссийского представительства, а по существу против него. Эта дилемма широко не обсуждалась, но в узком кругу Ленин решительно возразил скептикам: «ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнить нашу задачу»¹³.

Судя по фактам, проучредилдовские настроения разделялись многими большевиками, особенно в провинции. Так, при обсуждении Нижегородским губкомом РСДРП(б) 18 октября партийных директив о восстании Г.Биткер высказался против вооруженного захвата власти накануне съезда Советов и Учредительного собрания, но оказался в меньшинстве¹⁴. Большевистский «Брянский рабочий» в октябре—ноябре регулярно помещал передовые под характерными заголовками «Кто срывает Учредительное собрание?», «Учредительное собрание и сторонники коалиции», «Борьба за Учредительное собрание». Сторонники такого взгляда имелись в любой крупной партийной организации.

Таким образом, часть большевиков считала, что революционная демократия представлена в Советах и созывать Учредительное собрание для обывательской массы не имеет смысла. Другая часть считала отказ от него пагубным, ибо Советы не

заменяют всенародного представительства. Впрочем, преобладающая партийная масса, не участвовавшая в выработке решений, отнюдь не противопоставляла друг другу восстание и Учредительное собрание. По мнению Н.Н.Суханова, до самого Октября партийные товарищи Ленина принимали за чистую монету «защиту от буржуазии Учредительного собрания», и в глазах большевистских масс октябрьский переворот в большей степени должен был служить именно этой цели, чем социалистической революции¹⁵. К этому следует добавить, что восстание готовилось в «советской», а не в «большевистской» упаковке (впоследствии Л.Д.Троцкий это настойчиво подчеркивал¹⁶), что обеспечивало ему не только внешнее прикрытие, но и поддержку снизу, ибо в массовом сознании власть многопартийных Советов вовсе не отождествлялась с единовластием большевистской партии.

Октябрьский переворот в Петрограде породил политическую ситуацию, достаточно неожиданную и для его организаторов. Демонстративный уход социалистов разных оттенков, вплоть до Ю.О.Мартова, со II съезда Советов, отказ левых эсеров войти в состав Совнаркома, ставшего в итоге чисто партийным кабинетом, поставили большевиков в крайне опасное положение человека, оседлавшего тигра.

Новая власть родилась не только с лозунгами мира и земли, но и с известной мифологии, но и с лозунгом Всероссийского Учредительного собрания на устах. Оно упоминалось в обращении Петроградского Военно-революционного комитета «К тылу и фронту» от 25 октября, в воззваниях Петроградского Совета. Съезд Советов постановил «образовать для управления страной, **впредь до созыва Учредительного собрания** (выделено мною. — Л.П.), Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров»¹⁷. Декрет о земле начинался с того, что вопрос этот во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Итак, внешне все оставалось по-прежнему: высшая законодательная воля принадлежала Учредительному собранию, новое правительство облекалось властными полномочиями только на переходное время, до его созыва. 27 октября Совнарком подтвердил проведение выборов «в назначенный срок, 12 ноября» и призвал все избирательные комиссии, органы местного самоуправления, Советы и солдатские организации на фронте «напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов»¹⁸.

Показная респектабельность большевистской власти в первые ее недели не могла скрыть многих ее слабостей. Ни *de-jure*, ни тем более *de-facto* Совнарком не мог считаться правопреем-

ником Временного правительства, и его попытки подчинить себе старый аппарат управления бойкотировались служащими. В полной мере это относилось и к избирательному аппарату.

К тому же и в большевистских верхах не было полного единства по вопросу о том, как теперь относиться к Учредительному собранию. По свидетельству Л.Д.Троцкого, В.И.Ленин настаивал на отсрочке выборов на неопределенное время, в течение которого считал необходимым расширить избирательные права, дав их 18-летним, обновить кандидатские списки и объявить вне закона «корниловцев, кадетов». Он был неуступчив, но к Каменеву и Зиновьеву в тот момент присоединились и другие — те, кто считал необходимым расплачиваться по выданным народу векселям. Особенно упорствовали партийные функционеры, связанные с провинцией, вроде Я.М.Свердлова: «Сейчас мы еще слишком слабы. О Советской власти в провинции почти ничего не знают. И если туда теперь же попадет весть о том, что мы отсрочили Учредительное собрание, это нас ослабит еще более». Ленин оказался в одиночестве и находил это решение большинства явной ошибкой, которая может стоить революции головы¹⁹.

Распространенная прежде версия, будто большевики создали Учредительное собрание лишь для того, чтобы открыть трудящимся его контрреволюционное лицо, всего лишь легенда. Прежде всего у них, как следует из сказанного выше, практически не было выбора. Далее, легкость, с которой была одержана октябрьская победа, сочувствие социальных низов в лице городских рабочих и особенно солдат при отсутствии серьезного организованного противодействия других общественных сил порождали иллюзию поддержки большинства населения. Поэтому, по словам М.В.Вишняка, чтобы упрочить свою власть, сломить недоверие скептиков и интимнее связаться с народными толщами, большевики среди других лозунгов демократии сохранили созыв Учредительного собрания²⁰. Отчасти в этом присутствовала надежда на успех в ходе выборов при содействии левых эсеров, о чем неоспоримо говорит самое энергичное и заинтересованное участие в них большевиков повсюду — в центре и на местах, в городах и в селах.

Приход большевиков к власти, как ни странно, заметно осложнил их положение в предвыборной борьбе. На их головы обрушился шквал критического огня изо всех калибров оппозиционной прессы, поток обвинений в узурпации власти, насилии над волей народа, над демократией, в гибельном для страны социальном экспериментаторстве. В антибольшевистском концерте громче всех звучали голоса эсеров — центристов и правых. Если прежде они полагали, что борьба с большевизмом должна вестись лишь средствами пропаганды, то после

25 октября они возглавили движение за свержение власти большевиков. Меньшевики же считали недопустимой вооруженную борьбу внутри социал-демократии и ограничивались моральным осуждением.

В то же время левые элементы внутри социалистических партий остро критиковали руководство за уход со съезда Советов, за отказ от поиска компромисса с большевиками. Необходимо единство демократии, писал В.А.Строев (Десницкий), иначе разгром оставшихся в одиночестве большевиков неизбежен, а с ним и крах всего дела революции²¹.

Однако это мало облегчало положение партии, оказавшейся хоть и во власти, но по сути в политической блокаде, особенно чувствительной в провинции. Сормовские большевики жаловались, что из местных газет меньшевистская «Жизнь» и эсеровский «Народ» конкурировали между собой в травле большевиков — даже кадетский «Нижегородский листок» был приличнее так называемых «социалистических газет»²². Репрессии против оппозиции, предпринятые новой властью для упрочения своего господства, не прибавляли ей популярности. Тульские меньшевики призывали избирателей: «Помните, насилем над личностью, уничтожением свободы слова и печати большевики хотят обеспечатить себе большинство в Учредительном собрании. Дайте им отпор своим голосованием!»²³.

Вероятно, захват большевиками власти скорее уменьшил, чем увеличил их шансы быть достойно представленными в Учредительном собрании, хотя истинность этого предположения нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

В ленинских высказываниях 1917 года рефреном звучала мысль, что исход выборов будет зависеть от того, кто будет контролировать их, работу избирательного аппарата. В этом был изрядный элемент самообмана или преувеличения, но следовало ожидать, что большевики, исходя из такой презумпции, сразу же постараются подчинить себе механизм выборов. На этой почве и возник острейший конфликт между Совнаркомом и Всероссийской комиссией по выборам.

Инициатором его были Всевыборы. 27 октября они заявили о приостановке своей деятельности, отказавшись признать Совнарком и протестуя против закрытия ряда оппозиционных газет. По свидетельству В.Д.Набокова, который за частым отсутствием Н.Н.Авинова фактически ведал делами комиссии, все ее члены ожидали, что большевики начнут кампанию против Учредительного собрания, кроме того, «ни минуты не верили в прочность большевистского режима»²⁴. Они ошиблись и в том, и в другом. Эта демонстрация не могла, конечно, новую власть ни устроить, ни, тем более, устранить, но она грозила полностью дезорганизовать и без того натужно работавшую из-

бирательную машину, лишив ее управления. С мест поступали запросы и протесты: там складывалось убеждение, что новая отсрочка выборов только на руку большевикам и позволит им всю вину свалить на Всевыборы.

Спохватившись, к такому же выводу пришло большинство членов Всевыборов. Собравшись вновь 6 ноября в Мариинском дворце на свое 40-е заседание, комиссия решила, что выборы должны состояться в назначенный срок всюду, где возможно свободное голосование и будут соблюдены требования избирательного закона. Предполагалось и впредь игнорировать Совнарком, а в вопросах, требовавших законодательного разрешения, позволить местным органам самим выходить из затруднений.

Набоков вспоминал, что в первый же день по возобновлении работы Всевыборов ему пришлось объясняться с управляющим делами СНК В.Д.Бонч-Бруевичем. Эмиссар держался подчеркнуто вежливо и просил ознакомить его с ролью комиссии. У Набокова сложилось впечатление, что большевистское правительство не имеет представления о функциях комиссии, полагая, что она руководит выборами и может влиять на их ход и исход²⁵. Мандат В.Д.Бонч-Бруевича, сохранившийся в архиве, датирован 6 ноября и подписан председателем СНК В.И.Ульяновым-Лениным и народными комиссарами А.В.Луначарским и И.В.Джугашвили-Сталиным. Мандат предписывал «установить точные данные о работе Комиссии вообще и о тех мерах, которые ею принимаются для проведения выборов в назначенный срок»²⁶. Всевыборы нашли это требование «не подлежащим удовлетворению»²⁷.

Через неделю последовала более настойчивая попытка: 13 ноября Совнарком предписал Всевыборам принять все меры, чтобы обеспечить право голоса за теми, кто был арестован в октябрьские дни. Фактически это было предложение компромисса. Совнарком, представ в неожиданном облике поборника формальной законности, допускал проведение выборов в Петропавловской крепости, где содержались «контрреволюционеры», в том числе часть бывших министров. Всевыборы передали это отношение в окружную избирательную комиссию Петрограда, вновь оставив без рассмотрения указание Совнаркома о передаче ему информации о ходе выборов в стране²⁸. В то же время Всевыборы приняли меры к широкому оповещению общественности о выборах, собрали совещание редакторов петроградских газет. 14 ноября Н.Н.Авинов выступил с докладом о ходе выборов на заседании подпольного Временного правительства, составленного из оставшихся на свободе его членов²⁹.

Носила ли деятельность Всероссийской комиссии саботажный, антисоветский смысл, который ей приписывался и тогда и позже? Не более, чем сами выборы, проведением которых она занималась. Правительству же пришлось мириться с ее строптивостью, покуда оно не ощутило себя достаточно сильным и пока не прошли выборы на основной территории России.

Наконец 20 ноября Совнарком поручил Г.И.Петровскому и И.В.Сталину «взять в свои руки комиссию по Учредительному собранию с целью завладеть всеми документами по Учредительному собранию для ориентировки в положении вещей»³⁰. Этот шаг следует оценивать в свете приближавшегося 28 ноября — дня официального его открытия, торжественно подтвержденного декретом СНК от 27 октября. Члены Всевыборов вновь отказались сотрудничать с эмиссарами правительства. 23 ноября они были арестованы «за саботаж». Авинов, Набоков, Вишняк, Брамсон, Нольде и другие были переведены из Таврического дворца, где теперь размещалась комиссия, в Смольный. Здесь к ним добровольно присоединились члены Фронтной избирательной комиссии во главе с М.М.Добраницким, пожелавшие разделить участь своих коллег из Всевыборов. По-видимому, в Совнаркоме посчитали, что устранение комиссии уже не отразится на выборном процессе, — «мавр сделал дело». Комиссаром Учредительного собрания был назначен М.С.Урицкий с широкими полномочиями по смещению и назначению членов комиссии и другим необходимым для выборов делам.

Этот шаг, однако, был плохо рассчитан. Арест Всевыборов вызвал широкую волну протестов, включая низовые звенья избирательного аппарата, всю небольшевистскую прессу, оппозиционно настроенных государственных служащих. Не все одобрили эту меру и в правительственных сферах. Как скоро выяснилось, члены ВЦИК ничего не знали об аресте Всевыборов. М.А.Натансон, А.Л.Коллегаев и другие левые эсеры, большевик К.К.Юренев осудили арест. Левые эсеры внесли соответствующий запрос во ВЦИК³¹.

Между тем арестованные находились в комнате 31 в Смольном. Здесь к ним добровольно присоединился профессор В.М.Гессен. Их допрашивали П.А.Красиков, М.С.Урицкий, М.Ю.Козловский. Всем задавался один вопрос: признают ли они власть Совнаркома. Ответ был однозначно отрицательным. Вопросы об отношении к Комитету спасения родины и революции арестованные отвергали как не имеющие отношения к деятельности Всевыборов. Красиков и Урицкий неофициально спрашивали Брамсона, согласится ли он возобновить работу в комиссии под контролем СНК. Это был явный расчет на рас-

кол комиссии, удаление из нее кадетов и выделение более лояльных элементов. Урицкий в беседе с М.М.Добраницким предлагал комиссии вернуться в Таврический дворец при условии признания власти СНК, обещая не вмешиваться в ее работу. Однако он требовал, чтобы официальные документы шли за его подписью³². Обращение с арестованными было весьма корректным, членов Фронтальной комиссии вообще не допрашивали.

Обстоятельства ареста дополняет рассказ М.М.Добраницкого, который побывал в Совнаркоме, где был принят Сталиным. Сталин категорически отрицал, что причиной ареста было непризнание Всевыборами власти народных комиссаров: «Нас мало интересует, как к нам относится Комиссия, и за непризнание правительства мы бы ее не арестовали... Дело значительно серьезнее. Комиссия совершала подлоги, фальсифицировала выборы. Вот что было причиной ее ареста». На заверения членов Фронтальной комиссии, часто присутствовавших на заседаниях Всевыборов, что никаких подлогов быть не могло, Сталин отечески-добродушно улыбнулся: «Да вас ведь обманывали. За вашей спиной совершались темные дела. Разве вы можете гарантировать, что кадеты и оборонцы не устраивали секретных от вас заседаний?» После долгих объяснений Сталин начал колебаться, но вдруг оживился и вспомнил еще одно «преступление» комиссии — намерение открыть Учредительное собрание и тем самым заслонить собою Совнарком. Окончательно рассердив Сталина своими возражениями, члены комиссии прекратили переговоры и отправились «арестовываться»³³.

Что рассказ М.М.Добраницкого достаточно точно отражает подозрения народных комиссаров в адрес Всевыборов, подтверждает публикация в «Правде» 22 ноября сообщения от имени ВРК «всем Советам, всем армейским организациям». Со ссылкой на «очень многочисленные указания» с мест утверждалось, что Всероссийская комиссия ведет свою работу недобросовестно, искусственно затрудняя выборы наиболее демократическим слоям населения. «Через посредство этой комиссии кадеты, партия заклятых врагов народа, стремятся подделывать Учредительное собрание». По-видимому, большевистские лидеры были обескуражены итогами выборов и объяснение, искренне или нет, искали в кознях Всевыборов.

Тем не менее, дабы избежать новых осложнений с левыми эсерами и в связи с намечавшимися назавтра широкими общественными акциями по случаю открытия Учредительного собрания, 27 ноября члены Всевыборов были освобождены по распоряжению Ленина и безо всяких объяснений.

28 ноября в час дня Всевыборы возобновили свои занятия. В тот же день появился Урицкий, заявив, что заседать можно только в его присутствии. Члены комиссии вновь отклонили его требование, после чего в зал заседаний комендант Таврического дворца прапорщик Пригоровский ввел караул солдат. На другой день постановлением СНК все члены комиссии были смещены, а управление делами передано Урицкому. 2 декабря пришедшие на очередное заседание члены Всевыборов не были допущены во дворец, после чего они заседали на частных квартирах.

Расформирование Всероссийской комиссии нанесло тяжкий удар выборному делопроизводству. Окончательно распались связи с избирательным аппаратом на местах. Выборы шли теперь без общего плана и руководства. Урицкий взял под контроль своей канцелярии продолжавшие поступать в адрес Всевыборов донесения и телеграммы, но его служащие были некомпетентны в этих вопросах. Так, канцелярия Урицкого ошибочно сообщила об аресте Двинской избирательной комиссии вместо Ордынской³⁴. Почти перестала поступать в центр статистическая информация.

5 декабря Урицкий в отношении на имя наркома почт и телеграфа просил распорядиться, чтобы никакие телеграммы от имени Всевыборов не отправлялись по назначению без его подписи³⁵. Сам Урицкий признавал, что неоднократно после смещения Всевыборов предлагал членам Фронтальной комиссии продолжать работу с ним, рассчитывая, вероятно, на успех своей партии в Действующей армии³⁶.

Судьба Всероссийской комиссии в политическом смысле послужила прозрачным намеком для будущего Учредительного собрания.

2. От Камчатки до Кубани

В многослойной, многогранной проблеме Всероссийского Учредительного собрания выборы составляют центральный, системообразующий элемент. Без них его история кажется эфемерной, как улыбка чеширского кота. Выборы были неотъемлемой частью российского политического пейзажа и, пожалуй, высшим достижением демократии.

Вполне логично, что они оказались на какое-то время в фокусе общественного внимания. В столичной и провинциальной прессе тема выборов заметно потеснила другие, включая декреты народных комиссаров. Ноябрьские газеты разных направлений пестрели информацией о ходе голосования, именами избранных депутатов, аналитическими обзорами. Они концент-

рируют в себе ступок ожиданий, тревог, разочарований, с которыми российский избиратель шел к урнам.

Воскресным утром 12 ноября началось голосование в десятках тысяч избирательных участков. Согласно Положению о выборах, оно должно было закончиться в 14 часов 14 ноября. Несколько иные сроки были установлены для фронтовых округов: на Северном, Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах голосование начиналось 8 ноября и должно было продолжаться неделю, на Кавказском фронте, с его особо сложными природными условиями — с 1 по 14 ноября. На избирательных участках при железных дорогах продолжительность выборов была продлена до семи дней. Уложить все голосование в один день, как это делалось в Западной Европе, в России было немыслимо.

В первый день голосования Всевыборы направили в редакции газет информацию о положении дел, судя по которой выборы начались своевременно в 45 гражданских округах из 73, то есть предвиделась возможность уже 12—14 ноября избрать более половины депутатов. В сводке говорилось, что события конца октября прервали связи местных учреждений с Петроградом и вызвали в ряде местностей вооруженные столкновения. Поэтому выборы не смогли начаться вовремя даже в таких благоприятных по своему географическому положению округах, как Московский столичный, Минский, Тульский, Казанский³⁷. Из-за событий в Киеве избирательные записки не удалось разослать в уезды, и выборы были отложены на две недели. Однако общий тон сводки был спокойно-оптимистический. В самом деле, трудно было представить тогда, что вместо двух-трех недель выборы затянутся на долгие месяцы, а где-то вовсе не состоятся.

В действительности картина была печальнее, чем это казалось Всевыборам. Многочисленные ходатайства с мест о переносе выборов на более поздний срок Всевыборы отклоняли, ссылаясь на то, что такое право принадлежит исключительно Временному правительству. При этом комиссия рекомендовала прибегать к статье 88 Положения о выборах, которая давала право окружным комиссиям в тех участках, где почему-либо выборы не состоялись, немедленно назначить их повторно. Если же число избирателей в них было менее $\frac{1}{10}$ общего числа избирателей округа, комиссия могла не принимать эти участки в расчет. Это должно было ускорить подведение итогов голосования и выявление депутатов от округа.

Практический эффект этой меры оказался скорее обратным. Окружные комиссии, откладывая по разным причинам сроки выборов в отдельных уездах, не решались пренебречь принципом всеобщего голосования и потому подолгу не могли

подвести общего итога, не владея всей статистической информацией. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку в дни выборов все проблемы, все недоделки подготовительного цикла разом обрушивались на избирательный аппарат. Тревожные телеграммы со ссылками на те или иные обстоятельства создавали впечатление обычной российской расхлябанности. Из-за того, что Временное правительство задержало утверждение второго и третьего разделов Положения о выборах, оно поздно пришло на места. Симбирская окружная комиссия тшечно ждала посылку с законом о выборах. Объемистый груз весом в пять пудов пришел только 22 ноября — на следующий день по окончании выборов³⁸.

Едва ли не в каждой губернии были участки, где выборы пришлось переносить из-за организационных неполадок. В «благополучной» Воронежской губернии Павловский уезд голосовал только 21—23 ноября из-за того, что не был заблаговременно доставлен избирательный материал. По той же причине Грайворонский уезд голосовал на две недели позже остальных в Курской губернии. В Вятской, напротив, 12—14 ноября выборы состоялись лишь в Елабужском уезде, а в остальных — только 3—5 декабря, в Архангельской губернии вовремя выборы прошли в пяти уездах из девяти и т.д.

Нередко формальная законность становилась главной помехой проведению выборов. Так бывало, когда не хватало бюллетеней установленного образца и конвертов для них. Не сумев своевременно обеспечить ими все округа, Всевыборы предписывали приобретать бумагу и конверты на месте. Однако ни того, ни другого на местных рынках в достаточном количестве не было. В Грозном, Пятигорске, Кутаисе бюллетени заменялись листками писчей бумаги с печатью городской управы. Проставив номер выбранного им списка кандидатов, избиратель складывал затем листок вчетверо и опускал в урну. Хотя при этом совершалось сразу несколько процессуальных нарушений, комиссиям по выборам приходилось закрывать на это глаза.

Много недоразумений возникало из-за отсутствия телеграфной связи в отдаленных районах страны. Передача по телеграфу оперативных сведений могла бы существенно ускорить подведение итогов и восполнить лакуны избирательной статистики. В таких условиях отсрочка выборов порой усугубляла дезорганизацию. В ряде волостей Акмолинской области (Степной округ) местные жители, не подозревая о переносе выборов сначала на конец ноября, а затем и на конец декабря, сами организовали избирательные комиссии и по упрощенной форме провели голосование в установленные законом сроки — 12—

14 ноября. Естественно, оно было аннулировано окружной комиссией³⁹.

Неудивительно поэтому, что в Красноярске, центре Енисейского округа, не знали, состоялись ли выборы в Туруханском крае, отстоявшем от губернского города на добрых полторы тысячи верст вниз по Енисею, или в Урянхайском крае, что за тысячу верст вверх по реке. Связь с ними была прервана из-за распутицы и ледостава. «По-видимому, — сообщила окружная комиссия в Петроград, — в эти районы избирательные материалы могут не достичь к сроку, и тогда выборы сами собою должны быть признаны несостоявшимися»⁴⁰. Так оно и было. В Иркутске не имели информации о положении дел в Балаганском уезде, в Якутске — о Верхоянске и Средне-Колымске⁴¹.

Но даже и тогда, когда выборы проходили своевременно, этого нельзя было сказать о поступлении итоговой документации. Попадая сначала в волость, затем в уезд, она порой с большим запозданием приходила в округ. Если из Минусинска в Красноярск протоколы приходили только на девятый-десятый день, то это было в порядке вещей. Однако в Симбирской губернии, где выборы начались 12 ноября, в первых числах декабря окружная комиссия имела окончательные данные только по Сызранскому уезду. 17 декабря М.С.Урицкий потребовал от Ярославской окружной комиссии немедленно представить результаты выборов, ему в ответ указали на отсутствие таковых из Углича и Мышкина⁴². В Астраханском, Бессарабском, Закавказском и ряде других округов подведение итогов затянулось до января 1918 г. Ликвидация Всевыборов обезглавила выборный процесс.

Во многих местах выборы вообще не состоялись по разным причинам либо были признаны несостоявшимися за неприсылкой сведений (на основании ст. 88). В Амурской области в 23 участках выборы были объявлены несостоявшимися: в трех — по нежеланию населения голосовать, в шести — из-за отдаленности и невозможности доставить туда избирательный материал (Северный Сахалин), в четырнадцати — за неприсылкой сведений о результатах голосования⁴³. В целом по всему Приамурскому округу таких участков набралось 90 (из 807), что составило около 13 тыс. избирателей из 383 тыс. Поскольку они составляли менее $\frac{1}{10}$ всего электората округа, они исключались из общего подсчета⁴⁴, фактически оказавшись за бортом выборов. В целом по стране таковых наверняка была не одна сотня тысяч.

Конкретные причины переноса, а то и срыва выборов не менее многообразны, чем условия, в которых они должны были проходить. Если в приполярный Березов поздней осенью нельзя было доставить выборные материалы ни по суше, ни по

воде, то в благодатной Муганской степи, на юге Азербайджана, этому мешали постоянные набеги разбойников-шахсеванов из Персии, усилившиеся с развалом Кавказского фронта. Почти в каждом округе имелся свой «Березов», куда не завезли избирательные записки и откуда не пришла статистическая информация.

Восстание большевиков в Петрограде еще более осложнило обстановку, особенно в провинции. Во многих городах выборы пришлось на время обострения борьбы за власть или просто безвластия. В ряде округов большевиками были распущены избирательные комиссии, не завершив своей работы. В Кустанае, Оренбурге они были восстановлены с падением советской власти, и окончательные итоги выборов подводились уже в июле 1918 г.⁴⁵

В целом же выборы в Учредительное собрание растянулись более чем на три месяца. Первыми они состоялись на Камчатке. От пустынного полуострова, где было менее 20 тыс. избирателей, полагался один депутат, и выборы были мажоритарными. Уже в стадии подготовки здесь возникли особые проблемы, поскольку в Камчатской области не было ни земств, ни городских дум, ни судейских чинов (кроме Петропавловска и Охотска). Поэтому для нее Временное правительство разрешило упрощенное производство выборов. Заканчивалась навигация, последний пароход «Адмирал Завойко» уходил на «большую землю» 10 ноября, и с ним должен был отбыть камчатский депутат. Выборы проходили 29 октября — с 9 часов утра до 8 часов вечера, результаты их передавались в окружную комиссию телеграфом. Среди кандидатов были два эсера, меньшевик, демократ-республиканец и двое беспартийных (одна из них — женщина). Депутатом был избран областной комиссар эсер К.П.Лавров⁴⁶. То был прообраз общей победы эсеров.

Напротив, последний выборный аккорд прозвучал на Кубани только в феврале 1918 г., спустя месяц после разгона Учредительного собрания. Выборы здесь неоднократно переносились то из-за переписи населения, то из-за транспортно-типографских неурядиц. Трудно было найти менее подходящее время для их проведения. В Екатеринодаре, где сохранялась власть Кубанской краевой рады, высказывалось опасение, что большевистский пожар перенесется на Кубань и население, видя явно враждебное отношение большевиков к Учредительному собранию, может не принять участия в выборах⁴⁷.

В конце января Кубань напоминала бурлящий котел. Со стороны Новороссийска и Тихорецкой на Екатеринодар наступали большевики, в городе появились офицеры-корниловцы — предвестники «ледяного похода» Добровольческой армии с Дона на Кубань. Краевая рада и произведенный из капитанов

в генералы В.Л.Покровский ввели в городе осадное положение и воспретили всякие митинги и собрания «вследствие попытки большевиков насильственно захватить власть в городе». 2—4 февраля выборы все же прошли в Екатеринодаре и в отдельных станицах. Однако в большинстве мест они не состоялись. В Армавире 3 февраля съезд представителей Лабинского отдела решил не проводить выборы, считая их излишними. «Действия большевиков подорвали в массе доверие к Учредительному собранию», — грустно констатировала местная газета⁴⁸.

Кубанский эпизод дает ключ к пониманию судьбы выборов в ряде округов, оставшихся для историков «белыми пятнами». Одним из них был обширный Сыр-Дарьинский округ с центром в Ташкенте, охватывавший территорию одноименной области, кроме Аму-Дарьинского отдела. Судя по количеству заказанных конвертов для голосования, в округе было около миллиона избирателей⁴⁹, ему выделялись 9 депутатских мест. Попытаемся на основе скудных данных воссоздать примерную картину событий.

Выборы в Сыр-Дарьинском округе не раз переносились: сперва на 3 декабря, затем еще на две недели. 15 декабря окружная комиссия, сославшись на помехи в связи с забастовкой почтово-телеграфных служащих, вооруженными столкновениями и введением в Ташкенте военного положения, отодвинула выборы еще на месяц — до 17 января⁵⁰. Тогда же попытались включиться в предвыборную борьбу большевики и левые эсеры. Их кандидатские списки были поданы с опозданием и потому отвергнуты окружной комиссией. Левые эсеры в начале декабря обратились во Всевыборы с просьбой утвердить их список и получили согласие Урицкого. Следуя их примеру, Ташкентский комитет большевиков 26 декабря обсудил этот вопрос и решил действовать явочным порядком. В телеграмме Урицкому комитет, ссылаясь на занятость организацией новой власти, забастовку почтовиков и борьбу с генералом П.А.Коровиченко, просил спешно утвердить свой список⁵¹. Неясно, чем завершилась эта авантюра, но можно предугадать характер выборов, если бы они состоялись. Но предвыборный ажиотаж в местных газетах вдруг прекратился после известия о разгоне Учредительного собрания. «Мы не хотим принимать участия в выборах, не хотим тратить на это ни денег, ни труда, ни времени, ибо Учредительное собрание не принесет нам того, что обещает», — заявила 13 января газета левоменьшевистского толка «Новый путь».

Многозначительно и появление в эти дни в «Нашей газете», органе Ташкентского Совета, статьи, в которой говорилось, что Учредительное собрание стало знаменем контрреволюции и оставить его значило бы развязать гражданскую войну. Больше-

вики не видели смысла в выборах там, где они уже были у власти.

По-видимому, схожим образом развивались события в соседнем Аму-Дарьинском округе (120—130 тыс. избирателей, 1 депутат). Прямых свидетельств того, что выборы там не состоялись, нет, но есть телеграмма, отправленная 22 декабря из Петро-Александровска председателем окружной комиссии Томашевским во Всевыборы: «Бумаги нет до сих пор. Предполагают назначить выборы на конец февраля. Положение отчаянное. Кандидатских списков не представлено»⁵².

Не состоялись выборы и в Закаспийской области, где проживало до 250 тыс. избирателей⁵³. Подготовка к ним затруднялась страшной засухой, массовым падежом лошадей. Списки избирателей пришлось везти за сотни верст на верблюдах, и выборы были назначены на 29 января 1918 г. В округе были выдвинуты всего два списка — эсеров и меньшевиков. Местная пресса сетовала на отсутствие какой-либо предвыборной борьбы и недоумевала: «Почему большевики, преобладающие в Советах, не выставили своего списка?»⁵⁴ Между тем ответ содержался в самом вопросе. В Асхабаде власть давно была у большевиков, и потому выборы были ими сорваны.

Следует заметить, что и центральная власть спешила свернуть выборное производство после роспуска Учредительного собрания. 8 января Урицкий телеграфно предложил всем окружным комиссиям приостановить дальнейшую работу, представить в двухнедельный срок отчет о выполнении смет, основные документы. Оставшиеся от выделенных Всевыборами и МВД суммы подлежали возврату в казну⁵⁵. Тем самым организация выборов там, где они не успели пройти, лишалась защиты закона. Практически это исключало проведение выборов на подконтрольной большевикам территории, в остальных же местностях эта проблема становилась все менее насущной.

К сожалению, это соображение слабо проясняет картину выборов в Дагестане — terra incognita для историков Учредительного собрания. Дагестанская область, с ее 400 тыс. избирателей⁵⁶, входила в Терско-Дагестанский округ, но, в отличие от Терской области, выборы здесь должны были состояться позже — в конце декабря. На заседании областной избирательной комиссии 19 декабря выяснилось, что выборный материал пришел в Темир-Хан-Шуру с большим запозданием, а один вагон вообще затерялся в пути. Эти грузы предстояло переправить в местные участки, в основном в труднодоступные горы. Снежные заносы еще более осложняли дело. В результате областная комиссия вынуждена была снова и снова отодвигать сроки выборов, приспособляя их к местным условиям⁵⁷. Для г.Дербента и трех округов Дагестана был установлен самый от-

даленный — 22—28 января. Однако нет никаких указаний на то, что выборы здесь состоялись, за исключением Темир-Хан-Шуры и немногих окрестных участков.

Самой драматичной была судьба выборов в Ордынском округе, расположенном в междуречье Волги и Урала в степях Букеевской орды, где кочевали племена казахов. В округе было до 180 тыс. избирателей, и голосование в основном завершилось 19 ноября. 3 декабря в административном центре Букеевской орды Ханской ставке группа местных «робеспьеров» из ВРК, явившись на заседание окружной комиссии во время подсчета голосов, арестовала ее. По жалобе оставшегося на свободе члена комиссии Шубина М.С.Урицкий запросил ВРК о причинах ареста, предложив освободить комиссию⁵⁸. Последствия этого вмешательства сверху неизвестны, но оба депутата-ордынца в Петрограде не появились. До ареста окружная комиссия успела обсчитать только треть всех участков. Окончательные итоги голосования нами не обнаружены. Однако в последующих событиях гражданской войны фигурировали члены Учредительного собрания от Букеевской орды Б.Кульманов и В.Танашев⁵⁹. Не исключено, следовательно, что итоги выборов все-таки были официально подведены.

От Камчатки до Кубани... Эти понятия как бы соединяют географию и хронологию общероссийских выборов, обозначают их рамки. Проходившие на громадных евразийских пространствах, они охватили целую эпоху, названную Лениным «триумфальным шествием Советской власти». Для свободного волеизъявления это было не лучшее время. Как же, однако, проходило голосование?

Выборы происходили обычно в лучших зданиях городов и сел, в помещениях городских и земских управ, театров, гимназий, школ, судебных учреждений, волостных правлений, пожарных депо. Местоположение избирательных участков легко угадывалось по веренице граждан, по характерному обилию агитационных плакатов, воззваний, объявлений. Земля вокруг была усеяна обрывками избирательных записок и прочей бумаги. Заборы, стены домов были исписаны различными призывами. Красные флаги подчеркивали праздничность дня.

Сама избирательная процедура была следующей. Избиратель заранее должен был получить образцы всех бюллетеней и именное удостоверение. Придя на участок, он отмечался в списке избирателей и получал конверт с печатью участковой комиссии. В закрытой кабине он вкладывал в него «свой» бюллетень, заклеивал конверт и передавал председателю комиссии, который опускал его в урну. Нередко случалось, что он клал в конверт все избирательные записки, и тогда его голос считался недействительным. Более простым считался способ голосо-

ния шарами, который допускался в самых культурно отсталых округах, в частности в Якутии. Держа шар в правой руке, избиратель должен был подойти к каждой урне по порядку кандидатских списков и опустить в нее сжатую руку. При этом он опускал шар в ту урну, где был наклеен нужный список.

Положение о выборах запрещало использование передвижных урн во избежание злоупотреблений. Всевыборы неизменно отклоняли все ходатайства местных комиссий на этот счет. Голоса протеста против «излишнего формализма» особенно настойчиво звучали из степных районов Казахстана, где разбросанное по становищам население, прежде всего не имевшие теплой одежды женщины, в декабрьские морозы и бураны по существу отстранялись от участия в выборах. И все же почти поголовное голосование в этих местностях заставляет думать, что кое-где избирательные комиссии сквозь пальцы смотрели на «излишний формализм».

При всем многообразии аспектов, в которых можно рассматривать выборы в Учредительное собрание, самое главное в них — результаты голосования. Для историка они ценны емко и сжато отраженной в них структурой общественного сознания. Разумеется, избирательная статистика не может передать всей гаммы настроений общества, но существует ли вообще такой многомерный источник?

Историческая значимость избирательной статистики хорошо сознавалась многими современниками, связывавшими с Учредительным собранием будущее России. Н.В.Свяцицкий, автор первого историко-статистического труда на эту тему, писал по свежим следам событий: «Итоги выборов — это важнейшие цифры, вписанные народом в книгу своей истории»⁶⁰. Корреспонденты газет в дни выборов допоздна ждали подсчета голосов, чтобы немедленно дать сведения в номер. Их оперативная информация часто была приблизительной, непроверенной, противоречивой, ставя в тупик исследователей. Но без нее они не имели бы того первичного материала, коим располагают ныне. Некоторые провинциальные газеты («Нижегородский листок», костромская «Воля народа», кологривский «Приунженский вестник», «Таврический голос» и др.) регулярно помещали текущую информацию о ходе выборов, включая деревни и волости. Владивостокская «Далекая окраина» почти три недели изо дня в день сообщала результаты голосования по населенным пунктам Приморья.

Газетная статистика ценна не только тем, что возмещает нехватку подлинных документов — она попутно иллюстрирует отношение партийных изданий к выборам. Наибольшую заинтересованность в этом проявляли газеты эсеров и ими контро-

лируемых Советов. Следом шла пресса кадетов и независимых органов местного самоуправления, кооперативов и пр. Меньшевики после первых подробных публикаций и неутешительных для себя результатов явно остыли к теме. То же можно сказать и о большевистской печати с ее открыто демонстрируемой тенденциозностью. Но в тех местах, где большевики имели хорошие виды на урожай голосов, они обстоятельно и регулярно оповещали население о ходе «уборки», как это делал «Северный рабочий» (Кострома). Менее всего полезна историку правая пресса с ее нескрываемой неприязнью и к Учредительному собранию, и к выборам.

Необходимость четкой государственной постановки статистического дела не вызывала сомнений. От этого зависела правильность представительства в ассамблее, на этом сходились интересы всех участвовавших в выборах политических сил. В свою очередь, это требовало строгой централизации отчетности. Всевыборы обязали местные комиссии присылать им статистические отчеты, образцы которых были заранее разосланы. Более того, Н.Н.Авинов направил всем окружающим, городским и уездным комиссиям депешу, предлагавшую «ввиду громадного исторического значения» выборов в Учредительное собрание направить во Всевыборы по 2—3 экземпляра всех печатных изданий и копии протоколов избирательных комиссий⁶¹.

14 ноября гигантский счетный механизм пришел в движение. С первого же дня выяснилось, что он плохо налажен, особенно на низовом уровне — в сельской местности, где не хватало опытных, знакомых с техникой выборов людей.

Если в европейских странах итоги выборов становились известными уже через несколько дней, то в России этого срока было мало даже для одной губернии. Обычную процедуру окончательного подведения и оформления результатов голосования в округах занимала не менее двух недель по завершении выборов. Таким образом, эти сводные отчеты имели мало шансов попасть во Всевыборы, вынужденные оборвать свою работу в конце ноября. «Никаких выборных производств ниоткуда не поступало, — отмечал секретарь Всевыборов Святицкий, — да и некому было посылать их»⁶². Реплика не совсем точна: в Государственном архиве Российской Федерации есть особый фонд Всевыборов, но он удручающе беден статистикой. Главным образом это сообщения с мест о предварительных результатах голосования. Из многих округов сведений нет вовсе.

Приходится согласиться с О.Рэдки, что ликвидация Всевыборов Советским правительством привела к разрушению всей выборной машинерии⁶³. В отношении статистики это однозначно — она и поныне зияет провалами, которые кажутся невосполнимыми. Между тем, с точки зрения эвристики, пробе-

лы в исторических источниках сами по себе говорят о трудностях, сопутствующих их появлению.

Дело в том, что сама статистическая информация стала желанной политической добычей, и враждующие стороны хотели сделать из нее свою монополию. 1 декабря Авинов направил в окружные комиссии телеграмму, в которой предлагал, всемерно ускоряя подачу сведений об избранных членах Учредительного собрания, воздержаться от присылки выборных производств до получения дополнительных указаний комиссии⁶⁴.

Разумеется, новая власть также нуждалась в оперативной информации о ходе выборов в Учредительное собрание, хотя бы для того, чтобы смоделировать свое отношение к нему. Урицкий слал телеграммы с требованием представления ему отчетов о выборах. 22 декабря он телеграфно потребовал от всех окружных и фронтовых комиссий сообщить результаты голосования, а в округах, где подсчет еще не закончен, принять самые срочные меры для их определения⁶⁵. Заинтересованность проявляла и противная сторона. За подписью председателя Учредительного собрания В.М.Чернова 17 января на места пошла телеграмма, излагавшая решение совещания представителей фракций эсеров, меньшевиков, объединенных интернационалистов, мусульман-социалистов, энесов, объединенных еврейских соцпартий. В нем говорилось, что в связи с прерванным в некоторых округах подсчетом голосов «необходимо в кратчайший срок закончить повсеместно подсчет избирательных записок, произвести распределение мест между заявленными списками кандидатов, окончательно установить имена избранных членов Учредительного собрания»⁶⁶. Из этих фрагментов видно, в каком плачевном состоянии пребывало дело-производство уже после роспуска ассамблеи.

Избирательный аппарат оказался меж двух огней. В основном он игнорировал указания «нелегитимной» большевистской власти, которая к тому же явно теряла интерес к делу, не оправдавшему ее ожиданий. С другой стороны, решения Учредительного собрания, официально распущенного, также не имели необходимой правовой силы. Поскольку финансирование выборов было прекращено, окружные комиссии оказались неработоспособными и могли продолжать свою деятельность лишь там, где сохранялась прежняя власть. Так, в Тамбове окружная комиссия закрылась лишь в марте 1918 г. В Тургайском, Оренбургском округах их занятия возобновились весной—летом 1918 г., после изгнания большевиков.

Сила исторической инерции ощущалась десятилетиями: электоральная статистика изучалась советскими историками преимущественно постольку, поскольку отражала участие в выборах большевиков.

Тем не менее общий объем статистической информации нарастал. В 1918 г. Святыцкий впервые привел сводные данные по 54 округам страны с 36262 тыс. голосов. Новые материалы, введенные в 60-е годы в научный оборот Е.Н.Городецким и Л.М.Спириным, охватывали уже 67 округов и 44433 тыс. голов⁶⁷. Наконец, в 1987 г. Л.М.Спирин в своей книге «Россия. 1917 год» поместил таблицу итогов выборов в Учредительное собрание по 72 округам с охватом примерно 46,5 млн человек. Своей содержательностью и полнотой она превзошла все прежде опубликованное по этой части, впервые в ней приведены все заявленные по округам кандидатские списки. Однако эта таблица, как и прежние данные, страдает обилием неточностей. В ряде округов Л.М.Спирин в общий итог ошибочно включил в разряде «прочие» недействительные голоса. Стремясь к максимальной полноте данных, он пренебрегал точностью и достоверностью, помещая рядом с конкретными цифрами оценочные показатели, округленные до нескольких нулей. Увы, составленная таким образом статистика не стала надежной источниковой базой для научного анализа.

Реконструкция статистики выборов в Учредительное собрание вполне самостоятельная научная задача. Исходя из этого, автор данной книги многие годы целенаправленно выявлял и собирал эти материалы, ставя во главу угла их аутентичность, подлинность. Они отражают, полностью или частично, итоги голосования в 75 избирательных округах из 81. Нет сведений по Сыр-Дарьинскому, Аму-Дарьинскому, Закаспийскому, Прикаспийскому, Ордынскому округам и округу русских экспедиционных войск во Франции и на Балканах (около 20 тыс. человек). В первых трех и в последнем выборы не состоялись вообще. В Ордынском округе их судьба остается неизвестной. Наверняка прошли выборы в Прикаспийском округе, единственный депутат от которого С.Баянов зарегистрирован в списке прибывших в Петроград депутатов. Однако результаты голосования примерно 75 тыс. кочевых калмыков обнаружить пока не удалось.

Не для всех остальных округов статистическую картину можно назвать завершенной. В Подольском округе выпали из общей суммы голосов целых три уезда, в Херсонской — два и т.д. В иных случаях опубликованная статистика носит очаговый характер, касаясь отдельных уездов или населенных пунктов. Так, в Бессарабии известны результаты выборов в Кишиневе, Бельцевском, Бендерском и Оргеевском уездах. В Самаркандской области мы располагаем данными по Самарканду, Джизакскому и Катта-Курганскому уездам. Сохраняя надежду найти сводные данные, автору пришлось заполнять лакуны эмпирическим путем, сводя воедино результаты голосования по

отдельным населенным пунктам' (Степной, Терско-Дагестанский, Бессарабский избирательные округа). Для Якутии, Кубани и Камчатки за неимением других приведены сведения только по областным городам.

Такой способ преодоления дефектов статистики, возможно, безупречен, но в реальной источниковедческой ситуации только он и может дать максимально приближенный к действительности результат, основанный на конкретных, а не обобщенно-оценочных показателях. Важно и то, что в эмпирической статистике в миниатюре отражена общая картина голосования. В Терско-Дагестанском округе, например, обстановка никак не благоприятствовала выборам. В ноябре—декабре политические, социальные, этнические, религиозные противоречия в предгорьях Кавказа приняли облик гражданской войны. Шли бои между русскими войсками и чеченцами, столкновения между осетинами и ингушами, горели грозненские нефтепромыслы. Солдатами был убит терский казачий атаман М.А.Караулов. О.Рэдки полагает, что в этом округе собрали голоса, но не подсчитали их⁶⁸. Это похоже на правду, ибо ни один из десяти положенных округу депутатов не объявился на Учредительном собрании. Учитывая, что в горах Дагестана выборы откладывались до февраля 1918 г., резонно предположить, что они не были завершены. Однако выявленные нами 87 тыс. голосов дадут историку пищу для размышлений.

То же можно сказать о Степном округе, образованном в границах бывшего Степного генерал-губернаторства с центром в Омске. На его территории почти в миллион квадратных верст могли поместиться несколько европейских государств, хотя здесь насчитывалось всего около 1,5 млн избирателей⁶⁹. Выборы были назначены на 26—31 декабря. Сохранились фрагментарные сведения об их результатах в Омске, Семипалатинске, Петропавловске, в ряде сел и станиц. 6 января окружная комиссия телеграфировала в адрес Всевыборов и Учредительного собрания, что в 40 участках выборы не состоялись вовремя и перенесены на 9—14 января⁷⁰. В следующие дни, судя по журналам исходящих бумаг Атбасарской уездной комиссии, ряд ее протоколов был отправлен в Омск⁷¹. Выборы в округе безусловно состоялись, но сводные результаты не обнаружены ни в центральных, ни в местном архивах. Частично их восполняют суммированные нами сведения по отдельным избирательным участкам.

Необходимо оговориться, что при отсутствии официальных результатов приходится довольствоваться имеющимися в наличии сообщениями, главным образом газетными, не всегда точными или не окончательными.

Обратимся к сводным итогам голосования, установленным нами. Всего в 68 тыловых и 7 фронтовых округах было подано 48.401.962 действительных голоса. Неучтенными остались до 2 млн избирателей в пределах Бессарабского, Херсонского, Таврического, Подольского, Терско-Дагестанского, Ордынско-го, Прикаспийского, Степного округов, где выборы имели место. Их голоса не были услышаны в 1917 г., но для истории они не должны пропасть.

Из этого числа более всего избирателей голосовало за эсеров — 19.110.074 человека, или 39,5%. Далее голоса распределились так: большевики — 10.889.437, или 22,5%; кадеты — 2.180.488, или 4,5%; меньшевики — 1.522.467, или 3,2%; энесы — 439.200, или 0,9%. Кроме них, свыше 7030 тыс. голосов собрали разнородные социалистические списки, принадлежавшие главным образом национальным партиям неонароднического и социал-демократического толка, что дало в общем итоге внушительные 14,5%. Еще 4670 тыс. голосов приобрели национальные партии и списки несоциалистического характера, автономистского и федералистского толка (9,6%). Остальные 5% достались конфессиям, кооперативам, казакам, областникам, праволиберальным и консервативным спискам, Советам и пр.

И с арифметической, и с политической точки зрения победа эсеров на выборах неоспорима. Еще в июне один из их лидеров, С.Л.Маслов, предсказывал, что не менее 60% учредителей будут членами фракции ПСР⁷². Этот успех можно назвать абсолютным, если к голосам ПСР приплюсовать не менее 5 миллионов, поданных за эсеров украинских, татарских, чувашских, молдавских, эстонских, что давало еще около 11% электората. Хотя их политические позиции не во всем совпадали (украинские эсеры, например, откололись от ПСР и были в оппозиции к Временному правительству), все же в целом это было голосование за народнические партии. Таким образом, эсеры могли контролировать не менее половины депутатских мандатов в Учредительном собрании и держать в своих руках решение вопросов в самом Таврическом дворце. Комментируя исход выборов, Н.В.Святицкий заключил: «Народ российский вверил свою судьбу социалистам-революционерам»⁷³. По нашим подсчетам, среди избранных депутатов 342 человека прошли по партийным эсеровским спискам, а еще не менее 90 эсеров прошли по иным спискам (так, член ЦК В.А.Чайкин — по общеферганскому списку).

И тем не менее слова Святицкого звучат выпяченно и ненатурально, ибо ему, одному из ведущих эсеровских публицистов, было известно реальное состояние партии. Эсеровское упоение успехом было недолгим и смешивалось с глубокой

озабоченностью судьбой полученных мандатов и даже судьбой самой партии, поскольку выборы подчеркнули ряд весьма неприятных для нее моментов.

Во-первых, недавние кумиры масс, эсеры к этому времени уже утратили свой былой престиж, что не преминула отметить и либеральная и большевистская пресса. Эсеры гордились широтой своей социальной базы — крестьяне, рабочие, ремесленники, городские мещане, интеллигенция. И если головокружительный успех на городских муниципальных выборах был для них даже неожиданным, то тем огорчительнее стали первые же итоги выборов в Учредительное собрание (в городах они оглашались уже через день-два после голосования). Быстро выяснилось, что в городах эсеры откатились на третью позицию, ощутимо проигрывая большевикам и кадетам. За последние месяцы партия потеряла не только власть, но и часть своих сторонников, особенно в городах — центрах политического активизма.

Во-вторых, импульсы беспокойства шли из деревни, хотя она своими голосами обеспечила эсерам их общий перевес. Их партийная монополия среди крестьян пошатнулась, и дело было не столько в конкуренции большевистских идей, в общем-то чуждых крестьянству, сколько в растущей самостоятельности действий крестьянских масс. Осенью в ряде губерний крестьянские волнения вынудили проэсеровские власти до Учредительного собрания решиться передать земли помещиков крестьянам. Почти три сотни депутатов были избраны по совместным спискам партии с крестьянскими организациями. Хотя депутаты-крестьяне тоже были эсерами, они были менее связаны узами партийной и фракционной дисциплины и даже тяготились ею. Они, несомненно, были сторонниками социализации земли, но в других вопросах могли стать фактором переменного значения. Дневник воронежского депутата Н.П.Огановского зафиксировал такой факт: «один из наших крестьян — Близнюк, удрал-таки к левым эсерам»⁷⁴. Алтайский депутат А.И.Шапошников на митинге в поддержку Учредительного собрания в Барнауле призывал к сотрудничеству с Советами, шокируя своих однопартийцев⁷⁵.

Наконец, все усиливавшуюся головную боль эсеровским лидерам доставляла активность левого крыла, которое в разгар выборов (19—28 ноября) организовалось в Партию левых эсеров. Левые были исключены ЦК ПСР из ее рядов, но оставались в единых партийных списках и претендовали на свою долю при дележе партийного «имущества» — голосов избирателей. В итоге фракция ПСР в Учредительном собрании не только была ослаблена, но и помогла пройти в депутаты группе своих активных врагов⁷⁶, опасных не менее большевиков.

Таким образом, эсеровское большинство Учредительного собрания по сути распалось на конфронтирующие между собой фракции. Недавние единомышленники не щадили друг друга. По словам одного эсеровского издания, «начиная с 25 октября левые социалисты-революционеры играли глупую и унижительную роль придворных критиков их величеств Ленина и Троцкого»⁷⁷. ЦК ПСР, взывая к совести левых эсеров, требовал, чтобы они отказались от своих мандатов, добытых обманным путем. Они отвечали тем же. М.А.Спиридонова обратилась во Всевыборы с просьбой сообщить ей об избранных в южных губерниях кандидатах от партии эсеров. Она обвинила ЦК во главе с Черновым в том, что те совершили подлог, исключив из списков левых эсеров⁷⁸. Анализируя в этой связи перспективы эсеров, «Русские ведомости» писали: «Взятая в целом партия социалистов-революционеров представляет в данный момент очень пеструю величину. В ней есть элементы, ничем, кроме названия, не отличающиеся от большевиков, есть и противоположные течения, стоящие на строго государственной точке зрения... Весьма возможно, что они разобьются на две, может быть, три самостоятельные фракции»⁷⁹.

Никто в ту пору, включая самих левых эсеров, не знал в точности степень их реального влияния в стране. Ленин считал фактом «огромного политического значения» переход у эсеров около 40% в лагерь левых и был убежден, что Учредительное собрание даст большинство крестьянам более левым, чем эсеры⁸⁰. Часть его соратников надеялась, что левых эсеров окажется достаточно, чтобы вместе с большевиками образовать большинство в ассамблее (А.В.Луначарский говорил о 80 депутатах⁸¹). Сами левые эсеры рассчитывали иметь фракцию «численностью человек в 100»⁸².

Тем неожиданнее было, что среди учредителей их оказалось всего около сорока человек! Это был конфуз, случившийся с партией, обреченной, казалось, на успех тем, что она соединяла популярные народнические установки с большевистской тактикой прямых действий снизу. Почему так произошло? Для новой власти это был вопрос практической политики, особенно после того, как в начале декабря левые эсеры вошли в состав Совнаркома и А.Л.Коллегаев занял пост наркома земледелия. Тот или иной ответ мог иметь для большевиков далеко идущие последствия в их отношениях с крестьянством.

Такой ответ и был предложен Лениным. Его суть в том, что единые партийные списки эсеров, составленные до их раскола, ввели в заблуждение избирателей, исказили подлинную картину их настроений. Версия эта сразу стала официальной, в смягченном виде она проникла в Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая от имени ВЦИК была пред-

ложена Учредительному собранию в качестве политической платформы. Такой версией затушевывался провал левых эсеров и тем самым переоценивалась социальная и политическая опора новой власти в деревне.

Тезис об обмане эсерами избирателей господствовал в советской историографии. «Если правые эсеры и сохранили свои голоса, то преимущественно за счет того, что они выступали с левыми в одних списках»⁸³, — утверждает Е.А.Скрипилев. Указывалось, будто самостоятельные левозероэсеровские списки в тех немногих округах, где они были выставлены, далеко опередили по количеству голосов прочих эсеров. Несостоятельность подобных оценок впервые убедительно показал О.Н.Знаменский. Чаще всего историков подводила некая аберрация: там, где конкурировали список правых эсеров-«воленародовцев» (А.Ф.Керенский, Е.К.Брешко-Брешковская, П.А.Сорокин, А.А.Аргунов и др.) и список эсеров центра (В.М.Чернов, А.Р.Гоц, Н.Д.Авксентьев и др.), они принимали первых за вторых, а вторых — за подлинных левых эсеров. О.Н.Знаменский оспорил и другое утверждение, будто участие левых эсеров в общепартийных списках делало их более притягательными для избирателя. На самом деле было наоборот: больше голосов получали «чистые» эсеровские списки, без примеси левых⁸⁴.

Самостоятельные списки левых эсеров не пользовались успехом у электората. Лишь в Казанском округе они добились заметного результата, получив 30,8% голосов и проведя четырех своих кандидатов⁸⁵, но и этот список формально был общепартийным, и возглавлял его центрист Г.А.Мартюшин. В Балтийском флотском округе они, впрочем, завоевали 27,3% голосов и явно обошли прочих эсеров (11,8%)⁸⁶. Но и этот факт не очень показателен: Балтийский флот своей левизной играл общеизвестную роль в 1917 г., но на итог всероссийского голосования не мог оказать серьезного влияния.

В остальных же округах (Воронежский, Енисейский, Примурский, Тобольский) левые эсеры суммарно набрали менее 26 тыс. голосов, что выглядит просто смешным. Уже в феврале 1918 г. они выставили свой список на Кубани. Но и в новой обстановке на выборах в Екатеринодаре их постигло полное фиаско: всего 1,9% голосов при 11,9% у общего списка эсеров⁸⁷.

По-видимому, левые эсеры получили на выборах «свое» число голосов. К тому же некая часть их электората голосовала за большевиков. Так, в Сураханах (пригород Баку) организация левых эсеров в количестве 83 человек 23 ноября призвала своих сторонников опустить избирательные записки за большевиков⁸⁸. «Во многих местах... левые эсеры решили даже голосовать за большевистские списки, лишь бы не способствовать

своими голосами прохождению явных врагов народной революции»⁸⁹. Это было логично в округах, где не было самостоятельных левозеро-левых списков, но этим же они признавали собственную слабость. В целом же поражение левых эсеров не было случайным: в деревне их не знали, громких имен, кроме, пожалуй, М.А.Спиридоновой, среди них не было, а главное — у партии не оказалось своего лица. Ее стремление сидеть сразу на двух стульях не прибавляло ей популярности. Симбиоз эсертства с большевизмом объективно не вписывался в политический интерьер России, и последующие события это удостоверили.

Еще менее удачной была попытка самостоятельного выступления правых эсеров. Максимального процента они добились в Симбирской губернии (где они проводили Б.В.Савинкова) — 8,3, около 4% имели в Харьковской (Е.К.Брешко-Брешковская, В.И.Лебедев), в остальных округах счет шел на десятые доли процента. По подсчетам Н.В.Святицкого, в пяти округах они собрали 113958 голосов, или 0,3% от общего числа голосов⁹⁰. И левые, и правые эсеры смогли провести своих кандидатов в Учредительное собрание только по общепартийным спискам.

Общий успех эсеров многим тогда казался эфемерным, при этом одни указывали на разброд в их рядах, другие — на аморфность электората. «Победа социалистов-революционеров не кажется столь уж блестящей, — рассуждали сибирские кадеты. — Что такое деревенская масса, среди которой работали эсеры? Почти поголовная безграмотность сибирской деревни»⁹¹.

Но это вовсе не означало, что победа эсеров была бумажной, призрачной. Они первенствовали в 52 округах, причем в 33 округах собрали свыше половины всех голосов, а в Алтайской, Архангельской, Пензенской, Ставропольской, Томской губерниях завоевали все депутатские места — общим числом 39. Обозначим очаги их повышенного влияния. Это Север России — 65—75%; земледельческий Центр — 63—82%; Волжско-Вятский регион — 54—67%; Западная и Средняя Сибирь — 65—90% в разных губерниях. За пределами территорий компактного влияния также имелись эсеровские «оазисы»: Могилевская губерния — 71%, Ставропольская — 89%, Забайкальская область — 59% и др. На Украине всюду украинские и русские эсеры, взятые вместе, получили заметно более половины голосов, при этом соотношение полученных теми и другими мандатов было 69 к 38.

Есть известные основания рассматривать голосование большинства населения страны за эсеров как выбор, хотя и не вполне осознанный, в пользу центристской линии, которую

олицетворяли в 1917 году Чернов, Авксентьев, Керенский. Но если это и выражало субъективные настроения и пожелания электората, то объективно это стало невозможным. Время политических компромиссов было упущено, и настала та критическая точка революции, когда сам центр, еще недавно казавшийся надежным буфером между политическими полюсами, разваливался на глазах по причине процессов поляризации и собственного бессилия. Партия центра стала партией борьбы, превратилась в главную оппозиционную силу. ЦК ПСР призвал к свержению власти большевиков, А.Р.Гоц заявил, что во имя утверждения власти Учредительного собрания партия вновь готова прибегнуть к террору. Тем не менее эсеры не имели морального права рассматривать голосование за себя как мандат на ведение гражданской войны. Отчасти поэтому сами эсеры предпочли устранить власть большевиков мирным путем — через Учредительное собрание.

Меньшевики — другая партия центра — не тешили себя особыми надеждами на исход выборов. В сентябре Ю.Ларин в «Новой жизни» высказал предположение, что социал-демократы проведут в Учредительное собрание около 50 депутатов, если их не поддержат крестьяне⁹². Реальность оказалась куда печальнее: было избрано лишь 15 меньшевиков, втрое меньше прогноза.

Всего по России меньшевистские списки получили 3,15% голосов. Едва ли не половина этого (662 тыс. из 1523 тыс.) приходилась на Закавказье, точнее — на Грузию, где меньшевики традиционно были массовой партией. Благодаря сосредоточению здесь «своего» электората они получили в Закавказье 11 депутатских мандатов (в среднем 66 тыс. голосов на один мандат). Наоборот, распыленность меньшевистских голосов в остальных округах привела к фактической их потере: каждый из оставшихся 4 мандатов «весил» целых 215 тыс. голосов. Лишь в небольшом округе Китайско-Восточной железной дороги, с центром в Харбине, меньшевики опередили своих конкурентов, завоевав единственный мандат. Даже в таких промышленных гигантах, как Петроград и Москва, меньшевики суммарно набрали около 50 тыс. голосов, хотя имели в обеих столицах партийные центры и лучшие кадры. Если на фронте они получили 3,6% голосов, то деревня о существовании меньшевиков словно бы и не знала. Еще некая часть их голосов была рассеяна по совместным партийным спискам, в том числе с большевиками, но слишком незначительная, чтобы принимать ее в расчет. В Алтайской губернии они набрали всего около 0,5%, менее 1% голосов они имели в Воронежской, Казанской, Курской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Самар-

ской, Симбирской, Ставропольской, Томской, Уфимской губерниях.

Уже в разгар выборов, в декабре, «Дело народа» (автор статьи Н.В.Святицкий) предсказывало, что к четырем уже избранным меньшевикам добавятся еще 12 с Кавказа, 3 — с Западного и Кавказского фронтов, 2—3 — из Сибири⁹³. Прогноз оправдался в отношении Кавказа, в остальных местах меньшевики не получили ни одного мандата.

Более удачно выступили украинские социал-демократы, которых, однако, нельзя отождествлять с русскими меньшевиками. Показательно, что они ни в одном из округов не блокировались с последними. Украинские социал-демократы получили, по нашим наблюдениям, 12 мандатов. При этом только В.М.Чеховский, председатель Украинской Народной рады, был избран по своему партийному списку, остальные — совместно с украинскими эсерами и главным образом благодаря их популярности (эсеры везде возглавляли списки украинских социалистов).

На фоне общей неудачи меньшевизма внутреннее политическое раздробление их голосов кажется малозначимым. Плехановское «Единство», выступая самостоятельно, получило всего около 27 тыс. голосов. Весьма слабыми были позиции левого крыла меньшевиков там, где они рискнули выставить отдельные списки: Москва — 0,3%, Самарская губерния — 0,1%, Тульская — 0,1%, Харьковская — 1,1%, Северный фронт — 0,5%.

Разочарованию не было предела. В меньшевистском «Луче» появилась статья за подписями Ю.О.Мартова, Р.А.Абрамовича, Д.Далина, В.Ежова и др., суть которой выражена фразой: «Партия стоит перед лицом великого политического поражения»⁹⁴. Вину за него авторы возлагали на политику руководства партии. Парируя упрек, Ф.И.Дан в ответ заметил, что поражение потерпели и меньшевики-интернационалисты, к коим принадлежали 11 авторов статьи, хотя эта фракция не брала на себя ответственность за политическую линию партии⁹⁵.

Уныние царило и среди меньшевиков в провинции. Тверское «Дело», объявив, что социал-демократы не смогут рассчитывать на успех в отсталой стране, перестало публиковать информацию о ходе выборов. Калужские меньшевики сетовали, что захват власти большевиками и эсеровское засилье в деревне не позволили им надеяться на проведение двух кандидатов: «Но на 30—40 тысяч голосов наша партия все же имела основание рассчитывать. Выборы, однако, не оправдали даже этих скромных ожиданий»⁹⁶. Меньшевики получили в губернии всего 7 тыс. голосов.

Политический кризис меньшевизма, подчеркнутый электроальной статистикой, сознавали и лидеры партии. На Чрезвы-

чайном съезде РСДРП (30 ноября — 7 декабря) звучали даже заявления о ее неспособности к какой-либо политической роли⁹⁷. Мартов тогда же писал Н.С.Кристи, другу сердца: «Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу — большевикам, которые "проще" и больше "держают", словом, по своей демократичности больше приемлемы для широких некультурных масс»⁹⁸. Но не только в умеренности и реформизме, в нежелании подыгрывать экстремизму масс была причина провала меньшевиков на выборах в Учредительное собрание. Их судьба поучительна и тем, что обозначила неприменимость к России классических марксистских идей социалистической революции.

На сколько депутатских мест рассчитывала Партия народной свободы? Член ЦК А.В.Тыркова пометила в своем дневнике: «Воображали, что кадетов будет не меньше ста пятидесяти, что они смогут иметь какое-либо численное значение. Строились также парламентские расчеты о коалиции сил»⁹⁹. Из этой записи А.Тырковой, заметной своим умом и характером даже в кадетском штабе, неясно, к кому и к какому времени она относится. Если к началу выборов, то подобные расчеты вроде бы обрели почву. Первые сведения, поступавшие из разных городов, располагали к оптимизму. Многие газеты перепечатали из «Речи» таблицу итогов голосования по 30 городам, из которой следовало, что кадеты опережали большевиков, не говоря о других партиях. «Туркестанский вестник» за 26 ноября даже отвел им половину мест в будущей ассамблее. К этому дню среди 128 избранных депутатов было всего 15 кадетов. Но тем дело и кончилось.

Кадеты пережили, пусть кратковременное, упоение первыми успехами на выборах, непозволительное для партии «здорового смысла». Оно было связано с тем, что результаты голосования в городах становились известны несколькими днями раньше, чем в деревне. Конечно, кадеты понимали, что деревня не поддержит их, но осязаемый по сравнению с летом рост прокадетских настроений среди горожан они восприняли как симптом благих перемен, как начало отрезвления от анархо-большевизма, а в самих выборах теперь усматривали средство сплочения антибольшевистских сил.

Вот почему кадеты не слишком были обескуражены доставшимся им полутора десятком мандатов. Они могли также рассчитывать на нескольких своих единомышленников, прошедших по непартийным спискам, главным образом казачьим: Н.А.Бородин от Уральской области, С.А.Таскин — от Забайкальской, В.А.Харламов — от Донской и др. Их пресса предпочитала писать об успехах партии.

В целом по стране Партия народной свободы собрала 2180 тыс. голосов, или 4,5%. Ее влияние концентрировалось в городах, и самые высокие показатели кадеты имели в Москве и Петрограде — соответственно 34,3% и 13,7%. В других округах их процент был заметен только в Петроградском губернском — 13,7, Олонецком — 13,5, Ярославском — 11,7, Пермском — 8,7, а также на КВЖД с ее сильной чиновно-инженерной прослойкой — 18,0. Напротив, во фронтовых округах доля кадетских голосов снижалась до 1,7%.

Судьба кадетов на выборах в Учредительное собрание заслуживает особого внимания, если видеть за нею не только конкретную политическую партию, но и судьбу идей либеральной демократии в целом, проблему альтернативности исторического развития страны. Отвергая «социалистический выбор» для России, навязываемый народу левыми партиями, кадеты ориентировались на образцы европейской демократии, основанной на разделении властей, верховенстве закона, суверенитете личности. При всем своем «западничестве» кадеты считали необходимым следовать национальным традициям, таким, как сильная государственность, национальное единство и пр. Эта особенность кадетизма, как и политическая его умеренность, привлекала к нему голоса правых кругов, традиционалистов, но она же воспринималась малокультурным большинством российского электората как защита старых, дореволюционных порядков. Мощный размах «антибуржуазных» настроений в 1917 г., обусловленный целой группой факторов (влияние социалистической пропаганды, слабость слоя собственников, «разорванность» культуры и пр.), в социальном плане мог быть обращен против каждого, кто чисто внешне отличался от солдата, рабочего или крестьянина¹⁰⁰, но в политическом плане он был направлен прежде всего против кадетов.

Нельзя отрицать и того, что избирательный закон был более всех невыгоден кадетам. Современники подмечали, что из-за его превратностей партия потеряла около 15 мест. Так, при системе «страна-округ» она получила бы до 35 депутатских мандатов. При мажоритарной системе выборов, где важнее был персональный, а не партийный принцип, кадеты также могли рассчитывать на большее. По оценке Святицкого, кадеты потеряли даром около 1200 тыс. голосов¹⁰¹. В Харьковском округе они, по данным прессы, не добрали всего 400 голосов, чтобы перехватить один мандат у большевиков¹⁰². Но в разной степени на то же могли жаловаться и другие партии, испытывая от этого лишь моральное утешение.

В отдельных округах (Екатеринославский, Киевский, Костромской, Саратовский, Таврический, Харьковский) кадеты могли бы иметь по одному мандату при условии предвыборно-

го соглашения с близкими им объединениями. Однако не всегда это зависело от них самих. Д.С.Пасманик свидетельствовал, что в Таврии такая инициатива местных кадетов была отклонена сионистами, землевладельцами и немцами. Один из последних признался: «В худшем случае мы предпочитаем неопытного эсера или большевика, чем хитрого кадета»¹⁰³. Определенные потери кадеты понесли и в городах из-за того, что многие их сторонники предпочли уклониться от голосования. Как бы то ни было, несколько лишних мандатов не могли бы изменить тактики кадетов в учредительной ассамблее.

О характере действий кадетской фракции в Учредительном собрании в связи с этим можно говорить лишь гипотетически. Несомненно, они собирались использовать его как политическую трибуну, дискредитируя своих противников, используя их промахи и неудачи. П.Е.Шацкий в беседе с американским журналистом Д.Ридом высказал довольно распространенное в его окружении мнение, что восстание большевиков в известном смысле выгодно кадетам, потому что большевики в конце концов провалятся и не будут иметь никакой силы в Учредительном собрании¹⁰⁴. «Государственное строительство в таком широком масштабе совершенно не по плечу нашим новорожденным социалистам, всем этим неучам, невеждам, авантюристам и прочим случайным людям, проникшим в Учредительное собрание под знаменем социализма», — саркастически писала близкая к кадетам газета¹⁰⁵.

В то же время последующее поведение кадетской партии указывает, что она не собиралась довольствоваться ролью пассивной парламентской оппозиции, терпеливо выжидающей промахов власти. Основную ставку кадеты делали на резкое изменение политической ситуации и свержение власти большевиков. Созванное Учредительное собрание они не считали легитимным уже потому, что их партия была объявлена вне закона.

Большевики добились на выборах едва ли не самой высокой результативности: на каждого партийца приходилось до 30 голосов («гранит» и «мел», по меткому выражению О.Рэдки). Набрал около 11 млн голосов, они получили 181 мандат и уступили только эсерам. Но были ли они довольны таким итогом?

В публичных заявлениях большевиков в первые дни выборов сквозила уверенность в успехе, если не самоуверенность. Почти бескровная победа восстания в Петрограде, как и кровавая, стоившая тысячи жертв победа в Москве, почти половина голосов в обеих столицах способствовали тому. Все газеты обошла речь А.В.Луначарского в цирке «Модерн» перед рабочими и солдатами, где большевистский «соловей» выразил уве-

ренность, что в Учредительном собрании влияние его партии будет преобладающим. По более скромным предположениям ожидалось, что среди 800 депутатов будет до 350 большевиков и левых эсеров¹⁰⁶. Напомним, что на 20 ноября по стране большевики получили 2700 тыс. голосов, кадеты — 2230 тыс., эсеры — 2221 тыс.¹⁰⁷.

Опьянена была первым успехом и большевистская провинция. Минская «Звезда» в статье «Выборы в Учредительное собрание» за 24 ноября безапелляционно утверждала, что «во всех городах, где имеются фабрики и заводы, во всех промышленных районах на первом месте проходят большевики. Во всех деревнях, где мало-мальски крестьяне разбираются в происходящем, огромное большинство голосов за большевиков. О солдатах говорить не приходится... Где только рабочие, где только крестьяне — они голосуют за большевиков». Возможно, статья преследовала агитационные цели накануне начинавшихся 26 ноября выборов в Минской губернии, но пафос ее был явно чрезмерным.

В.И. Ленин был одним из тех большевиков, кто не поддался этому чувству. Между тем еще в сентябре—октябре на основе ряда наблюдений, почерпнутых из газетных сообщений, он полагал, что за большевиками идет большинство народа¹⁰⁸. Однако Ленин, во-первых, опасался подделки выборов сторонниками Временного правительства, во-вторых, не исключал того, что солдаты и особенно крестьяне, фактически шедшие за большевиками, проголосуют тем не менее за эсеров. Поэтому он в целом скептически оценивал шансы партии на выборах, хотя порой готов был допустить, что блок с левыми эсерами «...может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном собрании»¹⁰⁹.

Легко понять, что всего лишь четверть голосов, полученная правящей партией на демократических выборах, — это в любом случае меньше того, на что она рассчитывала. Среди большевиков нарастало разочарование, охладив отношение к Учредительному собранию и у тех, у кого оно было приподнятым.

Распределение большевистских голосов внутри страны оригинально, непохоже на другие партии. Это очевидно при наложении карты голосования на административную карту России. Ярко окрашенными в большевистский цвет окажутся обе столицы с прилегающими к ним районами, часть Белоруссии и сопредельные с ними Северный и Западный фронты. Далее интенсивность цвета резко ослабевает. Северо-Запад (г. Петроград, Петроградская, Новгородская, Псковская, Эстляндская губернии) дал большевикам 42% голосов, Промышленный центр (Москва и девять губерний вокруг нее) — 50%, Минская и Витебская губернии — 59%. В то же время в центрально-чер-

ноземных губерниях этот процент понижался до 15, а на Украине с ее десятью миллионами избирателей — до 10. В обширных губерниях и областях Сибири и Дальнего Востока процент большевистских голосов нигде не достигал среднероссийского показателя. К тому же из-за своей отдаленности они и не могли существенно влиять на общую политическую ситуацию в жизненных центрах страны.

Наибольшее разочарование в большевистских верхах вызвал исход выборов на горнозаводском Урале. В Пермской губернии с ее многочисленными городами-заводами и сотнями тысяч потомственных рабочих они, по некоторым данным, надеялись получить 12 депутатских мест¹¹⁰. Однако таковых оказалось лишь 4, еще 11 достались эсерам и, что еще удивительнее, 2 места завоевали кадеты. По свидетельству Л.Д.Троцкого, Урицкий на заседании ПК РСДРП(б) делал секретный доклад по поводу поражения партии в уральском пролетарском регионе: «Урал не оправдал наших ожиданий. В местах, отдаленных от центров революционной работы, Учредительное собрание пользуется большой популярностью»¹¹¹.

Но именно эту очаговость, неравномерность своего влияния большевики сумели обратить себе на пользу, как рычаг для захвата власти. На это указывал Ленин, анализируя в конце 1919 г. итоги выборов в Учредительное собрание с точки зрения военной победы своей партии над значительно превосходящими силами противников. Языком военной тактики он главным условием победы назвал умение обеспечить подавляющий перевес сил в решающих пунктах в решающий момент, наличие большевистских «ударных кулаков» в Петрограде, Москве, на близлежащих фронтах. Добавим, что в тех районах, где позиции большевиков в целом были слабы, они умели сколачивать «ударные кулаки» локального масштаба, главным образом из гарнизонных солдат, а также городских рабочих.

Как уже указывалось, в десяти округах большевики заключили полное предвыборное соглашение с меньшевиками-интернационалистами, выдвинув общие списки. В ряде других округов их партийные списки именовались «большевики-интернационалисты», чтобы оттянуть левые элементы от других соцпартий. Следовательно, некая часть из 680 тыс. голосов, полученных блоковыми списками, должна быть отнесена на счет левых меньшевиков. Но какая? Вопрос не праздный, поскольку уже в декабре—январе последние отходили от большевиков, обвиняя их в предательстве Октябрьской революции, в попрании демократии, в соглашательстве с германским империализмом¹¹². Известно, что в тех округах, где интернационалисты-социал-демократы рискнули выступить самостоятельно, их ждало полное поражение: в Москве — всего 1920 голосов

(0,3%), в Харьковском — 1219 (1,1%), Самарском — 989 (0,1%)¹¹³. Если принять за общий для России коэффициент в Омске, где большевики получили 27,5% голосов, а интернационалисты — 5,4¹¹⁴, то и такое соотношение будет разительным. Даже в Туле, где имелась крепкая организация меньшевиков-интернационалистов во главе с Г.Д.Лейтейзенем-Линдовым, она смогла получить всего 0,1% всех голосов, при 1,9% у РСДРП-объединенной и 44,1% у большевиков¹¹⁵. Не будет преувеличением считать, что из упомянутых 680 тыс. голосов не менее 600 тыс. принадлежали большевикам.

Электоральная неудача большевиков не может быть объяснена издержками избирательного закона — они получили даже чуть больше депутатских мест (23,7%), чем составляла их доля голосов по стране. Но в политическом плане она требовала оправдания, приемлемого не столько для самой партии, сколько для тех, кто шел за нею. Оно и было предложено Лениным. Указав на отставание массового политического сознания от хода социальной революции, он выделял два сопутствующих обстоятельства: во-первых, ко времени выборов большинство трудящихся «не могло еще знать всего объема и значения» Октябрьской революции, во-вторых, правые эсеры фактически украли голоса левых эсеров¹¹⁶. Оба этих тезиса широко использовались ленинцами для дискредитации Учредительного собрания в конце 1917 г. — начале 1918 г. Для истории не важно, верил ли сам Ленин этому, важно, что через два года, специально анализируя итоги выборов по материалам статьи Святыцкого, он не упоминал ни одного из своих прежних аргументов, молчаливо признав их несостоятельность.

Следовательно, исход выборов в Учредительное собрание показал, что подавляющее большинство граждан России не разделяло большевизма как доктрины и не одобряло его власть.

Осенью 1917 г. правые радикалы не играли заметной роли в политической жизни, хотя пугалом черносотенной опасности страшали друг друга либералы и социалисты. Выборы в Учредительное собрание позволяют отчасти судить о реальном влиянии правых и отношении к ним населения. Впрочем, в кандидатских списках они чаще фигурировали под нейтральными названиями типа «беспартийные общественные деятели», «За веру и порядок». Наиболее влиятельную силу представлял Союз земельных собственников, к которому тяготели помещики и богатые крестьяне. Он собрал около 200 тыс. голосов, но опять же их распыленность по округам не дала ему ни одного места в ассамблее. В целом наши подсчеты поданных за правых голосов близки к цифре Н.В.Святыцкого — примерно 300 тыс., или около 0,6%.

Судя по избирательной статистике, правые действительно не представляли весомой, главное, консолидированной силы. Наверняка часть их голосов отошла к кадетам и другим «государственникам». Заслуживает хотя бы упоминания версия о том, что часть правых голосовала за большевиков в ожидании неизбежного и быстрого падения их власти. В охваченной анархией стране тогда легче будет установить диктатуру и даже возродить монархию¹¹⁷. Эту версию в свое время муссировал Керенский, к ней обращаются и современные авторы. Известно немало случаев, когда консервативно настроенные избиратели голосовали за большевиков.

В политике, как известно, крайности часто сходятся, их сближает неприятие данной реальности. Ненависть к Временному правительству, отвращение к демократии, ностальгия по авторитарной власти и харизматическому вождю — все эти черты политического облика правых намекают на то, чем им мог импонировать большевизм. Вот как рассуждали в конце 1917 г. ультрамонархисты: «Удивительно, что большевики прекрасно поняли дух русского народа и оказались более истинно русскими, чем забывшие долг перед царем, присягой и родной мятежники Рузский, Алексеев, Каледин, Дутов и др. Долго ли продержится власть большевиков, не знаем, но самодержавие налицо»¹¹⁸.

Таковы в самых общих чертах итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Уместно, однако, напомнить суждение Р.Коллингвуда: статистика для истории — хороший слуга, но плохой господин¹¹⁹. Сухие результаты всероссийского голосования способны дать лишь плоское, не объемное отражение. Пора читателю окунуться в непосредственную атмосферу выборов.

3. Иллюзии и реальности всенародного волеизъявления

Для исследователя, пишущего историю Учредительного собрания, самым тонким, самым интимным остается вопрос, было ли оно подлинным народным представительством. Иными словами, были ли выборы свободны настолько, чтобы обеспечить действительное волеизъявление электората, адекватны ли итоги голосования настроениям избирателей? Под свободой выборов следует понимать не только отсутствие внешних помех, но и внутреннюю свободу избирателей, то есть осознанность голосования. Вопрос этот решался бы гораздо проще, если бы выборы происходили не в экстремальной ситуации, а в мирное, спокойное время.

Как писала проэсеровская газета, «при участии образованнейших и честнейших граждан республики правительство дало строгую канву, и по ней свободный народ вышьет величественное здание Учредительного собрания»¹²⁰. Но в жизни все выглядело не так, как на бумаге. Хотя в 1917 г. народная воля провозглашена была как высшая ценность, это понятие приобрело весьма общий смысл. В стране не было единого права, всеми признанного и обладающего самодостаточной силой. Действовали практически разные правовые системы, в том числе ничем не регулируемое революционное право. Неразвитое правосознание общества было к тому же изуродовано войной. Господствовали не общегосударственные, общенациональные, а эгосоциальные, эгоэтнические интересы, раздраившие общество. В такой обстановке диктатура и демократия шли рука об руку и, как полагают некоторые историки, борьба велась не между демократией и авторитаризмом, а между двумя совершенно различными авторитарными системами¹²¹. Не подлежит сомнению, что и Учредительное собрание могло бы чего-то добиться, лишь применяя насилие. Все эти обстоятельства не могли не проявиться уже в ходе голосования.

В декабре 1917 г., когда в основном определился состав депутатов, а вместе с тем и место большевиков на скамьях оппозиции, Ленин писал: «Созыв Учредительного собрания происходит при таких условиях, которые исключают возможность правильного выражения воли народа вообще и трудящихся масс в особенности, выборами в Учредительное собрание»¹²². Это положение было нормативным для советских историков. «Результаты выборов в Учредительное собрание не отражали действительного соотношения классовых сил, искажали подлинную волю народа»¹²³, — написано в одной из недавних работ. Следует оговориться, что такое «искажение» народного волеизъявления объясняют не столько нарушениями избирательной демократии, сколько непониманием «народом вообще и трудящимися массами в особенности» собственных интересов, подлинными выразителями коих якобы были большевики. Однако тем самым невольно признается, что народ избрал именно тех, кто соответствовал его политическому образу мыслей в данный момент.

Оценивая степень адекватности голосования, следует прежде всего установить условия, в которых оно происходило, конкретное воздействие переживаемых страной в ноябре—декабре 1917 г. событий на ход и исход выборов.

Октябрьский переворот не был и не мог быть благом для выборного дела — вооруженный захват власти и демократически избранное законодательное собрание «суть вещи несовмест-

ные». Право избирать отменяет право восставать, утверждал В.Гюго.

Проверка правильности выборов в большинстве стран в то время проводилась парламентами, а в некоторых странах — судами. В России же фактически проверку осуществляли сами окружные комиссии, а Учредительное собрание этот вопрос не рассматривало¹²⁴. Поэтому надо начать с того, что масштабная фальсификация итогов голосования избирательным аппаратом исключалась — гарантиями были гласность заседаний окружных комиссий, участие в их составе представителей всех соперничавших кандидатских списков, отсутствие партийности в низовых комиссиях, обязательная проверка всего выборного делопроизводства в окружных комиссиях. Таким образом, намеки на то, будто итоги голосования были кое-где подтасованы лояльными Временному правительству избирательными комиссиями, безосновательны, по крайней мере на уездном и окружном уровне.

Неопределенность положения на местах, затяжка выборов в ряде округов побудили председателя Всевыборов Н.Н.Авинова сделать 18 ноября срочный запрос всем окружным комиссиям с требованием указать, кто в пределах округа осуществляет власть, остался ли при должности комиссар Временного правительства, каково отношение органов самоуправления к новой власти¹²⁵. Несколько ответных телеграмм были выдержаны в бодром духе. В один и тот же день, 23 ноября, из Астрахани и Самары сообщили, что выборы прошли спокойно, в полном порядке¹²⁶. Из Харбина председатель окружной комиссии извещал, что в зоне КВЖД власть перешла к большевикам 25 ноября, когда все работы по выборам закончились¹²⁷.

Заметим, что наиболее успокоительные вести шли из окраинных округов, где ко времени выборов борьба за власть еще не успела разгореться. «Выборы прошли спокойно. Большевистское движение в округе не замечалось, и влияние его на выборы не отразилось», — телеграфировали из Тобольска; «выборы проходят сравнительно нормально», — из Приамурского округа¹²⁸. Отдельные сообщения, впрочем, отражают полную неопределенность политической обстановки на местах. Из Нижнеудинска телеграфировали: «Мы не знаем, какая у нас власть. У нас в Нижнеудинске кто палку взял, тот и капрал»¹²⁹. Эта ситуация «междоусобия» не помешала обычному течению выборов. При сопоставлении хроники выборов с хроникой «триумфального шествия советской власти» обнаруживается, что в большинстве случаев выборы успели закончиться прежде, чем в окружных центрах произошла смена власти, и это было немаловажным условием успеха всей операции.

Но это лишь одна сторона медали. Обострение политической борьбы после октябрьского переворота во многих округах поставило выборы на грань срыва, а в нескольких округах они вообще не состоялись. Архивы и газеты того времени хранят множество эпизодов разнообразных нарушений избирательной демократии, бесцеремонного вмешательства в ход выборного процесса.

Пример подал Совнарком. Закрытие по декрету от 27 октября ряда оппозиционных газет, обвиненных в контрреволюционности, в корне нарушило свободу агитации. Эта мера была объявлена временной, вынужденной и должна была применяться только по постановлению Совнаркома. За два месяца в одном только Петрограде были закрыты 28 газет и журналов разных направлений. Так закладывалась правовая основа прямого вторжения в ход выборной кампании.

Вооруженные выступления большевиков там, где они происходили, наносили серьезный ущерб выборному делу, дезорганизуя работу почты, телеграфа, типографий, железных дорог. Именно по этим причинам были сдвинуты сроки выборов в Москве, Киеве, Казани. Председатель Енисейской окружной комиссии Троицкий 15 ноября сообщал из Красноярска, что с 27 октября местный Совет взял под контроль телеграф, низложил губернского комиссара, уволив всех служащих губернского управления и телеграфа, «всякое нормальное сообщение с уездами и вообще с губернией прекратилось». Были рассыпаны наборы газет эсеров и меньшевиков, разогнан митинг протеста учащихся. Тем не менее выборы состоялись, «внешний порядок во время выборов не нарушался». По губернии Совет разослал вооруженных солдат-большевиков¹³⁰.

Возможно, подобные действия большевиков и их чрезвычайных органов были вызваны недоверием к избирательному аппарату, стремлением поставить его под свой контроль. Аресты Всевыборов и Ордынской окружной комиссии не были единичными актами. В Ярославле Военно-революционный комитет арестовал трех кандидатов в Учредительное собрание, включая губернского комиссара меньшевика Б.В.Дюшена¹³¹. В Рославле (Смоленская губерния) и Петропавловске (Акмолинская область) были арестованы члены избирательных комиссий¹³². То же случилось и в отдельных селах. Так, в подмосковной Клементьевской волости большевики разогнали комиссию, опечатали помещение и послали в Московский ВРК делегацию с требованием произвести перевыборы¹³³.

Заурядным явлением было ограничение новой властью свободы агитации. Разработанная Мособлбюро РСДРП(б) инструкция по организации власти Советов на местах в комплексе «военно-революционных мер» предусматривала меры против

контрреволюционной печати, а ЦК рекомендовал ее местным организациям как основу для практической работы¹³⁴. Во Все-выборы телеграфировали, что в Ржеве и уезде «большевики насилием и террором совершенно не допускают свободного устного и печатного слова», закрыли газету «Трудовая мысль», уничтожают воззвания и объявления, их распространителей арестовывают¹³⁵. Во Владивостоке Совет запретил типографиям печатать антибольшевистские материалы¹³⁶. В Кунгуре ВРК закрыл кадетскую газету, наложил арест на обращение к избирателям блока энесов, «Единства» и «воленародовцев»¹³⁷.

Резюмируя общую послеоктябрьскую картину, приведем выразительное газетное сообщение из Иркутска: «Выборы в Учредительное собрание протекают при способствовании только органов "свергнутой" большевиками власти. За выборами следят и ими руководят, их охраняют, о них беспокоятся органы земского и городского самоуправления и комиссары Временного правительства, большевиками "выгнанные со службы". А сами "господа положения" являются только избирателями... Но если большевики не способствуют нормальному течению выборов, то большевизм в большей степени мешает выборам»¹³⁸.

Небезгрешны были и противники большевизма. В Курске коалиционный Комитет общественной безопасности временно запретил распространение большевистских газет. В Калуге, где с середины октября, после разгона казаками солдатского Совета, до середины ноября власть фактически была в руках военного начальства, арестовывали не только большевиков, но и левых эсеров. В Донской области выборы проводились в условиях военного положения. Оно, по сообщениям прессы, дало возможность войсковому правительству «устранить из предвыборной кампании своих политических противников. Арестовывались не только большевики, но и всякий честный социалист»¹³⁹. Действия есаула В.М.Чернецова в Макеевском районе Донбасса, запретившего политические партии, митинги и собрания, вызвали протест городской думы Дмитриевска¹⁴⁰. Отметим лишь, что противники большевиков реже чинили насилие над избирательным аппаратом.

Нет нужды морализировать по поводу этих действий, определяя меру вины каждой из сторон. Они действовали согласно своей логике. Революция, как известно, самая авторитарная вещь на свете, раз она сопровождается ломкой старых порядков, и бессмысленно предъявлять претензии ее природе. Но факты эти красноречивы как проявление психологии гражданской войны в стране.

Но и там, где политическая борьба в дни выборов не носила характера схватки за власть, условия для работы окружных

комиссий были весьма сложны, и из этого приходится исходить. Как сообщала Тамбовская окружная комиссия, в Тамбове и всей губернии власть Временного правительства оставалась непоколебленной, но в целом политический переворот чрезвычайно неблагоприятно отразился на выборном процессе: сначала нарушение правильных сношений со Всероссийской избирательной комиссией в самый ответственный момент, а затем и полное прекращение всякой связи с нею¹⁴¹.

Накал политической борьбы в дни выборов был беспрецедентен. Соперники осыпали друг друга обличениями и обвинениями в насилии над волей избирателей, в попытках фальсифицировать выборы в свою пользу. В захолустном Варнавине (Костромская губерния), по словам очевидца, в дни выборов не смолкала агитация: «Где обыкновенные слова действовали слабо, уснащали речь отборной руганью. Большевика сменял приглашенный кадет»¹⁴². Свидетельств такого рода великое множество.

Свою лепту в разжигание выборных страстей и в провоцирование на этой почве различных эксцессов вносила, несомненно, пресса. Закон не запрещал агитации в дни выборов (она не допускалась только в помещениях избирательных участков и у их входа), и волна антибольшевизма в печати достигла в эти дни пика. Так, «Северо-Двинский край» (Великий Устюг) 19 ноября, в первый день выборов в городе, вышел с призывом свергнуть «кучку насильников и политических проходимцев», подчеркивая, что «деятели большевизма — первые и самые опасные враги народа».

Не всегда на высоте был и избирательный аппарат. Некомпетентность, нераспорядительность членов комиссий, неточное толкование некоторых положений закона о выборах часто порождали конфликтные ситуации.

Классифицируя в целом нарушения избирательного закона, можно выделить три основные группы: во-первых, нарушения, связанные со списками избирателей, во-вторых, нарушение тайны выборов, в-третьих, нарушение свободы голосования.

Невнесение граждан в списки голосующих, невыдача им именных удостоверений были самым типичным и самым опасным с точки зрения избирательной демократии нарушением, которое грозило оставить вне выборов сотни тысяч человек. Этот ущерб мог быть сведен к минимуму взаимной ответственностью органов самоуправления, выборного аппарата и самого электората. Протесты избирателей на невнесение в списки, как правило, удовлетворялись, если они подавались в установленные сроки. Однако не всегда ст. 7 Положения о выборах соблюдалась, что вызывало массу осложнений. Вот ряд характерных случаев. В Елисаветполе, сообщал корреспондент, можно

было заранее предсказать, что «треть горожан благодаря той безалаберщине, которая наблюдалась при подготовительной работе к выборам, не могла использовать свои гражданские права»¹⁴³. В Севастополе пятая часть избирателей не попала в списки — «то и дело слышна брань в адрес городской управы»¹⁴⁴. В Барнауле около 6 тысяч граждан не получили именных удостоверений, в списках была пропущена масса жителей городской окраины, железнодорожных служащих. Местный Совет грозил кассацией выборов¹⁴⁵. В Витебске избирательные бюллетени не получили до 10 тыс. граждан¹⁴⁶, в Юзовке — около 15%¹⁴⁷. Самой разительной была картина в Астрахани, где до 20 тыс. жителей не получили дома избирательные удостоверения и записки. При населении города свыше 150 тыс. (данные 1914 г.) официально зарегистрированных избирателей было менее 60 тыс. — явно меньше общероссийской нормы 51,6%.

В деревне, где контроль сверху и снизу за участковыми комиссиями был менее строгим, а учет населения производился нерегулярно, аналогичные случаи также имели место. Из-за отсутствия списков полностью не участвовала в выборах Каракульская волость Уральской области¹⁴⁸. В с.Призначном (Корочанский уезд Курской губернии) комиссия во главе с неграмотным старостой не стала рассылать удостоверения и бюллетени, не вывешивала списки избирателей¹⁴⁹. Всего в губернии за бортом выборов не по своей воле осталось около 10 тыс. человек. Примерно столько же их было в одном только селе Шишлино Челябинского уезда на Южном Урале¹⁵⁰.

Не стоит преувеличивать злонамеренности в действиях избирательного аппарата. Легко понять, что в списки избирателей не попадали прежде всего жители предместий, слобод, более расположенные в пользу большевиков. Напротив, труднее представить, чтобы избирательные документы не были розданы в центральных кварталах городов. Однако установить, где пересекались факторы чисто технические и политические, далеко не всегда возможно. Случалось, как то было в Саратове, что избирательные записки вручались домовладельцам, которые распоряжались ими по своему усмотрению.

Естественно, предвыборные недоработки оборачивались эксцессами в дни самих выборов, когда избиратели настаивали на своем праве голосовать, не будучи внесены в списки. Участковые комиссии далеко не всегда соблюдали при этом букву закона. Как указывала в своем отчете Тамбовская окружная комиссия, исходя из того, что «при теперешней свободе все равны и вольны делать что угодно», к голосованию во многих местах допускались все граждане, независимо от того, были ли они внесены в списки. В большинстве случаев это

считали излишней формальностью, ограничившись отметкой в протоколе¹⁵¹.

Серьезные осложнения такого рода возникли в Вышнем Волочке, где на фабрике бр.Рябушинских две тысячи рабочих не попали в списки. 13 ноября они прекратили работу и явились в городскую управу, требуя допустить их к выборам. В городе возникла паника, спешно закрылись торговые заведения, среди рабочих кем-то раздавались погромные листки. Городские власти вынуждены были обещать рабочим дополнительные выборы 15 ноября¹⁵², что также было незаконно. Были эти действия инспирированы большевиками или спонтанными? Вряд ли возможен однозначный ответ на этот вопрос.

Распространенным видом нарушений избирательного закона было и нежелание считаться с тайной выборов. Отчасти этому способствовал сам избирательный аппарат, не сумевший обеспечить избирателей всеми бюллетенями. В сельской местности видом дискриминации избирателей была невыдача некоторых кандидатских списков, чаще большевистских. Возможно, здесь сказывался подъем антибольшевизма после 25 октября, захвативший часть работников избирательного аппарата. В меру своих возможностей (и в меру правосознания) они, очевидно, хотели повлиять на исход голосования. В Чайковской волости Себежского уезда (Витебская губерния) всех кандидатских списков было достаточно, кроме большевиков, в результате волость отказалась голосовать¹⁵³. В Красногоровской волости на Псковщине до последнего момента не были выданы списки большевиков. Какие-то личности скупали затем у крестьян эти списки и выдавали вместо них кадетские¹⁵⁴. В Дисненском уезде Минской губернии крестьяне получили на руки только списки сионистов и эсеров. Подобные нарушения отмечены в Остерском уезде Черниговской губернии, в Уфимском уезде и т.д.¹⁵⁵.

Наблюдатели отмечали, что и условия выборов, в частности оборудование помещений для голосования, далеко не всегда обеспечивали тайну голосования. Для местных журналистов во всяком случае это не было трудной проблемой. В процессе выборов особенно заметно проявилась и правовая безграмотность населения, прежде всего сельского, незнание правил голосования, что и было источником множества нарушений. На сельских сходах сплошь и рядом предварительно обсуждались кандидатские списки и открытым голосованием принималось решение в пользу одного из них. Во время выборов строго наблюдалось, чтобы все жители села голосовали именно за этот список¹⁵⁶. Часто семьи посылали голосовать, порой в соседнюю деревню, одного из своих членов. Явившись в избирательный участок с 10—15 удостоверениями, тот не мог понять,

почему ему не разрешают голосовать за своих родственников. Впрочем, и участковые комиссии не всегда этому препятствовали.

Наконец, наиболее распространенными, особенно в сельской местности, были случаи нарушения свободы голосования. Они, как говорится, были «на виду», поскольку фиксировались в протоколах избирательных комиссий, в газетных сообщениях, в жалобах избирателей. Чаще всего это был прямой нажим на избирателей в виде указаний, за кого голосовать. Колоритный эпизод такого рода случился 14 ноября в с.Дмитриево (Меленковский уезд Владимирской губернии). В тот день выборы завершались в 14 часов, но два десятка крестьян, отправляясь в лес на заготовки дров, пришли в участковую комиссию с топорами и потребовали не подсчитывать голоса до их возвращения. Вечером они вернулись и, невзирая на протесты членов комиссии, вскрыли урны, заменив эсеровские записки большевистскими¹⁵⁷. В ряде мест Минской, Могилевской, Алтайской губерний граждане, недовольные действиями избирательных комиссий, устраняли их и создавали новые. В поселке Присельском на Смоленщине население, взволнованное отсутствием большевистских списков, арестовало комиссию и создало новую. Из уезда решили изготовить бюллетени на месте. В итоге голосования большевики получили 1783 записки, эсеры — 1069, остальные — ничего¹⁵⁸.

Хотя политическая окраска подобных нарушений избирательной демократии была различной, все же большинство их следует отнести на счет массового, стихийного большевизма. Особенно наглядна в этом отношении роль солдат. Именно они почти всегда были главными возмутителями спокойствия на участках. Искренне считая себя большевиками, они, конечно, не всегда были ими на деле. Иначе, впрочем, быть не могло при заброске комитетами РСДРП(б) массового десанта солдат-агитаторов в деревню. Прибывая туда, солдаты, командированные и «самостийные», приносили с собой не только радикальные настроения, но и специфическую психологию «человека с ружьем», невосприимчивого к праву другого на свободу, готового всякий конфликт разрешать силой. Местные власти часто оказывались беспомощными перед ними.

Жалобами на самоуправство солдат пестрят газеты того времени, архивные фонды избирательных комиссий. О наплыве солдат косвенно можно судить по тому, что только в Петроградском, Московском и Казанском военных округах в октябре 1917 г. в отпусках и командировках значилось 240 тыс. военнослужащих¹⁵⁹. Не все они, конечно, были в агитаторах, но и в европейских, и в азиатских губерниях солдат был самой приметной фигурой на выборах. Вот что писал в красноярской

«Свободной Сибири» 18 ноября инструктор по выборам Г.Машкин: «Проезжая по целому ряду селений юга Ачинского уезда и по почтовому тракту на Минусинск, я был свидетелем большого потока солдат, уволенных в отпуск из гарнизонов местных городов. Безостановочно двигались в первых числах ноября в деревню солдаты, называя себя то отпускными, то "делегатами" Советов, а то и просто большевиками»¹⁶⁰.

Действия солдат-большевиков в деревне долгое время подавались как образцы революционности и подлинного демократизма, торжествующего над формальной законностью. Они и были формой «революционного права», внедренного в систему выборов. Так их воспринимали и сами крестьяне: «Вот придут солдаты, так уж они скажут, как быть и что нужно»¹⁶¹. Попытаемся взглянуть на них с позиций простого обывателя того времени, предоставив слово фактам.

В одном из участков Меленковского уезда Владимирской губернии голосование 12 ноября началось не утром, а только к вечеру, так как солдат М.Фролов явился на участок с большевистской литературой. На требование комиссии удалиться он заявил, что не признает законов Временного правительства, и был поддержан некоторыми крестьянами¹⁶². Из Сергачского уезда Нижегородской губернии сообщали, что выборы проходят под давлением солдат-большевиков. У здания участка каждому избирателю чуть ли не насильно вручали список № 7. «Все, кто с ними не согласен, попадают под кличку "буржуй". При таких условиях выборы нельзя считать законными», — заключил корреспондент¹⁶³. В Макаровской волости Новоржевского уезда на Псковщине солдаты Тимофеев и Никитин во главе толпы заняли участок, отобрали урну и потребовали от всех явившихся, чтобы они голосовали за большевиков¹⁶⁴. В некоторых волостях на Орловщине, писал 14 ноября местный «Голос народа», солдаты, не знающие ни в чем ни удержу, ни запрету, насильно заставляли крестьян голосовать за список № 8. У баб вырывали бюллетени, заменяли их большевистскими листками, сами вкладывали в конверты, запечатывали и отдавали для голосования. Волостные комиссии бездействовали.

В Тамбовском госархиве хранится жалоба студента Петровской академии Шанина, наблюдавшего выборы в Ольговском участке Усманского уезда. Он описывал их так. Около урны в земской школе стоит солдат-большевик. Приходит мужик или баба: где тут у вас голосуют? А вот иди клади, — говорит солдат, подавая список № 7. Когда запас списков с этим номером иссяк, находчивый солдат стал выдавать самодельные списки. К письму приложены образцы: на списках зачеркнуты номера и на тыльной стороне приписано от руки: «за список № 7»¹⁶⁵.

Среди других нарушителей избирательного закона часто фигурируют местные священники. Презрев статью 102 и запрет Синода, они кое-где превратили церковный амвон в трибуну, нравственные проповеди — в политическую агитацию, в основном в кадетском духе. В слободе Карповке (Саратовская губерния) священник в церкви звал паству голосовать за «хороших людей» во главе с кадетом Аджемовым и миллионером Парамоновым¹⁶⁶. В Тюкалинском уезде священник Сороколетов подсовывал крестьянам вместо списка эсеров кадетский. Разоблаченный, он вынужден был убежать от самосуда, забыв достоинство сана¹⁶⁷. Случалось, святых отцов уличали в таких непотребных деяниях, как уничтожение агитационных воззваний и плакатов.

Курьез произошел в Щегловской волости Шлиссельбургского уезда, где местный священник после богослужения устроил в церкви митинг молящихся крестьян, призывая их голосовать за кадетов. На митинг пришел и стал возражать ему большевик. После митинга священник заявил, что церковь надо вновь освятить, так как антихристы осквернили Храм божий¹⁶⁸. Как уникальный факт отметим большевистскую агитацию священника в избирательном участке Юнаковской волости (Харьковская губерния), о чем был составлен протокол¹⁶⁹.

Встречались случаи подкупа избирателей. В Уральске накануне выборов некие личности скупали именные удостоверения и кандидатские списки. В Торопецком уезде на Псковщине помещик Марков пытался сорвать выборы и для того скупал бюллетени по 2—3 копейки за штуку. В Остерском уезде Черниговской губернии помещики избрали иной путь помешать голосованию, устроив распродажу по дешевым ценам мануфактуры, — «население занялось покупкой платков и материи и забыло о выборах»¹⁷⁰. Но подкуп избирателей нехарактерен для выборов в Учредительное собрание, возможно, из-за своей низкой «рентабельности» — насилие было дешевле и доступней!

Было бы интересно выявить «географию» избирательных нарушений, но не все они сохранились в источниках. Тем не менее обращает на себя внимание обилие жалоб на действия большевиков в Московской губернии¹⁷¹, где это звучало отголоском кровавых московских боев. Напротив, почти не было эксцессов во фронтовых округах и в гарнизонных участках, где их «себестоимость» была особенно велика. Но, пожалуй, вне конкуренции были многие казачьи территории, где сословные консерватизм и замкнутость населения облегчали злоупотребления. Избирательные комиссии в казачьих станицах практически контролировались атаманами.

Вот лишь одно, но весьма яркое свидетельство избирательного произвола в казачьих регионах. 10 декабря «Забайкальская рабочая газета» опубликовала предписание главы Больше-Зерентуйского Комитета общественной безопасности Мурзина аналогичным комитетам восьми поселков: «Препровождаю Вам один тючок с протоколами 2-го казачьего съезда, наказ, именные удостоверения и 9 штук избирательных записок на каждого избирателя и предписываю провести голосование в Учредительное собрание по примеру голосования в земство... Избиратель должен из 9 записок взять одну № 5 ("забайкальские казаки". — *Л.П.*), вложить в конверт и опустить в урну, а остальные 8 оставить без внимания, т.е. сдать избирательной комиссии». Комментарии, как говорится, излишни.

О количестве и структуре правонарушений отчасти можно судить по обилию испорченных бюллетеней, признанных избирательными комиссиями недействительными. Этот важный показатель никем прежде не рассматривался, между тем он заслуживает пристального внимания, конкретизируя общую картину выборов.

По нашим суммарным подсчетам, основанным главным образом на архивной, а также на газетной информации, на 17956 тыс. действительных голосов в тех же округах приходилось 284 тыс. недействительных, по тем или иным причинам забракованных избирательными комиссиями. Это составляло 1,58% голосовавших. Процедура аннулирования бюллетеней была страховочной, двойной: сначала это делали участковые комиссии и актировали испорченные бюллетени, а затем всю документацию проверяли окружные комиссии. В ряде местных архивов в фондах окружных комиссий по выборам в Учредительное собрание (Тамбов, Тверь, Чернигов) сохранились тысячи испорченных записок.

Если принять 1,58% за общероссийский коэффициент, то окажется, что при 50 миллионах голосовавших число признанных недействительными голосов составило около 800 тысяч. Сами по себе 1,58% не кажутся чем-то необычным (современные выборы дают не меньшую цифру), но за ними скрываются значительные, порой разительные порайонные различия. В Архангельской губернии были признаны недействительными 3,0% всех поданных голосов, в Астраханской — 3,5, Казанской — 4,3, на Кавказском фронте — 2,4%. В отдельных уездах этот процент поднимался настолько, что, как температура больного, говорил об аномалиях в ходе голосования: Орский уезд — 4,1, Данковский — 4,4, Тираспольский — 4,5, Ставропольский (Саратовская губерния) — 5,3, Переславль-Залесский — 6,0, Меленковский — 6,3, Карачевский — 6,4, Олонецкий — 7,5, Верх-

неуральский — 7,6, Островский — 9,7, Верейский — 13,0, Двинский — 13,9, Лодейнопольский — 16,1, Ялutorовский — 22,4.

Каковы были мотивы признания голосов недействительными? Их было немало, и все они были связаны с формальным нарушением закона. Часто в этом были повинны сами избиратели, точнее, их правовая неграмотность. Таковы случаи, когда они оставляли в конверте все бюллетени, когда вычеркивали отдельные фамилии из всего кандидатского списка (эта участь постигала в основном еврейские фамилии), когда делали всевозможные пометки на бюллетенях. В пролетарской Шуе много записок было забраковано потому, что на них были подписи типа «голосую за товарища Фрунзе»¹⁷². Наивные избиратели, желая усилить свой избирательный голос, теряли его. Вот, например, как выглядела структура недействительных голосов в Ялutorовском уезде, где их процент был рекордным. Из 13611 таких записок 164 не были заполнены, 70 — подписаны, 30 содержали помарки, 26 — в конверт вложено более одной записки, 13321 — прочих¹⁷³.

Огромное число недействительных голосов в разряде «прочих» в этом и других случаях приходится, по-видимому, на те статьи Положения о выборах, которые по формальным признакам объявляли недействительными итоги голосования в целых участках. Так, Пасская уездная комиссия (Казанская губерния) аннулировала выборы в Алькеевской волости, поскольку протокол участковой комиссии был составлен неверно. Подсчет голосов на месте не производился, запечатанные конверты с избирательными записками были препровождены прямо в уездную комиссию¹⁷⁴. Оренбургская окружная комиссия не утвердила итоги выборов по Никольскому участку, где были допущены к голосованию лица, не внесенные в избирательные списки, и в нескольких фронтовых казачьих частях, где выборы проведены были не в срок и частью за фронтовые кандидатские списки, частью за оренбургские (казачьи части фронта голосовали по спискам своего войска)¹⁷⁵. Столь же строго действовала Калязинская уездная комиссия (Тверская губерния), аннулируя все записки по 8 участкам в связи с формальным нарушением закона о выборах¹⁷⁶.

Таким образом, в тех случаях, когда избирательные нарушения были явными (переголосование, вскрытие урн, насилия над членами комиссий), окружные комиссии обычно аннулировали все поданные в этих участках голоса. Это был наиболее логичный выход из положения, основанный на букве закона. Хотя при этом пропадала и часть осознанно и без принуждения поданных голосов, в целом такая процедура очищала картину голосования от искажений и фальсификаций.

Могла ли эта законная и необходимая операция быть использована членами комиссий в неблаговидных целях? Такая возможность не исключалась, но нашими наблюдениями она не подтверждается. Подведение и утверждение итогов проходило публично, тщательно документировалось. Иное дело, что последствия таких изъятий недействительных голосов могли быть неодинаковыми для партий. Априори, более всего могли пострадать от этого те из них, кто ориентировались на социальные низы, менее развитые в культурно-правовом отношении.

Обратимся к конкретному факту. Тамбовская окружная комиссия 1 декабря подвела предварительные итоги в здании городского театра в присутствии представителей всех государственных и общественных учреждений. Было сообщено, что нарушения происходили в шести участках, «где имела место воспрещенная законом агитация в избирательных помещениях с применением угроз и насилия». Остальные нарушения были исправлены уездными комиссиями признанием недействительными поданных записок. В итоге были признаны недействительными целиком все записки по 15 участкам Моршанского уезда, 12 — Липецкого, 3 — Усманского, 2 — Шацкого. Были аннулированы 35002 записок, из них свыше 7 тыс. поданных за большевиков, свыше 20 тыс. — за эсеров. Любопытно, что в воинских участках недействительные голоса составили 0,6%, в городских — 1,2%, тогда как в сельских участках — целых 3%¹⁷⁷.

Иначе выглядела картина в Переславль-Залесском уезде Владимирской губернии, где все 528 недействительных бюллетней были поданы за большевиков¹⁷⁸.

Перечень всевозможных нарушений избирательной демократии можно продолжать, вороша архивные залежи и газетные подшивки, но это занятие таит в себе опасность преувеличения, гиперболизации и в результате искажения общей картины голосования. Следует иметь в виду, что при грандиозных масштабах выборов в России многочисленны были и нарушения. Но многочисленность не равнозначна множественности, частотности. Сравнительно с размахом голосования эксцессов было не так уж много. Чтобы поставить под сомнение общий исход выборов в стране, нужно доказать их фальсификацию хотя бы в одном округе, чего не было. Возможно, окружные комиссии перестраховывались, аннулируя выборы по формальным основаниям, и не всегда эти основания удается выяснить. В Черниговской губернии были отменены выборы в Сновске и Митьковке (в ней большевики получили 57% голосов), а в Херсонской губернии аннулировали выборы в Григориополе, где эсеры собрали 83%¹⁷⁹. Отметим, что никаких протестов на эти действия комиссий не поступало.

Особый случай представляют голоса, аннулированные по статье 88 Положения: они не попали в общий итог лишь потому, что запоздали к подсчету. Так, в Енисейском округе не подсчитывались около 15 тыс. голосов, в Курском — 9530, в Минском — около 17 тыс. голосов из трех волостей. Возможно, в общероссийском измерении эти голоса также составят не одну сотню тысяч, но это были естественные издержки обстановки.

Обзор типичных правонарушений в ходе выборов убеждает: в них не следует винить только одну сторону, в них повинны, хотя и в разной степени, все соперники. Правда, необузданные действия солдат как будто перевешивают чашу незримых весов в сторону большевиков, но нельзя не признать, что и это их поведение было социально обусловлено. В глазах широких общественных низов, не владевших азами политической культуры, запрет агитации в избирательном участке просто не вязался со свободой.

При общей оценке адекватности итогов голосования в Учредительное собрание нельзя обойти вопрос о состоянии и деятельности низового избирательного аппарата, который непосредственно обеспечивал проведение выборов и вместе с тем в наибольшей степени подвергался давлению снизу. Как позволяют судить документальные данные, состав сельских и волостных избирательных комиссий был политизирован гораздо слабее, чем в городах. В анкетах, присланных ими в статистический отдел Всевыборов, имелась особая графа «От какой партии или учреждения входит в комиссию». В поле нашего наблюдения попали свыше 12 тысяч членов местных комиссий из разных губерний, но лишь примерно десятая их часть определила свою партийную принадлежность или сочувствие конкретной партии. Остальные указали на свое избрание от земских органов, собраний граждан и т.д. Конечно, это не всегда говорило о нейтральности, но и в тех случаях, когда прямо заявлялась партийность, она часто вызывает скепсис. Многие в этой графе писали «революционер», иногда все члены комиссий дружно называют себя эсерами, реже большевиками. Всего же на 1165 эсеров, по выявленному данным, приходилось 153 большевика, 84 кадета, 32 меньшевика и пр. Учитывая фактор случайности, неизбежный при выборочном обследовании, отметим более высокий уровень политизации комиссий в Пензенской, Нижегородской, Тульской и особенно Симбирской и Самарской губерниях.

Насколько нейтральность состава низовых комиссий гарантировала от подделки выборов, утверждать трудно. Факты такого рода отмечены. В селе Селищи Костромского уезда, например, за список духовенства и мирян было подано около 200

записок, но в официальном итоге не значилось ни одного голоса¹⁸⁰. Несомненно, в деревне организаторы выборов менее стеснялись избирательного закона, но случаи откровенной фальсификации были исключительными и уже поэтому попадали в поле зрения прессы.

К тому же в накаленной атмосфере выборов это была довольно опасная игра. Достаточно было простого подозрения в нечестности членов комиссии, чтобы искра социального раздражения, направленного прежде всего против «буржуев», вызвала взрыв. Горючим материалом обычно были оказавшиеся при этом солдаты. Самый драматический эпизод разыгрался в Болховском уезде на Орловщине. Председатель Красного-Ровской участковой комиссии Булгаков, землевладелец, умеренно агитировал за список земельных собственников. Возникла ссора с возмущенными крестьянами. Булгаков пытался спастись бегством, но подстрекаемая солдатами толпа настигла и растерзала его¹⁸¹. Судя по газетному сообщению, в Озерецкой волости (Псковская губерния), «солдаты-большевики» убили священника — председателя избирательной комиссии¹⁸². Других столь же трагических случаев не выявлено, но фактов насилия над членами избирательных комиссий предостаточно.

И все же нет веских причин оспаривать правильность общего итога голосования в стране. Возражая большевикам, муссировавшим этот тезис, «новожизненец» В.Базаров резонно писал: «Если в технике выборов и были неправильности, то не большевикам жаловаться. Ведь не кадеты и правые эсеры запрещали враждебные им газеты. О фальсификации выборов большевикам следовало бы помалкивать... Если выборы и были фальсифицированы, то несомненно в пользу крайних левых партий, а не во вред им»¹⁸³. Отвечая на свой же вопрос, насколько свободны были выборы в Учредительное собрание, О.Рэдки писал: «Громадное большинство электората свободно изъявило свою волю и верило, что их голоса подсчитают, как следует. Они далеки от образцовых, но они, без сомнения, не были фарсом»¹⁸⁴.

Этот справедливый вывод нуждается лишь в некоторых дополнениях. Россия в 1917 году стала свободной страной, свободной, но не демократичной. Масштаб свобод был таков, что включал в себя и ослабление власти, правопорядка. Создалась ситуация, когда ничем не сдерживаемая свобода одних ущемляла свободу других граждан, оборачиваясь своей неприглядной стороной. Еще в прошлом веке А.И.Герцен предостерегал радикалов, что нельзя людей в наружной жизни освобождать больше, чем они освобождаются внутри¹⁸⁵. Реальный уровень политической свободы определяется не только правовыми нор-

мами, но и уровнем правосознания членов общества. В этом смысле отступления от избирательной демократии в России не столько противоречили свободе выборов, сколько вписывались в нее, своеобразно ее дополняя.

Всеобщие, равные и прямые выборы в России дали возможность избирателям выразить свою волю. Этим правом воспользовались около 50 миллионов граждан. Ничего подобного прежде страна не знала. Выборы сами по себе стали уроком демократии. «В выборах все-таки активно участвовали десятки миллионов людей, — писала 30 декабря либеральная газета «Наш век». — Пусть не вполне сознательно и не всегда свободно, они совершили, однако, акт своей воли и облачили своих избранников и своим доверием и своими поручениями».

Итак, голосование в Учредительное собрание прошло «не вполне сознательно». Эту кадетскую точку зрения разделяли и большевики, вкладывая в нее, разумеется, противоположный политический смысл. За этими полярными оценками кроется трудный и неизбежный вопрос: насколько сами избиратели осознавали свой выбор? Ответ на него может быть дан только путем конкретного изучения мотивов голосования различных общественных слоев.

4. Почему они не голосовали?

По словам М.Вишняка, «день выборов в деревнях и провинциальных городах был днем праздника и гражданского торжества. Далеко разносился церковный благовест, и, опуская свою избирательную записку в ящик, крестьяне часто осеняли себя крестным знамением»¹⁸⁶. Возможно, экс-секретарь Учредительного собрания был слишком патетичен, но для большинства граждан выборы были не просто дежурной процедурой подачи голосов, а долгожданным событием, на время заставившим забыть другие события.

В поисках более выразительных средств обратимся к рассказам очевидцев. Вот как протекал первый день выборов в Тифлисе, своего рода столице Закавказья, в описании газеты «Кавказское слово» за 14 ноября.

«7 часов утра. Синеют горы. Легкая дымка тумана сползает с вершин, расплзается, тает. На деревьях и иссохшей траве легкий иней. Ясное, ясное небо. Слышится характерное гудение мотора: летит аэроплан. Спускается ниже, и словно стая белых серебристых голубей окружает гондолу аэроплана. Летчик сбрасывает прокламации. Летучки большевистские с № 5. Голосующим за № 5 обещают мир, хлеб, землю и еще много

чего. Аэроплан делает круги, листки летят, летят. Накануне тоже летал аэроплан, бросал № 2 (кадетский. — Л.П.). Но все же веселье внизу, на земле. Чувствуется праздник. Великий праздник. Лица как-то просветлели. И невольно злобствуешь, слыша брюзжанье старика-чиновника: одной очередью больше — избирательной.

А очередь, действительно, не маленькая, особенно на окраинах. На Вере, Сабуртало, Чугуретах и других окраинах народ с утра валом валит... Бюллетеней почти не спрашивают, хотя у входа в каждый избирательный участок дежурит стая агитаторов, предлагающих "свой" товар. — Возьмите № 3, — предлагает один юный гимназистик и поясняет: "Землю и волю".

Весь тротуар и улица вблизи избирательного участка усеяны лоскутками бумаги. Издали впечатление — словно снег выпал. То рьяные агитаторы уничтожают друг у друга литературу. Старуха, которая растерялась под напором агитаторов: "Пойду лучше домой, греха на душу не возьму".

Свидетельства современников дают мозаичную картину выборов. Многие из них перекликаются с тифлисскими впечатлениями. В Баку, в районе Сабунчи, настроение в день выборов было приподнятое. Рабочие шли к участкам с песнями, целыми вереницами, по дороге останавливались послушать агитаторов¹⁸⁷. В ряде городов и поселков рабочие шли к участкам с оркестром. В Шуе, как писала местная газета, предвыборной агитации не было совершенно, «и тем не менее население идет с охотой, с серьезной сознательностью. Как идет рабочий, солдат, обыватель к урне!»¹⁸⁸

Однако уже первый день разочаровал многих. По мрачной газетной информации можно изучать географию страны. С монотонностью повторялось, что выборы идут вяло. «Выборы в Хабаровске среди гражданского населения прошли вяло. По всей вероятности, виной этому события в Петрограде». Из Красноярска: «Выборная кампания в городе проходит до поразительности вяло. В первый день участвовало не более 20% избирателей... Город же производит впечатление пораженного моровой язвой». Из Воронежа: «Выборы прошли спокойно при самой будничной обстановке. Агитации на улицах не было». Из Карачева (Орловская губерния): «Ожидалось, что это будет молебен, светлый праздник. Не торжество, а грусть». «Крайне вяло» шли выборы в казачьем Новочеркасске и рабочей Туле, в Одессе. В Киеве «особенного оживления не наблюдалось»¹⁸⁹. В Актюбинске выборы шли «чрезвычайно вяло при преступном равнодушии граждан»: из 10 тыс. избирателей явилось всего 1300¹⁹⁰.

Подытожим эту подборку выдержкой из «Свободной Бессарабии» за 2 декабря: «Рядом донесений избирательных комис-

сий констатируется весьма печальный факт упадка интереса к огромной важности государственному делу... Ни в избирательных помещениях, ни на улицах не было никакого оживления. Массы не понимают трагичности переживаемого момента, когда необходимы героические усилия для скорейшего созыва авторитетного и властного органа. Все это является результатом утомления, разочарования и подавленности, вызванной ходом нашей революции, начинающей вырождаться в погромы и анархию, в братоубийственную бойню и в жалкое военное бессилие перед внешним врагом».

Впечатления современников об атмосфере выборов так противоречивы и порой контрастны, что кажется, будто речь идет о разных выборах. Это особенно удивляет, когда описывается голосование в одной и той же местности. Харьковская «Жизнь» 26 ноября сообщала, что выборы в Изюмском уезде не имели никакой организованности: «Поразительный абсентеизм. Людей тащили чуть ли не силком». В иных красках рисовал эту картину 6 декабря «Южный край»: «Первое, что поражает — огромный процент голосовавших», голосовало по губернии 66%, а в Изюмском уезде — 76% избирателей.

Конечно, рассказы очевидцев нуждаются в строгой критической проверке, тем более газетные сообщения. В них проявлялись первые и непосредственные ощущения наблюдателей исторического события, их политические симпатии и антипатии, сбывшиеся и несбывшиеся ожидания. Вообще, эпитеты «вялый», «безразличный» применительно к голосованию в Учредительное собрание так же мало передают его реальный смысл, как и эпитеты противоположного смысла. Безусловно, не мог не сказаться контраст между возвышенно-романтическим образом «Хозяина Земли Русской» и той прозаической формой, в которой это событие происходило.

Учредительное собрание ожидали так долго, что простое соприкосновение этой идеи с прозой жизни у многих вызвало разочарование. Разочарованы были прежде всего те, кто ожидал всенародного единения и братания на выборах, — им пришлось столкнуться скорее с нетерпимостью и непримиримостью. Интеллигентская публика была глубоко шокирована разнужданностью солдат на участках, широким уклонением от голосования горожан, политической дремучестью основной крестьянской массы. Опять же контраст: подобных ламентаций мы не найдем вовсе в большевистских источниках. Они бодры, жизнерадостны, полны оптимизма.

Конечно, ход всероссийских выборов в различных местах протекал со значительными вариациями. На него часто влияли факторы, не поддающиеся строгому учету, например, ненастная погода. На большей части территории России природа в

дни выборов не способствовала праздничному настроению — дожди, снег, слякоть...

За всем этим стоит реальная проблема избирательной активности населения страны, явки граждан на выборы, иными словами, абсентеизма (*absentia* — отсутствие). Эта проблема почти не изучена, поскольку в фокусе внимания всегда находится голосующая часть электората, остальная — в тени, а то и вне поля зрения историков. Между тем, если по своей политической определенности эта часть избирателей уступала первой, то по сложности мотивации поведения превосходила ее.

Вопрос о том, какова будет явка на голосование, волновал общественность задолго до выборов. Социалисты считали абсентеизм масс важнейшим врагом революции, проявлением безразличия народа к политике. Если для большевиков борьба за избирателя сводилась прежде всего к желанию завоевать больше мест в будущем законодательном органе, то для эсеров, энесов, меньшевиков это был, главным образом, вопрос судьбы самого Учредительного собрания. Они не уставали повторять, что в случае высокого абсентеизма Корнилов справа и Ленин слева будут оспаривать правомочность Учредительного собрания решать коренные вопросы русской жизни.

Симптомы высокого абсентеизма на будущих выборах были налицо. Выборы волостных земств прошли при полном равнодушии крестьян. Абсентеизм угадывался и по муниципальным выборам в городах. Он ожидался, наконец, и по тому, как неохотно люди шли сверять избирательные списки.

Всероссийская комиссия по выборам также ожидала пассивности при голосовании. На одном из ее заседаний Л.М.Брамсон поделился тягостными впечатлениями о поездке в Подолию: «Интерес к выборам не проник в народную толщу, а ограничивается верхами»¹⁹¹. Столь же тревожная информация шла во Всевыборы с мест.

Каких-либо официальных сведений о размерах абсентеизма на выборах в Учредительное собрание нет. В исторической литературе есть две версии. По одной, голосовало менее половины всех избирателей¹⁹², по другой — немногим более 50%¹⁹³. Различные, на первый взгляд, несущественные, но оно таит массу смысловых оттенков, вставившихся в дилемму «больше или меньше» половины электората.

Наши наблюдения за целым рядом избирательных округов опровергают обе версии, и минимальную, и максимальную. Воспользовавшись имеющимися данными о списочном контингенте избирателей по ряду округов и явившихся на голосование, вычислим уровень явки граждан на выборы. От 55 до 60% избирателей голосовали в Киевской, Оренбургской,

Псковской, Самарской, Харьковской губерниях, от 61 до 70% — в Москве и Петрограде, в Архангельской, Витебской, Воронежской, Казанской, Курской, Московской, Пензенской, Петроградской, Тверской губерниях, в округах Приамурском, КВЖД и Закавказском, от 71 до 80% — в Алтайской, Уфимской, Тамбовской, Полтавской, Томской, Черниговской губерниях. На Северном фронте к урнам пришли 72% избирателей, на Румынском — 79%.

В этом перечне представлены самые густонаселенные территории страны, европейские и азиатские, где проживало свыше половины всего электората.

В отдельных местах, правда, абсентеизм заметно возрастал. В горном Закатальском округе на Кавказе, как и в Джизакском уезде, где Голодная степь переходила в пески Кызыл-Кума, явка составила лишь 30%. Сравнительно невысока — на уровне 50% — была она в Минской, Подольской, Волынской губерниях.

В целом же, по нашим подсчетам, в 35 из 75 избирательных округов, с общей численностью в 41 млн избирателей, явка на выборы с учетом голосов, признанных недействительными, достигала 67%. Новые цифры требуют иной их интерпретации. Уместно заметить, что даже самые демократические страны не в состоянии обеспечить голосование хотя бы большинства граждан.

Где выше была активность избирателей — в городе или селе? Казалось очевидным, что жители городов, где пульс политической жизни бился интенсивнее, должны стать примером исполнения гражданами долга. Действительность оказалась иной. Как писали «Русские ведомости», «городское население проявило гораздо больший абсентеизм на выборах, чем сельское. В то время, как в городах процент явившихся на выборы избирателей лишь в редких случаях поднимался до 70, обыкновенно же не превышал 50, а иногда опускался и до 30, в деревнях обыкновенно голосовало 60—80% общего числа избирателей, а иногда процент голосующих поднимался и до 90»¹⁹⁴.

Высокая явка на избирательные участки сельских жителей определила и общероссийский ее показатель, поскольку сельское население, по расчетам Всевыборов, составляло 82,8% населения страны¹⁹⁵. Эта тенденция была к тому же почти повсеместной, судя по сопоставимым данным. Например, в Тамбовской губернии в городах голосовали 50,2% избирателей, тогда как в сельской местности — 74,5.

Вот как выглядит в сопоставлении явка избирателей по городам ряда округов и по округам в целом (в процентах)¹⁹⁶:

	<i>Города</i>	<i>Округ</i>
Алтайский	40,8	81,2
Воронежский	63,6	62,7
Екатеринославский (5 городов)	57,8	67,0
Казанский	49,2	63,5
Курский	58,4	62,0
Московский	49,9	66,9
Рязанский	51,7	63,4
Самарский (5 городов)	38,1	54,9
Тверской	55,7	67,9
Томский	37,4	74,6
Харьковский	52,6	55,1
Черниговский	50,6	75,4
Эстляндский	49,6	56,6

Диапазон, в котором колебалась явка горожан на выборы, поражает своей величиной: от 13% в Актобинске и 21% в Бугульме и Верном до 98% в Лудском посаде и 85% в Серпейске. В сельской местности эти различия выглядели более сглаженными.

По нашим данным, в 336 городах России с общей численностью избирателей в 8,7 млн в голосовании участвовали 4,9 млн человек, или 56,6%. Но если из этого уравнения исключить Петроград и Москву с их огромной величиной и повышенной активностью электората, то процент голосовавших в провинциальных городах снизится до 52. Это и есть близкий к действительности показатель.

Но не означает ли это, что сельское население отличалось более развитым правосознанием или большей политизированностью, чем горожане? Нет и нет. Данный избирательный парадокс побуждает искать объяснение в других мотивах поведения. Прежде всего это глубокая заинтересованность крестьян в решении Учредительным собранием земельного вопроса. В немалой степени сказывались и факторы, прямо с политикой не связанные: традиции общинной психологии (голосовать всем «миром»), привычное послушание государственным и начальственным предписаниям. Сказывался и семейный патернализм, власть главы патриархальной крестьянской семьи. В одном из сел Челябинского уезда произошел прямо-таки курьезный случай. На выборы пришли все избиратели, кроме одного, о котором был составлен особый протокол с объявленным «нетчи-

ку» выговором¹⁹⁷. Бывало, что сельские сходы принимали решение об обязательном голосовании.

Среди историков нет единого мнения о том, какие слои населения и почему уклонялись от голосования. С точки зрения одних, активность избирателей являлась показателем их революционной организованности и сознательности, другие объясняют абсентеизм масс охлаждением к Учредительному собранию, поскольку основные вопросы революции разрешались советской властью.

Попытки выявить некий единый и всеохватный критерий голосования заведомо бесперспективны. Слишком много разных факторов, объективных и субъективных, явных и скрытых, порой случайных и неуволвимых, пересекалось при этом. Можно считать правилом, что наиболее активно среди горожан голосовали рабочие и солдаты, наиболее пассивны были средние слои города. Но самый низкий абсентеизм наблюдался в непромышленных городках, подобно Верхнеуральску, Перекопу, Орехову, Луху, Якутску, Яренску, Чухломе. Здесь, в захолустье, политическая жизнь вовсе не была ключом, не успела, возможно, породить усталости и апатии населения, а вера в Учредительное собрание была почти мистической. Как сообщали из Дубоссар (Бессарабия), «смутно знают здесь об Учредительном собрании, но все ждут его с нетерпением»¹⁹⁸. В небогатой событиями провинциальной повседневности выборы интриговали городского обывателя. Особенно, если здесь не было крупных воинских гарнизонов, чья политическая агрессивность пугала, побуждая отсидеться дома.

Небольшевистская пресса возмущалась и негодовала по поводу широкого уклонения интеллигенции, мещан, служащих и других категорий городского среднего класса, столь не соответствовавшего значимости момента. Газеты были полны сентенциями о «возмутительном абсентеизме», «премудром пескаре», глубоко зарывшемся в ил. «Партийная борьба не давала мещанину спать спокойно, и он предпочел отойти от политики», — писала одна из газет¹⁹⁹. Однако раздражение по поводу потерянных голосов мешало увидеть более глубокие мотивы, чем просто обывательский страх перед неизвестностью, — разочарование в политике и партиях вообще, в их способности выполнить свои обещания. «К черту! Все равно ни хлеба, ни обуви эти выборы не дадут», — так образно выразила настроения горожан газета «Приазовский край»²⁰⁰. За образностью скрывались вполне реальные житейские ситуации: в Житомире, например, в дни выборов было куда оживленнее возле хлебных и керосинных лавок, чем на избирательных участках, где голосовало лишь 40% горожан²⁰¹.

Политическое разочарование (именно оно, а не традиционный аполитизм) было особенно сильно в интеллигентской среде. Средний городской интеллигент, разуверившийся в многословии и необязательности правосоциалистических лидеров, был вместе с тем глубоко оскорблен насилием большевиков над «волей народа». Но он не мог в силу убеждений голосовать и за правые партии, безнадежно скомпрометированные с царских времен. В таких условиях отказ от голосования был его индивидуальной формой политического протеста. Его разочарование в революции переносилось и на ее учреждения, Учредительное собрание в их числе.

Весьма распространенной причиной абсентеизма горожан была боязнь эксцессов на улицах и в избирательных участках. Основанием для этого были всевозможные слухи и общая тревожная атмосфера. В Кашине (Тверская губерния) холодное отношение жителей к выборам связывали с длившимся несколько дней погромом винного склада солдатами: «многие боялись даже выйти из дома, прислушиваясь к ружейной и пулеметной стрельбе со стороны склада»²⁰². В Ирбите невыясненные темные личности сеяли слухи о предстоящих погромах, возможно, с целью сорвать выборы²⁰³. То же было в Карачеве и Бендерах. В Елисаветграде черносотенцы, прикрываясь слухами о большевистском выступлении, в дни выборов пытались устроить еврейский погром, но были разогнаны милицией²⁰⁴. Этот факт довольно типичен. Во многих случаях под именем большевиков орудовали обычные уголовники.

Как источник повышенной опасности горожане воспринимали агрессивное поведение солдат местных гарнизонов, чей левый радикализм легко переходил в экстремизм. Оно многих удержало от участия в голосовании. Так, в Бахмуте в первый день выборов, 12 ноября, на улице двумя солдатами был убит городской голова Флейшер. Это бессмысленное убийство повергло горожан в шоковое состояние, «многие верные голоса не были поданы»²⁰⁵.

В тревожной обстановке проходили выборы в Нижнем Новгороде. Здесь была свежа память о солдатском бунте в начале июля, когда город на несколько дней оказался во власти солдат. В конце октября большевики с помощью солдат совершили в городе переворот. Были разоружены юнкера, арестованы местные власти. Перед выборами в городской думе звучали голоса, что нижегородский обыватель запуган и к урнам едва ли пойдет. Прогноз во многом подтвердился: свыше половины жителей не приняли участия в выборах²⁰⁶.

Не лишен интереса вопрос о том, как сказались на явке избирателей обстоятельства, связанные со сменой власти на местах. Наши наблюдения не позволяют говорить о решающем

влиянии этого фактора. В большинстве мест выборы проходили под эгидой органов Временного правительства. В тех городах, где смена власти произошла, явка была чаще высокой, чем низкой. По-видимому, более весомым было влияние общеполитической ситуации в стране.

Электоральная активность колебалась в зависимости от возраста избирателей. На это указывают сводные данные по городам Московской губернии. Вот как выглядела эта картина, по сведениям окружной комиссии²⁰⁷:

<i>Возраст</i>	<i>всего избирателей</i>	<i>голосовало</i>	<i>в %</i>
20—24 года	23604	10916	46,2
25—29 лет	21026	11177	53,2
30—39 лет	37259	20767	55,8
40—49 лет	32075	19000	59,2
св. 50 лет	34845	18590	54,8
неизв. возраст	4713	2178	46,2
В с е г о	153522	82628	53,8

Самый низкий показатель явки оказался у молодежи (у 20-летних он составлял 45,5%), и это ставит знак вопроса над расчетами левых партий, прежде всего большевиков, на свойственный молодости максимализм. С другой стороны, диапазон возрастных колебаний явки неширок, по крайней мере в данной группе городов.

Участие женщин составляло колоритную и доселе неизвестную сторону выборов в Учредительное собрание. Еще на стадии разработки избирательного закона было сломано много копий по вопросу о том, допускать ли их к голосованию. Возможно, более всего русский революционный мессианизм проявился именно в избирательном праве для женщин, которого тогда не было ни в одной стране классической европейской демократии. Это была своего рода революция в революции, где ниспровергать приходилось не отжившие структуры, а глубоко укоренившиеся вековые традиции и предрассудки.

Выборы местного самоуправления летом—осенью 1917 г. показали, что женщинам предстоит преодолевать домостроевские привычки, в том числе и в себе. Их участие было весьма пассивным, а в ряде мест их просто не допускали к избирательным урнам. Того же следовало ожидать и на всероссийских выборах. Так, сход с Тихвинское (Тобольская губерния) заявил: «Нам это равноправие женщин кажется чем-то странным, и мы

ни в каком виде не допускаем женщин к выборам. Просим Временное правительство нам в вину этого не ставить, что мы женскому полу равноправия не даем, в чем и подписуемся»²⁰⁸. Не были допущены к выборам женщины Исакогорской волости под Архангельском²⁰⁹, в других местах.

Тем не менее в целом их участие в общенациональных выборах превзошло смелые ожидания. Обычно оно было более активным, чем у мужчин, о чем свидетельствуют сохранившиеся в фонде Всевыборов (ГАРФ, ф. 1810) ведомости участковых избирательных комиссий, порознь фиксировавших явку на выборы мужчин и женщин. В Уральске в первый день голосования на участках преобладали женщины. Почти во всех городах Подмосковья абсентеизм среди них был ниже, чем среди мужчин: если в целом здесь явка на выборы у мужчин составила 50%, то у женщин она была на 6% выше²¹⁰. Похожая картина была и в ряде других городов (Рязань, Баку, Петропавловск). В Тамбовской губернии, при общей явке в 72%, у мужчин она составляла 68, а у женщин — 75%. При этом в городах она была соответственно 54 и 47%, а в сельской местности — 70 и 77%²¹¹. Но и там, где явка женщин была ниже мужской, это не бросалось в глаза.

Надев свои лучшие одежды, оживленно переговариваясь и лугая семечки, женщины шли к избирательным участкам. Повидимому, неординарность, новизна события были для них неким импульсом, но к этому дело не сводилось. Главным были повышенные социальные ожидания, связанные у женщин с Учредительным собранием. Наблюдатели отмечали их особую серьезность, ответственность при голосовании и сопутствовавшие этим чувствам волнение и неуверенность. На женщин магически действовали лозунги «немедленный мир», «хлеб», но в то же время подчеркивалось предпочтение, отдаваемое ими умеренным партиям. Не зафиксировано ни одного случая сознательного нарушения женщинами избирательного закона.

Голосование женщин вообще являло собой трудно постижимый феномен, запутанный узел установок и мотивов: привычка к повиновению, ожидание чудесных перемен. Несомненна зависимость их политического выбора от социального положения женщины. «Гимназистки разносят кадетскую литературу, работницы — большевистскую»²¹², — сообщали из Москвы. Определенно можно утверждать, что в рабочих кварталах и шахтерских поселках женщины отдавали предпочтение большевикам, как и солдаты. В женской гимназии Владивостока среди старшеклассниц была распространена анкета «За кого бы Вы голосовали в Учредительное собрание?» 67 гимназисток из 91 высказались за кадетов, 6 — за меньшевиков, 2 —

за большевиков, 1 — за эсеров, остальные поддержали беспартийные списки²¹³. В Воронеже за кадетов голосовал весь женский монастырь²¹⁴, что легко связать с призывом Всероссийского поместного собора поддержать партии государственности и порядка.

В мусульманских районах страны для женщин были образованы особые избирательные участки, где также была высокая явка. В Баку, например, голосовали 77% мусульманок. В подавляющем большинстве они голосовали за Мусават и за список «мусульмане России»²¹⁵. Восхищаясь их активностью, местные газеты, очевидно, несколько ее преувеличивали. В Темир-Хан-Шуре, например, картина была иной: на выборы пришли лишь 15% избирательниц, отдавших голоса в основном кадетам и эсерам²¹⁶.

По-видимому, среди причин высокой явки женщин на выборы были их внушаемость, усиленное давление на них. Прежде всего это касалось замкнутых национальных, социальных, религиозных общностей (староверы, казаки, мусульмане, кочевники и др.). Из Симферополя сообщали: «Те древние старики и старухи, молчаливые женщины, которых приводили за руку мужья, давали список, приказывали заклеить и отнести к урне, врал ли они сознавали, что делают?»²¹⁷.

Приведем несколько типичных зарисовок «с натуры». На участке в Народном доме Усть-Сысольска. Преобладают солдаты. Говорят о мире, земле, скором возвращении мужей и голосуют за список № 1 (эсеры). Подходит пожилой мужчина. «Голосуй, голосуй за номер первый, отведаешь, как Вильгельм будет распоряжаться в России. Да и голодная насидишься». Разговор умолкает. На некоторых лицах появляется растерянность. Несколько женщин, не голосуя, уходит по домам²¹⁸.

Другая сценка в Харькове. «Скажите, пожалуйста, где здесь голосуют за список № 5?», — с таким вопросом обратилась к комиссии молодая женщина. Какая-то растерянность и беспомощность, пишет очевидец, чувствовалась в лице и во всей фигуре этой темной безграмотной пролетарки, державшей в одной руке конверт, а в другой — сумку с продуктами. Когда председатель комиссии разъяснил ей, как голосовать, она стала искать входную дверь. Оказалось, что ей какой-то услужливый гражданин вместо просимого № 5 (список эсеров) дал № 6 — кадетский список. В другой кабине шум и крики: муж агитирует жену голосовать за большевиков и, когда она не соглашается, пускает в ход кулаки²¹⁹.

Вероятно, и здесь надо учитывать свойства женской природы, ее склонность к умеренности и терпимости в политике, как и в жизни. Даже голосуя за крайние партии, они не разделяли экстремизма. В еще большей степени, чем мужчинами, женщи-

нами двигало нетерпение чувств, а не основанный на опыте трезвый политический расчет. Но и это было одно из проявлений их пробуждения к активной общественной жизни, важный социокультурный сдвиг. Остается сожалеть, что женское влияние на реальную политику в 1917 г. было ничтожным и не могло предотвратить сползания общества к гражданской войне.

Подведем некоторые итоги. Многомерность общественного сознания электората проявлялась не только через голосование, но и через отказ от него. Различия в составе населения, многообразии местных условий, противоречивость внутренних установок — все это объясняет чрезвычайно сложную природу абсентизма.

Но абсентизм граждан не был так велик, как ожидалось, как полагают те, кто готов видеть в этом равнодушие масс к Учредительному собранию. В целом активность избирателей была высока. Вектором электоральных побуждений была готовность к мирным средствам решения жгучих общественных проблем через Всероссийское Учредительное собрание. Со стороны уклонившихся от выборов это было в большей мере неведение в такой путь, чем его неприятие.

Глава 4

ВСЕРОССИЙСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

1. На избирательных участках Петрограда и Москвы

Среди сотен российских городов, в которых состоялись выборы в Учредительное собрание, Петроград и Москва занимали особое место. Оба столичных города были отделены от своих губерний и выделены в самостоятельные избирательные округа: Петроград избирал 12 депутатов, Москва — 10. Это было признание их исторической роли и современного значения как политических, экономических и культурных центров.

Октябрьский переворот придал традиционной роли обеих столиц новый аспект. Большевиками были отбиты первые попытки военным путем (экспедиция Керенского—Краснова, восстание юнкеров в Петрограде) и путем политического давления (Викжель) устранить новую власть, но ее положение было неустойчивым. Об этом говорили и внутренние кризисы, отражавшие тяготение «мягких» большевиков к общедемократической власти. В условиях неустраненного политического противостояния выборы в Петрограде и Москве имели, помимо прочего, характер референдума по текущему моменту, к итогам которого присматривались все.

Другое важное обстоятельство было связано с тем, что кампания выборов в России растянулась на месяцы, и потому итоги столичных выборов могли послужить камертоном для голосования в провинции. И большевики, и их противники учитывали это. Решение Московской городской комиссии по выборам перенести голосование на неделю, то есть на 19 ноября, Московский ВРК расценил как «узко партийное», продиктованное усиливающимся левением избирателей. «Известия Московского Военно-революционного комитета» писали 8 ноября, что если бы выборы прошли 12 ноября, то во многих губерниях они состоялись бы после Москвы и под впечатлением московских выборов. «Теперь положение изменилось. Некоторые глухие деревни проголосуют раньше Москвы, и в этих губерниях во время предвыборной борьбы широко используют клеветнические утверждения, будто в столицах власть захвачена кучкой заговорщиков».

В Петрограде находились руководящие органы большинства политических партий и организаций. Это придавало особую остроту борьбе. На какое-то время выборы оказались под угрозой срыва, поскольку после 25 октября среди кадетов, правых социалистов и даже отчасти среди левых эсеров и меньшевиков возникли серьезные обструкционистские настроения. Они сводились к тому, что созыв Учредительного собрания при большевиках будет подделкой народного представительства, и потому прежде следует добиться их устранения от власти¹. «Выборы 12 ноября — теперь это с уверенностью можно сказать — состояться не могут, — размышлял 28 октября эсеровский офицер «Дело народа». — До тех пор, пока страной владеют большевики, Учредительного собрания не будет, да и не должно быть... Выборы в Учредительное собрание должны быть проведены той властью, которую создаст Всероссийский комитет спасения родины и революции». Прошло несколько дней прежде, чем руководство кадетов, меньшевиков и эсеров, отбросив сомнения, призвало развернуть подготовку к выборам.

Были ли ограничения свободы накануне и во время выборов? Несомненно. Достаточно упомянуть декрет о печати, позволявший закрывать оппозиционные большевикам издания. Отряд Красной гвардии захватил помещение народно-социалистической партии на Гороховой, конфисковав агитационную литературу. Но эти санкции вряд ли повлияли существенно на баланс сил, а с практической точки зрения принесли большевикам, пожалуй, больше вреда, чем пользы. Еще более усилился поток и пафос антибольшевистских обличений. В Петрограде кадеты переключились на другие виды печатной пропаганды: «буквально все стены, фонари, столбы завешены кадетскими воззваниями»². Но стесненной публичной агитации перед выборами почти не было, о чем говорят и документы, и очевидцы. Митинги шли на улицах, в помещениях театров и кинематографа. Цирк «Модерн» был твердыней большевизма, Тенишевское училище — кадетской цитаделью. Газеты отмечали наличие открытой оппозиции большевикам в городе.

Ожидание выборов было, однако, тревожным. В Питере распространялась и погромная агитация. В буржуазных кварталах носились слухи о предстоящих эксцессах, насилиях над избирателями. Велись опасливые разговоры о том, что-де большевики будут контролировать голосование, не разрешая подавать голоса против себя. Анархисты призывали не ходить на выборы, так как «все обойдется и без Учредилки». Очевидца на углу Кронверкского проспекта и Введенской обескуражило, что никто не возразил анархисту, скорее ему

сочувствовали. Создавалось впечатление, что многие горожане, за две недели дважды пережившие военную тревогу — в дни восстания большевиков и в дни восстания юнкеров, — проявят пассивность на выборах. Городская дума обратилась к артистам, чтобы они с театральных подмостков призывали идти на выборы, и ко всем хозяевам предприятий, начальникам учреждений и служб с просьбой отпустить на время выборов членов комиссий.

Утро 12 ноября в северной столице выдалось хмурым, словно разделяя общую атмосферу напряженного ожидания. В те дни, пишет бытописатель Октября Д.Рид, «с тусклого, серого неба в течение все более короткого дня непрестанно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая, чем когда-либо, ввиду полного развала городской администрации. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом»³. Но улицы, разукрашенные разноцветными плакатами, выглядели празднично. У здания городской думы через Невский протянулись четыре громадных полотнища с надписями «Да здравствует великая Россия!», «Вся власть Учредительному собранию!», «Голосуйте все!», «Граждане, спасайте родину!». В руках статуи Екатерины II против Александринского театра торчал красный флажок. Карикатуры, изображавшие Ленина в окружении германских вахмистров и городского в ярко-красной маске, были зримым свидетельством свободы. В поэме «Двенадцать» А.Блок поэтический образ того времени усиливает точной бытовой деталью:

*От здания к зданию протянут канат. На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному собранию!»*

В 9 часов утра открылись двери почти двухсот избирательных участков Петрограда. Потянулись первые, еще немногочисленные избиратели — всего их было свыше 1300 тыс. Им было над чем ломать голову: каждый получил на руки 19 кандидатских списков.

Начало выборов подтверждало опасения: несмотря на воскресенье, на участках было немногочисленно. Но постепенно они наполнялись народом. Оживленно голосование шло в рабочих районах. Солдаты голосовали особенно дружно и, как по команде, за большевиков, колеблющихся приводили под усиленной охраной⁴. Раненые и больные в лазаретах, лишенные возможности самостоятельно передвигаться, настойчиво требовали, чтобы их везли к урнам. В разгар дня на ряде участков уже возникли небольшие очереди, всюду шел стихийный обмен новостями, слухами, мнениями. Кое-где летучие митинги разго-

нялись красногвардейцами. К концу первого дня выборов стало ясно, что они пройдут благополучно: проголосовало не менее 30% избирателей. Во второй-третий день, убедившись, что насилий со стороны большевиков нет, активно пошла к урнам интеллигенция. Всего же в Петрограде голосовало до 70% граждан.

Исход выборов в Петрограде во многом показателен. Естественный для столицы высокий фон политизации населения выразился и в активном голосовании. При этом диапазон явки на выборы по городским районам находился на высокой отметке: от 61% в Александров-Невском районе до 81% в Василеостровском. Большеей активностью отличались районы с преимущественно пролетарским составом населения, но и в районах «старого Санкт-Петербурга» — Адмиралтейском, Спасском, Рождественском, Московском, где было гораздо больше служилой и интеллигентской публики, явка избирателей составляла 66—67%.

На этом фоне не впечатляет избирательная активность солдат — 61%. Но это объясняется фактическим отсутствием большого числа внесенных в списки солдат, разъехавшихся из гарнизона по стране.

Политическое противостояние в Петрограде отличалось предельной выразительностью. Среди 941 тыс. голосов большевики получили 45%, кадеты — 26%. Эти партии жестко конкурировали, тесня друг друга и забирая у остальных львиную долю голосов. Только в Невском районе эсерам удалось оттеснить кадетов на третье место. Для эсеров это была огорчительная неудача, хотя фактически пострадали левые эсеры, преобладавшие в общепартийном списке. Жестокое поражение потерпели «воленародовцы»: из 160 тыс. эсеровских голосов им досталось всего 4700. Все остальные партии и объединения собрали едва ли десятую долю голосов⁵.

В выборах была дана возможность участвовать министрам Временного правительства, заключенным в Петропавловскую крепость, и там же находившимся офицерам и юнкерам. 14 ноября в 10 часов утра министров по двое, под конвоем, доставляли из Трубецкого бастиона в избирательное бюро там же, в крепости. Отказался голосовать лишь генерал Я.Багратуни. Бывшему царскому министру юстиции И.Г.Щегловитову, напротив, было отказано в праве голоса⁶.

Итоги петроградского волеизъявления оказались под прицелом общественности и прессы. Оценивались они, естественно, по-разному. «Правда» в приподнятом тоне писала, что народ выразил одобрение происходящему: «Политика социализма была поставлена на голосование в Петрограде, и рабочие, солдаты и вся городская беднота ответила: мы за соци-

алистическую революцию и за октябрьское восстание»⁷. Их оппоненты с не меньшим основанием заявляли, что народ — это не только рабочие и солдаты, а 45% голосов — еще не победа. «Современное слово» считало, что «здоровый инстинкт населения» побуждал видеть в кадетской партии плотину не только против большевизма и анархии, но и против политического рабства»⁸.

Заслуживает внимания оценка выборов «Новой жизнью», которая 25 ноября писала: «Граждане Петрограда, особенно рабочих кварталов, блестяще выдержали экзамен политической зрелости. Все опасения, что будут проявлены безразличие и равнодушие, оказались несостоятельными. Наоборот, проявлен такой живой и активный интерес к выборам, какой мог бы заставить гордиться любой из европейских городских центров с длительным парламентским прошлым». Газета констатировала, что в целом в столице победили политические антиподы — большевики и кадеты. Невозможно отрицать, что рабочие Петрограда и для Учредительного собрания признали большевиков своими вождями. «Именно за ними и с ними они готовы идти на борьбу со своими классовыми врагами, которые густыми толпами стеснились под кадетскими знаменами. И для всех тех, кому дороги интересы рабочего движения, должно быть отныне еще более ясно, что безудержная борьба с большевиками есть в то же время и борьба с рабочим классом».

Мнение прессы совпадало в том, что выборы в Петрограде были организованы блестяще и прошли спокойно, без крупных эксцессов. Сыграло роль и то обстоятельство, что они были в фокусе внимания общественности, в том числе международной.

Более сложной была обстановка в Москве. За несколько недель до выборов вновь возникли толки о возможном переносе заседаний Учредительного собрания в более спокойную, как казалось, вторую столицу. Слухи о московской «прописке» ассамблеи оживились в октябре в связи с намечавшимся переездом Временного правительства в Москву.

Восстание большевиков в Москве дало трагические результаты. Москвичи еще жили впечатлениями недели кровавых боев (27 октября — 2 ноября) между революционными и правительственными войсками, унесших около тысячи человеческих жизней. Об этом напоминали пустые глазницы окон, заметные разрушения в центре города и в самом Кремле. Жизнеобеспечение почти двухмиллионного города было сильно дезорганизовано, что не могло не отразиться на подготовке выборов. Столичная окружная комиссия прекратила работу с 27 октября, помещение городской думы, где она размещалась,

было разгромлено. Были пропущены сроки соединения кандидатских списков, дополнительного внесения в списки избирателей. МВРК реквизирует у окружной комиссии 14 грузовых автомобилей. Затем часть их была возвращена, но время для развозки избирательной документации общим весом в 14 тысяч пудов было упущено⁹.

5 ноября окружная столичная комиссия, возобновив свою работу, сочла, что объявленные законом гарантии свободы выборов не соблюдены, и потребовала от Военно-революционного комитета; органа чрезвычайной власти в городе, обеспечить их¹⁰. 6 ноября МВРК дозволил беспрепятственный выпуск всех изданий «без различия направлений», одновременно предупредив, что «никакие воззвания, призывы к восстанию против Советов допущены не будут»¹¹.

8 ноября в окружную комиссию явились представители МВРК Фрадкин и Буровцев и потребовали объяснений о ходе подготовки к выборам, настаивая на их проведении уже 12 ноября¹². Однако окружная комиссия ввиду технической неподготовленности перенесла выборы на неделю — к этому времени не были заготовлены 700 урн, 1200 тыс. конвертов. Для ускорения процедуры все 12 кандидатских списков печатались и размещались на одном листе.

В Москве были особенно сильны абсентеистские опасения, тем более что многие москвичи бежали из города в дни боев. Успеху выборов немало содействовали домовые комитеты, которые вручили в кратчайшие сроки бюллетени и удостоверения почти всем избирателям, агитировали против уклонения от выборов. По инициативе «демократическо-социалистического блока» («Единство», кооперативы, профсоюзы служащих) было образовано Междупартийное бюро по обеспечению свободы выборов, призвавшее население информировать его о всех избирательных нарушениях. Окружная комиссия предложила всем партиям прислать своих представителей для контроля за ходом выборов.

В Москве всплеск антибольшевизма был даже сильнее, чем на невских берегах. На митингах ораторы призывали морально бойкотировать большевиков. Проводя параллель между разгромом Москвы в декабре 1905 г. царскими войсками и аналогичными действиями ленинцев, «Власть народа» напоминала, что тогда Москва послала в I Думу оппозиционных депутатов — теперь, «после кровавой вакханалии большевиков» она не должна позволить им торжествовать новую победу»¹³. 18 ноября у булочной Филиппова на Тверской был арестован агитатор от кадетов. Толпа, требовавшая его освобождения, была разогнана отрядом солдат и красногвардейцев¹⁴.

Накануне выборов «Вечерний курьер» поместил интервью с председателем окружной комиссии Л.Б.Залкиндом. Он высказал предположение, что придет голосовать «тысяч 700» и большевики не могут рассчитывать на победу, так как доверие к ним подорвано, а значительная часть сочувствующего им гарнизона разбежалась. По мнению Залкинда, они получают не более трех мест, 3 — кадеты, 2 — эсеры, 1 — демократическо-социалистический блок во главе с Г.В.Плехановым. Десятый мандат будет, скорее всего, кадетским¹⁵.

Утром 19 ноября в храме Христа Спасителя состоялось торжественное молебствие по случаю начала выборов. Голосование шло в 254 участках. День был серый, холодноватый. За ночь выпал снег и покрыл улицы пушистым ковром. «Воскресное утро ничем не напоминало, что это день выборов в заветное для нескольких поколений Учредительное собрание, — писал 21 ноября меньшевистский «Вперед!». — На улицах пустынно. Обычные очереди у молочных, мясных. Кое-где спешно наклеиваются запоздавшие избирательные плакаты. У избирательных урн пусто. Избиратель не торопится. Целых три дня в его распоряжении. Только к полудню улицы постепенно оживают. Избиратель пошел гуще. Образовываются даже "хвосты", растягивающиеся по улице».

Наиболее оживленно выборы проходили на окраинах, где доминировали большевики. В Дорогомилове не было дома, не украшенного их плакатом с цифрой 5. В Марьиной роще кадеты даже не появлялись, в Симоновском районе их изгоняли с улиц. Но в центральных кварталах они брали реванш. Согласно оперативной газетной информации, «в центре выборы шли без оживления. В этой части преобладает № 1 (кадеты. — Л.П.). И его подает не только буржуазия и интеллигенция. В противоположность выборам в центральную и районные думы шли тут к урнам и элементы чисто демократические. Часть домашней прислуги... теперь отшатнулась от большевиков, напуганная тем, что они совершили над Москвой»¹⁶. Отмечались характерные проявления агитации за большевиков в очередях у магазинов и лавок: вот подайте голос за № 5, и через неделю этих хвостов не будет. В центре Москвы (Арбат, Пречистенка, Сретенка, Тверская, Мясницкая и др.) из 160 тыс. голосов кадеты собрали 51,6%, большевики — 29,4%.

В Москве явка избирателей также была близка к 70%. Ее особенностью была активность женщин, их было много больше половины голосовавших. Другой особенностью был здесь довольно высокий фон нарушений свободы выборов — межпартийная комиссия зафиксировала 35 таких случаев. Чаще всего это были вторжения солдат в помещения для голосования. На Пресне патруль открыл стрельбу по собравшейся у из-

бирательного участка толпе, тяжело ранив одного рабочего¹⁷. Упоминались случаи насилия солдат над агитаторами: у Александровских казарм отняли литературу у кадета, на Знаменке, у Александровского военного училища, не давали распространять список кандидатов плехановского блока, задержали автомобиль энесов. На окраинах велась антисемитская пропаганда.

Самыми серьезными были эксцессы на участках в Московской городской думе и в гостинице «Дрезден» (Скобелевская площадь), где размещался Совет солдатских депутатов. Здесь результаты выборов были аннулированы, и было изъято 6,5 тыс. голосов избирателей, не внесенных в списки. Кроме того, по Москве были признаны недействительными около 4 тыс. бюллетеней, главным образом из-за надписей на них. Среди записок за большевиков многие имели приписку: «Михаил Александрович Романов — президент Российской республики»¹⁸.

В некоторых газетах утверждалось, будто в гарнизоне Москвы выборы были полностью фальсифицированы большевиками: его величина не превышала якобы 8 тыс. при 60 тыс. поданных голосов¹⁹. Упорно говорили, что иные солдаты голосовали 2-3 раза в гражданских участках. На самом же деле в Москве в списки были занесены 120 тыс. солдат и офицеров, из коих голосовали 45% — «масса солдат разъехалась по деревням»²⁰. В казармах 1-й запасной артиллерийской бригады из 11 тыс. человек, занесенных в избирательные списки, ко дню выборов осталось всего 400²¹. Столичная окружная комиссия в итоге признала, что, хотя и были нарушения, существенного влияния на результаты голосования они не оказали.

Самое удивительное в московских выборах заключается в том, что не сохранились их итоги в документированной форме. Материалы, хранившиеся в Малом зале городской думы, при переезде Совнаркома в Москву были спешно эвакуированы на частную квартиру. «Какова будет судьба выборных материалов, переправляемых в общем довольно небрежно и бессистемно, — неизвестно», — сетовало «Новое слово»²². И, как видно, не напрасно.

Газетная же статистика по Москве разноречива в деталях. Но несомненно одно: контрастность политических симпатий электората. Из 774 тыс. голосов большевики получили свыше 48%, кадеты — свыше 34%. На этом «красно-белом» фоне обескураживали 8%, поданных за эсеров (в два раза меньше, чем в Петрограде). Всего 2% голосов взяли меньшевики, которые в Москве тщетно пытались примирить враждующие стороны, войдя в дни октябрьских боев и в состав МВРК и в состав Комитета общественной безопасности. Внепартийные списки

свои достижения измеряли десятыми долями процента. Избраны были 5 большевиков, 4 кадеты, 1 эсер.

Итоги выборов в Учредительное собрание в Москве арифметически лаконично и емко передают атмосферу гражданской войны, противостояние враждебных сил, в которое было вовлечено, прямо или косвенно, большинство горожан. Глубокие сдвиги в политическом сознании москвичей наглядно отражают результаты последовательно проходивших выборов в городскую думу (июнь), районные думы (сентябрь), Учредительное собрание (ноябрь):

	Городская дума	Районные думы	Учредительное собрание
	<i>(в процентах)</i>		
Большевики	11,6	51,5	48,2
Меньшевики	12,0	4,1	2,8
Эсеры	58,0	14,1	8,1
Кадеты	16,8	26,3	34,3

В бесстрастных математических пропорциях явственно различим нараставший гул общественных потрясений. Об этом красноречиво говорит вымывание промежуточных сил, стоявших на почве гражданского примирения. В прессе много писалось о том, что восстание большевиков отбросило московского обывателя вправо. Но правда и то, что выданные правыми социалистами своим избирателям политические векселя были уже просрочены.

Кадеты имели основания считать исход голосования в Москве своим большим успехом. Кривая их влияния неизменно повышалась. Свыше 260 тыс. кадетских голосов, при численности московской буржуазии в 64—65 тыс. человек²³, говорят о достаточно широкой базе либерализма во второй столице, и кадеты ожидали влияния московского успешного для них голосования на провинцию.

Правозероковский публицист Б.Воронов, обозревая выборы в Москве, отметил отрезвление от большевистского хмеля и даже разочарование в социализме²⁴. Сопоставление сентябрьского и ноябрьского голосования за большевиков, действительно, не в пользу последнего, позволяя думать, что их престиж у москвичей после вооруженного восстания не стал выше.

Ретроспективно оценивая итоги выборов в Учредительное собрание, Ленин писал: «В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики

имели подавляющий решающий перевес сил... Мы имели здесь больше, чем эсеры и кадеты вместе взятые»²⁵. Ленинский тактический расчет был верен, но мрачный парадокс состоит в том, что статистика мирного голосования служила аргументом для вооруженного захвата власти.

Выборы в столицах показали и сохранение в обществе ресурсов свободного, демократического развития. Они проявились в самой обстановке голосования, не отмеченной серьезными инцидентами, в широкой антибольшевистской оппозиции среди электората.

Петроград, административная столица России, и Москва, столица историческая, послали в Учредительное собрание 32 депутата. Половину составили большевики (Г.Е.Зиновьев, М.И.Калинин, И.В.Джугашвили-Сталин, И.С.Уншлихт, Н.И.Бухарин, П.Г.Смидович, Е.М.Ярославский, И.И.Скворцов-Степанов, Е.Н.Игнатов, Г.Е.Евдокимов, С.А.Черепанов); 8 кадетских депутатов носили известные всей мыслящей России фамилии: П.Н.Милюков, М.М.Винавер, Ф.И.Родичев, Н.Н.Кутлер, Н.И.Астров, Ф.Ф.Кокошкин, В.А.Маклаков, П.И.Новгородцев. Также избраны были эсеры О.С.Минор, Г.И.Шрейдер и левый эсер Б.Д.Камков.

Но Петроград с Москвой еще не решали исхода выборов в стране. Маршалы не выигрывают сражений без армий. Облик российской законодательной ассамблеи в конечном счете определялся тем, как проголосует провинция. Слово было за ней.

2. Города и люди

В Европе начала XX века трудно было найти страну, где различия между городом и деревней были велики настолько, что приняли характер цивилизационных, как в России. Города здесь были оплотом экономического и культурного прогресса, в них концентрировался служилый элемент, проводивший в жизнь силу государственного принуждения, формировались разночинные слои. С другой стороны, далеко не всюду произошло полное отделение города от деревни, о чем нередко свидетельствовал и его внешний облик, да и часть горожан была социально тесно связана с деревней. Город в России воплощал в себе социокультурный синтез, но одновременно и социокультурный раскол²⁶. Все это не могло не проявиться в ходе голосования. К сожалению, историки до сих пор не располагают сводными данными об итогах выборов порознь для городов и сельской местности. Всевыборы не успели их подвести, большевикам они не были нужны.

Между тем подведение итогов в городах не представляло технической сложности. Правонарушений здесь было меньше, подсчеты производились тут же и через день-два становились достоянием гласности, публиковались местными газетами. Эти сведения немедленно вызвали поток комментариев, прогнозов. Кадетская «Речь» уже 20 ноября дала сводку голосования в 30 губернских и уездных городах, оценив их как успех своей партии и доказательство раскола революционных сил. Казанское «Рабочее дело» 24 ноября констатировало, что в городах пока «голова в голову» идут большевики (166500 голосов) и кадеты (166400), эсеры шли тогда третьими (68871).

Выявление общей картины голосования в городах для исследователя упирается в две трудности. Во-первых, плохая сохранность источников и в связи с этим вынужденное обращение ко вторичным, часто неточным данным. В наспех составленном газетном отчете достаточно было неверно или нечетко пропечатать номер списка или цифру, чтобы запутать дело. Во-вторых, в России не было тогда точного соответствия юридического статуса города его социально-экономической функции. Городами считались, как общее правило, губернские, областные и уездные центры. Среди последних, а также безуездных городов, было много таких, чье население составляло 2—5 тыс. жителей. Зато не имели городского статуса крупные торгово-промышленные поселения с преимущественно неземледельческим населением — посады, местечки, слободы, промышленные села, заводские и шахтерские поселки. Иные из них (Ижевский и Нижне-Тагильский заводы, местечки Бежица, Большой Токмак и др.) насчитывали десятки тысяч жителей. Они относились к типу городских поселений, насчитывая в совокупности еще несколько миллионов человек.

Нашими многолетними разысканиями удалось установить итоги выборов более чем в 500 городах России. К 1914 г. в них проживало свыше 19 млн человек²⁷. Вне поля зрения осталось примерно 270 городов и посадов, где, предположительно, выборы состоялись. По тем же данным, они суммарно насчитывали до 3 млн жителей (в среднем 10—11 тыс.), в том числе около полутора миллионов избирателей. В этом разряде нет крупных городов и административных центров, что позволяет основные показатели голосования экстраполировать на все городское население страны.

Учитывая особое место Петрограда и Москвы и их величину, выделим их из общей совокупности российских городов, как и другие поселения городского типа.

Голосование в городских поселениях России

Городские поселения	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Петроград, Москва	219196	790172	51417	21617	42028	510365			1705844
	12,8	46,3	3,0	1,3	2,5	29,9			100,0
Города и посады (525)	781677	1323310	344730	81006	408426	747277	511404	217477	4539257
	17,2	29,1	7,6	1,8	9,0	16,5	11,3	4,8	100,0
Др. город. поселения (163)	98178	200430	36433	1863	80694	25292	35053	10574	502008
	19,6	39,9	7,3	0,4	16,1	5,0	7,0	0,2	100,0
Итого	1099051	2313912	432580	104486	531148	1283762	546457	228051	6747109
	16,2	34,3	6,4	1,5	7,9	19,0	8,1	3,4	100,0

I — эсеры, II — большевики, III — меньшевики, IV — народные социалисты, V — социалисты (общие списки), VI — кадеты, VII — национальные списки, VIII — правые.

Таблица отражает зависимость итогов голосования от типа города, следовательно, от состава его населения. В отличие от столиц, в провинциальных городах политические контрасты были смягчены: не столь резко противостояние большевиков и кадетов, с последними успешно конкурировали эсеры. В этой категории нет явных фаворитов. Следует отметить довольно высокий общий процент голосов, поданных за национальные списки, достигнутый в основном вне Великороссии.

В поселениях городского типа (местечки, заводы, поселки и др.) кадетское влияние было минимальным. Это связано с многочисленностью фабрично-ремесленного элемента и слабой прослойкой чиновничества и служилой интеллигенции. Высок удельный вес «социалистических» голосов, которые не удалось дифференцировать между отдельными партиями. Полный учет выборов в таких «полугородах» наверняка сместит вектор голосования влево.

Если брать города порознь, то большевики первенствовали в 190 городах, кадеты — в 143, эсеры — в 142, меньшевики — в 22. В остальных городах лидировали национальные списки. Вырисовываются зоны отчетливо выраженного влияния партий. У большевиков это города Северо-Запада, Владимирской и Оренбургской губерний, Поволжья и, довольно неожиданно, Донской области. Ареалом кадетского влияния были города Черноземного центра, Калужской, Тульской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Псковской губерний. Выделим особый успех кадетов в Курске — 62% (без гарнизона)²⁸. Эсеры

имели более прочные позиции в Вятской губернии, в Сибири и Забайкалье.

Подобная политико-географическая чересполосица определялась социальным составом городского населения. Большевики добивались успеха там, где был высок удельный вес рабочих, либо имелся, как минимум, крупный воинский гарнизон. Там, где эти категории городского электората были малы или вовсе отсутствовали, верх оставался за кадетами и эсерами. Всего от 10 до 50 голосов собрали большевики в Мезени, Холмогорах, Вельске, Усть-Сысольске, Яренске на русском Севере, в Хотине, Кагуле — в Бессарабии и пр.

Невзирая на тайный характер голосования, политические предпочтения горожан выявлялись еще до окончания выборов и подсчета голосов. Очевидцев удивлял глубокий контраст в атмосфере выборов между центральными участками и городскими окраинами. Провинциальные газеты пестрели жанровыми зарисовками.

Вот как выглядела обстановка в Твери по одному из таких описаний. «1-я избирательная комиссия (Городская управа). Не видно никаких признаков выборного оживления. В комиссии сидят несколько скучающих членов и равнодушно курят папиросы. Изредка появляется избиратель и вносит некоторое оживление в одинокую комнату. После его ухода опять наступает скука и уныние... Во 2-й комиссии. Не лучше и здесь. Ни агитаторов, ни избирателей. Говорят, что в этом районе за весь воскресный день не пришло больше 10% избирателей... В 3-й комиссии (бюро милиции). Здесь за первый день из 2 тысяч пришло около 600. Преобладают интеллигентные избиратели»²⁹.

Совсем иной, по сообщению той же «Тверской мысли», была картина в двух участках, расположенных на Морозовской фабрике. «В первый день выборов, в воскресенье, к урнам дружно двинулись рабочие и работницы Морозовской фабрики. Скоро желающие подать свой голос образовали длинные хвосты... Члены комиссии уверены, что в этом районе победу одержат большевики. С.-р. и меньшевики совершенно не пользуются теперь успехом в рабочих массах, за кадетов голосовала, очевидно, часть служащих»³⁰.

Эти наблюдения очевидцев дополняются цифровыми данными. В центральных участках Твери кадеты получили 52% голосов, эсеры — 16, большевики — 13 и меньшевики — 9%. Но в упомянутых фабричных участках картина была иной: большевики — 52% голосов, эсеры — 20,5, меньшевики — 16 и лишь 10% голосов набрали кадеты.

Социальная топография проявляла себя на выборах всюду, где она существовала. Центральные кварталы, заселенные рес-

пектабельной публикой, отдавали предпочтение либерализму, окраины, слободы, железнодорожные и фабричные районы были настроены леворадикально. В Ростове-Ярославском большевики получили около 25% голосов, кадеты — 32%, но в центральной части города, Кремле, соотношение сил было иным: только 9% у большевиков и 43% у кадетов. В Казани процент голосования за большевиков колебался по участкам от 4 до 20, за кадетов — от 1,5 до 29; в Архангельске большевики имели по участкам голоса в диапазоне от 4 до 25%, а кадеты — от 16 до 64%³¹.

Нет нужды множить примеры того, что городские рабочие в массе своей на выборах поддержали партию большевиков. Ленин имел право на вывод: большевики на выборах были «партией пролетариата»³². Факта своего поражения в пролетарской среде не отрицали и сами меньшевики, безуспешно пытавшиеся удержат рабочих на позициях ортодоксального марксизма.

В Баку, например, меньшевики собрали около 5% голосов. Это было не так мало в сравнении со столицами, но бакинские социал-демократы были горько разочарованы. «Оказалось всего 5 тыс. человек, не зараженных ни национальным угаром, ни большевистским безумием, но верных заветам марксизма и научного социализма. Конечно, это до прискорбия мало. Но может ли сейчас быть иначе? В стране, где царствует полная анархия и налицо хозяйственная разруха, где в порядке дня стоит штык и пулеметами вводится "социализм", где безграмотными декретами и гражданской войной заменяется классовая борьба — там нет и не может быть значительного влияния научного социализма»³³.

Несмотря на поражение в рабочей среде, меньшевики сохранили очаги значительного своего влияния (Архангельск, Воронеж, Вятка, Нижний Новгород, Сормово, Орел, Бежица, Тверь и др.). В городах Тамбовщины большинство рабочих голосовало за меньшевиков, которые в итоге, без солдатских голосов, превзошли эсеров и большевиков. Удерживая эти плацдармы, меньшевики смогли расширить их в дальнейшем, на общем фоне роста недовольства большевистским правлением. Особняком стоит Грузия, где влияние меньшевиков было безраздельным, увенчавшись созданием национального меньшевистского правительства.

Широкая поддержка рабочих рассматривалась большевиками как одобрение их практической линии. Для них это был неповторимый исторический шанс своей государственной политикой окончательно убедить трудящихся в своей правоте. Этот шанс, однако, не осуществился и не мог быть осуществлен на принципах политической стратегии большевизма. Для больше-

виков поддержка рабочих была более фундаментальным фактом, чем вотум недоверия, по существу вынесенный им голосованием «непролетарских слоев». Большевистские лидеры напрасно видели в волеизъявлении рабочих своего рода карт-бланш, что очень скоро столкнуло их с теми слоями рабочих, которые шагали «не в ногу».

В этом смысле итоги выборов в Учредительное собрание многозначительны. Показателен пример Урала, не оправдавшего надежд большевиков — 4 депутата вместо 10—12 ожидаемых. Но это было не совсем справедливо, если иметь в виду уральских рабочих. Обратимся к итогам выборов в промышленном сердце региона — Екатеринбурге. Местный «Уральский рабочий» 2 декабря писал: «Выводы напрашиваются сами собой: за большевиков голосовали почти все рабочие, $\frac{4}{5}$ солдат и немногие представители из интеллигенции. За кадетов — командный состав армии, командный состав торгово-промышленных предприятий, финансовая и торгово-промышленная буржуазия и значительная часть более обеспеченной интеллигенции. За эсеров — ничтожное меньшинство рабочих и солдат, часть офицерства и значительная еще часть демократических слоев интеллигенции».

На Урале преобладали рабочие поселки. Большевики здесь доминировали: в 40 заводах-городах Пермской губернии они получили до 85 тыс. голосов, или 64% местного электората. Но уже тогда наметился кризис в их отношениях. «Вообще на Урале большое озлобление против большевиков, — писала в конце декабря проэсеровская «Земля». — Рабочие убедились, что проведенный большевиками рабочий контроль ухудшил их положение, и требуют освобождения арестованных инженеров. Городские обыватели Екатеринбурга раздражены обысками, которые производили красногвардейцы и матросы»³⁴.

Еще красноречивее пример Ижевского завода, где уже 27 октября большевики пришли к власти. На выборах они получили 14,5 тыс. голосов (54%), тогда как эсеры имели около 23%, а меньшевики — всего 8%³⁵. Но именно здесь, в Ижевске и в соседнем Воткинске, в августе 1918 г. вспыхнуло крупнейшее рабочее восстание против большевистской диктатуры и военно-коммунистической политики. Среди рабочих-добровольцев Ижевско-Воткинской дивизии, сражавшейся под знаменами Комуча, а затем и Колчака, наверняка многие прежде голосовали за большевиков.

Едва ли это была социальная аномалия. Реальные интересы людей рано или поздно торжествуют над навязанными им политическими схемами и догмами. В 1918—1919 гг. выбросы антибольшевистских настроений среди рабочих отмечены во многих городах, где они поддержали на выборах в Учредитель-

ное собрание большевиков (Астрахань, Брянск, Бежица, Тула, Кострома и др.).

Но за большевиков голосовали не только рабочие и солдаты. Одними их голосами они не смогли бы победить в таких городах, как обе столицы, Ревель, Барнаул, Николаев. На это указывает и голосование за большевиков в respetабельных городских кварталах и в небольших непромышленных городах. Иными словами, если в Чухломе, Нерехте или Мышкине большевики получили свыше 15% голосов избирателей, то это надо отнести в основном на счет средних слоев населения. Обращает на себя внимание и то, что в ряде городов это количество явно превышает численность рабочих. Если допустить, например, что в Брянске голосовали абсолютно все рабочие и исключительно за большевиков, то и в этом случае еще до полутора тысяч голосов поданы явно непролетарскими элементами.

Несомненное предпочтение большевикам отдавали маргинализованные слои общества. Преимущественно за них голосовали городские окраины. Многозначительный факт: им отдавало свои симпатии городское «дно». Так, в тюрьмах Баку и Тифлиса за большевиков голосовали 432 из 450 арестантов. По словам газеты, на предвыборном собрании во дворе тифлисской тюрьмы было решено: «Большевики — это наши товарищи. Будем голосовать только за них»³⁶.

Голосование за большевиков составляло леворадикальную тенденцию в поведении средних городских слоев, но в целом среди них преобладала праворадикальная тенденция, выбор в пользу кадетской партии. Именно в городах она собрала основной урожай своих голосов — более $\frac{2}{3}$ общего количества, но, как заметил О.Н.Знаменский, одна только торгово-промышленная буржуазия не могла дать $\frac{1}{4}$ избирателей губернских городов³⁷. За кадетами шла весьма значительная часть интеллигенции, за ними потянулись широкие обывательские круги.

Это удостоверяли и современники. «Кадеты усилились голосами мещан», — сообщали из Орла³⁸. В Иркутске «служащие и чиновники голосовали либо за с.-ров, либо, в меньшинстве, за кадетов»³⁹. Из Тифлиса: «Умеренная часть населения, примыкавшая к меньшевикам и эсерам, после экспериментов Ленина и Троцкого бросилась в кадетские объятия»⁴⁰.

Общий политический сдвиг городского «среднего класса» вправо особенно рельефен в мелких городах, в которых не было ни заводов, ни крупных гарнизонов. Вполне типичен пример заштатного Петровска, что находился в Ростовском уезде Ярославской губернии. В Петровске, по словам местной газеты, «никто не ожидал такого успеха кадетского списка и такого большого числа большевистских голосов» — соответственно 53% и 12%. Если за большевиков, по мнению газеты,

голосовали главным образом солдатские семьи, то за кадетов голосовали «запуганные, плохо знакомые с партиями обыватели, торговцы и большинство местной интеллигенции»⁴¹.

Впрочем, этот успех не был так уж неожидан, исходя из состава населения. В городах Ярославской губернии легко просматривается зависимость между численностью кадетов и процентом полученных ими голосов: Углич — до 500 кадетов и 56% голосов, Романов-Борисоглебск — 300 и 29%, Мышкин — 200 и 43%⁴².

Несомненно, российская интеллигенция не могла простить большевикам их неконституционного образа действий и расценивала захват ими власти как крах государственности. По наблюдению Д.Рида, «почти вся интеллигенция была против большевиков»⁴³. Ментальность интеллигенции не вмещалась в прокрустово ложе конкретных социальных ожиданий, скорейшего осуществления которых добивались рабочие или крестьяне, — она включала в себя и общие понятия о законности и правопорядке, гуманности и ненасилии, не вязавшиеся с большевистским якобинством. Выражая эту точку зрения, М.Горький писал в те дни: «Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта... Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт проводят комиссары над русским народом»⁴⁴.

В дни выборов весьма заметна была активность учащейся молодежи. Обращаясь к студенчеству, нарком просвещения А.В.Луначарский призвал поддержать большевиков во имя «обновления жизни и школы»⁴⁵. Но не им принадлежали симпатии большинства учащихся. Своим успехом в городах кадеты отчасти были обязаны энтузиазму своих юных приверженцев. «Их молодежь, — писала калужская «Трудовая мысль» 18 ноября, — разносила избирательные карточки и старалась только своим, близким их душе № 3 снабжать избирателя, их дети мерзли и мокли у избирательных участков, толкались по базарам, улицам, предлагая все тот же № 3».

Электоральное поведение разнородных городских слоев, которые часто называют обывательскими (не в сословном, а в политическом понимании), представляло собой переплетение установок и мотивов, среди которых особо весомы были социально-психологические факторы. Превыше всего ценя стабильность, порядок, они в своей массе предпочли видеть у кормила власти не социалистических «говорунов», а кадетскую партию. Но это была скорее позиция благожелательного нейтралитета, чем осознанный кадетизм. Среди городского мешанства, ремесленников, служащих витал дух политического конформизма, поэтому с упрочением власти большевизма росла и лояль-

ность их к тем, кого они совсем недавно называли узурпаторами, падал интерес к самому Учредительному собранию.

Политическая неустойчивость, аморфность горожан стала притчей во языцех в прессе, особенно раздражая и беспокоя правых социалистов, чувствовавших, как социальная почва уходит из-под ног. «Мудрого пескаря потянуло в тину, — саркастически писал костромской «Социалист-революционер». — За восемь месяцев пребывания в рокошущей струе он так устал! Вихри революционной мысли, водовороты революционных дел для него оказались слишком утомительны. Обыватель захотел спать и отдал свой голос партиям покоя, «порядка», «приспособленчества»⁴⁶. За недолговечной, как им казалось, большевистской властью эсеры и меньшевики прозревали будущую контрреволюционную диктатуру корниловых и калединых.

Этот же вывод напрашивался и из сопоставления выборов муниципальных и в Учредительное собрание. Отслеживая изменения в настроениях горожан за вторую половину 1917 г., аналитики почти всюду отмечали параллельный рост влияния большевиков и кадетов за счет эсеро-меньшевистской прослойки. Отчасти это объяснялось некоторыми переменами в составе избирателей (в ряде городов от выборов в думы устранены были пригороды, загородные казармы), но в основном это было следствие размывания центристского социалистического блока, политической поляризации населения.

Эту тенденцию можно обнаружить во всех крупных городах. В Екатеринбурге большевики в сравнении с городскими выборами приобрели почти 3 тыс. новых голосов, но кадеты еще больше — свыше 5 тыс.⁴⁷. В Симферополе эсеры потеряли до 4 тыс. голосов, отошедших к большевикам и кадетам. В Харькове социалисты потеряли около 15 тыс. сторонников, чьи голоса достались крайним партиям. В Тамбове в июле правые социалисты вели за собой 76% избирателей, а в ноябре их осталось 36%, зато резко упрочились кадеты и большевики. Размежевание среди горожан приближалось к той критической отметке, за которой мирное, спокойное развитие событий становилось все менее вероятным.

Меньшевик Б.Николаевский в те дни подмечал важную особенность поляризации в городах: «Процесс поправления избирателя шел много быстрее процесса полевения, и, в результате, городская масса сильно передвинулась вправо. При этом важно отметить, что в городах с развитой промышленностью, то есть большим процентом избирателей-рабочих, этот процесс идет значительно медленнее, чем в городах с населением мецанским»⁴⁸.

Выборы в Учредительное собрание вновь подчеркнули роль воинских гарнизонов в городских политических делах, дав

новую пищу утверждениям, что большевики держатся у власти штыками одурманенных ими солдат. В самом деле, львиную долю голосов они приобрели в гарнизонах, и это особенно наглядно в непромышленных городах, где они не имели широкой социальной опоры. Размышляя над результатами голосования в Тамбове, редактор местной земской газеты П. Жулев назвал их «социально-политическим недоразумением», ибо большевики из 7649 своих голосов 5676 собрали в воинских участках. «Большевики — партия, отстаивающая диктатуру пролетариата над всей Россией, побеждают на выборах в Тамбове не голосами пролетариата, а голосами крестьян-солдат, привлеченных "немедленным", ленинским миром»⁴⁹. Весьма схожим было положение и во многих других провинциальных городах, где число солдат порой не уступало числу горожан. «Гарнизон голосовал за большевиков — Орел вдруг на одну треть предстал перед светом в красной якобинской шапке, — писала местная газета. — Выведите гарнизон из Орла, и Орел окажется определенно кадетским»⁵⁰.

Обратимся, однако, к самым объективным свидетелям — цифрам. Мы располагаем сопоставимыми данными о голосовании в 157 провинциальных городах, имевших в своих гарнизонах не менее 500 военнослужащих. Они отражены в следующей таблице:

Городские участки	Подано голосов	большевики	меньшевики	эсеры	кадеты
		<i>(в процентах)</i>			
Гражданские	2161784	21,7	9,4	13,5	22,0
Воинские	798429	51,1	3,2	24,8	4,7
Всего	2960213	29,6	7,7	16,6	17,4

Из таблицы видно, что политические позиции горожан и солдат существенно расходились. Если учесть, что на каждый из 157 городов в среднем приходилось свыше 5 тыс. вооруженных и воинственных солдат, то ясно, что ударной силе большевиков часто некому было противостоять.

Что касается коренного городского населения, то при всем разбросе голосов его общая нерасположенность к большевизму очевидна. Рассматривая голосование как своего рода референдум по вопросу о власти, должно признать, что большинство горожан не поддержало октябрьский переворот. Не отрицая достижений большевиков на выборах в городах, многие современники находили их эфемерными, недолговечными, объясняя их потаканием социальным инстинктам толпы, тем, что большевики улавливали массового избирателя в свои сети демагогическими посулами.

Вместе с тем Ленин и его соратники по партии были не только людьми слова, но и дела. Со всей энергией принялись они за переустройство общества сообразно своему пониманию задач революции. Своим боевым настроем и психологической решимостью они выгодно отличались в глазах масс от прочих левых партий.

Другое важное преимущество большевиков отметил сам Ленин, анализируя итоги выборов в Учредительное собрание: «Наши противники, кроме того, были раздроблены. Ни о каком **действительном** единстве эсеров и меньшевиков против нас не могло быть и речи в тот момент»⁵¹. Ленин-историк без колебаний опроверг Ленина-политика, который в конце 1917 г. — начале 1918 г. упорно твердил о едином антибольшевистском фронте сторонников Учредительного собрания. В городах, где решалась судьба власти, не было более организованной и целеустремленной силы, чем большевики.

Однако правы и те комментаторы, которые предостерегали, что никто не вправе обольщаться своими успехами среди горожан: «Широкие слои горожан отвернулись от демократии, изверились в социалистических партиях и ждут порядка от кадетов и корниловых»⁵².

Выборы в Учредительное собрание, при всей их «привязке» к определенному времени и событию, содержат материал для широкого обобщения. Они как бы подвели итог однолинейно направленному процессу исторического развития российского города как центра инновационной деятельности либерального типа. Ее очаги оказались слишком слабыми и социально незащищенными⁵³, они не выдержали натиска традиционных ценностей, разрушивших государственность в 1917 г. Города, развивавшиеся на противоречивой социокультурной основе, не смогли стать очагами развития прогрессивных форм жизни и в сфере политической.

Как и всегда бывало в истории, раскол демократии как движения предвещал гибель демократии как власти.

3. Крестьяне голосуют за землю

Исход российской революции в конечном счете определялся тем, с кем будет крестьянство. Хотя вопрос о политической власти решался напрямую в городах, ее перспективы были связаны с деревней, основное население которой негативно воспринимало государственное управление. Через свои представительные организации, тысячами резолюций, стихийным аграрным движением крестьянство оказывало многообразное воздействие на общий ход событий. Равным образом в его руках

Именное удостовѣреніе

для явки на выборы въ Учредительное Собраніе.

По избирательному списку №.....

«.....» избирательнаго участка Корчевскаго у.

Фамилія *Домениковъ*.....

Имя *Николай*.....

Отчество *Федоровичъ*.....

проживающему въ *Дубъ*.....

Управа приглашаетъ Васъ явиться въ зданіе

.....
.....
12-го или 13-го ноября 1917 года, отъ 9 часовъ
утра до 9 часовъ вечера, либо 14 ноября, отъ
9-ти часовъ утра до 2 часовъ пополудни — для
подачи конверта съ избирательною запискою объ
избраніи Членовъ въ Учредительное Собраніе.

Плакаты на Невском проспекте накануне выборов
в Учредительное собрание. *Ноябрь 1917 г.*

№ 1 ГРАЖДАНЕ! № 1

КТО ЗА ЗАКОНЪ, СВОБОДУ И ПОРЯДОКЪ,
ГОЛОСУЙТЕ ЗА ПАРТИЮ

№ 1 НАРОДНОЙ СВОБОДЫ! № 1

№ 1 ГРАЖДАНЕ! № 1

КТО ЗА ЕДИНСТВО РОССИИ И ЕЯ СВѢТЛОЕ БУДУЩЕЕ,
ГОЛОСУЙТЕ ЗА ПАРТИЮ

№ 1 НАРОДНОЙ СВОБОДЫ! № 1

Предвыборные листовки
конституционно-демократической партии

Плакаты на улицах Петрограда по случаю выборов.

Агитация на улицах Москвы во время выборов в Учредительное собрание.

Всевыборы под председательством М.М.Винавера.

Демонстранты с плакатами о созыве Учредительного собрания на Красной площади.

Манифестация юнкеров Владимирского военного училища на Литейном проспекте.

Члены Учредительного собрания О.С.Минор, С.Л.Маслов, В.В.Руднев, Е.К.Брешко-Брешковская.

В районной избирательной комиссии по выборам
в Учредительное собрание. *Петроград.*

Заседание правых эсеров
в библиотеке Таврического дворца.

Меньшевики Ф.И.Дан, М.И.Скобелев, И.Г.Церетели.

Группа левых эсеров — делегатов в Учредительное собрание от Украины у здания Петроградской военной гостиницы.

Готовьтесь к учредительному
 собранию. Народ едва имеет понятие о немъ.
 Надо выбрать достойныхъ депутатовъ
 и давать имъ наказъ — земли, воли
 и др. законы.
 Катерина Брешковская
 Самара, 18 марта 1917 г.

ГОТОВЬТЕСЬ КЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ.
 НАРОДЪ ЕДВА ИМѢЕТЪ ПОНЯТІЕ О НЕМЪ.
 НАДО ВЫБРАТЬ ДОСТОЙНЫХЪ ДЕПУТАТОВЪ
 И ДАВАТЬ ИМЪ НАКАЗЪ — ЗЕМЛИ, ВОЛИ
 И ДР. ЗАКОНЫ.

КАТЕРИНА БРЕШКОВСКАЯ

САМАРА, 18 МАРТА 1917 Г.

БАБУШКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ Е. К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ

Снимокъ Ф. Д. Соловьева и И. Соловьевой

Москва — Репро. Кустодиев

Е.К.Брешко-Брешковская. Самара. Март 1917 г.

М.А.Спиридонова.

Ф.И.Дан и Ю.О.Мартов.

Демонстрация в защиту Учредительного собрания.
Петроград. Январь 1918 г.

Демонстрация в день открытия Учредительного собрания.
Петроград. 5 января 1918 г.

Охрана Таврического дворца (А.Г.Железняков и М.С.Урицкий).
5 января 1918 г.

Общий вид зала Таврического дворца.

Общий вид президиума Таврического дворца.

Вид заседания Учредительного собрания.

Вид помещения в Таврическом дворце
после разгона Учредительного собрания.

Молебен у Никольских ворот на Красной площади
в знак протеста против разгона Учредительного собрания.

была и судьба голосования в Учредительное собрание, поскольку в деревне жило до 80% всего электората, не считая крестьянской части армии. Но статистика голосования в деревне почти не изучена.

Консерватизм русского крестьянина вошел в поговорку, внушая немалые опасения левым партиям. Крестьянство цепко держалось за вековой уклад жизни, противясь внешним влияниям, будь то экономическая политика Столыпина или политическая экономия социалистов. Оно принимало лишь то, что совпадало с простыми и ясными крестьянскими чаяниями. Поэтому эсера М.Вишняка беспокоило, что исход голосования и судьбу народного представительства будет определять не политически сознательное и активное меньшинство, а то «многомиллионное безграмотное большинство России, которое волею самодержавных царей насильственно отстранялось от политической жизни»⁵⁴. Опасение другого рода сводилось к тому, что деревня просто сорвет выборы, не придя голосовать.

Не рассматривая аполитизм как безусловное зло, надо признать, что в гражданско-правовом смысле деревня не была готова ко всеобщим выборам. Их ждали здесь со смешанными чувствами тревоги, надежды, непонимания происходящего, одни — как второго пришествия Христа, другие — как пришествия антихриста. Как писали из Гороховецкого уезда, «ночи не спим, все думаем, за какой номер голосовать. Боимся, как бы в яму не попасть»⁵⁵. В партийных программах и лозунгах здесь разбирались немногие, в основном сельская интеллигенция — большинство же селян было по-детски наивно, приводя в отчаяние агитаторов. «Наши станицы так темны, что не могут разобраться в партиях, у нас не знают ни социал-демократов, ни социалистов-революционеров и т.д. и будут голосовать за тех, кого знают»⁵⁶. В Олонецкой губернии полагали, что кандидатами крестьяне будут выдвигать не партийных деятелей, а просто «хороших людей, олонян»⁵⁷.

Нередко случались курьезы. По рассказу одного агитатора, после его разъяснений люди, недоверчиво переглядываясь, клали «гумаги» за икону, но уже на улице какая-то старуха догнала его, умоляя взять «эти ярлыки» обратно. Другой, узнав, что на выборах будут решать судьбу правления России, воскликнул: «Так бы и сказал, голубчик, что будут царя выбирать»⁵⁸.

Популяризации Учредительного собрания, успеху проведения выборов в деревне немало способствовали крестьянские Советы, почти всюду находившиеся под влиянием эсеров. Во многих губерниях крестьянские съезды приняли указы в эсеровском духе с главным требованием — социализации земли.

25 октября, в день переворота в Петрограде, Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов обратился с воззванием, в котором, заклеивив большевиков, призвал крестьян, солдат и рабочих: «Не оставляйте выборов в Учредительное собрание, сплотитесь вокруг крестьянских организаций и решительно подавляйте всякие попытки грабежа, разбоя. Вся власть Учредительному собранию!»⁵⁹.

День выборов, 12 ноября, во многих деревнях был встречен колокольным звоном, созывавшим крестьян на избирательные участки. В ряде уездов земские органы отменили на время выборов школьные занятия. Отчасти это была вынужденная мера, поскольку учителя были неизменно членами участковых комиссий.

Сельские выборы внешне отличались от городских, как однообразный степной пейзаж от пышного субтропического. Но они имели свой неповторимый колорит. Прежде всего неожиданным было весьма активное участие деревни в голосовании. Во множестве волостей, сел, деревень выборы проходили с участием 80 и более процентов избирателей.

Несколько зарисовок «с натуры» передают своеобразие сельских выборов. Вот свидетельство очевидца голосования в костромской деревне. Выборы проходили в волостном правлении. Несмотря на дождь, ливший как из ведра, избиратели шли дружно, особенно женщины. Смоченные дождем, с подоткнутыми юбками, деловито подходили к столу, получали конверты. Не спрашивая ни у кого совета, вкладывали избирательную записку в конверт, неумело заклеивали и опускали в урну — ящик из-под чая. Все голосующие серьезные. Большинство голосует так, будто уже не первый раз делает это. Вот старуха, старик, голосовавшие за большевиков: очевидно, опостылела им война, если даже они, одной ногой стоящие в могиле, голосуют за самую бесшабашную партию. Другая старуха просит указать, за кого ей голосовать. В чайной споры между эсерами и солдатами. Один нападает, что эсеровское правительство не сделало ничего хорошего, теперь солдаты хотят посмотреть, что сделают большевики: «А не смогут, и их по шапке». В этом селе почти не было неявившихся. Среди 1700 избирателей большинство голосовало за эсеров, остальные — за большевиков⁶⁰.

Другой характерной чертой выборов в деревне было давление со стороны солдат. Пресса пестрела сообщениями об этом. Там, где они появлялись, солдаты становились властителями крестьянских умов. И численность их, и реальное влияние на голосование в деревне не поддаются учету, но они, без сомнения, были велики. Из Красноярска сообщали: «Большевики, воспользовавшись захватом в губернии некоторых правительственных учреждений... поспешили внести в крестьянские массы извращенные представления о создавшемся в стране положе-

нии», с помощью солдат убеждали крестьян голосовать за большевиков «в надежде получить пищу, одежду и иные земные блага»⁶¹. Из Череповца: «В деревню перед выборами наехали солдаты-большевики и вели смуту, и много народу шли за ними»⁶².

Не обошлось и без преувеличений. Под бойким пером иных журналистов и в воображении легковерных крестьян слухи о солдатах принимали фантастические размеры. В Козловском уезде упорно говорили о «сорока тысячах» московских большевиков, которые якобы прибыли в Тамбовскую губернию, о том, что солдаты местного гарнизона будут смертным боем бить всех, кто не проголосует за большевиков. Однако и сами крестьяне тянулись к солдатам, прислушивались к ним, чтобы как-то определиться политически. Узнаваемой деталью деревенского пейзажа в дни выборов были улицы, запруженные «толпами горячо рассуждающей публики. Тут и старушки, и зеленая молодежь. В центре каждой группы фигура в серой шинели... Их слушают внимательно, их советы и указания исполняются с полным доверием и беспрекословно»⁶³.

Не выдерживает критики версия, будто крестьяне отказывались голосовать, поскольку убедились в предательстве эсеров и меньшевиков и не верили, что Учредительное собрание решит земельный вопрос в их пользу⁶⁴. Напротив, среди крестьян было широко распространено поверье, что неявившихся на выборы ждут разные кары, а прежде всего они не получают земли. Из многих мест сообщали, что не голосовали только немощные старцы или те, кто по каким-то причинам в эти дни отсутствовали в своей деревне. В Верхне-Чебулинской волости (Томская губерния), отказавшейся перед этим от земских выборов и едва не побившей инструкторов, на выборы в Учредительное собрание пришло до 80% избирателей. Опоздавший старик, бывший в соседнем селе на свадьбе, долго сокрушался: нельзя ли принять его голос, а то, говорят, земли не дадут⁶⁵. На другом конце России, в Таврии, другой старый крестьянин, не допущенный к голосованию, поскольку он не значился в списках, уныло вопрошал: что же, стало быть, земли теперича не дадут, без земли останусь? «Земля!!! Вот то могучее, инстинктивное, что толкает эти серые массы к урнам. Земля их надежда!»⁶⁶.

В этом смысле показательно, что крестьяне свое голосование порой рассматривали как право на самозащиту, которое Учредительное собрание впоследствии окончательно санкционирует. Так, у избирательного участка костромского села Николо-Тростина мужики долго шумели, не решаясь войти. «Подходит развязный молодой парень. "Идем, ребята! Режь список № 4 (большевистский. — Л.П.), может, будем делить шишмаревский лес". И все покорно поплелись за смелым избирате-

лем»⁶⁷. В дни выборов погромная волна захлестнула Дмитровский уезд на Орловщине. Одна волость не представила выборного производства — «некогда было», — смеялись очевидцы. Большевики получили голоса в тех участках уезда, где в эти дни громили помещичьи экономии⁶⁸.

Итак, именно земля, эта житейская, практическая потребность, прежде всего побуждала идти на выборы и русских мужиков, и целые казачьи станицы, и кочевников, не считавшихся с расстояниями, отделявшими их становища от избирательных участков.

Хотя крестьянское волеизъявление на выборах осталось, по сути, невостребованным, оно представляет научный интерес. Без учета этого важнейшего показателя не будет точным облик крестьянского менталитета. Однако исследовательская проблема здесь упирается в источниковую из-за неразделенности общих итогов голосования в городах и в сельской местности. Поэтому самый логичный и экономный путь, хотя и не безупречный, — вычленение результатов голосования селян путем изъятия горожан из общего числа избиравших.

Проведем несложные расчеты. За вычетом примерно 7 млн человек, голосовавших в городских поселениях (см. с. 216), остается не более 3 млн человек, живших в городах, посадах, местечках, слободах, нами не учтенных. Часть их участвовала в выборах. Исключив 6747 тыс. горожан из числа всех голосовавших в гражданских округах (43954 тыс. человек), получим в остатке 37 млн с лишним избирателей, из них 1,5—2 млн жили в городских поселениях. Ввиду своей малочисленности эти последние не могут серьезно изменить общую картину выборов, тем более в процентном измерении.

Вот как выглядят в процентах результаты голосования сельских жителей в сопоставлении с горожанами:

	Всего (в тыс.)	эсеры	бол-ки	мен-ки	энесы	соц-ты	кадеты	нац. списки
Городские поселения	6747	16,2	34,3	6,4	1,5	7,9	19,0	8,0
Сельские участки	37207	44,0	18,6	2,5	0,9	15,5	2,2	8,8
Итого	43954	39,7	21,0	3,1	1,0	14,3	4,8	8,7

Сопоставление наглядно показывает, что именно деревня определяла величину основных общероссийских показателей, а с тем и облик будущего Учредительного собрания.

Столь же очевидно, что на выборах эсеры были партией крестьянства. В общий эсеровский актив надо, помимо «своих»

44%, занести до 15% голосов, полученных украинскими, мусульманскими и прочими эсерами из разряда «социалисты». Только в Черниговской и Полтавской губерниях, где украинские эсеры выступали самостоятельно, они завоевали свыше 1,2 млн избирателей, в основном сельских.

Эсеры доминировали в аграрных, крестьянских районах с их немногочисленным городским населением, слабо развитой индустрией, со значительными массивами помещичьего землевладения. Более того, в губерниях неземледельческого типа эсеры получили свои мандаты прежде всего благодаря голосам крестьян.

Главным их оплотом была густо населенная деревня земледельческого Центра России. В Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской (ее часто относят к Поволжью) губерниях, вместе взятых, эсеры получили более 4 млн из 5,5 млн голосов (73%), 61 депутатское место из 75. Здесь они имели не только мощную социальную базу, но и психологическую «ауру» в виде преобладавших в крестьянском массовом сознании общинно-уравнительных настроений. Наличие в регионе разветвленной партийно-организационной структуры давало эсерам большое преимущество перед другими партиями, своего рода «машину голосования».

Так, в Воронежской губернии эсеры, по их сильно завышенным данным, к ноябрю насчитывали до 90 тыс. человек (вероятно, вместе с «сочувствующими»), при том, что в Валуйском, Бирюченском, Нижнедевицком и Острогожском уездах в их рядах числилось по 10—20 тыс. человек⁶⁹. В каждом из этих уездов эсеры получили свыше 90% избирательных записок.

Сильны были их позиции в поволжской деревне. В пяти обширных губерниях Среднего и Нижнего Поволжья они получили 39 мандатов из 65. То же можно сказать о Сибири. В Тобольской, Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях эсеры завоевали около 79% голосов и 38 депутатских мандатов из 44. Наконец, еще одним регионом компактного эсеровского влияния были северные Архангельская, Вологодская и Вятская губернии (62% голосов, 19 мест из 26). Вместе с тем Сибирь и Север из-за своей отдаленности и разбросанности населения были, конечно, эсеровской периферией.

За эсеров в деревне голосовали главным образом крестьяне, но не только они. Роль эсеровского фермента в крестьянской среде играла демократическая часть сельской интеллигенции: учителя, земские служащие и др. Речь, однако, пойдет о крестьянах как основной категории сельского населения.

Успех эсеров в деревне не был преходящим, он был обусловлен их давними связями с крестьянством, ориентацией на его социальные запросы. В эсерах видели «мужицкую» партию,

и потому в деревне раздавалось: нам, крестьянам, никаких партий не нужно; эсеры — вот за кого мы должны подать голос.

Большевики во главе с Лениным тогда сетовали на то, что крестьяне не успели разобраться в происходящих событиях, в политике новой власти, давшей им землю. Факты говорят иное. Из Владивостока, например, сообщали, что «ленинские декреты о земле, мире, выпущенные экстренными прибавлениями к газетам, продавались как телеграммы и сыграли роль в исходе голосования»⁷⁰. В Красноярске в дни выборов, по словам местной газеты, толпа жадно слушала «легко раздаваемые обещания большевизма о завтрашнем дне, декрет о земле и пр.»⁷¹. В отдаленных северных деревнях, по информации члена Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов А.А.Суетина, «отпускные солдаты убеждали крестьян голосовать за большевиков, потрясая ленинским декретом о земле»⁷². Такие же сведения поступали и из других мест. Агитационное воздействие первых декретов, очевидно, не было таким, на которое рассчитывали большевики.

Считается аксиомой, что большевики опирались в 1917—1920 гг., помимо столиц, на прилегающие к ним промышленные губернии. Итоги выборов это конкретизируют: в губерниях, составлявших окружение Петрограда и Москвы, в Прибалтике и Белоруссии они получили по округам от 40 до 60% голосов. Естественно, значительная их часть приходилась на долю негородского населения.

Дополним эту картину некоторыми деталями. Во всех этих губерниях, кроме Петроградской, процент голосовавших за большевиков вне городов выше, чем в городах, — в среднем на 5%. Вот как выглядят итоги в городах и в сельской местности по губерниям: Владимирская — 52 и 57%, Калужская — 23 и 59%, Московская — 52 и 56%, Смоленская — 44 и 56%, Новгородская — 28 и 43%. Это связано, по-видимому, с высоким удельным весом сельских рабочих, крестьян-отходников, бедноты на данной территории. Следует добавить, что на выборах в Учредительное собрание многие рабочие Шуи, Иваново-Вознесенска и прочих городов голосовали не по месту работы, а по месту жительства, в окрестных деревнях⁷³. Успех большевиков в Прибалтике определенно связан с многочисленностью сельскохозяйственных рабочих, особенно в Лифляндии.

Влияние большевиков возросло, судя по статистике голосования, в уездах, образуемых губернскими центрами, промышленными городами, в пригородных слободах, близ железных дорог — там, где индустриальная жизнь втягивала в свой ритм окрестное крестьянство, ломая его замкнутый хозяйственный быт и заскорузлую психологию. Опять же следует добавить, что многие рабочие городских предприятий жили в близ-

лежащих деревнях, где они имели хозяйства и где голосовали. В окрестностях Чистополя, в восьми сельских участках, большевики собрали 11% голосов⁷⁴ — в два раза меньше, чем в самом городе, но и в два раза больше, чем по всей Казанской губернии.

Кадеты в деревне провалились, и эта их неудача была predetermined. Партии народной свободы удавалось держаться на политической авансцене России во многом благодаря партнерам слева, не мыслившим спасения страны вне коалиции с кадетами, но на выборах в Учредительное собрание она осталась наедине с собой. Все социалисты вели яростную антикадетскую кампанию. В деревне это было тем проще, что кадетские идеи укрепления земли в собственность и частичного выкупа помещичьих земель ныне кажутся более справедливыми, нежели русским крестьянам в 1917 г.

Выборы вновь подтвердили, что кадеты были прежде всего интеллигентской, «городской» партией. Как правило, в уездах за них голосовали считанные доли избирателей. Лишь в отдельных уездах этот показатель повышался до 10—11%: Вязниковский уезд (Владимирская губерния), Сарапульский (Вятская губерния), оба Макарьевских — костромской и нижегородский. Своего потолка — 15% — кадеты достигли в селах и деревнях Рыбинского, Романово-Борисоглебского и Любимского уездов на Ярославщине.

Социальный состав тех, кто в деревне голосовал за кадетов, не ясен до конца. Но это было, несомненно, большинство сельской интеллигенции, помещики, частично зажиточные слои крестьянства. Однако поддержка крепких крестьян-собственников была ограниченной, поскольку многие из них отдали свои голоса эсерам, энесам, кооператорам, Союзу земельных собственников. Так, в Валковском уезде Харьковской губернии со времени П.А.Столыпина сложился плотный слой богатых хуторян и отрубщиков. Но кадеты в уезде не получили и 3% избирательных записок, так как столыпинские «хозяйственные мужички», к удивлению наблюдателей, голосовали главным образом за блок украинских эсеров и крестьянских Советов⁷⁵.

В целом крестьяне были настроены воинственно против кадетов, видя в них помещиков и «буржуев». В с.Садовом Воронежской губернии крестьянское общество даже составило приговор: кто будет голосовать за кадетов, того убить. О серьезности решения можно судить по тому, что никто в селе за кадетов не голосовал⁷⁶. Похожая картина была в Старооскольском уезде Курской губернии. «Вы за буржуев пришли класть, — встречают выборщиков у избирательного участка, — смотрите, у нас все буржуйские голоса на счету, после мы с вами посчитаемся». И в результате крестьяне, имеющие 100—300 десятин,

далекие от всякого социализма и пришедшие голосовать за кадетов, волей-неволей голосовали за эсеровский список⁷⁷.

Источники не позволяют определенно судить об отношении крестьян к правым монархистам. Если основываться на формальных итогах выборов, их влияние было невелико даже с учетом того, что они часто выступали под нейтральными названиями. Впрочем, и тот факт, что крестьяне в огромном своем большинстве голосовали за республиканские партии, еще не означал, что они стали убежденными республиканцами, окончательно распрощались с верой в царя.

Выборы дали немало примеров и проявлений наивного крестьянского монархизма. В нижегородском селе Курцево часть крестьян поначалу вовсе отказалась голосовать, требуя вернуть царя. Затем они передумали, извиняясь и жалуясь на свою темноту, и проголосовали за эсеров, «за землю»⁷⁸. Порой крестьяне, опуская записки за социалистов, осеяли себя крестным знамением: дай нам Бог хорошего царя.

В том, что в крестьянском общественном сознании сохранялась (возможно, доминировала) монархическая парадигма, нет ничего странного, учитывая общий крестьянский консерватизм. Чувства, выработанные многими веками самодержавного патернализма, не могли выветриться за несколько месяцев революции. Не столь удивителен и упомянутый «монархобольшевизм». Ход крестьянских мыслей был прост до элементарности: власть, свергнувшую Временное правительство, они в соответствии со своим политическим опытом принимали за возврат к монархии. В «медвежьих» углах России политическая темнота крестьян была просто вопиющей. В глухих нижегородских деревнях в дни выборов в ответ на партийную агитацию слышалось: «перебить их всех, агрономов этих надо»⁷⁹.

Для более детального изучения структуры голосования крестьян целесообразно локализовать объект до границ, дающих возможность многомерного статистического анализа. Такими статистическими материалами по Тамбовской губернии, охватывающие все сельские избирательные участки — 1571. Репрезентативность этой совокупности обеспечивается также тем, что это была чисто аграрная, образцово «крестьянская» губерния. Ее городской контингент избирателей (без военнослужащих) составлял лишь 6,5% общегубернского. Если же учитывать действительно голосовавших, соотношение будет еще выразительнее: в городах Тамбовщины явка равнялась 50%, а в сельской местности — 75% избирателей. Таким образом, среди всех голосовавших в округе горожане составили всего 3,5%⁸⁰. Их голосов вместе с военнослужащими хватило бы лишь на один депутатский мандат. Фактически всех тамбовских учредителей избрала деревня.

Заметим также, что в деревне активность женщин была выше, чем у мужчин (77,4% против 70,0%) и тем более выше, чем у горожанок — всего 47,1%⁸¹. Было ли это следствием политического давления или делом свободного, разумного выбора? Вопрос этот в полной мере относится и к мужской части сельского населения.

Вот как выглядела картина голосования в Учредительное собрание по уездам, но без городов. В таблице даны для удобства показатели двух конкурировавших на выборах партий — эсеров и большевиков⁸².

Уезды	Избирателей	Эсеры	Большевики
<i>(в процентах)</i>			
Спасский	51189	89,9	6,7
Борисоглебский	137151	86,2	10,7
Моршанский	95313	85,9	7,2
Темниковский	54890	81,1	10,4
Лебедянский	60233	80,4	13,9
Тамбовский	169252	76,4	17,9
Шацкий	65061	75,3	20,5
Елатомский	60817	73,6	19,4
Козловский	137905	69,6	25,5
Кирсановский	114622	66,7	30,6
Усманский	91372	63,9	34,1
Липецкий	51377	52,3	42,1

В таблице отчетливо прослеживаются две тенденции. Во-первых, ее левая часть, показывающая убывание эсеровского процента, почти зеркально отражает правую сторону. Это значит, что эсеровские голоса вытеснялись большевистскими, и наоборот. Во-вторых, ни в одном из уездов нет даже подобия того спектра голосов, который наблюдался в любом из городов. В городах губернии большой разброс голосов вполне объясним социальной пестротой населения и политической разнонаправленностью электората (эсеры — 19%, большевики — 27%, кадеты — 32%, меньшевики — 14%). В деревне выбор фактически был между двумя партиями, вернее говоря, между двумя

партийными списками — эсеров и большевиков. На их долю здесь пришлось соответственно 75,4% и 20,0% всех голосов. Оставшиеся считанные проценты (менее 10 в каждом из уездов) заслуживают внимания не столько в политическом смысле, сколько как артефакт, как бесспорное проявление сугубо индивидуального, личного выбора крестьян.

Четырехкратное превосходство эсеров над большевиками впечатляет, но не менее красноречиво и то, что последние именно в деревне собрали $\frac{9}{10}$ своих голосов, тогда как в городах, без учета солдат, получили всего 11% избирательных записок. Иллюстрируя эту связь, заметим, что процент большевистских голосов был выше в тех уездах, где имелись крупные воинские гарнизоны и с их помощью раньше установилась советская власть, — Усманский, Кирсановский, Липецкий, Козловский. Если такая зависимость существовала, вряд ли следует ее переоценивать. Деревня голосовала по-своему, хотя и с оглядкой на город.

В то же время близость к городу сказывалась на голосовании в сельских избирательных участках. Прежде всего оно было более дифференцированным. В селах Моршанской пригородной волости в борьбу вмешались меньшевики: в трех участках (Барашевский, Кончанский, Моршанский) они взяли 1357 голосов из 2335⁸³. Здесь проявилось влияние сильной городской организации меньшевиков-интернационалистов. В Тамбовском уезде выделялась Рассказовская волость с промышленным селом Рассказово. Дело не в том, что здесь среди 6 тыс. избирателей большевики получили 63,5% голосов, а эсеры — только 15,6, а в том, что крестьяне знали и о таких партиях, как меньшевики, кадеты и даже энесы, собравших свыше 5% голосов каждая.

Резкое политическое размежевание в тамбовской деревне на выборах ставит ряд правомерных вопросов. Значит ли это, что крестьяне, голосовавшие за эсеров, были настроены враждебно к большевикам, и наоборот? И было ли это противостояние вообще? Наконец, количественный аспект. Если в Козловском уезде, пишет О.Рэдки, было соотношение голосов эсеров и большевиков 3:1, то что это значит? Следует ли понимать, что в средней деревне трое из каждых четверых жителей голосовали за эсеров и один — за большевиков? Или это означает, что из четырех деревень примерно одного размера три однозначно голосовали за эсеров и одна — за большевиков⁸⁴?

На основе данных по всем сельским участкам Тамбовщины помещенная ниже таблица отражает динамику голосования за обе партии, где указаны процентные показатели и соответствующее этим значениям количество участков.

% голосов	Кол-во участков	
	за большевиков	за эсеров
менее 10	987	81
10—20	156	69
20—30	70	62
30—40	55	48
40—50	59	46
50—60	27	52
60—70	52	72
70—80	56	108
80—90	50	203
90—100	59	830

Прежде всего бросается в глаза, что более чем в половине сельских избирательных участков свыше 90% избирателей выбирали один список: в 830 случаях эсеровский, в 59 — большевистский. При этом в 46 участках голосование было абсолютно единогласным (из них лишь в одном случае за большевиков). Примерно в третьей части пунктов число голосов, поданных за другие списки, не превышало дюжины. В то же время «зона равновесия», где реально конкурировали оба списка, имея от 40 до 60% голосов, была очень узка — всего около ста участков из почти полутора тысяч!

Главный вывод заключается в неструктурированности, нерасчлененности политического сознания крестьян. Складывается впечатление, что во многих селах имел место не индивидуальный, а коллективный выбор в виде решения сельского схода, общества. Хотя документов такого рода нами не обнаружено, на эти факты указывала и Тамбовская окружная комиссия⁸⁵. Такое явление было вообще характерно для деревни, не только тамбовской. «Езжу по деревням четвертый день, — писал очевидец с Алтая, — и каждому крестьянину задаю вопрос: за какой список у вас подают? Я не спрашиваю никогда, за какой список ОН подает, ибо вся соль и вся жуть деревенской жизни состоит в том, что голосуют по решению "общества"»⁸⁶. В Ярославской губернии многие деревни уговаривались, за кого голосовать⁸⁷. Выбор при этом чаще всего падал на эсеров.

Можно предположить, что голосование в селах, формально тайное, на самом деле было достаточно «прозрачным», и лишь немногие избиратели отваживались голосовать по-своему, вопреки большинству. «Мы люди темные, — сплошь и рядом го-

ворили крестьяне членам избирательных комиссий, — дайте, за который все бросали».

Обращают на себя внимание случаи, когда соседние села голосовали совершенно по-разному. Так, в 6-м Куликовском участке Усманского уезда за большевиков проголосовали все до одного 1900 избирателей, тогда как в 4-м и 5-м Куликовских участках — только 98 из почти 3 тысяч⁸⁸. Столь резкие колебания в характере голосования побуждают искать экстраординарные объяснения, вроде воздействия приезжих агитаторов или харизмы какого-то местного вожака. Колебания электорального маятника заставляют задуматься и над тем, играли ли социально-хозяйственные внутрикрестьянские различия ту роль, которую им обычно приписывают?

Историки уже обращали внимание на то, что при выборах 1 Государственной Думы не было прямой зависимости между недостатком земли и остротой требований крестьян. «Жажда земли» предопределяла поведение основной массы крестьян, но узость социального прагматизма, объективно обусловленного целым рядом причин, мешала им видеть способы достижения своих целей через политическое регулирование⁸⁹.

Произведенный нами сопоставительный анализ состояния крестьянского землевладения и голосования по селам Усманского уезда не выявляет жесткой зависимости между ними. Как и всюду, в уезде соперничали эсеры и большевики. Ни в одной из 26 волостей их суммарный результат не составлял меньше 96% поданных голосов. Хотя уезд был сравнительно обеспечен землей (в среднем на одну мужскую душу приходилось 8,8 десятины⁹⁰), осенью здесь широко разлилось захватно-погромное движение. Этому содействовали и большевики, имевшие в Усмани прочные позиции, включая должности уездного комиссара и городского головы. Это, конечно, объясняет тот факт, что в ряде волостей (Верхне-Телелюйская, Крутецко-Байгорская, Подворная, Нижне-Матренская) большевики собрали свыше 90% голосов⁹¹, хотя земельные наделы здесь не опускались ниже среднего уровня. Голосование, по-видимому, определялось давлением на избирателей волости.

В то же время очевидно, что крестьяне голосовали за землю и когда выбирали эсеров, и когда выбирали большевиков. Это противоречие только кажущееся: и в том и в другом случае это была программа всеобщего уравнительного передела. Крестьяне отдавали предпочтение тем партиям, которые обещали желательное для них решение земельного вопроса.

Схватываясь с большевиками в острых теоретических спорах о земле, эсеры снисходительно бросали им: с чем вы пойдете к крестьянам, у вас и аграрной программы-то настоящей нет. Однако их идейная борьба с ленинской программой наци-

онализации земли оказалась, образно говоря, борьбой с ветряными мельницами. Изданием земельного декрета большевики перехватили у эсеров их главное оружие в борьбе за крестьян — социализацию земли. Такая тактика не была образцом нравственности, но без нее большевики не получили бы поддержку почти пятой части крестьян. Это было гораздо меньше того, на что они рассчитывали, но это было больше того, что должна иметь партия, строившая свои долговременные отношения с крестьянством на путях жесткого внеэкономического принуждения.

Выборы отразили вместе с тем и уровень политических представлений крестьян о партиях и о власти. Сами эсеры отдавали себе отчет в том, что большинство их сторонников и даже «большинство членов ПСР принадлежит к людям, еще не вполне усвоившим пункты программы, а также ничего общего не имеющим с социализмом»⁹². В деревне особенно силен был «синдром толпы». В еще меньшей степени можно говорить об идейном большевизме крестьян. Скорее это была эмоциональная реакция, которую удачно выразил некий крестьянин: «Во время выборов в учредилку на митинге вдруг выступил матрос. Долго говорил, что нужно выбирать большевиков и что такое они. Я почувствовал, что я ведь тоже большевик»⁹³. Деревня, где почти не было никаких партийных организаций, усваивая какие-то политические представления, делала это больше на уровне веры, чем на уровне знания и сознания. О программах партий здесь имели весьма смутное понятие. «Большевик — это тот, кто больше имеет», — говорили одни крестьяне. «Большевик — это трудовой народ, которого больше», — уверяли другие.

Из этого следует, однако, что поляризация голосов в деревне еще не означала ее политического раскола, как в городах, во всяком случае в такой степени. Проложенная выборами политическая борозда не была глубокой и быстро заросла до нового вмешательства сверху.

Вопрос о существовании политической власти был для крестьян вообще вторичным — для них решающими были мотивы экономического и социального порядка. Захват власти большевиками в обход Учредительного собрания не оскорбил их чувств, но и не вызвал у них восторга. Получив помещичью землю, деревня перестала в нем нуждаться и осталась в целом равнодушной к его разгону. Вместе с тем рухнула надежда части умеренных социалистов, что крестьянство сыграет в революции роль третьей силы, разняв мощной рукой непримиримых врагов — большевиков и правых во главе с кадетами.

Отмечая зафиксированную итогами голосования популярность эсеров в деревне, подчеркнем вместе с тем устойчивость их влияния. Самым строгим критерием этого стала гражданская война, размах и жесточенность которой определялись во-

влеченностью многомиллионного крестьянства в братоубийственную войну. Наложение итогов выборов в Учредительное собрание на карту гражданской войны, предпринятое Лениным в конце 1919 г., подвело его к весьма важному, с нашей точки зрения, признанию: «И вот именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний»⁹⁴. «Разве крестьяне Урала и Сибири, — писал он в другом случае, — которые на выборах в Учредительное собрание дали наименьший процент большевиков, не поддержали сплошь фронт Учредительного собрания, бывший тогда фронтом меньшевиков и эсеров, — разве они не были лучшим человеческим материалом против коммунистов?»⁹⁵. Возможно ли более авторитетное свидетельство аутентичности крестьянского голосования, чем «ценные признания» главного врага Учредительного собрания?!

Подведем некоторые итоги. Выборы в Учредительное собрание в городе и деревне различались не частностями, а самым типом голосования. Говорить о политическом ее отставании в сравнении с городом не приходится. Электоральное поведение российского крестьянства отразило характерные черты аграрной крестьянской революции, развивавшейся по своим внутренним законам. Выборы показали, что крестьянство намерено идти своим путем, и революция в деревне шла, в сущности, не сливаясь с революцией в городах, хотя и под сильным ее влиянием.

По справедливому замечанию американского историка У.Розенберга, завоевать массы в 1917 г. можно было только путем радикального решения аграрного вопроса⁹⁶. Независимо от всех обстоятельств крестьянство выразило свою коллективную волю ясно и недвусмысленно — оно голосовало за землю.

Рассматривая выборы в Учредительное собрание не в узко политическом, а в более широком социокультурном плане, трудно уйти от мысли, что российская деревня не была глубоко затронута культурной модернизацией. В ней превалировали традиционные социальные и психологические установки. Для крестьянства далеки были такие абстрактные ценности, как нация, государство, демократия, формирующиеся через длительное культурное воспитание и образование. Межпартийная борьба не играла цивилизующей роли, в основном выливаясь в откровенную погоню за крестьянскими голосами. С низким уровнем культуры было связано и стремление добиться справедливости и равенства через простое перераспределение жизненных благ, а не через структурные общественные преобразования.

Резюмируя обстановку, газета вологодских эсеров «Вольный голос Севера» 25 ноября писала: «Деревня в огромной массе оказалась мало подготовленной к выборам и технически, и по существу. В большинстве случаев деревне непонятны ни смысл выборов, ни порядок». Но, продолжала газета, «выборы всколыхнули, взбудоражили массы, и в этом смысле их влияние трудно поддается учету».

С таким выводом трудно не согласиться.

4. С винтовкой и избирательным бюллетенем

Одним из важнейших гражданских прав, завоеванных военнослужащими русской армии в 1917 г., было избирательное право. В то время его не имела ни одна армия в мире. Но уникальность ситуации состояла еще и в том, что реализовать это право предстояло армии, которая четвертый год вела кровопролитную войну. Хотя к осени бои на большинстве участков фронта стихли, нельзя было исключать активизации неприятеля именно в дни выборов. Выражая кадетскую позицию, Б.Э.Нольде назвал «идиотизмом» то, что «всеобщие выборы в их самой современной и тончайшей постановке приходилось применять в полевых окопах, лицом к лицу с немецкой тяжелой артиллерией»⁹⁷. Однако не могло быть и речи о неучастии армии в выборах Учредительного собрания — она давно стала инструментом политической борьбы, все более теряя свою общегосударственную функцию.

Процедура выборов в армии и флоте была утверждена Временным правительством 30 сентября, но под давлением разных обстоятельств ее до последнего дня пришлось корректировать: менялись сроки выборов, представительные квоты и т.д.

Учреждался различный порядок голосования военнослужащих на фронте и в тыловых районах. Из войск Действующей армии были образованы Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский и Кавказский фронтовые избирательные округа, а также округ русских экспедиционных войск во Франции и на Балканах. В отдельные округа с мажоритарной системой выборов были выделены Балтийский и Черноморский флоты. Все эти округа непосредственно делегировали в Учредительное собрание своих избранников. Вместе с войсками должны были голосовать и чины Союза земств и городов, обслуживавшие разнообразные нужды фронта. Всего Действующая армия, согласно Положению, избирала около 80 депутатов. (Для нее, по понятным причинам, была установлена «плавающая» цифра, в зависимости от реального числа избирателей.)

Напротив, солдаты и офицеры тыловых гарнизонов должны были голосовать вместе с гражданским населением за общие списки кандидатов. Но при этом в крупных гарнизонах создавались отдельные воинские участки, обычно на основе какой-либо крупной военной единицы — полка, дивизиона, дружины. В самых мелких гарнизонах особые воинские участки могли не создаваться. Военнослужащие, по разным причинам оказавшиеся вне своих частей, могли голосовать в гражданских участках, если они своевременно были внесены в списки избирателей. На время выборов офицеры и солдаты освобождались от несения службы.

Поначалу были определены очень жесткие по фронтовым условиям сроки составления списков голосования — за 10 дней до начала выборов. Еще два дня давалось на их исправление. Эта мера грозила оставить за порогом избирательных участков многие тысячи фронтовиков, она вызывала протесты, массу недоразумений, которые обычно разрешались в пользу настаивавших на своем праве голоса. При передислокации всей воинской части она создавала свою избирательную комиссию.

Если в гражданских округах военнослужащие голосовали в одни сроки с местным населением, то во фронтовых округах выборы должны были начаться 8 ноября и продолжаться целую неделю, а на Кавказском фронте с его особо сложными природными условиями выборы намечались на 1—15 ноября. Но все предварительные наметки были опрокинуты жизнью. На Румынском фронте выборы закончились 17 ноября, на Северном — только 21 ноября, на Юго-Западном — 22 ноября, на Кавказском — 24 ноября, а на близлежащем от центра страны Западном фронте они начались только 22 ноября.

Особый режим голосования был установлен для казачьих войск. Независимо от места своего расположения они должны были голосовать по кандидатским спискам своих казачьих территорий, отстоявших на тысячи верст от мест их дислокации. Это был, конечно, способ спасти казачий консерватизм, изолировать казачьи войска от разлагающего влияния большевизированных солдат. Мало сказать, что при таком порядке подведение итогов выборов в округах затягивалось на недели до поступления протоколов казачьих комиссий. Этим создавалась и почва для различных злоупотреблений со стороны казачьего командования, которое еще удерживало в своих руках рычаги дисциплинарной власти над рядовыми станичниками. Так, в 1-й Донской полк не был вовсе допущен список большевиков. Казаки резко протестовали «против такой вопиющей несправедливости»⁹⁸. Оренбургский казачий полк, стоявший на Юго-Западном фронте, из девяти списков Оренбургского округа получил лишь казачий список. При подсчете голосов обнаружи-

лось, что из 1234 избирателей за него поданы 1084 записки, остальные конверты пусты. Окружная комиссия расценила результаты выборов как явную фальсификацию и аннулировала их⁹⁹.

Но в целом выборы на фронте прошли спокойно, если не считать кратковременного ареста избирательной комиссией 7-й армии Юго-Западного фронта армейским Военно-революционным комитетом. По-видимому, это было недоразумение, поскольку уже через час караул был снят. Согласно официальному донесению, на этом самом крупном фронте «выборы прошли с большим подъемом и без эксцессов»¹⁰⁰. Примерно то же телеграфировали с других фронтов. В газетах сообщалось, что в полдень 14 ноября в Могилеве на автомобиле в сопровождении адъютанта приехал в избирательный участок и проголосовал главоверх генерал Н.Н.Духонин, через несколько дней убитый солдатами при захвате Ставки войсками советского главкома Н.В.Крыленко.

С фронтов приходили сведения о высокой явке на голосование: на Румынском фронте она составила 79%, на Северном — не менее 80%. На Черноморском флоте абсентеизм был ничтожен — всего 7%. В общефронтовом масштабе об этом можно судить, отталкиваясь от материалов однодневной переписи Действующей армии 25 октября 1917 г. В тот день в войсках всех фронтов, кроме Кавказского, были налицо 5412 тысяч военнослужащих¹⁰¹. Если исходить из данной цифры, то на этих фронтах голосовали 72% состава. В реальности же численность войск Действующей армии за эти недели сильно сократилась как вследствие плановой демобилизации солдат старше сорока лет, начатой еще Временным правительством, так и по причине дезертирства. С учетом этих факторов участие военнослужащих в выборах на фронте было близко к максимуму. Например, в Эрзеруме, занятом русскими войсками турецком городе, из 20 тыс. голосовали почти 17 тысяч офицеров и солдат¹⁰².

Столь дружное голосование само по себе мерило ожиданий Учредительного собрания и подтверждение его популярности в армии. Но солдатам в массе своей были безразличны вопросы легитимности власти — для них вопросом всех вопросов было прекращение войны, и потому они готовы были идти за той политической силой, которая могла дать им немедленный мир. Формулы «демократического мира», «мира без аннексий и контрибуций» для них давно стали словесной шелухой, в действительности они желали лишь мира во что бы то ни стало, мира любой ценой. Именно такой мир дали большевики.

Обобщая итоги выборов в Учредительное собрание на фронте (в его распоряжении были сведения только по Дейст-

вующей армии), Ленин сделал принципиальный вывод: «Армия была, следовательно, уже к октябрю—ноябрю 1917 года наполовину большевистской. Без этого мы не могли бы победить»¹⁰³.

Политическая роль фронта отчетливо проявилась и в том, что он явочно увеличил свое представительство в Учредительном собрании. В разгар выборов фронтовые окружные комиссии, по инициативе Юго-Западного фронта, постановили снизить избирательный метр со 100 тыс. человек до 75 тыс. Такое решение подтвердил съезд представителей фронтовых избирательных комиссий в Ставке 15 ноября. 8 декабря комиссар Всевыборов Урицкий, ссылаясь на решение Юго-Западного и Румынского фронтов, предложил и остальным фронтам перейти на 75-тысячный метр¹⁰⁴. Совнарком санкционировал эту норму представительства с тем, что избранные будут считаться кандидатами до утверждения их в качестве полномочных членов Учредительным собранием¹⁰⁵. Заинтересованность большевистского руководства в положительном решении этого вопроса была тем очевиднее, что оно как раз в это время разными способами старалось изменить баланс сил в ассамблее в свою пользу.

В целом фронтовые и флотские округа избрали 80 депутатов, в том числе 35 эсеров, 34 большевика, 7 украинских эсеров, 1 меньшевика, 1 украинского социал-демократа, 2 украинских социалистов, партийную принадлежность которых не удалось идентифицировать. Таким образом, все депутаты были избраны по социалистическим спискам. Среди них преобладали активисты военных организаций РСДРП(б) и ПСР: большевики В.А.Антонов-Овсеенко, Н.И.Крыленко, Н.И.Подвойский, Э.М.Склянский, эсеры В.Н.Филипповский, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.Л.Утгоф, Б.Ф.Соколов и др.

В.И.Ленин был избран на Северном фронте и Балтийском флоте. Уступив свой мандат во фронтовом округе следующему в списке кандидатов А.Г.Васильеву, он стал «депутатом Балтики». В Балтийско-флотском округе оба места завоевали большевики. Пикантная деталь: председатель Центробалта матрос П.Е.Дыбенко получил от «братишек» больше голосов, чем сам вождь большевиков.

Тем не менее влияние большевиков среди балтийцев вовсе не было безраздельным, как может показаться, — 57,4%. Почти 40% «флотских» голосовали за эсеров, в том числе 27% — за эсеров-интернационалистов. Напротив, в Черноморско-флотском округе большевики собрали лишь пятую часть голосов, а две трети личного состава флота проголосовали за русских и украинских эсеров. Сдержанное отношение черноморцев к большевистской власти подтвердилось затем их ориентацией на Центральную Раду, отказом ряда кораблей подчиниться прика-

зу Совнаркома об эвакуации флота из Севастополя в Новороссийск весной 1918 г. Характерно, что кадетская партия вообще не выставила в этих округах своих кандидатов. Правда, в Черноморском флоте кадеты попытались заявить беспартийного адмирала А.В.Колчака, но пока возвращавшийся из командировки в США адмирал дал согласие, положенные законом сроки регистрации кандидатов были пропущены, и кадетский список был снят.

Армии Северного фронта из-за своей близости к Петрограду были наиболее подвержены воздействию антивоенной агитации и общей деморализации. На выборах большевики получили здесь определенное большинство — 56,1%, владели политической инициативой. Однако большевики фронта действовали в дни переворота со всей возможной осторожностью, явно избегая риска и опасной перспективы гражданской войны на этом участке. Их главные усилия были нацелены на недопущение вмешательства войск Северного фронта в петроградские дела. Такой же линии держалось и фронтовое командование во главе с генералом В.А.Черемисовым, уклонившимся от оказания военной помощи Керенскому.

В политической позиции солдатских масс Северного фронта самым определенным было неприятие коалиции с буржуазией, как и власти Керенского. Исследуя их настроения, А.Уайлдмэн предположил, что солдаты Северного фронта приветствовали советскую власть, отождествляя ее с миром. Большевики признавались ими как «чемпионы», но при этом не было злой воли к другим соцпартиям, чьи фракционные разногласия осознавались с трудом. Любые сторонники немедленного мира могли быть избраны так же легко, как и большевики¹⁰⁶.

Эта мысль, впрочем, не столь уж нова для всей небольшевистской историографии. Она всегда исходила из необходимости различать большевизм идейный, партийный и большевизм стихийный, особенно солдатский, связанные между собой не идеологически, а ментально — духом разрушения существующего общественного порядка. Признания такого рода можно найти и у тех большевиков, которые руководили партийной работой в армии. По словам Н.И.Подвойского, возглавлявшего военную работу партии в 1917 г., «в ту пору (октябрь) редкий солдат уже не был большевиком, разумеется, относясь с полной несознательностью к самому большевизму как учению, он просто был большевиком по настроению»¹⁰⁷.

На Западном фронте выборы принесли наиболее убедительную победу большевикам — почти 67% голосов, на фоне которых эсеровские 18,5% выглядели неприлично жалкими. Размах большевизма на фронте, самом важном в военно-стратегичес-

ком смысле, определился уже после корниловского путча и учитывался большевистским ЦК при организации восстания в столицах.

Однако и здесь реальный ход событий не вписывается в схемы вооруженного переворота и совсем не походит на восстания в Петрограде и Москве. Правда, Минский Совет создал ВРК, провозгласил себя властью, но сразу же вступил в соглашение со штабом Западного фронта о нейтралитете, настояв на том, чтобы не посылались войска в помощь Временному правительству. Были, вероятно, подспудные мотивы, побуждавшие большевиков здесь, как и на Северном фронте, придерживаться осторожной, если не выжидательной, тактики. Это было и нежелание развязать гражданскую войну в Действующей армии, и неуверенность в ее исходе, и готовность разделить власть на общедемократической основе.

По иным сценариям развивались события на отдаленных от столиц Юго-Западном и Румынском фронтах. Здесь также имели хождение лозунги немедленного мира, но собственно большевистское влияние было невелико. Не было крупных партийных организаций и в тылу этих фронтов, которые могли бы стать источниками мощного излучения такого влияния. Информация, поступавшая из Петрограда и Москвы, фильтровалась командованием и войсковыми комитетами, настроенными антибольшевистски. На Юго-Западном фронте, протянувшимся на полтысячи верст от Припяти до Днестра, большевики получили 31% голосов, на Румынском, упиравшемся в устье Дуная, только 15%. Они явно уступали эсерам, имевшим соответственно 41 и 60%. Внушительной «третьей силой» на этих фронтах, пересекавших с севера на юг территорию Украины, было украинское национальное движение. Соединенные списки украинских социалистов собрали примерно шестую часть избирателей-военнослужащих.

На этих фронтах велась массивная и небезуспешная контрбольшевистская пропаганда. Но ее воздействие на солдат не было глубоким, а политические симпатии солдат отличались толерантностью. Характерно донесение из 16-го корпуса 8-й армии, в которой большевики на выборах добились относительно больших результатов, чем в остальных трех армиях Румынского фронта, получив около 27% голосов. В нем говорилось, что «выступление большевиков массы втайне сочувствуют, связывая с ним скорое заключение мира: настроение в общем выжидательное, с нетерпением ждут также созыва Учредительного собрания, возлагая на него все надежды»¹⁰⁸. Растяжимость политических позиций солдат выражена в реплике одного из них: «В вопросе о мире мы большевики, во всем остальном — эсеры».

Кавказский фронт был самым отдаленным. На выборы здесь отводилось 14 дней вместо 7. Тыловые части фронта, расположенные в пределах закавказских губерний, голосовали за общие с гражданским населением кандидатские списки, но за государственной границей войска образовывали особый избирательный округ. Кавказская армия размещалась в основном на территории Турции и Персии. Отрезанная от России горами и ущельями, разгоравшейся в ее тылу политической, религиозной и этнической междоусобицей, разбросанная по мелким гарнизонам, она была предоставлена себе и как бы варилась в собственном политическом соку. Командованию и комитетским верхам в целом пока удавалось противостоять большевикам хотя бы недопущением антивоенной пропаганды. Об этом говорят многочисленные жалобы местных большевиков на дискриминацию, на полное эсеровское засилье в армии¹⁰⁹.

Кавказская фронтовая комиссия, по соображениям военной тайны, публиковала только процентные показатели голосования. Нами выявлены показатели абсолютные¹¹⁰. Ни на одном другом участке Действующей армии эсеры не имели такого успеха — почти 70%. Это дало им пять из шести депутатских мест. Шестое завоевали большевики в лице четверодумца А.Е.Бадаева. Ничтожное количество голосов, полученных кадетами, В.Б.Шкловский, служивший в ту пору в Персии, объяснял тем, что в небольших командах, в одну-две сотни человек, все знали друг друга. И если бы офицер проголосовал за кадетов, то можно было бы с точностью сказать, что офицеры — кадеты, а это по тем временам было небезопасно¹¹¹.

Несмотря на удаленность от эпицентра политической борьбы, у современников не было сомнений, что позиция Действующей армии может решающим образом повлиять на общий ее исход. Было очевидно, что никаких эффективных действий политического характера нельзя предпринять вопреки этой позиции. Поведение солдат-окопников, в том числе на выборах, убеждает, что его доминантой было неудержимое желание мира, по понятным причинам проявлявшееся здесь еще сильнее, чем в тылу. Военный министр Временного правительства А.И.Верховский удачно сравнил лозунг мира с волшебной лампой Аладдина: у кого она в руках, тому и служат духи¹¹². Именно поэтому фронт отказал в поддержке Временному правительству, благожелательно в целом отнесся к восстанию большевиков.

Но говорить на этом основании о большевизации фронта рискованно. Сам факт активного участия солдат в выборах собрания указывал на значение, которое они придавали Учредительному собранию. Советская власть была близка и понятна

массам солдат именно как демократическая, общесоциалистическая, но не однопартийная.

Условия социального бытия тыловых войск существенно отличались от фронтовых. Здесь почти не было запретов на политическую агитацию, на информацию, повседневым было общение с населением, власть офицеров упала почти до нуля. Разбросанные по сотням городов, местечек и сел тыловые гарнизоны, в отличие от фронтовых частей, втянуты были в непосредственную борьбу за власть на местах и оказывали прямое воздействие на ее исход.

Уже осенью 1917 г. оппоненты называли большевиков «партией тыловых гарнизонов», «солдатского бунта». Солдаты-тыловики по существу всюду служили опорой большевиков и их главным орудием. Они обычно составляли наиболее воинственное ядро местных большевистских организаций. Вместе с тем они были основным дестабилизирующим элементом, неизменными участниками всякого рода анархических эксцессов, волнений, неповиновения и пр. Разумеется, грань между большевизмом идейным и массовым, стихийным, замешанным на экстремизме и агрессивности, в принципе имелась, но в революционном горниле она исчезала, растворялась.

Исходя из фактов необузданного поведения солдат в дни выборов на гражданских участках, особенно в деревне, резонно предположить, что то же происходило и в воинских участках... и ошибиться. В документах практически нет «сигналов» об инцидентах в местах голосования военнослужащих. Атмосфера голосования в военных городках почти не отражена в источниках, что косвенно указывает на царившее там спокойствие. В Тифлисе, например, отмечался образцовый порядок в воинских участках. У входов стояли часовые. Агитация если и велась, то вдалеке от участков. Пресса отмечала также отсутствие пьяных солдат¹¹³.

Обстановка негласного партийного перемирия на время выборов была, вероятно, естественной реакцией самосохранения в воинских участках. Но это не исключало попыток давления на избирателей в отдельных гарнизонах, чаще со стороны большевиков. В Туле организованный ими солдатский митинг 15 ноября, за три дня до выборов, заклеил как саботажников умеренных социалистов и постановил голосовать за большевиков¹¹⁴. В Козлове, судя по газетной информации, солдаты объявили своим товарищам, что будут проверять оставшиеся списки и расправятся с теми, у кого сохранятся большевистский список¹¹⁵. Скорее всего, это была пустая угроза, поскольку этот список после выборов остался у каждого четвертого в гарнизоне. Противники большевиков могли отважиться на подобные действия лишь там, где были уверены в своем превосход-

стве. Как в Новочеркасске, где, по сообщению солдат, поданные ими избирательные записки после разоружения пехотных полков гарнизона были уничтожены городской избирательной комиссией¹¹⁶.

Ни одна категория избирателей не шла голосовать с такой готовностью, как солдаты. Это бросалось в глаза в первый же день выборов, обычно самый тихий. Отмечались большой наплыв солдат, их оживленные споры о партиях, солдаты двигались к урнам «целой массой». Другим свидетельством этого были многочисленные инциденты между группами солдат и целыми воинскими подразделениями и выборным аппаратом на почве допущения к выборам. Участковым комиссиям во избежание конфликтов приходилось закрывать глаза на формальные нарушения закона, допуская к выборам не внесенных в списки солдат.

Так, Харьковской окружной комиссии пришлось назначить дополнительные выборы для 1200 солдат артиллерийского дивизиона, прибывшего в Сумы с Северного фронта в разгар голосования и безо всяких избирательных документов¹¹⁷. В Петропавловске (Степной округ) для таких солдат был образован дополнительный участок, иначе они грозили вообще сорвать выборы¹¹⁸. Часто солдаты, находившиеся на излечении в лазаретах и госпиталях, требовали обеспечить их голосование. В Курске свыше трехсот госпитальных солдат добивались присылки им избирательных урн. «Настроение этих раненых очень повышенное, они грозят обратиться за содействием к большевикам, их поддерживают другие больные. Могут вспыхнуть эксцессы». Городская комиссия вынуждена была послать в госпиталь передвижные урны в нарушение закона¹¹⁹.

Особого рода случай произошел в Саратове, где арестованные в результате военных событий 28—29 октября офицеры и юнкера потребовали дать им право выбирать в Учредительное собрание, грозя голодовкой. Они были допущены к выборам¹²⁰.

Тем не менее весьма значительное число солдат в тылу осталось вне выборов, по крайней мере в воинских участках. Личный состав гарнизонов утекал, как вода из дырявого ведра. Во многих местах сохранившиеся структуры власти использовали демобилизационные настроения солдат, рвавшихся домой. Через комитеты спасения, через командный состав и медперсонал всемерно поощрялся роспуск солдат по домам для ослабления влияния большевиков в городах.

Много таких фактов приведено в анкетах делегатов 3-й конференции большевиков Московской области (декабрь). На вопрос о причинах убыли в составе гарнизонов можно прочесть: «требование солдат о комиссии и горячее желание господ врачей пойти навстречу этим желаниям» (Орел); «по заговору вра-

чей, отпускали, чтобы ослабить гарнизон» (Рязань); «отпуска по болезни, принимавшие массовый характер, против чего протестовал Совет» (Ржев)¹²¹. В Опочке командир 291-го пехотного запасного полка через врачебную комиссию распустил как негодных к службе значительную часть солдат. Оставшиеся солдаты объясняли это желанием устранить от выборов большевиков¹²².

Вряд ли эта тактика была дальновидной, но она объясняет отчасти причину необычно высокого абсентеизма в ряде гарнизонов. В Рыбинске, например, и в Вологде голосовали менее половины списочного состава военнослужащих, в Вятке — 2200 из почти 8 тыс. и т.д. Избирательные списки солдат ко времени выборов сильно поредели.

Несмотря на это, общая численность военнослужащих в тыловых гарнизонах оставалась значительной, в ряде городов превышая местный гражданский электорат. Обычно это предreshало общий исход выборов в пользу большевиков. Процент голосов за большевиков у солдат повсеместно превосходил аналогичный показатель у горожан.

Наши статистические наблюдения за выборами в Учредительное собрание охватывают 1024 тыс. военнослужащих из более чем двухсот тыловых гарнизонов. 567 тыс. из них, или 55,4%, голосовали за большевиков. Шедшие следом эсеры получили только 235 тыс. (23,0%), остальные социалистические списки — около 12%. При сопоставлении с фронтом очевидна более резкая поляризация тыловых войск: большевистский процент настолько же выше, насколько ниже эсеровский. Другая многозначительная деталь — довольно высокий (5,2%) удельный вес кадетских голосов.

Большевистская окраска гарнизонов неравномерна в разных регионах страны. Она была наиболее яркой в Центральной России, где большевики получили 73,8% голосов, в Петроградском районе — 71,3%. Понижаясь примерно до 60% на Дону, Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке, степень популярности большевиков в гарнизонах Урала и Поволжья была на уровне 45%, Украины и Крыма — 40%. Эти различия имели относительный характер, во многом подчиняясь общему ходу событий в стране и регионе.

Выборы отразили и внутриармейские социальные различия, воспроизводившие структуру самого общества. Известно, что в технических войсках был выше удельный вес рабочих, пехотные части состояли в основном из крестьян и т.д. Эти различия проявились и в голосовании, хотя и в сильно сглаженном виде. Сошлемся на пример огромного гарнизона Витебска, в котором более 34 тыс. человек голосовали в 11 воинских участках. Город был наводнен артиллерийскими, авиационными,

железнодорожными частями, мастерскими, госпиталями. Почти всюду доминировали большевики, собиравшие 65—80% голосов, лишь подобие конкуренции оказывали им эсеры. Существенно иной была картина в 1-м воинском участке, к которому были приписаны штабные учреждения Двинского военного округа: большевики — 35%, эсеры — 15%, кадеты — 21%¹²³.

Как видно, против большевизма не были иммунизированы даже штабные учреждения, хотя скорее всего это надо отнести на счет солдатской обслуги. В целом же, как показывает статистика, в армии социальное деление дополнялось политическим. Военная интеллигенция в лице офицерства, чиновников, врачей, солдат-комитетчиков была настроена в пользу кадетов либо эсеров, солдатская масса — пробольшевицки. Политическое размежевание, в свою очередь, было чревато военным, вспышками гражданской войны.

Ее очаги особенно тлели в тех гарнизонах, где имелись крупные центры военного управления, значительные командно-офицерские кадры. Одним из них был Иркутск, где находился штаб военного округа, несколько военных училищ. На выборах в Учредительное собрание в гарнизоне большевики и эсеры собрали почти поровну голосов — по 31%. Немного отстали и кадеты — 24,6%. В участке, где голосовали юнкера и школа прапорщиков, полный перевес был за эсерами, получившими 72% голосов¹²⁴. Такое соотношение сил предвещало острую развязку, и она наступила, когда Иркутский ВРК потребовал разоружить и распустить юнкеров. Бои в городе продолжались целых десять дней, 8—17 декабря, унеся почти триста жизней.

Читателю, вероятно, интересно знать, как прошли выборы в отряде особого назначения в Тобольске, охранявшем царскую семью. 309 солдат охраны голосовали за эсеров, 20 — за единый список социал-демократов, 6 — за энесов¹²⁵.

Итак, в армии (на фронте и в тылу) и флоте в выборах участвовали не менее 5,5 млн военнослужащих. Перед лицом этого факта теряют смысл утверждения о безразличии большинства солдат к Учредительному собранию. И хотя те же солдаты спустя считанные недели после выборов провозглашали ему анафему, в этом легче услышать комплимент искусству, с которым большевики манипулировали массовым сознанием, чем проявление искренних чувств.

Большевики собрали на выборах в армии 42,1% голосов, больше, чем эсеры (37,2%), меньшевики (3,4%), кадеты (2,3%) и другие партии России. Пропаганда немедленного мира принесла большевикам неслыханные дивиденды, ибо для солдат лозунг мира был тем магическим кристаллом, сквозь который они смотрели на другие общественные проблемы. Это элементарное ощущение удачно передал А.Уайлдмэн словами безвест-

ного окопника: «Зачем мне земля и свобода, если меня убьют?!»¹²⁶.

Тем не менее победу большевиков в армии можно назвать пирровой. Они невольно стали заложниками многочисленного солдатского плебса, приспособляя свою политику к его требованиям и спонтанным действиям. Солдаты в большинстве своем поддержку новой власти считали условной. Как выразился один из них, «если Ленин обманет и мира не даст, мы его на одну веревочку с Керенским повесим. Сила за нами. Что захотим, то и сделаем»¹²⁷. Подобные предостережения звучали часто. Эту зависимость новых властителей России от солдатчины сразу подметили их оппоненты. «Русская революция 1917 года — это революция солдатская, — писала 19 декабря провинциальная меньшевистская газета. — Опасность этого солдатского характера нашей революции вытекает прежде всего из того, что подавляющая масса наших солдат — крестьяне, класс, неспособный к организованным формам движения, всегда в периоды революции склонный к бунтарству и с трудом воспринимающий... идею государственности»¹²⁸.

Готовя восстание, Ленин убеждал колеблющихся соратников, что, если мирные предложения большевистской власти будут отвергнуты, война станет революционной, что сделает Россию «во много раз более сильной и в военном отношении»¹²⁹. Действительность очень скоро похоронила наигранный ленинский оптимизм. Бесконечно усталая, с надломленной военными неудачами и антивоенной агитацией психикой русская армия уже не годилась ни для мировой революции, ни для защиты отечества. Из нее исходили волны безудержной ярости и бессмысленной жестокости, она заражала своим распадом еще здоровые ткани общественного организма. На этой почве и сложилась брестская политика. Отбросив прежние иллюзии относительно революционности армии, Ленин в феврале 1918 г. сделал суровый и спасительный вывод, что всякие попытки сохранить ее не только бесполезны, но и опасны, «ибо крестьянская армия... после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство»¹³⁰.

5. В национальных районах страны

Изо всех исторических параллелей между Россией современной и Россией 1917 года наименее рискованной кажется национально-государственная. У обеих эпох есть ряд общих черт, которые позволяют квалифицировать их как национальные революции: взлет национального самосознания, активиза-

ция национальных партий, рост автономистских и сепаратистских этнических тенденций при резком ослаблении центральной власти, образование местных правительств и др. За этим сходством кроется генетическое родство процессов, присущих той фазе модернизации общества, которую Запад давно пережил.

Национальный вопрос особенно труден для исторического познания. Многие десятилетия в нашей стране национализм был жупелом, под который подгонялось всякое активное проявление национального начала, а реальные проблемы национального самоопределения приносились в жертву неким высшим интересам. Теперь очевидно, что нация — не преходящее историческое явление, а динамическая субстанция, и национальное единство выше и сильнее единства партий, классов и других исторических образований.

Для России 1917 года — этого конгломерата ста с лишним больших и малых народов — национальный вопрос обрел особую остроту. Более половины ее населения составляли нерусские народы, находившиеся на самых разных ступенях цивилизации. Свержение имперского самодержавия создало предпосылки для проведения в жизнь идеи национального самоопределения, и Временное правительство было поддержано поначалу всеми национальными партиями. Однако оно, декларировав отмену национальных и вероисповедных ограничений, медлило с решением проблемы в целом. С одной стороны, оно было сковано великодержавными традициями, стремлениями кадетов к сохранению целостности бывшей империи, с другой — обязательством не предрешать волю Учредительного собрания в вопросах государственного устройства России.

Точку зрения правых социалистов в правящей коалиции наиболее выпукло выразил Н.С.Чхеидзе. На Государственном совещании в Москве 16 августа он заявил: «Признавая, что разрешение национальных вопросов во всем их объеме подлежит решению Учредительного собрания, и считая необходимым сохранить единство революционных сил, демократия высказывается против попыток разрешения национальных вопросов явочным порядком, путем обособления от России отдельных ее частей»¹³¹. В ожидании Учредительного собрания национальное нетерпение нарастало, переходя от требований культурно-национальной автономии к федералистским и сепаратистским требованиям.

Но дело не сводилось к неуступчивости Временного правительства. Не менее важно изменение объективных условий разрешения национального вопроса. Еще на апрельском Всероссийском совещании Советов В.Б.Станкевич предостерег делегатов, что «литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, армяне, гру-

зины явятся в Учредительное собрание со своими требованиями, с властными требованиями своей национальной жизни, не укладывающейся в рамки даже широко децентрализованного местного самоуправления. И явятся они, — не следует закрывать глаза, — не дружной толпой, а со старыми взаимными тяжбами»¹³². Со временем национальным течениям становилось все яснее, что добиться своих прав в складывающейся обстановке им легче путем самозахвата, чем через Учредительное собрание, где их позиции будут во всех отношениях слабее. Поэтому они стремились еще до его созыва обеспечить гарантии своей автономии.

Оживление местного национализма было связано и с устойчивым поиском путей сдерживания революции. Для расширения своего влияния в массах его лидеры небезуспешно использовали и оппозицию централистским усилиям Временного правительства, и его имманентную слабость, неспособность справиться с экономическим и социальным хаосом в стране. Они насаждали иллюзию, будто с национальной эмансипацией автоматически решатся все остальные проблемы. Но с особой силой этот механизм политического сдерживания заработал после Октября¹³³. Хотя большевики формально провозглашали право наций на самоопределение, их наднациональные революционные вождения и приверженность к государственному унитаризму крайне беспокоили националов всех иных политических ориентаций и объективно их спланивали на антибольшевистской основе.

При таких условиях выборы в Учредительное собрание в национальных районах приняли характер плебисцита относительно самоопределения народов, а голосование за национальные партии фактически стало выбором той или другой его формы.

При разработке избирательного закона в комиссии по окраинам Особого совещания участвовали представители национальных меньшинств. Закон предусматривал определенные гарантии правильного волеизъявления малых народов с учетом их национальной и религиозной специфики (например, особые участки и отдельные дни для голосования женщин-мусульманок). Однако деление округов по этническому признаку было отклонено. Ходатайства с мест на этот счет Временное правительство и Всевыборы неизменно отклоняли, не желая создавать прецедент для пересмотра административно-территориального деления страны.

Многонациональный состав населения России обусловил обилие национальных партий. Свыше 40 их участвовали в выборах — народнические, социал-демократические, либеральные, консервативные. По данным Всевыборов, в гражданских

округах были заявлены 134 национальных социал-демократа, 31 национальный эсер, 160 национальных трудовиков, 385 национальных демократов¹³⁴.

Обычно такие списки выдвигались в районах компактного проживания этноса. Много еврейских списков конкурировало в бывшей черте оседлости (Украина, Белоруссия, Бессарабия). В Могилевской, Волынской, Подольской и Полтавской губерниях их было по 6, включая блоковые списки, в Киевской и Минской — по 4. Из других наций выделялись активностью украинцы, которые за пределами своей основной территории выдвинули списки в Петрограде, ряде поволжских губерний, Воронежском, Пензенском, Кубано-Черноморском, Терско-Дагестанском и Приамурском избирательных округах.

Особняком стоят мусульманские списки. Их было выставлено 34 в 25 округах страны. Они выражали не столько религиозную, сколько этническую принадлежность кандидатов и избирателей к поволжским и крымским татарам, башкирам, народам Кавказа и Туркестана.

Сравнительно редки были межнациональные электоральные блоки. В Пензенском округе объединились украинцы, поляки, литовцы и мусульмане, набрав почти 5% голосов. В Смоленском округе национальный блок составили украинские, польские, литовские, латвийские социалисты, не преуспевшие, однако (всего 0,3%). В великорусских центральных губерниях национальные списки были скорее исключением, вокруг них группировались беженцы из западных районов. В Саратовской губернии свыше 53 тыс. голосов собрал Союз крестьян-украинцев, беженцев-украинцев и эсеров-татар. В Терско-Дагестанском округе, несмотря на резко обострившуюся к моменту выборов межэтническую рознь и вооруженные стычки горцев между собой и с казаками, были выставлены единый список кабардинцев, балкарцев и русского населения и список «чечено-ингушские народы».

В ряде случаев межнациональные блоки заключались по партийному принципу: украинские и левые эсеры в Воронежской губернии, украинские и русские эсеры в Полтавской и Харьковской губерниях. Тяготели к блокам с национальными партиями умеренно-либеральной ориентации народные социалисты, объединившиеся с украинскими федералистами в Киевской и Черниговской губерниях, с союзом черемисов в Вятской губернии.

Наконец, упомянем совместные межпартийные национальные списки. К ним чаще других прибегали украинские эсеры и социал-демократы. На всех фронтах, кроме Северного, были выставлены блоковые списки украинских социалистов. Их целью было, вероятно, увлечь за собой солдат украинизирован-

ных войск, оторвать их от большевиков. Петроградские организации украинских социал-демократов, эсеров и Объединенной еврейской социалистической рабочей партии первыми пунктами своего избирательного блока наметили признание права всех национальностей на самоопределение и провозглашение России федеративной демократической республикой с равноправием национально-территориальных ее единиц¹³⁵. Особую группу составляли национальные беспартийные списки, их было более 70. Они выдвигались в тех районах, где не завершился процесс образования партий или представители данной нации были в меньшинстве¹³⁶. Чаще всего (17) такие списки выдвигались от имени Еврейского национального избирательного комитета. Летом 1917 г. Всероссийский сионистский съезд в Петрограде постановил всюду выставить национально-еврейские списки и лишь в исключительных случаях блокироваться с партиями не правее энесов. Примечательно, что никакой гражданской и моральной дискриминации не подвергались немцы, которые выставили 9 беспартийных списков в Бессарабии, Новороссии, Поволжье, Западной Сибири. По 6 списков принадлежали полякам, украинцам, 3 — белорусам и т.д. Русское население инонациональных территорий почти нигде не выдвигало непартийных списков, распыляя голоса между общероссийскими партиями. Однако в Киеве «правые русские» во главе с В.В.Шульгиным собрали почти 36 тыс. голосов, или 20,5%¹³⁷.

Характерная черта выборов в национальных районах — повышенная активность коренного населения, особенно мусульманского. «В русской части избиратели идут хуже, в туземной — активнее», — писал 19 декабря «Свободный Самарканд». «В Верном дружнее всего голосовали мусульмане, затем — казаки, апатичнее всего — интеллигенция», — вторила другая туркестанская газета¹³⁸. В Симферополе и других городах Крыма наиболее дружно шли на выборы татары, немцы, евреи. Высокая активность крымских татар была отмечена еще на выборах I Государственной думы в 1906 г. — они неукоснительно соблюдали постановления мусульманских съездов об участии в голосовании¹³⁹. В прессе живописался эпизод, когда татары привели на участок 95-летнюю старуху, уже несколько лет не встававшую с постели. В Уральской и Семипалатинской областях сюрпризом оказалась почти поголовная явка на выборы казахов, их пример ставился в укор русскому населению.

Опрометчиво на основе наружных наблюдений делать вывод о том, что виновником довольно высокого абсентеизма в областях Северного Кавказа и Туркестана были только русские. Однако приведенный выше парадокс требует объяснения, которое в данном случае не лежит на виду. Электоральное поведение национальных меньшинств отразило такие их особен-

ности, как практическое отсутствие у них интеллигенции, податливость неполитизированного мышления, атавизмы родо-племенного коллективизма и пр., но решающим было, по-видимому, чувство национальной общности. Показательно, что Всевыборы под давлением с мест согласились на уменьшение числа кандидатских списков в туркестанских избирательных округах до одного-двух¹⁴⁰. Выборы наглядно демонстрировали двойственность, дихотомичность национального сознания, содержащего в себе не только социально разнородные установки, но и некое интегрирующее начало, выраженное понятиями «мы» — «они», «свой» — «чужие».

Иначе просто невозможно объяснить, почему национальные списки — и партийные и беспартийные — получили на выборах целых 11 миллионов голосов, или почти четвертую часть всего электората. Трудно сказать, какая часть избирателей нерусской национальности предпочла общероссийские партии и списки, но едва ли она превышала эту цифру. Учитывая, что в некоторых национальных районах выборы не состоялись, можно с уверенностью сказать, что процент «национальных» голосов должен был еще более возрасти.

Как важную, хотя и не вполне определенную тенденцию отметим заметный рост влияния национальных списков в городах Украины и Белоруссии по сравнению с муниципальными выборами. Этот отлив произошел в основном за счет российских социалистических партий и во многом объяснялся осенней волной еврейских погромов¹⁴¹. Косвенно в этом выразилось разочарование в демократической власти.

Эти показатели еще более впечатляют в округах с преобладанием нерусского населения. На Украине на долю национальных списков, партийных и беспартийных, пришлось подавляющее большинство голосов: в Волынской и Киевской губерниях — до 87%, Подольской — 92%, Полтавской — свыше 75%, Екатеринославской и Черниговской — 54%. Решительно доминировали украинские списки, при том, что еврейские и польские списки на Правобережье успешно конкурировали с большевиками и кадетами. Подытоживая выборы на Украине, Ленин признал, что игнорировать значение украинского вопроса «значит совершать глубокую и опасную ошибку»¹⁴².

Другая важная особенность Украины состоит в том, что примерно $\frac{2}{3}$ избирателей предпочли украинским социалистам¹⁴³. Хотя все они в той или иной степени отдавали дань традициям украинофильства, главными считались не культурно-этнические, а социально-экономические проблемы, что отражало особенности развития Украины¹⁴⁴. Украинская деревня голосовала за украинских эсеров. В Учредительное собрание вошли 78 украинских эсеров и 12 украинских социал-демократов.

Несколько иным представляется подтекст голосования за национальные партии в Закавказье, населенном народами, различавшимися языком, религией, культурой, связанными до того не столько цементирующим влиянием более высокой русской культуры, сколько силой центральной власти¹⁴⁵. С ослаблением, дезинтеграцией и падением последней центробежные национальные тенденции нарастали.

Формально-статистически национальные партии получили в Закавказском избирательном округе, охватывавшем Грузию, Армению и Азербайджан, 63% всех голосов, фактически же к ним надо добавить 27%¹⁴⁶, завоеванных грузинскими меньшевиками, которые на деле являлись национальной партией. В Кутаисской губернии меньшевики собрали 340 тыс. избирательных записок из 380 тыс.¹⁴⁷. В самом Тифлисе их влияние было менее рельефным (свыше 36%), в чем проявился многонациональный состав этого космополитизированного города, но оно все же преобладало. К тому же в Тифлисе кадеты имели 40% всех голосов, полученных ими в округе, что, по-видимому, также связано с наличием в неофициальной столице Закавказья довольно плотного слоя интеллигенции и чиновничества.

Беспорные национальные лидеры были и у других народов Закавказья. В Армении это был Дашнакцутюн, соединявший радикальные лозунги народнического толка с идеей единства «живых сил армянской нации». В Эриванской губернии дашнакам досталось свыше 260 тыс. голосов из 293 тыс.¹⁴⁸. В Елисаветпольской губернии и Карсской области их влияние было почти безраздельным.

В Азербайджане вне конкуренции была либеральная партия Мусават («Равенство»), опиравшаяся на разнородные слои коренного населения. В ее широкой программе лозунг национально-территориальной автономии соседствовал с религиозными панисламистскими призывами и с идеями социальной справедливости. Если в самом Баку мусаватисты, эсеры, дашнаки и большевики боролись почти на равных, то в остальной части обширной Бакинской губернии мусаватисты торжествовали победу, собрав в общей сложности 57%.

Таким образом, в Закавказье в ходе выборов в Учредительное собрание шло интенсивное национальное размежевание и самоопределение народов. То, что во главе этого процесса стояли партии, столь несхожие по идейным позициям, подтверждает, что политический фактор был в выборе электората вторичным. Фактически это не было голосование за социалистическую или либеральную идею, как и против них, поскольку партии выступали и воспринимались прежде всего как выразители национальной общности и государственности. Вместе с тем автономистские устремления здесь были в 1917 году роб-

кими — политики региона не могли не понимать, что означает в условиях Кавказа и Закавказья и соседства Турции и Персии «автономистский вирус»¹⁴⁹. Осудив октябрьский переворот как угрозу демократии и национальному суверенитету, они образовали в ноябре Закавказский комиссариат как коалиционное многонациональное правительство. Закавказский сейм (парламент) был сформирован по итогам выборов в Учредительное собрание при сокращенном втрое избирательном метре.

Выборы в Бессарабии, по словам очевидцев¹⁵⁰, происходили в атмосфере националистической истерии, нагнетавшейся молдавскими сепаратистами из Сфатул-Цэрия, взявшими курс на присоединение к Румынии. Тем не менее успеха они не добились: Молдавская национальная партия получила лишь 14 тыс. голосов из 600 тыс. избирателей, участвовавших в выборах¹⁵¹. Молдавские эсеры, исключенные из ПСР, выступали по списку Совета крестьянских депутатов и завоевали 5 депутатских мест, как и российские эсеры.

Весьма своеобразный район являл собою и Туркестан, где в конце ноября IV Чрезвычайным общемусульманским съездом в Коканде была провозглашена территориальная автономия. Большинство коренного населения к выборам в Учредительное собрание могли привлечь только лозунги национально-религиозного содержания. В Средней Азии вообще не было социальной почвы для социалистической идеи. Еще в июле 1917 г. в Оренбурге всеказахский съезд наметил 79 кандидатов в Учредительное собрание, установив при этом, что в каждой области от казахов не может быть больше одного кандидатского списка¹⁵². Реально добиться этого не удалось, но партия Алаш, еще находясь в стадии становления, смогла стать объединяющей политической и национальной силой на выборах, проведя в Учредительное собрание 43 депутата¹⁵³. «Партия Алаш, раскинувшая свои организации по всем городам, селениям и даже аулам Киргизского края и Туркестана... — сообщалось в прессе, — обладает довольно многочисленным кадром агитаторов и имеет в своих рядах почти всю киргизскую интеллигенцию»¹⁵⁴. В Семиреченском округе блок мусульманских партий собрал свыше 57% голосов, а большинство остальных были поданы за местные списки. В Ферганском округе между собой боролись только мусульмане. Схожим было положение в прилегающих к Средней Азии национальных территориях: в Тургайской области партия Алаш получила 75% голосов, в Уральской столько же досталось списку областного киргизского комитета. Социалистические партии не пользовались успехом. Выразительный штрих: в партии «Уш-жуз» (с центром в Омске) из 14 кандидатов по Степному округу 6 человек ко времени выборов вышли из нее¹⁵⁵.

Тенденция голосовать за «своих» прослеживается у всех малых народов. В миниатюре это можно наблюдать на примере отдельных населенных пунктов с «инородческим» населением. Так, в забайкальском селе Байсетуевском за список Бурятского национального комитета голосовали 267 жителей из 275, в Цугальском цадане 530 из 552 избирателей, тогда как в соседних русских селениях почти все записки были поданы за эсеров¹⁵⁶.

Довольно значительным было голосование за национальные партии в армии, особенно на тех ее участках, которые были менее затронуты пропагандой интернационализма (Юго-Западный и Румынский фронты, Черноморский флот). Еще заметнее это было в украинских (гайдамацких), мусульманских, армянских и прочих воинских формированиях, куда национальная идея собирала военнотружущих отовсюду. В армянском национальном полку в Дилижане 99% избирателей голосовали за дашнаков¹⁵⁷. Иным был итог в сильно большевизированных частях армии. На Северном фронте общий список украинских эсеров и социалистов-мусульман получил лишь 10,6% голосов. Но даже в национальных полках этого фронта идеи большевизма решительно преобладали над национальными. Классическим примером были латышские и эстонские стрелки, которые в основном — на 70—80% — отдали предпочтение большевикам¹⁵⁸.

Несомненно, национальная идея в глазах ее приверженцев была окрашена в разные политические и социальные цвета. Но сквозь эту многоцветную гамму отчетливо проступают основные мотивы. Во-первых, национальные чувства резко проявлялись в тех местностях России, где слабее была классовая дифференциация, где преобладали средние социальные слои, которые в силу своего промежуточного положения более склонны мыслить в рамках общенациональных, нежели классовых категорий. Во-вторых, определяющей в национальном голосовании была демократическая идея федерализации страны, и это вменялось Учредительному собранию. В-третьих, в спектре национально-политических симпатий общероссийского электората решительно (примерно в пропорции 2:1) преобладала ориентация на социалистические партии народнического и социал-демократического типа. Все это не позволяет согласиться с мнением, будто на выборах в Учредительное собрание слабыми оказались позиции национальных партий¹⁵⁹. Их реальное влияние следует оценивать не в масштабах всей России, а в границах своих регионов.

К национальным партиям уместно отнести замечание Ленина о «громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и партий буржуазии» в контрасте с единством и сплоченностью большевистской партии¹⁶⁰. Но то, что было минусом в борьбе за овладение властью, не может считаться таковым, когда речь

идет о наиболее полном выражении национальных интересов разных социальных групп. Как правило, чем более культурно-политически развитой была нация, тем больше кандидатских списков она выдвигала, как, например, еврейское население бывшей черты оседлости. Напротив, в Ферганском округе конкурировали всего два списка, в Прикаспийском — один. Отношение ко Всероссийскому Учредительному собранию как начальному этапу на пути к полному национальному самоопределению было присуще в целом национальным партиям, либеральным и радикальным. Все они переносили акцент на национальные Учредительные собрания, намечая их созыв на ближайшие месяцы. Украинские социал-федералисты полагали, что именно они выработают свою, украинскую конституцию. Бундовцы считали, что только Еврейское Учредительное собрание «определит внутреннее устройство культурно-национальной автономии»¹⁶¹. Конституцию Грузии, по мнению грузинских национал-демократов, должно было принять национальное собрание, созванное в Тифлисе. Проекты созыва национальных Учредительных собраний разрабатывались татарскими, чувашскими, бурятскими и другими националистически настроенными кругами.

Таким образом, Всероссийскому Учредительному собранию предстояло решить, пусть в общем виде, неотложные и исторически ответственные задачи национально-государственного преобразования России из империи в свободное содружество народов. Если для Польши и Финляндии создание независимых государств было предрешено, то для остальных национальных территорий наиболее вероятной формой была договорная федерация. Именно этого предполагали добиваться в Учредительном собрании представители большинства национальных партий.

Учредительное собрание в ночь на 6 января 1918 г. провозгласило Россию демократической федеративной республикой. Но, как и другие, этот акт безнадежно запоздал. Приход к власти большевиков резко усилил сепаратизм национальных лидеров, поспешивших отделиться от «совдепии». 7 ноября Центральная рада, опираясь на широкую коалицию украинских партий и организаций, объявила о создании Украинской народной республики, а затем, в январе, и об отделении от России. Местные правительства, национальные и областные, возникли в Крыму, на Кубани, Тереке, в Бессарабии, Казахстане, Средней Азии. Страна разваливалась на части.

Вместе с тем это провозглашение не было чисто декларативным актом. Решение Учредительного собрания о федеративной форме устройства России явилось тем законным осно-

ванием, ссылаясь на которое национальные и областные правительства обосновывали свое право на автономию¹⁶².

В завершение обзора голосования в национальных районах отметим, что оно отвечало в основном общероссийскому раскладу политических сил, с той, однако, поправкой, что на окраинах относительно большего успеха добивались правые партии. Прогнозируя итоги выборов в тех округах, где они не состоялись, не приходится сомневаться, что позиции националов в Учредительном собрании упрочились бы. В Сыр-Дарьинской области с ее плотным коренным населением, по общему мнению, победа мусульманских списков была предрешена. Общероссийским партиям здесь трудно было рассчитывать даже на одно место из девяти.

Выборы в Учредительное собрание дали новый шанс организовать и проявить себя общественным движениям, выступавшим за территориальную автономию. Прежде всего это сибирское областничество — либерально-демократическое по своему характеру течение сибирской интеллигенции, пытавшейся преодолеть узко партийные и социальные рамки. Его признанным лидером был 82-летний Г.Н.Потанин, выдающийся этнограф, исследователь Сибири и Центральной Азии. Областники были против всеильного российского централизма, видя в нем главную помеху естественному развитию богатейшего края, за региональное самоуправление Сибири. В октябре Сибирский областной съезд постановил, что Сибирь в качестве автономной единицы, управляемой Сибирской областной Думой, должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти в регионе, за исключением того, что будет предоставлено власти общероссийского парламента¹⁶³.

На выборах в Учредительное собрание сибирские областники выдвигали своих кандидатов и самостоятельно и по спискам эсеров, энесов, меньшевиков. На первый взгляд, их успехи были весьма скромны. Один депутат прошел в Якутском округе от федералистов, в Иркутском округе областники вместе с энесами получили 6,3% голосов. Но практически все съехавшиеся к открытию ассамблеи депутаты восточных округов России, кроме большевиков, объединились в Сибирскую группу — около 40 человек. В бюро группы вошли 7 депутатов — по одному от губернии и области¹⁶⁴.

Другим поборником полной территориальной автономии было казачество, насчитывавшее в 1917 г. около 4,5 млн человек. Ни одно из правительств 13 казачьих войск не признало власти Совнаркома. Их территории стали оплотом, базой антисоветских выступлений, местом притяжения наиболее непримиримых противников большевизма.

На выборах в Учредительное собрание самостоятельные казачьи списки были выдвинуты в Астраханском, Донском, Кубано-Черноморском, Терско-Дагестанском, Оренбургском, Степном, Уральском, Забайкальском, Приамурском округах. Агитация за них шла под лозунгами казачьего самоуправления и непризнания советской власти. Но в казачьей среде назревал раскол, вызванный как объективными социальными различиями, так и настойчивым стремлением большевистской власти столкнуть между собой верхи и низы казачества, устранив возможную Вандею. В Степном округе в противовес списку казачьего войска был выдвинут список казаков-социалистов.

Поскольку ни в одном избирательном округе казачье население не составляло большинства, его электоральные возможности зависели от собственной численности и сплоченности. В таком порядке они и расположились. Самое мощное из всех казачьих войск — Донское — завоевало 45,3% голосов, следующее по величине Оренбургское — 31%, Уральское — 16,6, Приамурское — 15,4, Забайкальское — 8,5, Астраханское — 7,3%¹⁶⁵. В этот перечень не вошли кубанцы и терцы, поскольку в их округах выборы либо не состоялись, либо их результаты не были подведены. Судя по отрывочным данным, и в этих станицах казачьи списки были вне конкуренции. В терской станице Грозненская за него были поданы 1453 записки из 2135, в кубанской станице Елизаветинской — 2156 из 2817¹⁶⁶.

Естественно, не все казаки голосовали за «свои» списки, и глубина социального и политического расслоения в казачьих станицах была неодинакова. В Вешенской станице на Дону за казачий список голосовали 16370 избирателей из 17608, за эсеров — 997, за большевиков — всего 10, за кадетов — 6. В Мигулинской станице из 18622 голосов за казаков было подано 17710, за эсеров — 396, за большевиков — 142, за кадетов — 155¹⁶⁷. Однако надо учесть, что к этому времени еще не успели вернуться в родные станицы и хутора фронтовые казаки, среди которых было немало таких, как хорунжий Бунчук и рядовой казак Михаил Кошевой, вкусивших большевистских идей и эгалитаристских устремлений.

Казачьи сословно-территориальная замкнутость, традиционный аполитизм подтаивали с краев и размывались изнутри иногородними, рабочими, солдатами местных гарнизонов, влиянием городов и партийных агитаторов. Это хорошо видно на примерах голосования в казачьих округах и станицах Дона. Если в Хоперском округе казачий список набрал 68% голосов, то уже в Черкасском округе, сердце вольного казачьего Дона — только 42%. Здесь, рядом с Новочеркасском, где находилась резиденция атамана А.М.Каледина, с ним вполне конкурировали эсеры (30%) и даже большевики (25%).

В прогнозах прессы на вероятный состав Учредительного собрания казакам отводили от 20 до 30 депутатских мест. В реальности их оказалось 15, из них 9 — от Дона. Не исключено, впрочем, что присутствие депутатов Уральского, Кубано-Черноморского, Терско-Дагестанского и Степного округов оправдало бы эти прогнозы.

Роспуск Учредительного собрания не вызвал в казачьих районах и подобия протеста. Но эта идея не была вовсе чужда казачеству с его тягой к самоуправлению и автономии. Об этом говорят документы Сибирского казачьего съезда, проходившего в Омске в марте 1918 г. Признавая несвоевременность созыва Учредительного собрания в создавшихся условиях, съезд заявил, что «Сибирское казачье войско свято будет хранить в себе идею созыва Учредительного собрания и будет призывать народные массы к воплощению этого в жизнь». При голосовании по этому вопросу за Учредительное собрание высказались 117 человек, против 5 при 7 воздержавшихся. При голосовании об отношении к советской власти в ее пользу высказались 47, против 48, 20 делегатов воздержались. Наконец, 90 делегатов против 12 поддержали идею автономии Сибири¹⁶⁸. Иными словами, даже в такой своеобразной среде, как казачество, в таком отдаленном регионе страны эта идея не была окончательно похоронена. Вместе с тем она не противопоставлялась идее Советов как демократических, многопартийных органов.

Итак, водоразделы общественной жизни России в 1917 г. прошли не только по социальному и политическому признаку, но и по этническому. Национальный вопрос был одним из наиболее сложных вопросов, стоявших перед Учредительным собранием в комплексе задач демократического переустройства общества. Развитие революции в многонациональной стране привело к столкновению националистического и правового идеала, к фактическому распаду ее на отдельные государства и территории. Однако и тогда полиэтническая общность могла сложиться только в формах демократической государственности. Победа большевизма в гражданской войне над белыми поборниками единой и неделимой Российской державы создала лишь иллюзию разрешения национальной проблемы, прикрыв старую имперскую сущность новыми идеологическими и политическими одеждами. Современные политологические теории указывают, что империя уже включает в себе механизм распада, что существуют исторически обусловленные пределы формирования многонационального государства, в котором соседствовали несхожие экономические структуры, неоднотипная политическая культура населения, трудно совместимые мыслительно-психологические установки народов¹⁶⁹. XX век дал этому убедительные исторические доказательства.

Глава 5

ДРАМА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1. Вокруг открытия Учредительного собрания

В ноябре—декабре 1917 г. история Учредительного собрания развивалась как бы в двух измерениях: в то время, как у избирательных урн определялся исход голосования, в высоких политических сферах решалась судьба самой ассамблеи. Конечно, одно связано с другим, и ныне очевидно, что проигрыш выборов большевиками стал роковым для Учредительного собрания. Но и то, и иное в 1917 году обнаружилось далеко не сразу.

Как известно, современники иначе, чем потомки, воспринимают события, в потоке которых они находятся. Сами являясь их участниками, они не теряют надежд на их благоприятное для себя развитие, в меру сил содействуют этому, их субъективные устремления вплетаются в многообразную реальную повседневность. Историк же обязан считаться с этими побуждениями и действиями не менее, чем с их объективными результатами, иначе история попросту утрачивает человеческий смысл. Многие из тех, кто вполне сознавал после 25 октября, что судьба Учредительного собрания в руках большевиков, по-прежнему надеялись на его безупречную легитимность и даже на возможность массового отпора большевикам под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». К этому призывали IV съезд ПСР (26 ноября — 5 декабря) и Чрезвычайный съезд РСДРП-объединенной (30 ноября — 7 декабря). В первые недели большевистской диктатуры весьма трудно было определить ее прочность, и в обществе сохранялось ожидание неизбежного и скорого ее падения.

Не ощущали этой прочности и сами большевики. Отчасти поэтому в их среде отношение к созыву Учредительного собрания было неоднозначным. Подобно другим эпизодам этих недель (переговоры с Викжелем об однородно-социалистическом правительстве, закрытие оппозиционных изданий), оно стало источником острых внутривнутрипартийных конфликтов, гасить которые Ленину приходилось всей силой своего личного авторитета и партийной дисциплины.

Вот почему все сторонники Учредительного собрания напряженно вслушивались в заявления большевистских лидеров,

улавливая их нюансы и интонации, ловя слухи из кулуаров Смольного. Большевистское руководство долгое время — почти до середины декабря вело себя в этом отношении осторожно и двусмысленно, не сжигая за собой мостов и не устая напоминать, что именно оно обеспечило проведение выборов. Из первых декретов Совнаркома и ВЦИК следовало, что советские учреждения и их директивы имеют силу только до Учредительного собрания. Но, подтвердив ранее назначенный срок выборов, Совнарком не упомянул даты его открытия. Это могло означать, что действительна прежняя дата (28 ноября), установленная Временным правительством, но прежде всего это означало, что новая власть желала иметь в данном вопросе свободные руки.

На наш взгляд, и версия о том, будто большевики создали Учредительное собрание лишь ради того, чтобы показать перед народом его контрреволюционный облик, и версия, будто Ленин еще в Швейцарии предполагал в случае успешного захвата власти распустить его¹, равно провиденциальны и неисторичны. На самом деле как раз гибкая, не признающая иных принципов, кроме политической целесообразности, тактика, максимально приспособленная к условиям менявшейся ситуации, обеспечила прорыв партии к вершинам государственной власти. Разумеется, большевизм как политическая доктрина был чужд самой идее Учредительного собрания². Но это еще ничего не значило. Поначалу Ленин с его «ликвидаторским» подходом к парламентаризму оказался едва ли не в одиночестве. Хотя и тогда он ориентировал отъезжавшего на Урал Ф.И.Голощекина, по свидетельству того, на оттягивание созыва и последующий роспуск Учредительного собрания³.

Можно выделить три фактора, побуждавших часть большевиков к лояльности «Хозяину Земли Русской». Во-первых, они не могли решиться разогнать его, пока на местах шла борьба за власть, которую они не без успеха маскировали интересами созыва Учредительного собрания. Во-вторых, октябрьская эйфория овладела многими большевиками и способствовала явной переоценке ими своих шансов на выборах. Отражая это чувство, пермское «Пролетарское знамя» писало 7 ноября: «Большевики и не думают отречься от Учредительного собрания и охотно подтвердят: "Да, вся власть Учредительному собранию". Дело в том, что Учредительное собрание, созданное большевиками в момент наибольшего размаха революции, не будет похоже на соглашательский лже-парламент Кишкиных-Бурышкиных и Либерданов и все вопросы нашей жизни разрешит не так, как хочется гг. оборонцам».

Наконец, в-третьих, и это главное, в большевизме, при всех превратностях его истории, всегда сохранялась, пусть в скры-

том виде, парламентско-демократическая тенденция. Ее выражали не только Л.Б.Каменев, Г.Е.Зиновьев, М.А.Ларин в партийных верхах, но и многие провинциальные большевики. Опровергая слухи, будто они готовятся разогнать Учредительное собрание («хотя есть в партии бесшабашные головы»), А.П.Станкевич, кандидат от большевиков Владимирской губернии, публично через партийную газету заявил: «Партия в целом на такую позицию никогда не станет — это ее программное требование. За созыв Учредительного собрания большевики отдали лучшие свои силы, лучшие свои годы... Если буржуазные газеты не врут и среди большевиков находятся такие люди, то дело партии изгнать их»⁴. Пензенские большевики, приветствуя «победоносное восстание рабочих и солдат», выражали надежду на соглашение с другими социалистами: «Какая разница между Лениным и Черновым, если тот и другой намерены проводить в жизнь одну и ту же программу»⁵.

Однако в большевистской печати с каждым днем все громче звучали голоса о ненужности Учредительного собрания при советской власти, все настойчивее проводилась мысль, что оно не может считаться выразителем воли народа, в отличие от Советов. Идея противопоставления Советов Учредительному собранию стала лейтмотивом большевистской пропаганды — социалистическое по своему составу, оно подавалось как кадетско-буржуазное по духу.

Тон этой кампании, как всегда, задавала «Правда», которая 5 ноября предостерегла легковверных, что ожидать от Учредительного собрания безболезненного решения всех «проклятых вопросов» политически опасно, что это пахнет «парламентским кретинизмом». Нельзя утверждать, что партийные верхи намеренно разжигали антиучредилдовскую кампанию, но боевой сигнал был услышан и подхвачен на местах. В первый же день выборов самарские большевики поспешили предупредить своих избирателей, что и ожидаемая победа на выборах и даже возможное частичное поражение — бумажные, а фактической победой является кровью добытая власть, и ее надо неуклонно укреплять. «Учредительное собрание не должно быть господином над вами. Наоборот, Учредительное собрание должно быть послушным исполнителем вашей классовой воли»⁶.

Когда же обнаружили шокирующие результаты выборов, большевистская пресса принялась развивать тему фальсификации голосования. Одна из газет, ничтоже сумняшеся, обвинила в этом... избирательный закон: «Это случилось так потому, что выбрал народ по тому закону, который был задуман Керенским и буржуазией»⁷. Трудно судить о мере сознательной демагогии и самообольщения в данном случае, но в других этот аргумент доводился до абсурда. Как уверяла тульская «Пролетарская

правда», «буржуазные партии, кадеты и правые эсеры принялись налаживать выборы в Учредительное собрание. 30% трудового народа вовсе не попало в выборы по разным причинам (не занесено в избирательные списки, не получило избирательных записок и т.п.). Из 180 миллионов населения России голосовало только меньшинство, да и то списки кандидатов были ловко обработаны... Если бы выборы были проведены правильно и свободно, то и Учредительное собрание стало бы воедино за власть народных комиссаров»⁸.

Впервые возможность роспуска Учредительного собрания открыто была высказана на расширенном заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 8 ноября. В докладе В.Володарского прозвучало, что для большевиков оно — не фетиш, что избирательный бюллетень плохой барометр, и если массы ошибутся с ним, то придется взяться за другое оружие. Володарский дал понять, что разгон Учредительного собрания не вызовет сильного разочарования в народных массах, которые «не страдают парламентским кретинизмом», тем более что Россия и не прошла парламентского этапа⁹.

Конечно, не случайно заявление Володарского было сделано на собрании известного своей левизной, если не экстремизмом, партийного органа. Но его можно рассматривать и как пробный шар, запущенный с целью прощупать общественное мнение. Коль это так, заявление достигло цели, вызвав широкую критическую реакцию. Выступая в эти же дни на Петроградской общегородской конференции эсеров, В.М.Чернов отметил, что в сложных фиоритурах Володарского и других большевиков между строк чувствуются угрозы Учредительному собранию, если оно не оправдает их ожиданий. Фактически большевикам пришлось дезавуировать Володарского. В Смольном, по информации «Новой жизни», утверждали, что это его личное мнение, которое не разделяют не только правые большевики, но и левые. Со ссылкой на одного из их лидеров, не называя фамилии, газета указывала, что не только Учредительное собрание, но и ЦИК в любой момент могут изменить состав Совнаркома¹⁰.

10 ноября Г.Е.Зиновьев выступил в Совете с успокоительной речью. Отвергнув, как ложные, домыслы, будто большевики срывают выборы, он не преминул сказать, что власть Учредительного собрания будет не только реальной, но и верховной, если только оно будет выражать действительную волю рабочих, солдат и крестьян, не фальсифицированную буржуазией¹¹. За зиновьевской двусмысленностью угадывались неопределенность обстановки в целом и в большевистских верхах. В прессе муссировались слухи о разногласиях, о возможном расколе, о том, что все больше народных комиссаров высказы-

ваются за скорейшее открытие Учредительного собрания в надежде замирииться с другими социалистами. К этому побуждали и левые эсеры, поставив условием своего вхождения в состав Совнаркома обязательное открытие Учредительного собрания.

Парадоксально, но и немедленный созыв, и немедленный роспуск Учредительного собрания не устраивали большевистских лидеров. Они пошли по среднему пути, оттягивая его созыв и одновременно нащупывая способы ослабления оппозиционного ядра будущего представительства. По свидетельству Л.Д.Троцкого, Ленин предлагал дать право голоса 18-летним, объявить вне закона кадетов¹². Но публично это высказал не он, а неофит большевизма М.А.Ларин, который во ВЦИК и в прессе предложил поднять всенародную агитацию за изгнание из числа депутатов «противонародной партии к.-д. и примыкающих к ней партий буржуазии». Ларин (по оценке Суханова, лихой кавалерист, не знающий препятствий в скачке своей фантазии¹³) утверждал, что в Учредительном собрании будет около 600 представителей от рабочих и крестьян (в их числе до 350 большевиков и левых эсеров) и около 250 депутатов «от кадетов и прочих Родзянок». Устранить Милюковых и Родзянок, признавая, пока им доверяют массы, депутатские полномочия меньшевиков, правых эсеров и трудовиков, значило, по Ларину, «в величайшей степени укрепить авторитет Учредительного собрания»¹⁴. В статье оговаривалось, что она публикуется за личной ответственностью автора, но в ближайшие дни ее перепечатали многие газеты под кричащим заголовком «Враги народа в Учредительном собрании»¹⁵, вызвав громкий резонанс.

Выступление Ларина, известного своей «проучредилловской» позицией, следует оценивать шире — как проявление маневрирования большевистского ареопага с целью добиться более удобного состава депутатов. Показательно и явное преувеличение кадетской опасности. Правда, около 20 ноября кадеты по набранным голосам уступали только большевикам, но их ресурсы почти иссякли. В Совнаркоме плохо знали положение дел с выборами и потому настойчиво пытались овладеть Всевыборами.

Иной, скорее антиэсеровский смысл имел декрет ВЦИК о праве отзыва депутатов, принятый 21 ноября ВЦИК весьма зыбким перевесом голосов (67 против 59)¹⁶. Его проект был написан Лениным. Воспетый советской юридической мыслью как перл демократизма этот декрет был типичным образчиком «революционного права». Хотя в нем говорилось о возможности производить в интересах более точного отражения воли народа «перевыборы во все городские, земские и вообще во все представительные учреждения, не исключая и Учредительного собрания»¹⁷, не приходилось сомневаться, куда направлено

острие этой меры. В декрете содержались рассуждения об ответственности депутатов перед своими избирателями, но реализация этого права присваивалась не им. «Право отзыва, — разъяснял Ленин, — должно быть предоставлено Советам, как наиболее совершенным носителям идеи государственного принуждения»¹⁸. Не менее примечательно, что отозвать депутата можно было прежде, чем откроется Учредительное собрание.

О значении, которое придавалось перевыборам депутатов и изменению таким способом состава учредителей, поведал в газетном интервью А.В.Луначарский. Словоохотливый нарком мотивировал их необходимость противоположностью единых списков правых и левых эсеров. Он выразил убежденность, что процесс полевения страны необратим благодаря успехам новой власти. Если же произойдет невероятное и перевыборы не дадут большинства сторонникам советской власти, большевики подадут в отставку. «Во всяком случае, — заверил Луначарский, — единственное наше оружие по отношению к Учредительному собранию — это апелляция к избирателям путем перевыборов. Более резких форм борьбы применено не будет»¹⁹.

Не только юридическая, но и политическая сомнительность декрета об отзыве депутатов активно обыгрывалась его противниками. «Все это очень умно, честно и демократично, — язвительно писал один из авторов законопроектов для Конституанты Я.М.Магазинер. — Но что вы скажете, господа, когда народное правосознание, которое вы систематически развращаете, начнет применять и к вам те же самые принципы, которые вы в него внедряете?»²⁰. Однако тогда большевики были убеждены, что время неодолимо работает на них. (Свой практический ответ на этот вопрос они дали в 1918 г., изгнав из Советов всех социалистов.)

Во исполнение декрета кое-где принимались решения об отзыве депутатов. Так, Псковский губернский съезд Советов крестьянских депутатов под воздействием большевиков и левых эсеров постановил отозвать эсера Г.К.Покровского, съезд делегатов 12-й армии — Н.Д.Авксентьева, А.Р.Гоца, М.А.Лихача и В.А.Колерова. Смоленский Совет «отозвал» правых эсеров Е.К.Брешко-Брешковскую, А.А.Аргунова и В.В.Подвицкого²¹. Забавность ситуации была в том, что Авксентьев и Гоц представляли в Учредительном собрании не Северный фронт, а Пензенскую губернию, а «Бабушка» — Черниговскую, а вовсе не Смоленскую губернию. Этот штрих лишь подчеркивает бессмысленность данной меры, отсутствие механизма ее реализации. Серьезного значения она не возымела, а сами депутаты ее попросту игнорировали, полагая себя ответственными перед избирателями, но не перед Советами.

Меж тем приближался официальный срок открытия Учредительного собрания — 28 ноября, грозившее стать днем прямого политического противостояния. За подписями бывших министров С.Н.Прокоповича и П.Н.Малянтовича (они как социалисты были освобождены из Петропавловки) 17 ноября было обнародовано постановление подпольного Временного правительства о сборе депутатов в Петрограде, в Таврическом дворце, в два часа дня. По первоначальным наметкам к этому сроку намечалось избрать 626 депутатов²², выбрано было вдвое меньше, а официально зарегистрировано только 173²³. О правомочности Собрания в столь узком составе (менее $\frac{1}{3}$, положенной по закону) не могло быть и речи, но острота вопроса от этого нисколько не убавилась: формальное открытие Учредительного собрания неизбежно должно было вылиться в демонстративный акт протеста против «узурпаторов власти» и легализовать оппозицию под защитой депутатского иммунитета.

Сторонники Учредительного собрания деятельно готовились к этому событию. 23 ноября бюро ВЦИК первого созыва провело собрание представителей социалистических фракций Петроградских городской и районных дум, Совета, партийных комитетов эсеров, меньшевиков и энесов, кооперативов, профсоюзов, ряда фабрик и заводов, отдельных воинских частей. Доклады делегатов с мест выявили утешительную, как казалось, картину роста недовольства большевистским правлением. На собрании был организован Союз защиты Учредительного собрания во главе с эсером В.Н.Филипповским, лейтенантом флота, депутатом от Юго-Западного фронта²⁴. В состав Союза не были допущены кадеты. Отделения Союза защиты Учредительного собрания были созданы затем во многих городах.

Петроградская городская дума, официально распушенная Совнаркомом, продолжала собираться негласно. 20 ноября она постановила объявить 28 ноября днем национального всероссийского праздника, уведомив о том телеграфно местные органы самоуправления. В ряде городов этот день был объявлен нерабочим, намечались торжества по случаю долгожданного события. Российская Академия наук, Советы Петроградского университета и других столичных вузов призвали вручить судьбу страны в руки Учредительного собрания²⁵.

В Совнаркоме вопрос об открытии Учредительного собрания обсуждался 25 ноября, и взгляды комиссаров вновь разошлись. «Сегодня окончательно выяснится, быть или не быть Учредительному собранию, — писала в тот день петроградская «Вечерняя почта». — Завтра по этому поводу будет опубликован особый декрет СНК». Действительно, 26 ноября Ленин подписал декрет «К открытию Учредительного собрания», согласно которому открыть его мог только уполномоченный пра-

вительства и при наличии кворума в 400 депутатов. Тем самым большевистское правительство перехватывало инициативу в данном вопросе, откладывая его решение на неопределенный срок, и сверх того выступало в роли защитника неотъемлемых прав Собрания против их узурпации партийными группировками. Комиссару по морским делам П.Е.Дыбенко было поручено вызвать в Петроград 10—12 тыс. вооруженных матросов²⁶, в боевую готовность приводились войска гарнизона, Красная гвардия. Редакции ведущих газет были блокированы, произведены обыски и аресты у ряда оппозиционных деятелей.

26 ноября Троцкий выступил с речью в манеже Гренадерского полка об Учредительном собрании. В ней он заявил, судя по газетному отчету, что если в нем в большинстве будут цензовые элементы, то Совнарком распустит буржуазное собрание и назначит перевыборы²⁷. В такой постановке вопроса оратор мог рассчитывать на понимание солдатской аудитории, но логически из слов второго в большевистской иерархии лица следовало, что не будут чиниться препятствия социалистическому составу депутатов.

Собрание членов Учредительного собрания открылось 28 ноября в 14.30 в Таврическом дворце (там еще завершались ремонтные работы), окруженном латышскими стрелками. Явилось около полусотни депутатов, в основном эсеры, а также кадеты Ф.И.Родичев, Н.Н.Кутлер, П.И.Новгородцев, Н.И.Астров, избранные по национальным спискам латыш Я.Ю.Гольдман, эстонец И.И.Поска, еврей Н.М.Фридман²⁸. Не было, естественно, большевиков, большинства провинциальных депутатов. В тот момент, по некоторым данным, в Петрограде было до 80 уже избранных депутатов²⁹. Охрана поначалу не пускала депутатов во дворец. П.Сорокин вспоминал, как он взобрался на железную ограду Таврического и обратился к народу с речью, под напором толпы ворота распахнулись, и растерявшаяся стража пропустила ее внутрь³⁰.

Собравшиеся избрали временным председателем В.М.Чернова, мандатную комиссию возглавил В.В.Руднев. Единогласно было решено отложить официальное открытие Учредительного собрания, поскольку большинство окружных комиссий в силу чрезвычайных условий гражданской войны не успело завершить подсчеты и выдать удостоверения депутатам. Вместе с тем постановили собираться в Таврическом дворце ежедневно, пока не прибудет достаточное количество депутатов и не признает себя правомочным. Были созданы несколько рабочих комиссий и принята резолюция против ареста членов кадетского ЦК³¹. В Екатерининском зале Чернов принял ряд делегаций. В 6 часов вечера «частное совещание членов Учредительного собрания», как оно себя назвало, закрылось.

Движение в поддержку Учредительного собрания, готовившееся его сторонниками, развернулось 28 ноября и в ближайшие дни приняло довольно широкие масштабы. В самом Петрограде, несмотря на полупризывы-полуугрозы Совета воздержаться от участия в манифестации, организованной Союзом защиты Учредительного собрания, к Таврическому дворцу пришло до 100 тыс. человек с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!»³². Возможно, эта цифра завышена журналистами, но в то, что демонстрантов было не более 10 тыс., как считает О.Н.Знаменский³³, верится еще меньше. «Грандиозной», по отзывам прессы, была манифестация в воскресный день 3 декабря в Москве, где в разных частях города собралось от 100 до 150 тыс. участников³⁴. В провинции не везде знали о переносе открытия, поэтому демонстрации были намечены на 28 ноября. Наиболее внушительными были шествия в Севастополе (около 25 тыс. участников), Смоленске, Туле, где костяк манифестантов составили рабочие-оружейники, в других крупных и малых городах, вроде Раненбурга на Рязанщине, где 3 декабря на улицу вышли несколько тысяч горожан и крестьян³⁵. В Курске, где до декабря сохранялась коалиционная власть Народного совета и политическая ситуация развивалась спокойно, «была огромная манифестация с участием всех решительно организаций и местного гарнизона. Играл солдатский оркестр, пел хор. Много было речей, все в защиту Учредительного собрания»³⁶.

Совсем иначе происходили события в Калуге, где власть к большевикам перешла военным путем и среди них доминировали радикалы. 10 декабря по почину эсеровской фракции городской думы на улицу вышло, по явно преувеличенным данным, около 40 тыс. манифестантов: служащие, рабочие, обыватели, солдаты гарнизона. Манифестация была рассеяна броневиками и красногвардейцами, давшими в толпу четыре залпа. В результате было убито и ранено, судя по газетному сообщению, около 40 человек³⁷.

Пестрый состав участников этих акций не позволяет говорить о резком преобладании какой-либо социальной группы. Намерения манифестантов были сугубо мирными: демонстрации в тот момент не имели еще отчетливой антибольшевистской окраски, особенно в провинции, поскольку ставили целью не столько общественную защиту, сколько поддержку Учредительного собрания. (В эти дни и недели в адрес Учредительного собрания приходило много телеграмм с мест с приветствиями и выражением поддержки. Урицкий давал им ход по-большевистски. Об этом говорит подписанный им документ с грифом «секретно», в котором комиссар препровождал в ВЧК

две телеграммы из Одессы от местного Союза защиты Учредительного собрания³⁸.)

События 28 ноября по сути явились репетицией будущего разгона народных представителей. Макиавеллизм Совнаркома заключался в том, что делалось это под видом ограждения суверенитета Учредительного собрания.

В тот же вечер Совнарком принял декрет об аресте вождей гражданской войны против революции, объявлявший партию кадетов вне закона как врагов народа. Но еще до принятия декрета на квартире графини С.В.Паниной, утром этого дня, были арестованы члены кадетского ЦК Ф.Ф.Кокоскин, П.Д.Долгоруков, А.И.Шингарев, из коих двое первых уже были избраны в Учредительное собрание (депутатская участь Шингарева в тот момент еще не определилась. В итоге он не был избран ни в одном из округов). Как явствует из дневника А.И.Шингарева и письма П.Д.Долгорукова членам Учредительного собрания, им не было предъявлено никакого обвинения и лишь через несколько дней показали декрет, объявлявший их партию вне закона³⁹.

29 ноября вопрос об Учредительном собрании обсуждал ЦК РСДРП(б). Н.И.Бухарин предложил окончательно решить, созывать его или нет, и высказался за то, чтобы сразу изгнать из него всех кадетов, «организовать» левую часть из большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов и объявить ее революционным конвентом. Он возражал против новой отсрочки или роспуска Собрания: «Мы полтора месяца работали и трубили о том, что обеспечим созыв Учредительного собрания»⁴⁰.

Предложение Бухарина вызвало споры. И.В.Сталин заметил, что оно «опоздало на сутки», и предложил «добить кадетов». Но линию Бухарина на революционный конвент поддержал Л.Д.Троцкий, предложивший немедленно вызвать по телеграфу всех большевиков и левых эсеров и открыть конвент, не дожидаясь положенных 400 человек. На следующий же день, как и предлагал Троцкий, ЦК принял решение вызвать в Петроград большевиков-депутатов. Как пишет в этой связи Ю.Фельштинский: не совсем ясно, шла ли речь об открытии «конвента» или о том, чтобы созывом 400 представителей левых крыла обеспечить его большинство⁴¹.

Ближайшие дни показали ужесточение большевистской линии. Усилив охрану Таврического дворца, Совнарком пресек «частные совещания» депутатов. Были аннулированы выданные Всевыборами депутатские удостоверения, а сама комиссия смещена. Главному казначейству под страхом трибунала было запрещено выдавать ассигновки Всевыборам без подписи Урицкого⁴². Арестовывались уже не только кадеты, но и эсеры:

16 декабря — Н.Д.Авксентьев, в Череповце — А.И.Гуковский. Скрывались, избегая ареста, А.Р.Гоц и А.Ф.Керенский. Депутатская неприкосновенность стала фикцией.

Одним из первых поднял голос в защиту учредиловцев Максим Горький. 6 декабря в «Новой жизни», в авторской рубрике «Несвоевременные мысли», он писал: «Кадет хотят вышвырнуть из Учредит[ельного] Собрания. Не говоря о том, что значительная часть населения страны желает, чтобы именно кадеты выражали ее мнения и ее волю в Учредительном собрании и потому изгнание кадет есть насилие над волей сотен тысяч людей, — не говоря уже об этом позоре, я укажу, что партия к.-д. объединяет наиболее культурных людей страны, наиболее умелых работников во всех областях умственного труда. В высшей степени полезно иметь перед собой умного и стойкого врага».

Арест Авксентьева, обвиненного в организации мятежа юнкеров, шокировал эсеров. С протестом выступил ЦК ПСР⁴³. В газетах было помещено письмо 109 эсеров-депутатов, оно гласило: насильникам мы не уступим, но нужна поддержка народа. С протестом выступил сын легендарного революционера Е.Шмидт-Очаковский: «Именем своего погибшего за Россию отца заклинаю славный Черноморский флот возвысить свой голос в защиту Всероссийского Учредительного собрания!»⁴⁴ В эсеровских кругах высказывалась мысль, что отсечением депутатов Совнарком постарается не допустить кворума, дабы иметь формальный повод объявить о невозможности созыва Учредительного собрания⁴⁵. Высказывалось и другое небезосновательное предположение: если аресты депутатов не вызовут активного протеста, большевики решат, что и к роспуску самого Собрания население отнесется пассивно⁴⁶.

В такой ситуации следовало ожидать прямого столкновения по данному вопросу на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов, где лицом к лицу сошлись почти все лидеры эсеров и большевиков. Среди почти тысячи делегатов съезда, открывшегося 26 ноября, сторонники и противники новой власти разделились почти пополам. У первых преобладали делегаты от армии, у вторых — от самого крестьянства. Кульминация наступила 2 декабря при обсуждении вопроса об аресте кадетов — членов Учредительного собрания. С докладом выступил социал-демократ-интернационалист Б.И.Моисеев (избранный в Тамбовской губернии по списку большевиков). Он рассказал о том, как пытался протестовать в Смольном. Там его сначала убеждали («какое вам дело до кадетов?»), а затем обозвали контрреволюционером. В этот момент в зале появился Ленин, и Моисеев, указывая на него, воскликнул: «Это — власть его»⁴⁷. После продолжавшегося несколько минут шума Ленин

получил слово, но не как глава правительства, а как делегат съезда, член фракции большевиков. Он, в частности, заявил, что Советы выше всяких парламентов, всяких учредительных собраний, и обосновал репрессии против кадетов⁴⁸. Согласно другому газетному отчету, он предостерег, что не следует превращать Учредительное собрание в идола, а звание его депутата не может защитить тех, кто покушается на интересы трудящихся⁴⁹. Возражая ему, В.М.Чернов доказывал, что дело вовсе не в кадетях, а в натиске на само Учредительное собрание. Ораторы от самой крупной фракции — левых эсеров — разошлись во мнениях. А.Л.Коллегаев прямо заявил: «Если Учредительное собрание выступит против народа, мы вступим с ним в борьбу». В.А.Карелин же признал аресты кадетских депутатов ошибкой большевиков⁵⁰.

Незначительным перевесом прошла резолюция Чернова, отвергавшая большевистское противопоставление власти Учредительного собрания Советам: «Учредительное собрание должно в своем законодательном творчестве претворить в жизнь чаяния масс, выраженные Советами. Ввиду этого съезд протестует против попыток отдельных групп столкнуть между собою Советы и Учредительное собрание»⁵¹. После этого съезд практически раскололся. Правая его часть составила II Всероссийский съезд крестьянских депутатов, стоящих на позиции Учредительного собрания. Альтернативный съезд начиная с 4 декабря составили большевики и левые эсеры. Он избрал новый Исполком Советов крестьянских депутатов (20 большевиков, 81 левый эсер, 1 эсер-максималист, 6 беспартийных⁵²), влившийся в объединенный ВЦИК. Это съездовское партнерство в вопросе о власти, каковым и был вопрос об Учредительном собрании, в ближайшие дни логично трансформировалось в правительственный блок. Заняв несколько постов в Совнарком, левые эсеры придали однопартийной власти коалиционный облик и расширили ее социальную базу. Со своей стороны, они рассчитывали, как выразился В.А.Карелин, «умерить излишний пыл большевиков»⁵³.

Большевикам и в самом деле приходилось считаться с позицией левых эсеров и не без их влияния согласиться на созыв Учредительного собрания. По свидетельству Л.Д.Троцкого, В.И.Ленин говорил ему в те дни: «Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, но вот как насчет левых эсеров?»⁵⁴

Как и среди большевиков, среди левых эсеров были достаточно серьезные разногласия, что и показал I (учредительный) съезд партии, проходивший в Петрограде 19—28 ноября. Не все одобряли политический террор в отношении оппозиции. Относительно Учредительного собрания выявилось сразу несколько точек зрения — от той, что его вовсе не надо созывать,

до той, что следует его покинуть, если оно не оправдывает ожиданий, но не разгонять. Один из делегатов даже голосовал за передачу всей власти Учредительному собранию⁵⁵. Эта двойственность ощутима и в итоговой резолюции съезда, принятой 28 ноября. В ней признавался законодательный характер Учредительного собрания как органа, конструирующего власть рабочих и крестьян, и в то же время осуждались попытки превратить его в орудие борьбы с Советами; заявлялось, что «диктатура демократии» не остановится перед применением репрессий против врагов революции, но, вместе с тем, «она не нуждается в системе террора»⁵⁶.

13 декабря в «Правде» появились «Тезисы об Учредительном собрании». Хотя они были без подписи, в них без труда узнали ленинское перо. Тезисы излагали полный набор большевистских аргументов против Учредительного собрания, но, в сущности, представляли собой не систему доказательств, а цепь логически нестыкующихся силлогизмов. Признавая Учредительное собрание как высшую форму демократизма в буржуазной республике, Ленин противопоставлял ему республику Советов как форму подлинного народовластия. Вслед за этим базисным тезисом говорилось, что оно вообще не отражает воли народа, поскольку избрано по старым спискам и пр. Затем шел тезис о том, что начатая кадетско-калединскими элементами гражданская война отняла самую возможность формально-демократическим путем (то есть через выборы) решить наиболее острые вопросы. Учредительному собранию предъявлялось попутно обвинение в том, будто оно стало лозунгом буржуазной контрреволюции, хотя с изъятием кадетов оно оказалось социалистическим по составу. Наконец, вне связи с остальным, говорилось, что оно может оправдать свое назначение, если признает советскую власть и ее декреты⁵⁷.

Э.Карр склонен придавать «Тезисам» значение новой партийной доктрины, связанной с переходом от буржуазной революции, исчерпавшей себя, к революции социалистической⁵⁸. Это умозрительно-объективистское заключение маститого историка выдает его непонимание обиденной российской реальности. Отбросив схоластическую оболочку теоретических рассуждений, которые у большевиков были скорее средством для наружного употребления (идейная борьба с меньшевизмом, словесный декор политических и личных разногласий), согласимся с Э.Карром в том, что «Тезисы» означали полный разрыв с остальными социалистическими партиями и конец Учредительного собрания. «Мы были предупреждены, — писал по этому поводу М.В.Вишняк, — и нисколько не заблуждались относительно смысла этого предупреждения»⁵⁹.

Постепенно в ходе практического сотрудничества большевиков и левых эсеров их позиции сближались. «Разногласия с левыми эсерами теперь все уничтожились... — сообщил М.С.Урицкий на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 13 декабря, — жизнь учит их быстро и хорошо»⁶⁰. Окончательный выбор левые эсеры сделали, вероятно, под влиянием своего определившегося поражения на выборах. 23 декабря их официоз «Знамя труда» высказался уже без обиняков: «Тот, кто стоит за избирательное право для буржуазии, на самом деле стоит за самую буржуазию, за ее существование». Их печать начала атаки на будущее Учредительное собрание как последнюю надежду контрреволюции. В ту пору левые эсеры, по словам Троцкого, переживали «медовые месяцы своего крайнего радикализма». М.А.Натансон, зашедший «повеселиться» с вождями большевиков, сказал: «А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой». — «Браво! — воскликнул Ленин, — что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?» Натансон заверил, что левые эсеры в конце концов согласятся, хотя некоторые колеблются⁶¹. Согласие левых эсеров гарантировало целостность правящей коалиции.

Не менее существенно было и то, что положение власти к концу 1917 г. несколько стабилизировалось. 22 декабря ВЦИК назначил на 5 января 1918 г. открытие Учредительного собрания, а на 8 января созвал III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, дабы, как говорилось в постановлении, «всей организованной силой Советов поддержать левую половину Учредительного собрания против его правой, буржуазной и соглашательской половины»⁶². Учитывая, что «левая половина» почти целиком делегировалась на советский съезд, было очевидно: готовится разгон Учредительного собрания. Неясны были лишь конкретные детали операции.

На это указывали и военные приготовления. 23 декабря в Петрограде было введено военное положение, непосредственная власть в городе перешла к Чрезвычайному военному штабу. В его состав вошли Н.И.Подвойский, К.С.Еремеев, Г.И.Благонравов, П.П.Прошьян и др. В боевую готовность были приведены отряды Красной гвардии, надежные полки гарнизона. В город прибыл сводный отряд матросов Балтийского флота. Большевики позаботились и о присылке в столицу полка латышских стрелков⁶³, ставших своего рода преторианской гвардией режима.

Со своей стороны, сторонники Учредительного собрания деятельно готовились к его открытию, стремясь обеспечить ему максимально широкую морально-политическую поддержку. Душой и главной силой этой кампании были эсеры. Получив большинство в Учредительном собрании, они ощущали себя

его «хозяевами», испытывая наибольшую заинтересованность и ответственность за его судьбу. 12 декабря ЦК ПСР высказался за то, чтобы до созыва Учредительного собрания не обострять обстановку новой схваткой с большевиками, а сам созыв не форсировать, используя время для усиленной агитации в пользу Учредительного собрания и в ожидании кризиса внутренней политики Совнаркома и его мирных переговоров с Германией⁶⁴.

Эсеры активно участвовали в мероприятиях Союза защиты Учредительного собрания. Из ряда организованных Союзом конференций, собраний и других публичных акций выделим состоявшуюся 18 декабря конференцию в помещении Вольно-Экономического общества. На ней присутствовало около 150 представителей от оппозиционных партий, профсоюзов, воинских частей, Путиловского, Обуховского и других заводов. Единогласно (против одного рабочего-большевика) была принята резолюция протеста против разгрома большевиками помещения бюро Союза. Председатель Союза В.Н.Филипповский известил собравшихся, что выборами уже обеспечен центр будущего Учредительного собрания в количестве 450—500 социалистов, на флангах ожидалось 240—250 большевиков с левыми эсерами и 50—70 цензовиков. Конференция завершилась принятием резолюции о неспособности большевистской власти справиться с анархией и гражданской войной⁶⁵.

В Петрограде в эти дни развернулась «митинговая война». На бесконечных митингах надрывались ораторы разных партий, съехавшиеся в столицу депутаты, стремясь увлечь за собою массы. Эсер Б.Ф.Соколов позже сетовал на то, что депутаты выступали редко и неохотно — чаще других откликались на призывы эсеровских комитетов И.М.Брушвит, В.Я.Гуревич, В.А.Утгоф⁶⁶. Вероятно, Соколов, весьма критически оценивавший поведение своей фракции, сгустил краски. Обойденный его вниманием П.А.Сорокин вспоминал, например, что только в течение последней перед открытием Учредительного собрания недели он выступал на митингах 12 раз⁶⁷.

Наряду с этим легальным, безусловно, вполне контролируемым властями направлением деятельности, у эсеров было и нелегальное поприще. Им занималась Военная комиссия ЦК, активистами которой были Б.Ф.Соколов, Ф.М.Онипко, Б.К.Фортунов, Д.П.Сургучев, М.А.Лихач. В конце ноября, когда в Петроград стали съезжаться учредилоры и одновременно выявилась сугубо легалистская позиция фракции ПСР, по настоянию фронтовых делегатов Военная комиссия была расширена и обрела известную автономию от своего ЦК. Ее задачей было выделение из состава полурасложившегося гарнизона наиболее боеспособных и антибольшевистски настроен-

ных войск, которые могли бы составить вооруженную опору Учредительного собрания на случай насилий над ним. Таковыми эсерам казались Семеновский и Преображенский полки и 5-й броневой дивизион (их комитеты были настроены против большевиков, в эти части было распределено свыше 600 прибывавших с фронта офицеров и солдат), а также гарнизон г. Луги. Предпринимались также попытки создать вооруженные отряды из рабочих, армянские и грузинские дружины, но результаты этих усилий были невелики. ЦК ПСР пресек, как авантюру, создание боевых дружин. Было налажено издание ежедневной солдатской газеты «Серая шинель», но удалось выпустить лишь несколько номеров из-за ареста тиражей властями⁶⁸.

Все эти меры впоследствии были инкриминированы эсеровскому руководству на процессе 1922 г. над партией эсеров⁶⁹. Там же выявилось, что некоторые активисты Военной комиссии (Г.Семенов, Л.Коноплева и др.) уже тогда были связаны с большевиками, которые, по-видимому, были в курсе этих приготовлений. Но с солидной исторической дистанции отчетливо видно, что эсеровских конспираций было явно недостаточно для организации вооруженного контрпереворота — они не выходили за пределы необходимой обороны Учредительного собрания. Предполагалось, что появление трех-четырёх тысяч вооруженных солдат обезопасит мирную демонстрацию горожан. «Конечно, — рассуждал Б.Соколов, — трудно сказать с полной уверенностью, чем бы окончилось это вооруженное выступление, если бы оно состоялось», но у эсеровских боевиков была частная информация, что в случае «устрашающих размеров демонстрации» большевики склонялись к тому, чтобы все прошло «прилично и мирно», дабы потом вернуть утраченные позиции⁷⁰.

Таким образом, деятельность Военной комиссии ЦК ПСР выглядит скорее преувеличенной, чем преуменьшенной. Ее резко критиковал М.В.Вишняк, полемизируя задним числом с Соколовым⁷¹. По оценке В.И.Игнатьева, возглавлявшего в ту пору аналогичную Военную комиссию при ЦК народно-социалистической партии, эсеры мало что сделали для защиты Учредительного собрания. Они более уповали на его моральную силу, боясь порвать с меньшевиками, которые в ту пору самоопределялись, боясь и генералов и боясь пропустить коалицию с умеренными большевиками, надеясь победить большевиков мирным путем через Учредительное собрание⁷². Нельзя, однако, не упомянуть, что в гарнизоне эсеры ощущали все растущую апатию и равнодушие к исходу борьбы — в этой психологической атмосфере гасли порывы наиболее активных из них. Привычно голосуя за предложенные партийными агитато-

рами резолюции о созыве Учредительного собрания, солдаты, и не только они, взирали на происходящее более с любопытством, чем с подлинной заинтересованностью.

В расчетах эсеровских боевиков была также подготовка покушения на «большевицкую головку» — Ленина и Троцкого. Ею занимался Ф.М.Онипко, переводуец, участник Кронштадтского восстания 1906 г., в 1917 г. генеральный комиссар Балтийского флота. Его план взятия заложниками или убийства вождей большевизма был утвержден Военной комиссией, но категорически отвергнут ЦК. Онипко было предложено сформировать свою террористическую группу⁷³.

Уже говорилось, что по примеру Петрограда в ряде городов организовались Союзы защиты Учредительного собрания — в целом по стране их было несколько десятков. Как правило, они строились местными органами самоуправления на коалиционной основе, исключая, естественно, большевиков. В отдельных случаях (например, в Бердичеве) в их организации участвовали Советы. Действия таких Союзов сводились в основном к обеспечению моральной поддержки. В Осе (Пермская губерния) местный Союз защиты высказался даже за создание боевых дружин⁷⁴, но переоценивать действенность подобных решений, как и вообще уровень координации действий местных Союзов, не следует, что и показали последующие события.

Общественность в эти дни и недели жила напряженным ожиданием развязки. Об этом свидетельствуют многие мемуары, дневники, письма современников, в основном окрашенные в пессимистические тона. «Город в ажитации по поводу предстоящего Учредительного собрания, — записал в дневнике 4 января 1918 г. барон А.Будберг, — слухи ползут самые пестрые и разнообразные; большевики готовятся вовсю, чтобы остаться хозяевами положения, и несомненно не остановятся ни перед чем. В Неву привели линейный корабль, два крейсера и несколько миноносцев, а состав гарнизона усилен латышами и надежными матросскими отрядами. Что могут противопоставить сему товарищи эсеры и прочие говорливые, но мало ответственные сторонники Учредительного собрания?»⁷⁵. З.Н.Гиппиус 22 декабря в своем дневнике выразилась категорично: «Учредительное собрание (даже все равно какое) и большевики ни минуты не могут со-существовать». Писавшая для эсеров агитационные листовки, З.Н.Гиппиус, с ее сухим и резким умом, не верила в их успех: во-первых, «передемагогить» большевиков все равно не удастся; во-вторых, они уже подготовили чернь «к такому презрению к "Учредилке", что теперь и штыковой разгон — дело наипростейшее»⁷⁶.

Наиболее отчетливо разнообразные общественные ожидания тех дней отразились в зеркале прессы, полной всевозможных предположений и прогнозов, от самых мрачных до ликующих. «Великий Хозяин Земли Русской избран, — писала внепартийная провинциальная газета. — Отныне с легким сердцем мы можем бросить всем наддевшую партийную грызню. Воли народа она не изменит, помощи в работе "хозяину" не окажет. А потому да не будет ей места и в нашей работе здесь, на местах»⁷⁷.

Более трезво, без иллюзий, оценивали перспективу кадетско-либеральные круги. Самарский «Городской вестник» уверенно предрекал: «Большевики разгонят Учредительное собрание, как разогнали правительство, как разгонят городское самоуправление. Объявят Учредительное собрание контрреволюционным собранием корниловцев и разгонят»⁷⁸. «Туркестанский вестник» уточнял мрачный прогноз: «Подплывет "Аврора", придут красногвардейцы и вытолкают в шею всех воинствующих кадюков в первую попавшуюся дверь»⁷⁹.

Среди разных газетных суждений выделялись четыре интервью в петроградском «Вечернем звоне» за 6 декабря с представителями разных партий — М.И.Скобелевым, М.А.Лихачом, М.А.Спиридоновой и И.В.Джугашвили-Сталиным. Большевик Скобелев выразил уверенность, что большевики не решатся разогнать Учредительное собрание, которое должно в первый же день своей работы поставить вопрос о земле и мире, «чтобы вырвать их из грязных демагогических рук». Если Ленин явится на первое заседание не в качестве депутата, а как глава правительства, все тактические шаги могут измениться.

Эсер Лихач, резко осудив аресты кадетов, все же считал, что большевики принимают меры к созыву Учредительного собрания. Как представитель фронта, он заявил, что о разгоне депутатов фронтными войсками не может быть и речи, а верные большевикам латышские стрелки постепенно отходят от них.

Спиридонова отметила, что ее партия добивается скорейшего созыва Учредительного собрания. «Если же оно разойдется с нами и выскажется против немедленного мира, против социализации земли, против установления рабочего контроля над производством, то мы займемся "очищением" его от тех членов, которые стоят поперек дороги стремлениям трудовых масс, — заявила «неистовая Маруся» — ...если и этого окажется недостаточным, мы его разгоним и уже больше собирать не будем».

Интервью Сталина было весьма уклончивым, за исключением напоминания, что Учредительное собрание откроется, как только соберутся 400 депутатов. «Если большевики окажутся в меньшинстве в Учредительном собрании, — сказал нар-

ком, — они останутся в нем для внутренней органической борьбы». Сталин сообщил, что левые элементы не собираются срывать Собрания, если только какая-либо его часть не соберется в другом месте, создав параллельное учреждение: «Оба они были бы неправомочны, и это обозначило бы срыв Учредительного собрания, что было бы неразумно и непатриотично». По его мнению, центр составят национальные группы, и от этого центра будет зависеть многое⁸⁰.

Употребление несвойственной большевикам лексики («непатриотично») наводит на мысль о вольном пересказе слов Сталина, но уклончивость его интервью вполне отражала как свойства его характера, так и настроения в составе бюро фракции РСДРП(б) Учредительного собрания, стоявшего тогда на учредительских позициях.

Резюмируя общее положение, «Воля народов» уверенно предсказала дальнейший образ действий большевиков: «5-го они откроют и 5-го же разгонят Учредительное собрание. Но сделают это не от своего имени, а от имени фальсифицированного съезда Советов. Разогнав Учредительное собрание, они подставят вместо него съезд Советов и таким образом ликвидируют Хозяина Земли Русской»⁸¹.

До открытия «Хозяина Земли Русской» оставалось тогда 13 дней.

2. В депутатских фракциях

В исторических хрониках Учредительное собрание обозначено 5 января 1918 г., но фактически его работа началась задолго до этого дня — в депутатских фракциях. В них разрабатывались проекты законов, резолюций, намечалась тактика фракции, готовились ораторы. Эта «кулуарная» сторона менее известна широкому читателю и почти не исследована. Лишь вскользь она затронута О.Н.Знаменским⁸².

Со всех концов России, группами и поодиночке, депутаты съезжались в Петроград. В своих округах им обычно устраивались торжественные проводы, и они прибывали в столицу в полном неведении относительно своего будущего, но в уверенности, что будут обеспечены всем необходимым.

Для депутатов Совнарком выделил гостиницу «Астория», все 320 ее номеров были освобождены от постояльцев. Однако поселившиеся в ней пожелали только большевики и левые эсеры, занявшие первые три этажа⁸³.

Большинство остальных депутатов, прежде всего эсеры, предпочли разместиться в освобожденном под общежитие лаварете Земгора, на улице Большая Болотная, 2. В его тесных

помещениях, с еще не выветрившимся запахом лекарств, депутаты оппозиции жили по пять-десять человек в комнатах, где кроме госпитальных коек почти не было мебели. Группа депутатов Сибири (Алтайская и Томская губернии) поселилась в общежитии на Лиговке, 9. Здесь также была более чем скромная обстановка: койки в ряд, казенные одеяла, маленькие столики⁸⁴.

Бросалось в глаза, что бытовые условия депутатов правительственных фракций и оппозиции сильно различались. Это важно отметить, поскольку и те, и другие прибывали зачастую без денег, в расчете на казенное содержание. Совнарком ассигновал на содержание депутатов 500 тыс. руб.⁸⁵ Фракция левых эсеров сразу же запросила для самых нуждающихся своих членов 40 тыс. рублей. Депутатам-эсерам также пришлось испрашивать аванс в счет будущего жалования⁸⁶.

В соответствии со сложившейся парламентской практикой депутаты объединялись по фракциям, официально зарегистрировав их. М.С.Урицкий выделил для их заседаний 8 комнат Таврического дворца⁸⁷, но в действительности фракций было меньше. Задолго до открытия Учредительного собрания началась тонкая тактическая игра фракций, имевшая целью обеспечить внутреннее единство, завязать контакты, прощупать партнеров и противников.

Самая крупная фракция — эсеровская — сформировалась первой, уже 27—28 ноября. Поначалу на ее заседаниях было 30-40 человек, поторопившихся к открытию ассамблеи. Ее численность день ото дня росла, достигнув к концу декабря примерно 250 человек. Не успели приехать, за дальностью расстояния и переносом сроков выборов, депутаты Якутии, Камчатки, Сибири. Однако в полном составе, судя по явочным листам заседаний, фракция никогда не собиралась, даже 4 января. По-видимому, это объяснимо отвлечением значительных сил на внепарламентскую работу.

Деятельность фракции направляло бюро во главе с В.В.Рудневым, бывшим московским городским головой. Секретарем бюро был В.А.Колеров. Бюро фракции постепенно расширялось путем кооптирования в него новых членов, пока не достигло установленной цифры — 30 человек. 9 декабря бюро было заново переизбрано. Наибольшее число голосов собрал Руднев — 83, 77 голосов получил М.В.Вишняк. Примечательно, что В.М.Чернов из претендентов имел менее всего голосов — лишь 33, в результате став только кандидатом в члены бюро. Падение его личного авторитета отражало и общее поправление партии: в составе бюро Чернов оказался единственным левонастроенным⁸⁸. Оперативное руководство текущими делами осуществлял президиум бюро из пяти членов: В.В.Руднев,

М.Я.Гендельман, И.Н.Коварский, С.С.Маслов, А.Н.Слетова-Чернова.

Поначалу бюро заседало дважды в неделю — по средам и пятницам. Но с нарастанием организационно-политических проблем заседания стали почти ежедневными: за 10—23 декабря их было 13⁸⁹. Среди его активистов, судя по протоколам заседаний, были Я.Т.Дедусенко, Д.С.Розенблюм, К.С.Буревой, М.В.Вишняк, Н.В.Святицкий, В.Т.Владыкин, Б.Н.Моисеенко, М.Л.Коган-Бернштейн и др. По своей значимости бюро фракции едва ли уступало тогда Центральному Комитету ПСР. Члены ЦК обязаны были присутствовать на заседаниях фракции, если не были заняты неотложной партийной работой⁹⁰. Подготовка фракции к открытию Учредительного собрания стала в тот период, пожалуй, главным участком деятельности эсеровского руководства.

Членами фракции, согласно ее временному уставу, принятому 1 января, признавались депутаты, прошедшие не только по партийным спискам, но и по спискам крестьянских Советов, по национальным спискам социалистов, при условии подчинения тех фракционной дисциплине. Устав обязывал членов фракции согласовывать свои выступления с бюро и голосовать согласно решениям последнего⁹¹. В связи с необходимостью скорейшего достижения кворума бюро фракции держало под жестким контролем перемещения своих депутатов. Во фракцию эсеров записались чувашские эсеры Г.Ф.Алюнов, И.В.Васильев, С.Н.Николаев, бурят М.Н.Богданов, башкир Г.М.Кувазов, прошедшие по спискам крестьянских Советов В.К.Выхристов, Ф.И.Сорокин (оба из Приморья).

Первоочередной задачей была разработка тактики фракции. Поначалу бюро рекомендовало своим членам ежедневно посещать Таврический дворец, стараясь при этом расположить в свою пользу охрану дворца. Но после оградительных мер Совнаркома 30 ноября каждодневные заседания в Таврическом были отменены⁹².

Линия поведения фракции в отношении Совнаркома обсуждалась в бюро 29 ноября, под свежим впечатлением состоявшегося открытия Учредительного собрания, и вызвала разноречивые суждения. Д.С.Розенблюм предлагал «принять бой, но только когда это будет выгодно эсерам». Необходимо сначала выявить свое лицо перед страной, не торопясь с открытием Учредительного собрания. Арест кадетов, по мнению известного публициста, как раз и был неподходящим для этого случая. В.В.Руднев, М.Я.Гендельман, тамбовский депутат П.И.Ильин, считая в общем конфликт с большевиками неизбежным, настаивали на тактике «бережения» Собрания. М.А.Лихач, В.Г.Архангельский с нотой обреченности говорили

о том, что сила на стороне большевиков, им возражал А.А.Аргунов, убеждая в наличии у эсеров поддержки среди населения и в гарнизоне. Бюро постановило, что тактика фракции должна быть сдержанной, «ввиду возможного провоцирования со стороны большевиков»⁹³. Не нашло поддержки предложение отдельных депутатов (М.Я.Гендельман, С.С.Маслов) готовиться к возможному переезду Собрания в другой город. Фракция не сочла нужным протестовать против ареста кадетов, хотя Н.В.Святицкий и предостерегал, что большевики, устранив кадетов, пойдут дальше⁹⁴.

Фракция образовала ряд комиссий: финансовую, пропагандистско-агитационную, информационную, библиотечную, иногороднюю, по народному образованию, по личному составу, рыболовную и пр. Но особую роль играла комиссия Первого дня во главе с Л.Б.Ельяшевичем (в нее входили также Гоц и Вишняк), которой предстояло разработать сценарий открытия Учредительного собрания, исключавший его немедленный разгон. Этот вопрос также вызывал споры. Так, П.Сорокин предлагал в этот день принять декреты о земле, о рабочем контроле и другие агитационные акты. Если же большевики прибегнут к насилию, обратиться с воззванием к народу и отдать себя под его защиту. М.А.Лихач полагал, напротив, что нецелесообразно заваливать страну пустыми декретами — нужен хороший декрет о мире и обращение к союзникам⁹⁵.

В эсеровских комиссиях шла разработка законопроектов, прежде всего аграрного. В земельной комиссии шли горячие споры. Докладчиками чаще других были П.А.Вихляев и недавний знес Н.П.Огановский. В комиссии определились три направления: «ортодоксы», «государственники» и «стихийники», как они сами себя называли. «Ортодоксы» отстаивали равное право всех граждан на землю, ее недра, леса и воды, запрет наемного труда. Их тактика была приспособлена к политическому моменту — перетянуть к себе крестьян, соблазненных большевистскими посулами. «Государственники» во главе с экс-министром земледелия С.Л.Масловым отстояли, однако, допустимость наемного труда хотя бы в исключительных случаях. Наконец, «стихийники», главным образом крестьяне, стояли за «черный передел», фактически за полное уравнительное перераспределение всей земли, включая надельную, и инвентаря⁹⁶. 2 января земельная комиссия представила итог своей месячной работы. Из трех предложенных в качестве основы проектов — втородумского, П.А.Вихляева и С.Л.Маслова — решено было опереться на последний, представлявший собой сводку положений, разработанных Главным земельным комитетом.

Хотя фракция эсеров старалась избегать столкновений со Смольным, это не всегда удавалось. Она вынуждена была вы-

ступить с опровержением по поводу сделанного 9 декабря Урицким письменного разъяснения солдатам 35-го мортирного дивизиона о причинах отсрочки Учредительного собрания. Обвиняя во всем Всевыборы, комиссар сообщал, что избрано пока только 368 депутатов, из коих прибыли в Петроград лишь 120—150. Между тем на этот день в одной только фракции эсеров было зарегистрировано 138 человек⁹⁷. Фракция протестовала также против ареста Н.Д.Авксентьева и А.И.Гуковского.

В делах фракции отложился секретный «Схематический план борьбы за Учредительное собрание», поданный могилевским депутатом Л.А.Хрисаненковым и датированный 25 декабря. Его автор, эсер с 1905 г., председатель уездного Совета г.Горки, исходил из того, что свою власть Учредительное собрание упрочит лишь в порядке борьбы с народными комиссарами, но эта борьба не должна быть вооруженной. Суть плана сводилась к тому, чтобы открыть заседания не 5 января, как установил Совнарком, а уже 1—2 января, приурочив к этому времени массовые демонстрации и митинги. Речь шла, таким образом, о том, чтобы перехватить у большевиков инициативу, вырваться из-под их контроля, а в случае разгона депутатов тайно перебраться в другое, заранее назначенное место (Киев, Одесса)⁹⁸.

«Химерический проект» (термин Святицкого) Хрисаненкова, конечно, и в малой степени не претендовал на отведенную ему советской историографией роль плана разжигания гражданской войны, причем документа не частного, а общепартийного масштаба⁹⁹. В материалах фракции нет следов его обсуждения, но идея досрочного открытия Учредительного собрания ставилась не раз. Поначалу эсеровское руководство планировало это открытие на 27 декабря, ставя его, однако, в зависимость от позиции фракций-партнеров. В обсуждении этого вопроса участвовали Чернов и Гоц. Но после того, как 21 декабря межфракционное совещание высказалось за официальный срок открытия — 5 января, бюро ФПСР совместно с ЦК ПСР «громадным большинством» предложили депутатам следовать этому решению¹⁰⁰.

Бюро фракции намеренно избегало всяких публичных инспириаций. Так, 3 декабря закрытое заседание бюро слушало информацию Союза служащих правительственных учреждений, объединявшего около 70 тыс. чиновников и просившего указаний, но не приняло конкретных решений. 20 декабря фракция согласилась с идеей проведения всеобщей политической забастовки в поддержку Учредительного собрания, но с тем условием, чтобы не санкционировать и не возглавлять ее¹⁰¹. 7 декабря бюро предложило членам фракции на митингах не оставаться «на узко партийной точке зрения»¹⁰².

Эсеры старались — в этом была одна из важных задач фракции — завязать контакты с другими фракциями, прежде всего на контрбольшевистской основе. Их главные усилия были направлены на левых эсеров. Хотя определенные связи удалось наладить, включая обмен информацией (о том, что происходит в Смольном, они узнавали чаще от В.А.Карелина и В.Е.Трутовского), но оторвать тех от большевиков эсерам не удалось. На заседаниях бюро не раз с досадой отмечалось, что левые эсеры ведут себя уклончиво. По словам В.Г.Архангельского, «они как бы ждут указаний из Смольного»¹⁰³.

В последних числах декабря официальная делегация ФПСР (Н.В.Святицкий, Д.Д.Донской, В.Е.Павлов) явилась в «Асторию» для последних переговоров с левыми эсерами. Их ЦК представляли В.А.Карелин, И.З.Штейнберг, А.Л.Колегаев. Эсеры желали знать, пойдут ли левые в Учредительное собрание, если оно будет открыто самочинно, без большевиков. «Спорим долго и с тяжелым напряжением... — вспоминал Святицкий. — Штейнберг сидит со злобно закушенной губой. Татарские глаза Колгаева меряют нас презрительно-вызывающим взглядом. Только горячий Карелин — "душа-парень" — пытается еще перебросить какой-то мостик. Но тщетно. Обе стороны уперлись: нет!»¹⁰⁴.

Фракция ПСР пыталась завязать связи с украинскими эсерами. В Киев на съезд украинских депутатов-учредителей выехал Я.Т.Дедусенко¹⁰⁵.

Принципиально острым вопросом для фракции была регистрация депутатов. Эсеры отказывались регистрироваться в канцелярии Урицкого, рассматривая это как фактическое признание Совнаркома и его права распоряжаться созывом Учредительного собрания. Поэтому на 4 часа дня 3 января у Урицкого зарегистрировались лишь 141 депутат: 87 большевиков, 36 левых эсеров, 3 неопределенных и 1 эсер центра, 11 украинских эсеров¹⁰⁶. Однако это обстоятельство давало Смольному формальный повод оттягивать открытие Собрания до греческих календ, ввиду отсутствия кворума, а то и вовсе отменить его.

Руководство фракции решило преодолеть внутренние разногласия в данном вопросе демократически — путем голосования. Оно состоялось 3 января. Против «урицизации», как ее окрестили, высказались 87 человек, включая Чернова. Наиболее резко возражали Е.Е.Лазарев («Ни в коем случае не регистрироваться. Пора бросить циммервальдскую болтовню»), Н.Я.Быховский («К черту Урицкого!»), М.В.Вишняк («Урицизация? Никогда»). За регистрацию были поданы 83 записки¹⁰⁷. Все же удалось решить проблему компромиссно: эсеры через секретаря фракции Колерова послали Урицкому полный спи-

сок своих депутатов, комиссар прислал безо всяких ограничений соответствующее число именных красных удостоверений¹⁰⁸. То же сделали и другие оппозиционные фракции. К этому времени Смольный определился в отношении Учредительного собрания и потому именно 3 декабря благодушно отменил обязательный кворум и сквозь пальцы взирал на процедуру регистрации.

31 декабря члены фракции встречали Новый Год в своем кругу в гимназии Гуревича на Лиговке. Собралось свыше 250 человек. С речами выступали Н.П.Пумпянский, Н.Д.Авксентьев, В.М.Чернов, В.Л.Утгоф, Е.Е.Колосов. Состоялся концерт. Однако настоящего веселья не чувствовалось. «Узнаем об аресте румынского посланника (Диаманди. — Л.П.), — вспоминал Н.П.Огановский. — Тоже — лицо "священное", как и мы. И у каждого в душе — червяк едучий копошится: под каким соусом скушает Советская власть нашу депутатскую неприкосновенность»¹⁰⁹.

2 января ФПСР постановила призвать население Петрограда к мирной манифестации 5 января в поддержку Учредительного собрания. 3 января фракция по докладу Ельяшевича от комиссии Первого дня постановила (единогласно при 3 воздержавшихся) выдвинуть В.М.Чернова в председатели Собрания¹¹⁰. Единодушие было, пожалуй, демонстративным. Правые элементы, составлявшие большинство фракции, были недовольны его выдвижением: но «что делать? Он не запятнал себя "оборончеством"... его способны слушать левые эсеры»¹¹¹. Были намечены ораторы по вопросам о войне и мире, о земле, политическом моменте.

4 января состоялось последнее перед открытием заседание фракции. Судя по списку регистрации, на нем присутствовало 160 человек¹¹². Заседали в большом зале гимназии на Бассейной. Разыскивали Чернова, чтобы заслушать его будущую речь. С трудом удалось его найти на железнодорожном съезде. Чернов не был готов, не представил даже тезисы, а его полуторачасовая импровизация не удовлетворила ни правых, ни левых¹¹³.

Накануне открытия бюро приняло ряд решений, регламентирующих поведение членов фракции. Было предписано не приносить на заседание никакого оружия, сидеть молча, не поддаваясь на возможные провокации, беспрекословно слушаться бюро. Для руководства фракцией во время заседания была выделена пятерка: Руднев, М.Я.Гендельман, Е.М.Тимофеев, И.Н.Коварский, Л.Б.Ельяшевич¹¹⁴. Надлежало следовать рекомендациям комиссии Первого дня: вопрос об организации власти в порядке первого дня поставлен быть не должен. По свидетельству Н.П.Огановского, «решено, в крайнем случае,

выбросить из программы весь балласт, вроде законов о низложении Романовых, иммунитета депутатов, продовольственного вопроса, "Манифеста", и во что бы то ни стало провести постановление о мире... и основной закон о земле»¹¹⁵.

Тактика поведения эсеров при открытии Учредительного собрания не была ни для кого тайной. Как сообщал 5 января «Петроградский голос», вместе с фракциями национальных и народных социалистов они встретят выступления комиссаров спокойно, не высказывая ни порицания, ни одобрения, и перейдут к очередным делам. Тем более не было это секретом для большевиков. По свидетельству Б.Соколова, общежитие на Болотной походило на проходной двор, в котором легко могли затеряться большевистские соглашения¹¹⁶, и вряд ли они упустили такую возможность. Арестованные позже депутаты подтверждали: большевики знали все планы фракции.

В начале декабря была образована левозэсеровская фракция, регулярно оповещавшая о своем существовании в газетах¹¹⁷. Во временное бюро фракции входили в разное время провинциальные депутаты Г.К.Баринов, В.Г.Дьяконов, Н.Н.Ольхин, А.И.Бриллиантов, И.П.Бородачев и др.¹¹⁸. Левые эсеры, их было 36, пытались играть роль буфера между эсерами и большевиками. Так, свое участие в межфракционном совещании 17 декабря они обусловили отсутствием кадетов и приглашением большевиков. И то, и другое не было принято, и левые эсеры покинули его. Однако они участвовали уже в следующем межфракционном совещании 20 декабря, и В.А.Карелин даже пытался смягчить позицию в отношении арестованных кадетов, предложив их считать явившимися членами Учредительного собрания¹¹⁹. Но дальше отдельных контактов они не шли, повторяя, что Учредительное собрание сможет существовать, если избежит вопроса о власти.

К фракции левых эсеров присоединились три украинских левых эсера, прошедшие от Харьковской губернии (В.М.Качинский-Орешин, А.Т.Овчаренко, А.И.Стрельцов).

Левые эсеры расположились вместе с большевиками в гостинице «Астория», где для них был выделен третий этаж. К сожалению, не сохранилось других документальных следов ее работы, кроме ведомостей на получение обуви, одежды, белья и прочего «дефицита», подписанных М.С.Урицким. В них значатся фамилии И.А.Майорова, А.Л.Колегаева и других левых эсеров и украинских социалистов — всего более 30 человек¹²⁰. Таким образом, большевики позаботились о номенклатурных благах для своих попутчиков. Входя с пониманием в стесненное положение депутатов, все же трудно оценить это иначе как подкуп.

Меньшевицкая фракция, как и предсказывалось на Объединительном съезде РСДРП, была численно невелика. Более того, она «блистала» отсутствием Ю.О.Мартова, Г.В.Плеханова, П.Б.Аксельрода, А.Н.Потресова, Ф.И.Дана. Из депутатов прибыли А.А.Трояновский, М.Д.Шишкин, Н.В.Стрелков, И.Г.Церетели, М.И.Скобелев и А.Г.Зурабов. Отсутствие других депутатов (в основном закавказских) возмещалось активным содействием членов ЦК, от Мартова слева до Потресова справа. На штатной основе во фракции работали Трояновский, Церетели и Шишкин, с месячным содержанием в 500 рублей¹²¹.

Меньшевики образовали, в соответствии с «профилем» своей партии, ряд комиссий: по выработке основных законов (В.Н.Крохмаль, А.Я.Гальперн, Муравьев, О.А.Ерманский, Соколов), по регулированию народного хозяйства и труда, по общей политике (А.Н.Потресов, Ф.И.Дан, Ю.О.Мартов, Р.А.Абрамович, А.С.Мартынов, М.И.Либер и др.), по внешней политике (Мартов, И.М.Майский, С.Ю.Семковский, Н.А.Череванин, Г.М.Эрлих, Потресов, Дан и др.), по военной политике и пр.¹²². Таким образом, к предварительной разработке материалов фракции удалось привлечь почти все течения меньшевизма, хотя, наверное, это облегчалось тем, что в Учредительном собрании меньшевикам предстояло играть вторые роли.

Однако разногласия не могли не проявляться во фракционной работе. Так, в политической комиссии 4 января развернулась полемика по проекту резолюции, предложенной Ф.И.Даном. Дан, как и Церетели и Скобелев, переоценивал возможности Учредительного собрания, считая, что оно — тот орех, который не по зубам большевикам. Возражая ему, Ю.О.Мартов считал неуместным, что в тексте содержатся нападки на советскую власть, но не упоминаются «калединцы», осуждаются переговоры большевиков с немцами, но замалчиваются аналогичные переговоры Центральной Рады. С ним в целом соглашался Церетели, но по иным мотивам: «нецелесообразно в первый же день ставить вопрос о немедленном сложении Советской власти, но выразить свое отношение к ней надо». На более резком варианте настаивали Стрелков, Эрлих, Череванин, Трояновский, Скобелев¹²³.

В комиссии по выработке основных законов особые споры вызвал вопрос о характере будущего государственного устройства России. В итоге комиссия 29 декабря шестью голосами против трех предпочла федеративное устройство автономии: «неразумно в период обострения национальной борьбы настаивать на автономии, приходится выбирать федерацию»¹²⁴.

Свою фракцию образовали народные социалисты. В нее вошли Н.В.Чайковский, тобольский депутат А.С.Суханов и эстонские трудовики Ю.Р.Вильмс и Ю.Ю.Сельяма¹²⁵.

Через печать М.С.Урицкий обещал предоставить помещение и для кадетской фракции, если кадеты обратятся с просьбой об этом¹²⁶. Такое предложение было равнозначно добровольной явке на закляние, поскольку уже действовал антикадетский декрет. Именно так и считали кадеты. Они не могли легализоваться, не рискуя оказаться за решеткой. По свидетельству уральского кадета Л.А.Кроля, ЦК партии предложил ему, как и другим оставшимся на свободе кадетам-учредителям, не выезжать в столицу до получения вызова. Прибывший в Екатеринбург член ЦК К.К.Черносвитов сообщил Кролю, что в руководстве партии очень сомневаются, что Учредительное собрание будет создано. Однако 27 декабря Л.А.Кроль все же получил вызов от ЦК с предписанием заехать предварительное в Москву. Вместо трех суток он добирался до Москвы целую неделю и прибыл только 4 января. Здесь он узнал, что ЦК из-за арестов перебрался в Москву. На конспиративном совещании под председательством П.И.Новгородцева было постановлено, что в первый день работы Учредительного собрания кадеты не явятся, а в дальнейшем в зависимости от освобождения арестованных депутатов (к тому времени таковых было четверо: Ф.Ф.Кокошкин, Н.Н.Кутлер, А.И.Коновалов, П.Д.Долгоруков). Приняты были также решения отказаться от оглашения декларации о мотивах неявки кадетов на открытие и о недопустимости регистрации у Урицкого¹²⁷. Есть, однако, некоторые сбивчивые указания на появление 5 января Ф.И.Родичева, М.М.Винавера в Таврическом дворце¹²⁸.

Из кадетов в это время в Петрограде находился Н.А.Бордин. Но он еще не стал формально депутатом, поскольку выборы в Уральской области задержались, и потому избежал ареста¹²⁹.

Солидно — более 60 мест — в Учредительном собрании были представлены мусульманские партии и организации, за которыми не всегда видна этническая и партийная принадлежность депутатов. Однако в Петроград их прибыло лишь несколько человек. Организовалась и заявила о себе в заседании 5 января фракция мусульман-социалистов, где наиболее заметными фигурами были И.С.Алкин и А.Т.Цаликов.

Особая роль в Учредительном собрании отводилась украинцам. Украинские губернии избирали свыше ста депутатов. По большей части это были украинские эсеры, разбавленные небольшим числом украинских социал-демократов. Фракция эсеров возлагала на них надежды в создании антибольшевистской коалиции, учитывая состояние войны между Совнаркомом и Центральной Радой. Большевики же старались расположить украинцев в свою пользу, главным образом через посредство левых эсеров. 10 декабря в Киеве собрался съезд депутатов Уч-

редительного собрания от Украины, на котором присутствовало, по разным данным, от 46 до 70 участников. Съезд высказался за скорейшее открытие Учредительного собрания и активное участие в нем. Были выработаны основы общей тактики украинских депутатов. В первую очередь Учредительное собрание должно было разрешить вопрос о мире. По вопросу о власти киевский съезд высказался в том духе, что центральная власть должна строиться не по партийному, а по национальному признаку, иначе говоря, быть строго федеральной. Признавая Совнарком как правительство Великороссии, украинские депутаты считали, тем не менее, что оно не вправе вмешиваться в организацию власти на Украине, в Туркестане и других образовавшихся к тому времени республиках. Окончательное решение вопроса о федерализации государства следовало, по мнению участников съезда, рассмотреть на конгрессе народов и автономных областей России¹³⁰.

Таким образом, украинская делегация, а косвенно и Центральная Рада, пыталась в обмен на признание Совнаркома добиться гарантий его невмешательства в украинские дела. Однако на съезде было решено не ехать всем в Петроград, а предварительно выслать делегацию с целью информации и переговоров со всеми фракциями, кроме кадетов.

С большими трудностями, вследствие железнодорожной разрухи, 18 декабря в Петроград приехали 8 украинских эсеров, 1 еврейский социалист и 3 левых эсера. 9 первых составили самостоятельную фракцию, трое вошли во фракцию левых эсеров. В основном это были депутаты Харьковской и Екатеринославской губерний. Их поведение было осмотрительным, если не двусмысленным. Войдя в переговоры с фракцией эсеров, они искали неофициальных контактов с большевистскими руководителями и заседали вместе с левыми эсерами. Это была явно выжидательная позиция, связанная и с неопределенностью положения на самой Украине. Разместившись в «Астории», они на межфракционном совещании заявили, что признают Совнарком как фактическую власть и не придают, в отличие от эсеров, значения тому, у кого им надлежит регистрироваться¹³¹. В прессе подчеркивалось внимательное отношение властей к украинским депутатам, и они сами это удостоверяли¹³². Это подтверждается и материальными благами, полученными ими вместе с другими левыми депутатами. Просоветская позиция украинских социалистов подпитывалась боязнью казачьего Дона, где в это время уже создавалась Добровольческая армия. Пока на Дону не образуется социалистическое министерство, никаких разговоров с казаками о совместных действиях у украинцев не будет, заявил лидер украинской делегации А.С.Северов-Одоевский в газетном интервью¹³³.

Вместе с тем их поддержка Совнаркома отнюдь не была безоговорочной и безусловной. Украинцы осудили аресты учредителей. Один из них, И. Михайличенко, сообщил корреспондентам, что украинцы 19 декабря посетили Таврический дворец и имели беседу с большевистскими лидерами, из которой вынесли впечатление, что те «не намерены открывать в ближайшем будущем Учредительное собрание и что депутатам придется разъезжаться по домам»¹³⁴.

Однако надежды эсеров на украинских социалистов не оправдались. Последние вступили в формальное соглашение с левыми эсерами, выработав, судя по косвенным сведениям, общую платформу на основе следующих принципов: 1) немедленное прекращение вооруженной борьбы между СНК и Центральной Радой; соединение демократических сил России и Украины для беспощадной борьбы с реакционными попытками Всероссийской контрреволюции; 2) организация общероссийской федеративной власти; 3) открытие в срок Всероссийского Учредительного собрания; 4) последующий созыв местных законодательных органов¹³⁵.

Иную, более жесткую установку украинские депутаты получили из Киева, с которым они поддерживали связь, будучи в Петрограде. 3 января ЦК УСР не признал возможным приезд всех депутатов в Петроград, ввиду состояния войны между Украиной и Великороссией. Было предложено при открытии Учредительного собрания огласить декларацию о том, что оно должно ограничиться провозглашением принципиальных основ государственного и социального устройства России как федеративной республики, после чего покинуть его¹³⁶. Все остальные вопросы должно было решить Украинское Учредительное собрание, выборы которого были назначены на начало января.

Плотной завесой окутана деятельность второй по величине фракции — большевиков. Она готовилась к открытию ассамблеи, как очевидно, в обстановке полной секретности, почти не оставив следов даже в мемуаристике.

Между тем во фракции развивались драматические события. Ее временное бюро, избранное 2 декабря, оказалось в руках проучредительски настроенных функционеров (Л.Б.Каменев, Д.П.Милютин, В.А.Барышников, А.И.Рыков, Т.В.Сапронов, И.И.Рабчинский, И.В.Сталин, Д.Б.Рязанов, М.А.Ларин). «Революционный Фигаро» Н.Н.Суханов по этому поводу писал, что «в большевистской фракции под председательством Ларина образовалась большинство, пытавшееся стать на защиту "парламентарной республики" и противодействовать разгону Учредительного собрания»¹³⁷. Тогда же, 2 декабря, бюро решило созвать провинциальных депутатов и начать подготовку материалов для докладов в Учредительное собрание¹³⁸. По-види-

тому, его члены испытывали тревогу в связи с растущей изолированностью большевиков от других социалистов. В Учредительном собрании им виделся уникальный шанс спасти единство демократии. Члены бюро полагали, что оно должно увенчать революцию, и были готовы сотрудничать с правыми социалистами. Нет фактов, говорящих о том, как далеко они зашли в своих намерениях и действиях. Избрание умеренных в бюро было воспринято в партийных верхах как бунт. Вопрос этот обсуждался на заседании ЦК 11 декабря. Судя по протоколу, члены бюро настаивали на созыве партийного съезда или конференции для решения вопроса об Учредительном собрании, противясь контролю ЦК над фракцией¹³⁹.

В.И. Ленин потребовал сместить членов бюро фракции, напомнив им уставное требование о подчинении всех партийных учреждений Центральному Комитету. По его оценке, бюро обнаружило «буржуазно-демократическую точку зрения на Учредительное собрание вне учета реальных условий классовой борьбы и гражданской войны». Они были обвинены также в бездеятельности в выработке принципиальной резолюции¹⁴⁰, скорее всего, чтобы сделать более убедительным их смещение. 12 декабря фракцию собрали в Смольном, где Ленин предложил переизбрать состав бюро и назначить члена ЦК для руководства фракцией, изложив свое отношение к Учредительному собранию в виде уже упоминавшихся «Тезисов». После горячих прений ему с помощью Я.М. Свердлова удалось добиться их одобрения членами фракции¹⁴¹. Даже по этим скудным сведениям понятно, что то был критический момент в жизни партийного руководства, по значимости схожий с выходом ряда народных комиссаров из Совнаркома. Но Ленин снова, бросив свой политический авторитет на чашу партийных весов, добился победы. Сопrotивление оппозиции внутри фракции было сломлено.

На 27 декабря, по данным фракции эсеров, в Петроград прибыло 495 депутатов¹⁴². В работе межфракционных совещаний приняли участие, кроме эсеров разных оттенков, латыши, эстонцы, евреи. Но все крупные фракции понесли более или менее серьезные потери из-за неприбытия своих членов. У эсеров не было А.Ф. Керенского. Столичный городской голова Г.И. Шрейдер зондировал на этот счет почву в Смольном, но «вынес впечатление, что, несмотря на неприкосновенность, Керенский никоим образом не может появиться в Петрограде» и будет немедленно арестован¹⁴³. Впрочем, и для самих эсеров Керенский к тому времени был отыгранной картой. У большевиков отсутствовали Л.Д. Троцкий, А.А. Иоффе, находившиеся в Брест-Литовске на мирных переговорах. На различных фронтах разгоравшейся гражданской войны в эти дни уже сражались во

главе своих войск атаман А.И.Дутов и большевик С.М.Цвиллинг на Урале, А.М.Каледин и В.А.Антонов-Овсеенко — на Дону. Многих депутатов задержали чрезвычайные обстоятельства, связанные с борьбой за власть на местах. Не прибыл в Петроград будущий глава православной церкви архиепископ Сергей (И.Н.Страгородский). Еще до открытия Учредительного собрания погибли депутаты большевик Л.Л.Пятаков и украинский эсер М.М.Лебединец.

Межфракционные перегородки не были непроницаемы, и вполне возможны были, в случае долгой парламентской работы, известные подвижки. Отчасти это и случилось 5 января. Обширная среда национальных депутатов, федералистов и автономистов, представляла собой довольно текучую политическую плазму, более или менее единую в вопросах национального самоопределения, но разнородную в остальных политических вопросах.

Такова в общих чертах была расстановка политических сил в Учредительном собрании накануне его открытия.

3. «Кто был кто» в Учредительном собрании

Да простится автору столь вольное сравнение, но Учредительное собрание представляется ему не просто высоким учреждением, но и подобием театра, с актерами и статистами, с расписанными ролями и закрученным сюжетом. Занавес поднят, но... Действие обрывается режиссером-историей после первого же акта, оставляя чувство недосказанности и желание домыслить интригу драмы, судьбу ее героев.

Социографическое изучение депутатского корпуса — научная проблема, давно ждущая исследователя. Уже восемь десятилетий над нею словно бы витает рок, отпугивающий историков. Правда, ныне причина этого состоит уже не в идеологическом диктате, а, пожалуй, в дефектности источниковой базы. Незавершенность выборов, роспуск Всероссийской комиссии, расстройство избирательного аппарата, наконец, плохая сохранность газетных и архивных фондов кажутся непреодолимой помехой для воссоздания списочного состава депутатов и его социокультурного облика.

Между тем, речь идет о весьма представительном и влиятельном слое российской политической элиты 1917 года, столичной и провинциальной, принимавшей ответственные решения и осуществлявшей их. Депутаты олицетворяли собой не только политические «сливки» общества, но, с известными оговорками, сам электорат, с его составом и ментальностью. Любой из них мог с полным правом претендовать на выраже-

ние интересов более или менее плотного слоя рядовых избирателей, отражая их социальную и политическую роль, их убеждения и предубеждения. Стоит также заметить, что в политической истории России все еще доминирует борьба идей, а не людей. Между тем пристального внимания заслуживают не только партийные знамена, но и те, кто эти знамена несут. Их общественное поведение не в последнюю очередь определялось личностными качествами, уровнем образованности, воспитания, социальным и гражданским статусом и прочими факторами субъективного порядка, не исключая психофизических аномалий. Если верно, что история это вектор человеческих волей и поступков, то таковые не менее заслуживают научного внимания, чем логика исторического процесса.

Полная реконструкция списка депутатов Учредительного собрания является условием эффективного исследования, с применением многомерного статистического анализа. Она позволит избавиться от многих ошибок, которые «гуляют» в исторической литературе в этой связи. Единственная попытка такого рода предпринята составителями сборника «Всероссийское Учредительное собрание» еще в 30-е годы¹⁴⁴. На материалах архивов и периодики они указали 706 фамилий (в комментарии к списку почему-то говорится о 715). Этот список стал «каноническим»: он безо всяких исправлений и оговорок целиком воспроизведен в биографическом словаре «Политические деятели России». Его составители указали принадлежность депутатов к кандидатским спискам и их «прописку» по избирательным округам, предупредив о возможных в последнем случае неточностях. Предостережение было кстати, поскольку авторы основательно запутали этот вопрос. Для ряда округов (Бессарабский, Воронежский, Киевский и др.) указаны не все депутаты, для других (Вятский, Новгородский, Таврический), напротив, лишние. По Закавказскому округу в списке поименованы 40 депутатов вместо законных 36. Тем не менее он и поныне остается уникальным материалом для историков темы.

Общее число депутатов первоначально было определено Временным правительством в 800 человек, без оккупированных территорий. Затем депутатская квота, как уже говорилось, была увеличена для обеих столиц и округов с казачьим населением, наконец, и для фронтовых округов. С учетом всех изменений по 81 избирательному округу надлежало избрать 820 депутатов.

Не везде, однако, выборы были доведены до конца и распределены депутатские мандаты: Кубано-Черноморский округ — 16, Степной — 14, Терско-Дагестанский — 10, Сыр-Дарьинский — 9, Закаспийский — 2, Аму-Дарьинский — 1,

округ русских войск за границей — 1. Таким образом, состав депутатов сократился на 53 человека.

Оставшихся 767 избранных условимся считать депутатами Учредительного собрания. Эта оговорка необходима потому, что не все они прошли процедуру официальной регистрации и получили депутатские мандаты. Кроме того, в ряде окраинных округов итоги выборов были подведены уже после официального роспуска Учредительного собрания, и если с фактической стороны их избрание не оставляет сомнений, то формально-юридически дело обстоит сложнее.

Установление персоналий 767 депутатов — весьма трудоемкая задача. Образованная 28 ноября мандатная комиссия во главе с В.В.Рудневым ничем себя не обнаружила. Не стоял вопрос о депутатских правомочиях и при открытии Учредительного собрания. Его секретарь Вишняк свидетельствовал, что у него не было даже списка депутатов¹⁴⁵. В любом случае мандатной комиссии пришлось бы столкнуться с немалыми проблемами из-за неразберихи, возникшей при регистрации. Согласно закону, депутат, избранный сразу в нескольких округах, должен был выбрать «свой» и в течение трех дней письменно отказаться в остальных округах от мандата, уступая место следующему по списку кандидату. Но из-за разновременности выборов, нерасторопности аппарата и самих депутатов и прочих причин эта процедура затягивалась и все более запутывалась. В Петроград 28 ноября на предполагавшееся открытие Учредительного собрания съехались не только сами депутаты, но и несколько их заместителей, как можно судить по подписям под обращением 109 учредителей-эсеров к народу¹⁴⁶. По-видимому, ими собирались заменить арестованных депутатов или прошедших по общепартийным спискам левых эсеров.

Свою лепту в общую путаницу внесла и пресса, часто публиковавшая недостоверные сведения. Впрочем, небрежно велось делопроизводство и в самой канцелярии Учредительного собрания, в фонде которой сохранились карандашные записки с указанием «выдать мандат» и списки кандидатов с множеством помарок и исправлений. Так, Урицкий предписал выдать мандат по Томскому округу большевику И.Н.Смирнову, хотя здесь все места без исключения достались эсерам¹⁴⁷. Этот факт, вероятно, более отражает некомпетентность комиссара, чем злой умысел, но это не облегчает задачи историка. Северо-Западный комитет большевиков уже после выборов, 27 декабря, произвел перераспределение своих кандидатов между Минским округом и Западным фронтом¹⁴⁸, чем должен был запутать вопрос. Переписка о выдаче удостоверения от Северного фронта эсеру Б.Н.Рабиновичу затянулась до 4 января, по-

скольку не было письменного отказа Авксентьева, сидевшего в Петропавловке¹⁴⁹.

Все это способно разуверить в возможности восстановить аутентичный депутатский список, но не мешает выявить основные параметры этой совокупности, существенные для понимания русской революции в ее «человеческом» измерении.

Важной социокультурной предпосылкой являлся возраст депутатов, отражавший их житейскую и политическую зрелость, аккумулированный социальный опыт. Вот как выглядит возрастной состав депутатов в сопоставлении с IV Государственной думой на 1912 г. по возрастным группам. IV Дума: 25—30 лет — 22 (5%), 31—40 лет 128 (30%), 41—50 лет — 153 (35%), 51—60 лет — 105 (24%), свыше 60 лет — 27 (6%)¹⁵⁰. Учредительное собрание: 21—30 лет — 127 (26%), 31—40 лет — 235 (48%), 41—50 лет — 76 (16%), 51—60 лет 42 (9%), свыше 60 лет — 6 (1%).

Сравнение показывает резкое омоложение состава российских законодателей, выдвижение нового поколения политиков. Оно весьма характерно для России 1917 года с ее триумфом «революционного правотворчества», выходом на авансцену наиболее радикальных, с одной стороны, наиболее ориентированных на жизненную карьеру элементов — с другой. Особо выразительно пятикратное увеличение удельного веса депутатов до 30 лет, возраста, в общем мало подходящего для серьезной законотворческой деятельности. Столь же показательна малочисленность депутатов в оптимальном для этого поприща возрасте свыше 50 лет.

Самыми молодыми среди учредителей были тульский эсер Б.И.Арватов и большевики В.З.Гинзбург (Калуга) и В.Н.Наумов (Иваново-Вознесенск) — 21 год. По 22 года было мусульманскому социалисту И.С.Алкину, эсеру-максималисту Р.П.Эйдеману, тульскому большевику Г.Н.Каминскому. Изучение возрастного состава партийной элиты показывает, что самыми молодыми были большевики — в среднем 34 года (данные по 164 депутатам), среднему эсеру было 37 лет (190 человек). Примерно в таком же возрасте были украинские социалисты (29 депутатов) и мусульмане (38 человек). Средний возраст 11 меньшевиков, о которых мы располагаем данными, составлял уже 42 года, еще выше был он у либералов — 48 лет.

Любопытен и другой аспект: время вступления депутатов в революционное движение или в левую партию. Из 255 человек, о которых есть сведения, 149 (58%) сделали это в возрасте не позднее 20 лет. В 21—25 лет приобщение к революционной деятельности было более или менее равномерным по годам (около 5%), наконец, после 25 лет — только 16%. Юношеский максимализм, преимущественно эмоциональное восприятие

действительности были, по-видимому, ведущими факторами, которые при отсутствии житейской и гражданской зрелости формировали облик будущих радикалов. Столь ранний выбор заведомо сужал их политический кругозор, а логика последующего (замкнутая революционная среда, нелегалщина, преследования), в свою очередь, резко ограничивала их жизненные перспективы, порождая небывалую доселе социальную категорию «борцов за народное счастье» — профессиональных революционеров. Заметим также, что среди депутатов-учредителей было не менее 250 участников Первой русской революции.

Как известно, выборы отличались чрезвычайно высоким уровнем «партизации», отражавшей не столько тип политической культуры общества, сколько разнужданные политические страсти и социальную расколотовость. Избиратели голосовали почти всегда за партии, а не за личности. Эта партийность в высшей степени присуща и составу депутатов, среди которых практически не было независимых, не связанных с определенной идеологией и фракцией людей. Несомненно, в лице ученых, литераторов, адвокатов и других людей свободных профессий с собственной гражданской позицией, но без партийного ангажемента российский ареопаг многое терял в решении государственных дел.

В составе депутатского корпуса отчетливо просматриваются два слоя. Верхний, сравнительно тонкий (не более 150—200 человек) — слой политиков с общероссийской известностью, в основном столичных с вкраплением провинциалов. Второй, более обширный слой провинциальной политической элиты. Последние, как правило, только вступали в «большую» политику, их имена мало знали за пределами губернии, а то и уезда. По данным биографического словаря «Политические деятели России 1917», более 400 депутатов входили в состав ВЦИК разных созывов, Исполкома Всероссийского крестьянского Совета, Демократического совещания, Предпарламента, партийных и национальных съездов и других общероссийских политических объединений. Для многих Учредительное собрание стало стартом в бурную политическую жизнь эпохи гражданской войны, по обе стороны ее фронта. Это обстоятельство подчеркивает неслучайность их избрания. С другой стороны, политика уже не выпускала их из цепких объятий. Тамбовский депутат Е.Н.Меркулов, вернувшись после разгона Учредительного собрания и ареста домой, признавался, что натерпелся страху: «Довольно, теперь надо приниматься за мирную работу, буду устраиваться». Но уже вскоре ему пришлось скрываться от большевиков¹⁵¹.

Обращает на себя внимание то, что думцев всех созывов, имевших опыт конструктивной законотворческой работы, было

среди депутатов лишь около 60. Государственная дума воспринималась радикализированным обществом как архаизм, чуждый новому строю, ее богатый делопроизводственный и правовой опыт изначально отвергался, ассоциируясь с царским прошлым.

Участие в выборах дало емкий материал для определения партийного рейтинга депутатов. При этом следует учитывать три фактора: 1) количество округов, в которых был заявлен депутат; 2) его место в партийных кандидатских списках; 3) престижность для партии избирательного округа, что особенно важно для большевиков, меньшевиков, кадетов, имевших резко очерченную социальную базу, в отличие от эсеров, которые почти всюду имели гарантированный минимум мандатов. Так, у большевиков в пяти округах одновременно баллотировались не только вожди, но и фигуры явно меньшего масштаба. Но при этом Ю.М.Лещинский ни в одном из них в кандидатских списках не стоял выше четвертого-пятого места. «Златоуст» А.В.Луначарский был выдвинут в пяти округах и под высокими номерами, но ни один из округов (Казанский, Калужский, Курский, Пермский, Смоленский), пожалуй, не был для партии ключевым.

В этом плане интересна проведенная В.В.Лазаревым на основе латентных факторов компьютерная обработка списка кандидатур ЦК РСДРП(б). Он установил, что если рейтинг Ленина принять за 1,0, то далее шли Зиновьев и Каменев — 0,96; Л.Д.Троцкий — 0,94; А.М.Коллонтай — 0,89; И.В.Сталин — 0,83; Д.Б.Рязанов — 0,81; М.С.Урицкий — 0,30; Ф.Э.Дзержинский — 0,24 и т.д. Луначарский в этой высчитанной исследователем неформальной партийной иерархии занимал лишь 23 место — 0,014¹⁵².

В свое время составители списка депутатов отказались от намерения указать партийность каждого из депутатов, но не устояли перед соблазном разложить партийный «пасьянс» на основе кандидатских списков: 237 эсеров, 40 левых эсеров, 175 большевиков, 17 кадетов, 16 меньшевиков, 86 — от национальных групп, 2 энеса, 1 неизвестный¹⁵³. Осмотрительность похвальна, когда она последовательна. К сожалению, авторы той публикации не указали, куда и почему ими отнесены избранные по непартийным спискам казаки, представители крестьянских Советов и др.

Каков же был в целом партийный состав 767 депутатов, по выявленным нами сведениям и по результатам голосования за партийные списки? Среди них было 347 эсеров, 81 украинский эсер, 16 меньшевиков, 11 украинских социал-демократов, 180 большевиков, 15 кадетов, 4 народных социалиста. Кроме того, в составе Учредительного собрания было 16 казаков, 62 мусульманина, 18 национальных социалистов, 16 депутатов от на-

циональных списков, 1 от православной церкви. (Дополнительно к этому можно определенно говорить об избрании одного большевика в Терско-Дагестанском округе — 37% подсчитанных голосов, и одного — от партии Алаш в Степном округе — 55%. Выборы в этих округах не были доведены до конца и нами не учитывались.)

Каждая из фракций Учредительного собрания была верхушкой партийного «айсберга» и отражала его в миниатюре. Скудость биографических данных сильно ограничивает возможность социокультурного анализа, но, располагая основным набором необходимых сведений для нескольких десятков членов крупных фракций, мы рискуем допустить погрешность в считанные проценты, что вполне оправдывает поставленную цель.

Самой большой была фракция эсеров: в общей сложности на проэсеровских позициях стояли около 450 депутатов, с учетом украинских, мусульманских, чувашских эсеров. Эсерами были и лидеры молдавского Сфатул-Цэрия (П.В.Ерхан, И.Н.Инкулец и др.), избранные в Бессарабии по спискам Совета крестьянских депутатов, но перед этим исключенные из партии за национальный сепаратизм.

Суждение о ПСР как о рыхлой, аморфной партии, разделявшееся и многими эсерами, требует корректировки. Практически в каждой губернии имелся прочный эсеровский костяк, с большим стажем революционного подполья, каторги, ссылки, эмиграции. Во фракции почти не было «мартовских» эсеров. Так, среди 12 эсеров от Могилевской губернии С.А.Раппопорт (Ан-ский) с 1882 г. участвовал в народовольческих кружках, И.Н.Коварский считался эсером с 1890 г., остальные вошли в партию перед первой революцией или в годы ее. В среднем у каждого за плечами было 15 лет партийной работы. У председателя Веткинского Совета И.Г.Малеева позади было 6 арестов, эмиграция¹⁵⁴. В Таврической губернии все кандидаты от эсеров прошли через ссылку. В семьях политических ссыльных родились М.Л.Коган-Бернштейн, В.В.Сухомлин, Н.П.Пумпянский, Е.М.Тимофеев. В целом на 200 депутатов-эсеров пришлось 1000 лет тюрьмы и каторги¹⁵⁵.

Потомственным эсером можно назвать воронежца М.Л.Когана-Бернштейна, одну из самых трагических фигур в Учредительном собрании. Его детство прошло в сибирской ссылке родителей. Предсмертное письмо сыну его отца, Л.М.Когана-Бернштейна, казненного в 1889 г. после знаменитой «якутской истории», революционеры «читали и перечитывали в кружках, чтобы закалить себя в ненависти к убийцам»¹⁵⁶. Осудив переворот большевиков, М.Л.Коган-Бернштейн отвергал и вооруженную борьбу с ними, пытаясь, уже будучи членом ЦК ПСР, остановить войну между социалистами. При переходе линии

фронта близ Сызрани в сентябре 1918 г. он был схвачен чекистами и расстрелян как член Учредительного собрания¹⁵⁷. Наибольший революционный стаж, с давних народнических времен, имели Е.К.Брешко-Брешковская, Е.Е.Лазарев, С.П.Швецов, О.С.Минор, Е.Е.Колосов, С.А.Никонов.

Фракция эсеров наиболее социальна разнородна, но в ней отчетливо вырисовываются два образующих элемента: крестьяне и выходцы из средних слоев города. В кандидатских списках ПСР от Костромской и Самарской губерний было по 7 крестьян, в Пермской — 8, Алтайской — 5. Остальные значились служащими, журналистами, кооператорами. Хотя среди депутатов процент крестьян заметно понижался. Н.П.Огановский писал, что в эсеровской фракции «большая половина избранных — настоящие крестьяне, не молодые, быть может, не особенно выдающиеся, но стойкие, испытанные в боях с царизмом, осведомленные в крестьянских делах и тесно связанные до сих пор с крестьянскими массами своих округов»¹⁵⁸. В значительной степени это были уже не крестьяне от земли, а функционеры крестьянских Советов, комитетов, союзов. По нашим подсчетам, охватывающим 145 депутатов-эсеров, среди них было 52 выходца из крестьян, из рабочих — 7, мещан — 13, интеллигентов — 49, дворян — 13, купцов — 5, священников — 6. Таким образом, к верхним социальным слоям принадлежали по рождению 18% эсеров, к средним — 39%, к низам — 43%. В качестве артефакта отметим наличие среди эсеров бывших и настоящих священников — А.Н.Добромыслова из Забайкалья, Г.А.Кутузова из Смоленской, В.Г.Архангельского из Самарской и А.И.Бриллиантова из Уфимской губерний.

Внешний облик фракции эсеров также обрисовал Огановский: «Состав с.-р. гораздо солиднее по возрасту, чем у большевиков и левых с.-р., и разнообразнее по нарядам: попеременно сидят крестьяне в поддевках и тулупах, интеллигенты в пиджаках, в военной форме сравнительно мало»¹⁵⁹.

Среди левых эсеров не было крупных фигур, с героическим прошлым, исключая М.А.Спиридонову. Всегда одетая в темное, казавшаяся много старше своих 33 лет, эта женщина стала символом эсеровского мученичества и революционной экзальтации. Но выдвижение ее большевиками кандидатом на пост председателя Учредительного собрания в качестве альтернативы Чернову произвело на самих эсеров комический эффект.

Социально-профессиональный состав фракции большевиков был равномерно разнороднее. По происхождению среди них рабочие составляли 29 человек (из 127), интеллигенты — 37, мещане — 17, крестьяне — 23, дворяне — 11, купцы — 7, священники — 3. Но фактически это была партийная интеллигенция. Даже те, кто значились в кандидатских списках как ра-

бочие или крестьяне, давно перестали ими быть, поскольку нельзя считать рабочими думцев Г.И.Петровского, А.Е.Бадаева, М.К.Муранова, обеими ногами ставших на политическое поприще. Свой прежний социальный статус сменили фактически и те, кто стал функционером размножившихся в 1917 г. Советов, профсоюзов, фабзавкомов, солдатских комитетов и прочих массовых организаций, претендовавших на свою долю власти. Никто из них более не вернулся к своему прежнему ремеслу. В общем же, по нашим наблюдениям, среди 127 членов фракции РСДРП(б) около 42% вышли из социальных низов, примерно столько же — из средних слоев провинциального города, остальные — из привилегированных сословий (дворяне, купцы, почетные граждане). Из богатых купеческих семей вышли С.М.Нахимсон, В.А.Невский, А.И.Окулов.

Кроме того, фракция большевиков выделялась высоким удельным весом солдат и младших офицеров: каждый третий (более 60 человек) носил военную форму. Старшим по чину был подполковник В.Н.Фрейман. Вообще же наличие в депутатском корпусе свыше ста военных — явление весьма необычное для истории парламентаризма, но вполне объяснимое в плане военного происхождения русской революции и политической роли армии.

По революционному стажу большевики немногим уступали эсерам. Большинство их включилось в подпольную работу еще до 1905 г., около трети — в 1905—1907 гг. Выдвиженцев 1917 г. среди них почти не было. И здесь были свои рекордсмены по части революционного прошлого: С.Ф.Васильченко (Область Войска Донского) из своих 34 лет 11 провел в казематах. Смертные приговоры в царские времена были вынесены В.А.Антонову-Овсеенко, М.В.Фрунзе.

Средний возраст большевиков был несколько ниже эсеровского — 34 года. Самым пожилым был 54-летний М.С.Ольминский, начинавший еще в народовольческих кружках, впоследствии руководитель Истпарта и Общества старых большевиков. Удивительно, но на этом возрастном фоне 47-летний В.И.Ленин и в самом деле казался «стариком», как называли его между собой соратники. Лишь несколько большевиков (М.Н.Покровский, А.Г.Шлихтер, П.И.Стучка, Н.Л.Мещеряков) были старше своего вождя.

Большевики выделялись на фоне остальных фракций национальной разнородностью: 54% составляли русские, 23% — евреи. Из других национальностей выделялись поляки и прибалты — по 7 человек. У эсеров русские составляли примерно 72%, еще 14% — евреи.

Представляет особый интерес уровень образованности депутатов. Самым высоким он был у либералов, среди которых

практически все имели высшее образование и постоянно развивали его, занимаясь интеллектуальной деятельностью, прежде всего вузовской и адвокатской. Более сложную картину являли собой социалисты, доминировавшие в Учредительном собрании. У эсеров 67 человек (66%) имели высшее, включая незаконченное, образование, 18 (18%) — среднее и только 14 (16%) — низшее. У большевиков 35 человек имели высшее образование (32%), 24 — незаконченное высшее (22%), 24 (22%) — среднее (в том числе 7 — неполное), 28 — начальное образование. Еще трое имели домашнее образование, доступное только в состоятельных семьях (например, генеральская дочь А.М.Коллонтай).

Весьма пеструю картину являла собой образовательная подготовка большевиков и эсеров — от полного его отсутствия до знаменитых европейских университетов (А.Я.Аросев, А.А.Иоффе, А.В.Луначарский, Н.Л.Мещеряков, С.К.Минин, Н.Д.Авксентьев и др.). Большевики С.Я.Бобинский, С.М.Нахимсон, эсер Н.Д.Авксентьев имели степень доктора философии. В то же время отсутствия у очень многих систематического, завершеного образования («образованщина», по А.И.Солженицыну), характерное вообще для революционной среды, у большевиков особенно наглядно. Эти данные близки к тем, что приводит В.Л.Дьячков в своем просопографическом анализе партийно-политической элиты для большевиков: 21% — высшее образование, 25% — неполное высшее, 24% — среднее, около 30% — начальное и неполное среднее¹⁶⁰. У многих депутатов оно сводилось к трех-четырёхклассным городским или земским училищам (П.Е.Дыбенко, М.И.Калинин, В.В.Шмидт, будущий сталинский академик Е.М.Губельман-Ярославский), неоконченной гимназии (Ф.Э.Дзержинский, Я.М.Свердлов), семинарии (И.В.Сталин). «Недоученность» не компенсировалась никакой идеологией.

Из этих наблюдений напрашиваются противоречивые выводы: с одной стороны, образование было существенным фактором партийной карьеры, целевой установкой, с другой — отсутствие систематического образования прямо связано с политическим радикализмом.

Любопытно, что у всех партий наиболее престижно было юридическое образование (особенно Московский и Казанский университеты). Не говоря о кадетях, среди юристов было 15 большевиков, 12 эсеров, 5 национальных депутатов и т.д. Как при этом не вспомнить Герцена: несовершенство одних российских законов заставляет ненавидеть другие. Среди социалистов практически не было тех, кто был в ладу с законом и не подвергался судебным преследованиям. Такое правосознание большинства активных российских политиков наводит на

нелестные оценки правовой культуры общества, которое они собирались возводить по своим партийным рецептам.

В целом уместен вывод о том, что социалистические фракции Учредительного собрания представляли собой слепок и квинтэссенцию российского маргинализма начала XX века, при всех их существенных внутренних различиях.

Именной список учредителей — это и своего рода политический мартиролог, отражающий ожесточение межпартийной борьбы и социальной розни. Далеко не каждому из них выпало дожить до старости и умереть естественной смертью. В гражданской войне погибли примерно каждый десятый из депутатов. В эмиграцию были выброшены свыше ста человек: почти все кадеты и многие социалисты. У остальных в жизненных судьбах отчетливо просматриваются две основные линии. Одни, по своей воле или в силу обстоятельств, остались в России, но, приняв большевистского режима, кратковременное пребывание на свободе чередовали с тюрьмами и ссылками. Другие, проявившие хотя бы показную лояльность ему, заняли более или менее видные посты в советском истеблишменте, но лишь единицы из них пережили 1937 год. По нашим, весьма неполным данным, в советских тюрьмах и лагерях погибли не менее 60 эсеров, 16 прочих социалистов, 6 либералов и т.д.

Но ни к кому судьба не была так злопамятна и беспощадна, как именно к большевикам, навеяв раздумья о роке и возмездии. Посягнув на Учредительное собрание, они и себя поставили вне правовых норм. По меньшей мере 62 человека — каждый третий — погибли насильственной смертью, в основном от рук своих единомышленников. Один из них Л.Д.Троцкий. В апреле 1917 г., когда британское правительство не пустило его из Канады в Россию, он обещал жандарму первым делом внести в Учредительное собрание запрос о насилиях англо-канадской полиции над русскими гражданами. «Надеюсь, что Вы не попадете в Учредительное собрание», — не растерялся жандарм¹⁶¹. Но Троцкий был избран, и Ленин лично поручился за него.

Таков был, в самых общих чертах, «Ноев ковчег» российской государственности, который вобрал в себя, подобно своему библейскому прообразу, все видовое многообразие общества в 1917 году.

4. Историческая ночь

Обстановка в Петрограде в канун открытия Учредительного собрания менее всего напоминала праздник. Тревожные события следовали одно за другим, нагнетая зловещую атмосферу. Новый 1918 год словно хотел с первого же дня приоткрыть за-

весу будущего, показать обществу, что его вскоре ожидает. 1 января неизвестными был обстрелян автомобиль Ленина. Сам вождь не пострадал. ЦК эсеров официально отмежевался от этого акта, что, по-видимому, соответствовало действительности. Но кто бы ни стоял за этим покушением (возможно, это были эсеры-одиночки), оно было весьма кстати для Смольного, придав внешнее оправдание усилению охранительных мер.

Уже на другое утро, 2 января, в редакции «Воли народа» были арестованы П.А.Сорокин, А.А.Аргунов и А.И.Гуковский (Сорокину до сих пор удавалось избежать ареста, двое других после 25 октября арестовались вторично). Их заключили в Петропавловку как заложников, на случай новых покушений на жизнь большевистских лидеров. В Петроградском Совете 3 января Г.Е.Зиновьев обосновал арест тем, что покушение на Ленина морально подготовлено эсеровскими газетами «Воля народа» и «Дело народа», и грозил новыми карами¹⁶². В левой печати усилились истерические ноты, призывы ответить кровью за кровь. В тульском «Революционном вестнике» 5 января появилась статья «Белый террор», звавшая революционные массы защищать своих вождей и быть беспощадными к врагу, отвергая «частичный террор»¹⁶³.

Вечером 3 января власти объявили, что всякая попытка 5 января проникнуть в район Таврического дворца или Смольного «будет энергично остановлена военной силой». Было запрещено назначенное на этот день собрание гарнизонных представителей и закрыта издававшаяся эсеровской Военной комиссией газета «Солдатская шинель»¹⁶⁴. В «Известиях» и «Правде» 4 и 5 января было помещено постановление ВЦИК о том, что всякая попытка какого-либо учреждения присвоить себе функции государственной власти будет подавляться со стороны советской власти всеми средствами вплоть до применения вооруженной силы¹⁶⁵.

Была усилена охрана Таврического дворца. В последние дни декабря ее обеспечивали солдаты Павловского полка, 30 матросов и несколько самокатчиков¹⁶⁶. Теперь для дежурства во дворце В.Д.Бонч-Бруевич лично подобрал 200 матросов с крейсера «Аврора» и броненосца «Республика» во главе с анархистом-коммунистом А.Г.Железняковым, арестованным в июльские дни, но бежавшим из тюрьмы¹⁶⁷.

Эти приготовления не остановили сторонников Учредительного собрания. Все оппозиционные газеты взывали к населению оказать ему моральную поддержку. «Свободное слово», например, 4 января вышло с аншлагом «Все, кто не предатель, выступайте на защиту Учредительного собрания!». С этой целью на 5 января была назначена мирная манифестация. Как вспоминал В.М.Чернов, расчет был на то, чтобы морально обезору-

жить большевиков, которым будет нелегко решиться на применение вооруженной силы против мирной демонстрации¹⁶⁸. Не ясно, однако, и Чернов об этом умолчал, какой эффект был выше и предпочтительнее: бескровный или кровавый, поскольку усомниться в способности большевиков расстрелять манифестантов было по крайней мере легкомысленно.

«5 января выдался в Петербурге обычный зимний день, — писал М.В.Вишняк. — Ничем в природе не отмеченная пятница. Ни солнца, ни ветра. Ни сильного мороза, ни особо-прозрачного "петербургского" воздуха. Много давно выпавшего и неубранного снега на крышах и на улицах»¹⁶⁹. Накануне у Таврического дворца убрали снег, собирались даже как будто пустить трамвай по маршруту 18. С утра этого дня по улицам забегали газетчики. Большинство магазинов было закрыто, а у немногих остальных возникли длинные очереди.

С утра стали собираться сторонники Учредительного собрания. Они накапливались в девяти разных сборных пунктах города, намеченных Союзом защиты Учредительного собрания. Колонны должны были соединиться на Марсовом поле и двигаться со стороны Литейного проспекта к Таврическому дворцу. Хотя демонстрация замышлялась мирной, ее организаторы предполагали охранять ее эскортом бронемашин, которые подойдут к казармам Преображенского и Семеновского полков, наиболее лояльных Учредительному собранию, и увлекут их к Таврическому дворцу. Но рабочие-большевики ночью вывели из строя броневики, и эсеровский замысел сорвался. Тем не менее манифестация получилась внушительной и состояла не только из чиновничье-обывательской публики, как это подавалось в советских изданиях: среди ее участников было много солдат и особенно рабочих Обуховского завода. Не выдерживает критики и другая официозная версия — о провокаторах, якобы вынудивших правительственные войска открыть стрельбу. Газетные отчеты тех дней и свидетельства очевидцев схожи в описании происходившего на улицах столицы.

В результате расстрела демонстрантов погибло, судя по газетным спискам, 12 человек, в их числе 8 обуховцев. Среди убитых были член Исполкома Всероссийского крестьянского Совета Логвинов, внучка декабриста Е.Горбачевская. Ранено было не менее 20 человек¹⁷⁰. События развивались, скорее всего, спонтанно, но власть проявила свою решимость защищаться всеми способами сполна.

Тем же утром состоялась и другая манифестация, почти незамеченная. От редакции своей газеты «Буревестник» на Николаевской улице двинулась толпа анархистов-коммунистов с плакатами «Долой Учредительное собрание!», «Да здравствует безначалие!»¹⁷¹.

Открытие Учредительного собрания было назначено на полдень. Эсеры наметили сбор своей фракции на 10 часов утра в столовой на углу Литейного и Фурштатской. С розетками из красного шелка они двинулись толпой человек в двести к Таврическому. Чем ближе подходили ко дворцу, тем больше было на улице вооруженных солдат и матросов, перепоясанных пулеметными лентами. Ворота Таврического дворца были закрыты, и депутаты пропускали через боковую калитку и сквозь тройной контроль. Матросы стояли не только у входа, но и в проходах зала, сменили швейцаров и гардеробщиков. Большинство депутатов предпочло проходить в зал не раздеваясь. Вместе с делегатами зал заполняли люди из приглашенной публики. Поскольку билеты распределял Урицкий, то и подавляющее большинство «гостей» были сторонники большевиков, расположившиеся на галереях зала и соответственно проинструктированные.

(Немногие, вероятно, обратили внимание на небольшой «мемуар» со слов Е.П.Селюгиной «Как я разгоняла Учредительное собрание». Машинистка из аппарата Урицкого, она вместе с другими служащими была вооружена трещотками, свистками. Расположившись в дипломатической ложе, «гости» по команде укrywшегося за занавесью известного партработника С.И.Гусева поднимали шум и выкрикивали то, что он им подсказывал¹⁷².)

Около часа дня во дворец приехал Ленин, вошедший через внутренний двор, и началось заседание большевистской фракции. Оно длилось непрерывно до четырех часов дня, заслушав Декларацию прав трудящихся, информацию извне и намечая тактику поведения. Живо обсуждалось появление в Таврическом дворце А.Р.Гоца и В.В.Руднева, в которых видели вожakov вооруженного сопротивления большевикам в обеих столицах. В конечном счете решено было оставить это без последствий. Москвичи отказались дать своих представителей в бюро фракции: из-за двух-трех дней работы не стоит его выбирать. Жадно ловились слухи о событиях на улице, но известия о расстрелах казались преувеличенными. В итоге было решено покинуть Учредительное собрание, как только оно отклонит декларацию.

Фракция эсеров заседала под председательством В.В.Руднева. Некоторые ее члены, наиболее нетерпеливые, предлагали ворваться в зал и открыть заседание, не дожидаясь большевиков. Однако матросы, охранявшие вход, не пропускали их до прихода левых фракций.

Депутаты разместились в зале согласно политической традиции. Эсеры заняли весь центр и правый от председателя сектор. Правее них сидели трое энесов (не было Н.В.Чайковского) и несколько депутатов «национально-буржуазных» групп, слева —

левые эсеры, еще левее — большевики. Среди присутствующих были заметны несколько женщин: эсерки В.Н.Фигнер, А.Н.Слетова, О.А.Матвеевская, М.А.Спиридонова, большевички — А.М.Коллонтай, Е.Ф.Розмирович, В.Н.Яковлева. В левой от председателя ложе расположился Ленин, всем своим видом выражая пренебрежение к происходящему, сначала прислушиваясь, а потом безучастно развалившись в кресле и даже на ступеньках помоста. Затем он вовсе исчез.

В 16 часов эсер, депутат Румынского фронта И.Н.Лордкипанидзе предложил собравшимся открыть заседание, поручив его ведение старейшему из учредителей. Старейшим был Е.Е.Лазарев — участник «хождения в народ» 1874 г., но эсеры выбрали на эту роль более крепкого физически С.П.Швецова, редактора газеты «Голос Донской земли».

Уже открытие им заседания вызвало обструкцию слева. Вишняк писал позже: «Это была бесноватая, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи»¹⁷³. Заседание отражено во многих мемуарах, как сторонников Учредительного собрания (В.М.Керенский, М.В.Вишняк, О.С.Минор, Н.П.Огановский), так и его противников (Ф.Ф.Раскольников, В.Д.Бонч-Бруевич, П.Е.Дыбенко и др.). (Н.В.Святицкий как мемуарист отметил и с той, и с другой стороны с интервалом в десять лет.) Поэтому объективности ради обратимся к свидетелю противной стороны. Вот как писал об этом Ф.Ф.Раскольников: «Старчески трясущейся рукой Швецов берется за колокольчик и неуверенно трясет им... Видя, что Швецов всерьез собирается открыть заседание, мы начинаем бешеную обструкцию: кричим, свистим, стучим ногами по тонким деревянным пюпитрам. Когда все это не помогает, мы вскакиваем со своих мест и с криком "долой!" кидаемся к председательской трибуне. Правые эсеры бросаются на защиту старейшего. На паркетных ступеньках трибуны происходила легкая рукопашная схватка. Швецов растерянно звонит в колокольчик и беззвучно, беспомощно шевелит бледными, трясущимися губами. Своим шумом мы заглушаем его слабый старческий голос»¹⁷⁴.

«Кошачий концерт» прекратился, когда на трибуну взошел председатель ВЦИК Я.М.Свердлов и вторично открыл Учредительное собрание, отобрав у Швецова председательский колокольчик.

Заседание Учредительного собрания было драмой не только по накалу страстей — это была и театрализованная драма. «Мы

собрались в этот день на заседание как в театр, — писал позже левый эсер С.Д.Мстиславский, сам депутатом не являвшийся, — мы знали, что действия сегодня не будет — будет только зрелище»¹⁷⁵.

Перипетии этого заседания многократно описаны, лишая смысла их пересказ. Опубликованные стенограммы отражают не только содержание речей ораторов, но и скандальную атмосферу непризнания не только мнения оппонентов, но и самого права их на существование¹⁷⁶. Даже стенограмма, по общему убеждению, не отражает кипения страстей вечером и ночью с 5 на 6 января в Таврическом дворце.

Остановимся лишь на наиболее значимых, с нашей точки зрения, эпизодах заседания. Открытие его сопровождалось... пением «Интернационала». У левых и правых были свои дирижеры. Пели депутаты довольно фальшиво, но еще фальшивее, по словам Вишняка, звучал сам революционный гимн¹⁷⁷, как бы подчеркивая их намерение следовать своим партийным целям, а не общенациональным, общенародным интересам. Многие (П.Н.Милюков, А.В.Колчак, в частности) отчасти по этой причине не могли вспоминать Учредительное собрание без отвращения¹⁷⁸.

Проверкой сил стало избрание председателя. Эсеры предложили Чернова, большевики — Спиридонову, желая перетянуть на свою сторону крестьян. Эсеры не хотели избирать президиум (такое предложение внесли украинские эсеры), чтобы большевики и их союзники затем своим уходом не «сорвали» его¹⁷⁹. В итоге баллотировки белыми и черными шарами, занявшей около трех часов, Чернов получил 244 голоса, Спиридонова — 153. В выборах председателя отказались участвовать украинские эсеры, из чего следует, что в заседании присутствовало 407—410 депутатов. Голосование зафиксировало приблизительное соотношение фракционных сил, и это окончательно определило линию большевиков.

Уже на правах председателя Чернов выступил с двухчасовой речью. Она оказалась еще более левой, чем накануне во фракции, и была наполнена риторикой, социалистической и интернационалистской. Ее пафос был обращен против мирового империализма, противостоянием которому Чернов обосновывал необходимость единения демократии «под красным знаменем социализма». Состав Учредительного собрания он оценил как отражение всенародной «воли к социализму», сделав это лейтмотивом речи. Характеризуя предстоящие задачи социального строительства, Чернов не забыл ничего, включая орошение и осушение земель, не забыл и Советы, которым, по его словам, было обязано Учредительное собрание своим рождением. Его речь воспринималась аудиторией полярно и, судя по стено-

грамме, прерывалась свыше 60 раз: когда одна сторона аплодировала, другая шикала и выкрикивала оскорбительные реплики. Но по своей сути она не устроила никого, и эсеровские рукоплескания выражали скорее партийную солидарность, чем одобрение смысла. «**Это было не то**», — замечает Вишняк, констатируя неудовлетворенность эсеров и простодушное непонимание этой неудовлетворенности у самого оратора¹⁸⁰.

Недовольство эсеров объяснялось, конечно, не приторностью манер и ложноклассическим пафосом оратора, а прежде всего примирительным, порой искательным тоном его, очевидным желанием соединить несоединимое. Как умелый слаломист, обходящий на трассе флажки, Чернов искусно миновал острые политические углы. Он ни словом не упомянул арестов депутатов, того, что случилось в тот день на улицах Петрограда. Он вообще ни разу не упомянул большевиков и левых эсеров, и если они во время его речи все же шумели, то, как замечает Ю.Фельштинский, потому, что по инструкции должны были шуметь независимо от того, что будут говорить ораторы¹⁸¹. Черновские призывы «давайте жить дружно» не повторил ни один партийный оратор.

Не все упреки эсеров в адрес своего лидера были основательными. Он лишь следовал тактике, намеченной ЦК и бюро фракции. Ведь и сами эсеры — единственная из крупных фракций — не огласили своей декларации. Не решились они обнародовать и отчет Учредительному собранию членов Временного правительства.

Своего рода контрапунктом полифонии, звучавшей под сводами Таврического дворца, стала речь И.Г.Церетели. Посвященная общеполитическим проблемам, она была перлом парламентского красноречия. Когда Церетели вышел на трибуну, обструкция слева достигла такой силы, что ему пришлось минут десять стоять под дождем оскорблений и ненависти, прежде чем он смог начать речь¹⁸². Стенограмма сохранила дыхание этого озлобления. В первой половине речи Церетели прерывали полтора десятка раз, но он заставил себя слушать. Опытный полемист с богатой думской школой, он быстро и точно парировал реплики аудитории, обращая их против авторов. После его выступления часть зала стоя аплодировала, другая молчала.

В отличие от черновской, речь Церетели была обличительной, но ее сила была в аргументации, тем более убедительной, что оратор разбирал аргументы большевиков, как бы рассуждая за них и опровергая их доводы. Он указал на несовместимость их негативного отношения к Учредительному собранию и стремления их заручиться его санкцией, на гибельность социального экспериментаторства. Касаясь избитого тезиса об устаревших эсеровских списках, Церетели едко заметил, что не

будь этого довода, нашелся бы другой: ведь бумага была изготовлена еще при прежнем правительстве. Он отметил, что буржуазия, которую винят в развязывании гражданской войны, на самом деле не имеет никаких шансов на успех, и недвусмысленно объявил виновным в этом большевизм.

Цертели точно нащупал уязвимые места новой власти, его слова били без промаха, но горький парадокс ситуации был в том, что и эта речь лишь усугубляла раскол, была лишена конструктивности. Она была так же насыщена идеологической ортодоксией, как и схоластика большевиков И.И.Скворцова-Степанова и Н.И.Бухарина, провозгласивших с трибуны открытую гражданскую войну.

В прениях выступали и представители политической «масовки»: большевик Дыбенко, эсеры Мамкин, Ефремов, Григорьев. Их речи отличались скованностью, частыми повторами, бедностью языка, но они не менее выразительны, чем у фракционных ораторов. Таково выступление солдата из Канска Л.А.Григорьева. Выступая от фракции эсеров, он объявил, что томские депутаты не примкнули к левым эсерам «лишь по некоторым маленьким недоразумениям», и высказался за «мир во что бы то ни стало»¹⁸³. Выступив вторично, он резко обрушился на власть, учинившую расстрел демонстрантов, чем вызвал явное неодобрение слева. Еще любопытнее было выступление рязанского депутата Е.И.Сорокина. «Живописный крестьянин на костылях», он был выдвинут фракцией левых эсеров для оглашения декларации. Прodelав это, он заявил уже от себя, что крестьяне ждут мира и земли и голод снесет и Учредительное собрание и Советы. Произнеся несколько ритуальных фраз о смертельном ударе международному империализму, он сказал, что приехал не для того, чтобы решать судьбу партий, потребовав того, чего, собственно, и желало крестьянство: земли и воли. «В этом отношении у нас, у крестьян, никакой разницы нет. Мы все одинаковы, и правые, и левые»¹⁸⁴. Левые эсеры растерялись при этих словах¹⁸⁵. Воронежский крестьянин И.В.Мамкин также говорил о земле и мире, закончив словами: «довольно нам уже грызться, нужно приступить не к разрушению, а к созиданию свободной Российской демократической федеративной республики»¹⁸⁶. Подкупает политическая наивность этой части депутатов, спотыкавшихся в тонкостях партийной политики. Их выступления напоминали знаменитые речи крестьян-трудовиков в первых двух Государственных думах, для которых вся политика сводилась к земельному вопросу.

Стенограмма заседания Учредительного собрания, главный делопроизводственный документ, до сих пор не подвергалась содержательному анализу, хотя, несомненно, заслуживает всестороннего и глубокого изучения с позиций источниковедения,

права, филологии, семиотики. Не претендуя на многомерный анализ текста стенограммы, подвергнем его простейшему контент-анализу посредством методов исторической информатики в надежде объективизировать картину прений, выявить элементы и тенденции, неподвластные самим депутатам и не очевидные для поверхностного взгляда.

Такой подход, вообще говоря, полезен в тех случаях, когда значимость категорий, существенных для целей исследования, характеризуется определенной частотой появления в тексте¹⁸⁷. При сравнительно небольшом объеме текста стенограммы задача одновременно усложняется и облегчается тем, что депутаты на 90% состояли из социалистов и пользовались одной и той же идеологически окрашенной лексикой. Другая особенность первого заседания состоит в значительном удельном весе процедурных вопросов.

При этом, однако, и процессуальные моменты имели чисто политический подтекст. Большевики и левые эсеры добивались первоочередного рассмотрения декларации ВЦИК, самоубийственного для самого Учредительного собрания. Напротив, их противники избегали прямого выражения своей оппозиции к власти, выдвигая вперед вопросы о мире и о земле, чтобы добиться максимального пропагандистского эффекта, косвенно дискредитируя власть. Политический смысл имели и иные процедурные моменты (о выборах президиума, о порядке оглашения деклараций фракциями, о перерыве в заседании).

Всего стенограмма¹ зафиксировала 54 выступления 34 ораторов. По фракциям это выглядело так: эсеры — 20 выступлений (13 ораторов), большевики — 9 (6), левые эсеры — 9 (5), меньшевики — 3 (3), прочие — 13 (7). Эти цифры вполне отражают сравнительную активность фракций даже с учетом досрочного ухода большевиков и левых эсеров с заседания.

За вычетом же процедурных коллизий, в политических прениях наиболее активны были опять же эсеры, на которых приходится примерно 41% условных единиц измерения, у меньшевиков — 26%, у большевиков — лишь 12%, у левых эсеров — 11%. Иначе говоря, активнее были те, кому Учредительное собрание было нужнее. Это соотношение определенно указывает, что большевики, потерпев неудачу в процедурных вопросах и не сумев навязать свой порядок работы Собрания, утратили интерес к политической дискуссии. Вполне логично, что их выступления не несли в себе ощутимой информационной на-

¹ В качестве источника взят вариант стенографического отчета, изданный в 1918 г. «по распоряжению председателя Учредительного собрания».

грузки, в основном сводясь к обвинениям в адрес противников.

Лишь 9% всего информационного объема приходилось на фракции промежуточного спектра.

Для элементарного контент-анализа текста стенограммы выделим ключевые понятия и частотность их употребления. В целях удобства операции понятия сгруппированы по основному смыслу и по авторству:

	Ключевые понятия	Левые партии	Оппозиционные партии
I	Социалистическая (Октябрьская) революция	17	—
	Революция	45	155
	Реформы	3	7
II	Социализм	19	56
	Империализм	15	35
	Классы	21	11
	Эксплуатация	1	22
III	Трудящиеся	64	174
	Рабочие	75	71
	Крестьяне	37	50
IV	Человек	4	5
	Общество	2	1
	Цивилизация	2	2
	Культура	—	1
	Мораль	3	5
V	Демократия	5	127
	Свобода	6	31
	Закон	14	72
VI	Советы	49	5
	Народовластие	—	8
VII	Самоопределение	2	4
	Национальный	6	65
	Интернациональный	10	54

Прежде всего следует отметить, что отсутствие в заседании депутатов либеральной части политического спектра крайне

обеднило политическую лексику, удручающе однообразную. Ораторы дискутировали в сугубо идеологических координатах и терминах, что предполагало такое же идеологическое, а не рационально-практическое решение назревших вопросов жизни страны. Как проявления догматики, часты ссылки на революцию, революционный долг. Почти каждый оратор говорил о революции как о чем-то священном, требующем обязательных жертв на ее алтарь, но не подлежащем критике. При этом с горечью и осуждением говорилось о пролитой крови, о братоубийственной гражданской войне, но это старательно отделялось от самой революции. Ораторы производят впечатление религиозно мыслящих людей, по-разному толкующих отдельные догматы и обряды своей религии. Терминология часто носила явно ритуальный характер, не выражая конкретного содержания.

Обращаясь к категории III (социальные слои), легко обнаружить, что депутаты особенно охотно оперировали понятиями «рабочий», «крестьянин» и их синонимами, явно претендуя на выражение их социальных интересов. Показательно, однако, что частотность употребления понятий «рабочий», «пролетарий» гораздо выше, чем понятия «крестьянин», связанного с самым многочисленным социальным слоем России. В то же время вовсе не упоминались мещане, интеллигенты, ремесленники, словно бы этих категорий населения вообще не было или у них отсутствовали собственные интересы. «Буржуазия» упоминалась как антипод, как нечто, не имеющее права на физическое существование.

Идеи классов и классовой борьбы, как видно из контент-анализа, разделяло большинство депутатов, видя в них не только способ достижения социальной справедливости, но и пружину исторического прогресса. В этом смысле даже филиппики Чернова против гражданской войны по сути способствовали ей, поощряя борьбу «эксплуатируемых» против «эксплуататоров».

С другой стороны, показательно почти полное отсутствие в лексиконе депутатов понятий общечеловеческого смысла или либеральных ценностей. Слово «либерал» могло быть воспринято в той среде в узко политическом контексте и сугубо негативно. «Право», «закон», «цивилизация», «культура», «человек» — все эти понятия употреблялись в единичных случаях. Вовсе никем не упомянута «конституция». Характерно осуждение богатства и даже вообще собственности как чего-то постыдного, заслуживающего презрения и уничтожения, несмотря на ставшее афоризмом заявление Чернова, что «социализм не есть скороспелое приближение к равенству в нищете»¹⁸⁸.

В отсутствие кадетов совершенно выпали из лексики вопросы права. Все социалисты — эсеры, меньшевики, большевики — совместили понятия «право» и «насилие» в едином по-

нятии «революционное право», опирающемся не на закон, а на волю стоящей за ними социальной группы. Это была предпосылка будущей партийной диктатуры, чьим бы именем она ни прикрывалась. Характерно исчезновение из большевистской лексики понятий, которые прежде активно служили им: «свобода», «демократия».

Любопытно соотношение и употребление понятий, обобщенно выраженных категорией «Россия — Запад». Зарубежная действительность понималась ораторами так же дихотомически, как и российская, социальная расколотовость своей страны ими механически переносилась на Европу, что неизбежно должно было породить позднее глубокое политическое разочарование и стратегическую переориентировку. В ряде речей (Чернов, Бухарин, эсер Е.М.Тимофеев) разных политических оттенков отчетливо звучали мессианские мотивы, приписывание русской революции путеводной роли для всего остального мира. Нотки «чевенгуровщины» слышались в речи Бухарина, оповестившего, что большевики закладывают фундамент жизни человечества на тысячелетия. Он же первым употребил бывшие тогда еще не в ходу у самих большевиков понятия «коммунистическая революция», «коммунистическая партия».

При ярко выраженной аксиологии в речах ораторов сравнительно мало использовались нравственные оценки, но и тогда они носили релятивистский характер, были подчинены обоснованию классово-борьбы. Это заметно даже у Церетели, более всего касавшегося моральной стороны революции. Взаимные обвинения сторон в «готтентотской морали» имели эффект бу-меранга.

С эмоциональной точки зрения резко перебирали по части патетики, романтизма прежде всего левые эсеры. Речи меньшевиков (Церетели, Трояновский) в большей степени отличались логичностью, объективизмом, стремлением к анализу ситуации. Иной характер речи М.И.Скобелева связан с тем, что он открыл полемику по вопросу о расстреле мирной манифестации в Петрограде. Большевистские выступления отличались явно митинговым характером, крикливостью и, очевидно, были рассчитаны не столько на депутатов, сколько на сочувствующую публику, приводя ее в опасное состояние аффекта. Особо выделялся Н.И.Бухарин, бравировавший грубыми выпадами («болтали», «вопили»). Очевидно, восходящая звезда большевиков, объявив «смертельную войну буржуазно-парламентарной республике», вместе с нею хоронил и политическую этику как пережиток буржуазного строя. В выступлениях большевиков и левых эсеров звучали слова сниженного значения («сторожевые псы», «гнусный» и пр.). Функция такого словоупотребления имеет в виду прежде всего избавить автора от по-

исков аргументов, доказательств, но при этом достигается сильное воздействие на малоподготовленных слушателей.

Заседание 5 января показало остроту, которую обрел в России национальный вопрос. Все национальные фракции выступили с декларациями: эстонец Ю.Ю.Сельяма, латыш Я.Ю.Гольдман (Гольдманис), еврейский социалист Д.В.Львович-Давидович, украинский эсер А.С.Северов-Одоевский, украинский левый эсер А.И.Стрельцов. С общей позиции невмешательства в российские дела они требовали гарантий для своей национальной автономии. Наиболее выразительной была речь осетина А.Т.Цаликова, огласившего декларацию мусульманской социалистической фракции. Призвав «чуму на оба дома» — Временного правительства и большевистского, он прямо заявил, что советская власть оказалась несостоятельной в области переустройства страны на началах национального самоопределения. Фракция потребовала в духе социалистических лозунгов решения общемировых национальных вопросов с участием народов не только Европы, но и Азии и Африки, а также признания сложившихся в стране национально-территориальных реалий в виде «штатов Туркестана и Поволжья—Южного Урала». В главном вопросе — о власти — мусульмане-социалисты поддержали власть Учредительного собрания¹⁸⁹. Но, вероятно, во фракции произошел раскол, потому что под занавес от ее имени выступил башкир Ш.Х.Сунчалаяев, присоединившись к декларации ВЦИК.

Очень своеобразна была линия украинских эсеров. Их лидер Северов-Одоевский получал слово 7 (!) раз, мотивируя особую позицию своей фракции и воздерживаясь от участия в обсуждении вопросов заседания.

В то же время заметно явное охлаждение большевиков к национальному вопросу. Формально провозгласив 2 ноября самоопределение наций, они выжидали развития событий, не торопясь связывать себя конкретными обязательствами. Ленину пришлось согласиться на отделение Финляндии, но он не допустил этого в отношении Украины. Это отразилось и в лексике. Слово «национальный» употреблялось большевиками лишь 6 раз, что не может не удивлять, когда речь идет о формах государственного устройства самого многонационального государства, бывшей империи. Между тем оппоненты большевизма употребили это понятие 65 раз.

Ключевая для революционеров идея интернационализма, судя по стенограмме, имела явно ситуативный смысл. Для большевиков, взявших курс на сепаратный мир с Германией, понятие интернационализма связывалось прежде всего с перспективой международной революции. Противники больше-

визма, напротив, использовали его для острой критики внешней политики Совнаркома.

Контент-анализ текста стенограммы заседания Учредительного собрания показывает, что представления о демократии у социалистов не слишком расходились. Они требовали не равенства прав как основы демократии, а ликвидации собственности как ее основы, имущественно-социального поравнения. Хотя Церетели упрекал большевиков в нарушении депутатского иммунитета, ни он, ни кто-либо другой не высказали осуждения за преследование кадетов, не говоря о монархических партиях. Власть они рассматривали не как средство гармонизации общественных отношений, а как диктатуру правящих классов, соответственно своей социальной опоре. Все сходились на том, что революция предпочтительнее реформ. Говоря об Учредительном собрании как форме народовластия, как выражении общенародной воли, социалисты, даже если они признавали возможность существования таковой, в понятие «народ» включали лишь ту часть электората, которая отдавала им политическое предпочтение. В то же время свои теоретические разногласия они трактовали как классовые.

Как уже отмечалось в литературе¹⁹⁰, большинство депутатов от обоих полюсов говорило одним языком — в широком смысле языком социализма. Именно это обстоятельство с особой силой подчеркивает обреченность Конституанты. Дело заключалось не только в разном толковании самого «социализма», даже не в исторической тупиковости этого выбора, а в самом свойстве революционной психологии: навязать сопернику свою волю, используя для этого и силу штыков и депутатское большинство.

После того как фракция большевиков покинула зал заседаний (менее известные из них возвратились, но сидели на хорах), в министерском павильоне состоялось заседание Совнаркома под председательством Ленина с единственным вопросом: что делать с Учредительным собранием? Ленин предложил депутатам не возвращаться, не распускать его до утра, а уже на следующий день никого не пускать в Таврический дворец. Он же первым покинул собрание, оставив письменное распоряжение охране «не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особого приказа»¹⁹¹. Этим предписанием, как указывали некоторые историки, Ленин обеспечивал себе алиби в духе знаменитого диалога Понтия Пилата с начальником стражи прокуратора Афранием, решившего судьбу Иуды, из бессмертного романа М.Булгакова.

(Реакция В.И.Ленина на разгон Учредительного собрания заслуживает внимания не только психологов, но и психiatров. Очевидцы отмечают его бледность и нервность перед открытием. О неуверенности вождя в последствиях своего шага и бремени осознаваемой им исторической ответственности свидетельствует рассказ Н.И.Бухарина, дошедший до нас в передаче писателя К.Икрамова. «В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе, — говорил Бухарин... — У меня в кармане пальто была бутылка хорошего вина, и мы (следовало перечисление) долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне Учредилки и вдруг рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и все смеялся, смеялся. Весело, заразительно, до слез. Хохотал. Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что потеряем его»¹⁹². Нечто похожее пишет Ф.Ф.Раскольников. После рассказа его и П.Е.Дыбенко о жалком конце Учредительного собрания Ленин «долго и заразительно смеялся»¹⁹³. Известна также и крайне нервная реакция его на убийство Кокошкина и Шингарева в Мариинской больнице в следующую ночь. Вину свалили на анархистов, но как было не понять связь убийства с разгоном Учредительного собрания.)

Сразу после оглашения Раскольниковым заявления фракции большевиков об уходе из Учредительного собрания обстановка в заседании еще более накалилась. Ее подогревала публика, открыто выражавшая свои угрозы. Солдаты и матросы целились в ораторов. Левый эсер Феофилакт Феофилактов едва не застрелил Церетели, с трудом Карелину удалось отобрать у него оружие¹⁹⁴.

Левые эсеры ушли позже большевиков, возможно, не считая для себя приемлемым покинуть зал до обсуждения вопроса о земле. Они ушли после заявления, оглашенного В.А.Карелиным. Оставшиеся депутаты без споров приняли проект основного закона о земле, передав все детали земельной комиссии, которая была избрана тут же и которой поручалось в течение семи дней разобрать все тонкости закона.

В отсутствие левых фракций обсуждался вопрос о мире. Хотя было предложено 5 резолюций, особых споров уже не возникало, если не считать записки, которую подал из зала большевик С.М.Нахимсон, иронически предложивший ввести в мирную делегацию Керенского, Руднева, Чернова и др.¹⁹⁵. В принятой депутатами эсеровской резолюции выражалось сожаление по поводу того, что мирные переговоры начаты без согласования с союзниками и приняли характер переговоров о сепаратном мире.

Торопливость в принятии решения об объявлении России республикой Чернов объяснял тем, что большевики назавтра же не постесняются объявить, что учредилловцы оставили открытой дверь для возврата монархии. В стенограмме не отражена внесенная фракцией эсеров и принятая единогласно резолюция о лишении всех прав императорской семьи и об уничтожении навсегда монархического образа правления¹⁹⁶.

Обстоятельства закрытия Учредительного собрания хорошо известны. В 4 часа 40 минут пополуночи оно было закрыто матросом Железняковым. Следующее заседание было назначено на 17 часов 6 января. Депутаты покидали Таврический дворец сквозь строй бесновавшейся толпы, не зная, что их ждет за дверьми дворца. Покидали, как оказалось, навсегда. Когда в пятом часу следующего дня ко дворцу стали подтягиваться небольшие группы учредилловцев, они увидели на стене объявление: «По распоряжению комиссара здание Таврического дворца закрыто. Комендант Пригоровский»¹⁹⁷.

Представители оппозиционных фракций, собравшись на совещание 8 января, объявили это временным перерывом работ Учредительного собрания и порешили создать междупартийный орган, который вместе с председателем и секретарем Собрания примет меры к возобновлению занятий «в соответствующем месте и в соответствующее время путем сношения с отдельными областями и национальностями Российской республики»¹⁹⁸.

«Пир был готов, да званые гости оказались недостойны его», — так князь Д.М.Голицын подвел итог первым конституционным попыткам ограничить самодержавие в 1730 году. В январе 1918 года эти слова могла повторить вся Россия.

ЭПИЛОГ

До конца января 1918 г. Учредительное собрание, официально распущенное декретом ВЦИК, еще оставалось на российской политической авансцене. Оно не сходило со страниц газет. В ряде городов состоялись манифестации в его защиту. В Москве 5 января при разгоне сторонников Учредительного собрания 6 человек было убито и много ранено¹. В Козлове 6 января по ним был открыт огонь из пулемета. Точное число жертв расстрела неизвестно, но их было не менее двух десятков².

Общественность переживала перипетии событий 5—6 января и строила прогнозы. Носились слухи о дивизиях, идущих с Румынского фронта на помощь Учредительному собранию. В его адрес продолжали приходиться с мест приветствия и обещания поддержки. Но постепенно напряжение спадало. Обращение 268 депутатов-эсеров «Ко всем гражданам России» с призывом остановить преступное насилие³ не произвело ожидаемого эффекта. Стены большевистского Иерихона не пошатнулись и не рухнули от трубного гласа общественного негодования.

Большевики поспешили закрепить свою победу. Для этой цели был созван III Всероссийский съезд Советов, подобранный в основном из делегатов обеих правящих партий и открывшийся 10 января. Противодействие оппозиции на съезде оказалось слабым. Так, Ю.О.Мартов доказывал, что Учредительное собрание голосовало за мир и передачу земли крестьянам. Оно только сочло невозможным немедленное введение социализма, и потому большевики ополчились против него⁴. Овацией было встречено выступление ставшего вдруг знаменитым А.Железнякова. От имени матросов он заверил съезд, что их штыки не заржавеют: «Мы готовы расстрелять не единицы, а сотни и тысячи, ежели понадобится миллион, то и миллион»⁵. М.А.Спиридонова взяла на левых эсеров часть вины за пропаганду Учредительного собрания в массах. В итоге съезд, в состав которого с 13 декабря влились депутаты от лояльных власти крестьянских Советов, одобрил политику ВЦИК и Совнаркома, постановив устранить все ссылки на Учредительное собрание в законодательных актах советской власти. В состав новоизбранного ВЦИК 3-го созыва вошло около 60 учредителей⁶.

Оппозиция, прежде всего эсеры, инспирировала широкую общественную поддержку Учредительному собранию. Один за другим прошли III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, стоящих на защите Учредительного собрания (10—18 января), уже на второй день работы перешедший на нелегальное положение, съезд представителей земств и городов. Он был отменен властями, но около пятисот его делегатов нелегально заседали в разных частях Москвы. В феврале в Москве состоялся кооперативный съезд, также поддержавший Учредительное собрание⁷.

21 января заседание бюро фракции ПСР, в присутствии 18 человек под председательством В.Г.Архангельского, постановило намечавшийся на 1 февраля съезд депутатов в Киеве отменить «ввиду изменившихся условий», то есть занятия Киева советскими войсками. Депутатам от партии эсеров предлагалось на местах выступать с отчетами, воздействовать на краевые правительства, создавать союзы борьбы за Учредительное собрание⁸.

Разъезжаться по домам эсерам приходилось еще и потому, что за ними охотилась большевистская охранка. В ночь на 9 января в депутатском общежитии были арестованы свыше 20 человек — нижегородские, тамбовские, сибирские депутаты. Через пару дней их выпустили. Народный комиссар юстиции И.З.Штейнберг признал, что аресты производились без его ведома по инициативе ВЧК⁹. Однако с 10 января пошла новая волна арестов, побудившая учредителей покидать Петроград.

Депутаты от оппозиции в большинстве своем активно включались в борьбу за власть на местах, выступали в прессе и публично с рассказами о событиях 5 января. 13 марта перед Архангельским Советом держали отчет эсеры А.А.Иванов и М.Ф.Квятковский. Иванов закончил свою речь словами: «Вы вправе спросить меня, что же сделал я в Учредительном собрании, но я спрошу вас, что делали вы, мои избиратели, для сохранения великой идеи, для сохранения Учредительного собрания?» Воцарилось тягостное молчание, нарушить которое не решились и большевики¹⁰. Нечто похожее проходило в Тамбове, Перми, Ставрополе и других городах¹¹.

Разочарование и Учредительным собранием и тем, что «народ безмолвствовал», было особенно велико в умеренно-социалистических кругах. Как писало «Свободное слово», оно не только не поднялось до уровня Конституанты, но и не поднялось выше обычного митинга. Партийное по составу и по духу, оно не захватило и не увлекло массы, не проникло в толщу народной души, оказавшись для русского народа занятной заграничной игрушкой, которой можно позабавиться, но которую нельзя пустить в дело¹². Народный социалист А.В.Пеше-

хонов главным изъяном Учредительного собрания определил то, что в нем «совсем не чувствовалось воли к власти и не было чувства ответственности перед народом». Отсутствовали целые фракции, в том числе кадеты: «Говорят: не рисковать же им было своей жизнью! Позвольте! Если они взялись действовать именем народа, то о своей личной жизни, о собственном самосохранении они могли бы и не думать. Если от граждан можно требовать мужества, то именно в такие моменты и на таких постах». Иначе большевикам разгон Учредительного собрания не дался бы так легко¹³.

Правые политические силы воспринимали этот факт хотя и без торжества, но и не без злорадства. Весьма категорично выразился «Фонарь»: «Погребен недоносок. То, что воображение рисовало в виде величественного зрелища собрания мудрых людей, истинных сынов отечества, в действительности оказалось собранием жалких демагогов, неучей от социализма, людей непочтенных годами, умом недалеких». Главную причину провала Учредительного собрания эта беспартийная газета видела в том, что 9/10 депутатов — социалисты. Но можно ли утверждать, что и в стране, их избравшей на основе всеобщего голосования, 9/10 населения — социалисты?¹⁴

Кадеты по-своему восприняли это событие. В январе 1918 г. ЦК Партии народной свободы принял постановление, которое констатировало, что распущенное Учредительное собрание «не было в состоянии осуществить подлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка, и потому возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным». И хотя в кадетской программе это требование сохранялось, оно, как и у других поборников «белого дела», имело в виду не прежнее, разогнанное, а новое, свободно избранное Учредительное собрание¹⁵. По свидетельству Л.А.Кроля, в этом отношении в ЦК мнения мало расходились. Все были согласны с тем, что Учредительное собрание во главе со Спиридоновой или даже Черновым — не Учредительное собрание, и оно не может служить знаменем борьбы против большевиков.

Л.А.Кроль вспоминал также, что на конспиративном совещании членов Учредительного собрания в Москве, в присутствии 60-70 человек, ему пришлось излагать кадетскую точку зрения, высказав при этом парадоксальную мысль, что для Собрания — счастье, что его разогнали, поскольку по составу и характеру своему оно само себя скомпрометировало бы, а вместе с тем и идею Учредительного собрания. К удивлению Кроля, это не вызвало возражений у присутствовавших эсеров¹⁶.

Не оставила без внимания разгон Учредительного собрания и мировая печать, имевшая возможность анализировать это со-

бытие «без гнева и пристрастия», естественных для российских граждан. Резко осудили его социалисты многих европейских стран, усматривая в этом акте возрождение самодержавия в большевистском обличье.

Более сдержанно оценивали ситуацию британские либеральные издания. «Дейли Кроникл» полагала, что роспуск Учредительного собрания не повлияет существенно на положение большевистского правительства, поскольку после разочарований последних месяцев общественное мнение в России более нуждалось в твердой воле, чем в справедливой власти. Но это же означало, что Ленину и Троцкому придется отчитываться перед народом по результатам своей работы. Газета явно примеряла на «Совдепию» одежды британского парламентаризма. Более права она была, когда говорила о непоправимом ударе, нанесенном русским конституционалистам: «Теперь уже будет нелегко заново внушать народу серьезное отношение к выборам и даже правую веру в то, что подача голосов действительно повлечет за собой выборы»¹⁷.

Еще сравнительно недавно вопрос о правомерности разгона Учредительного собрания решался простым сопоставлением резолюций за или против. Несомненно, наличие 770 приветствий в адрес Учредительного собрания с выражением ему доверия и обещанием поддержки¹⁸ — веский аргумент. Но даже если эта цифра будет многократно умножена, она ничего не докажет, поскольку в истории значимы прежде всего дела. Впрочем, то же следует сказать и по поводу множества резолюций с одобрением разгона, выразив сомнения в подлинно массовом происхождении таких документов, явно написанных «под копирку». Важнее оценить этот фундаментальный факт в контексте общей судьбы России.

Ныне мало сомневающимися в том, что разгону Учредительного собрания, каковы бы ни были его труды, «суждено было стать поворотным событием в истории социальной революции 1917—1921 гг., которое означало начало гражданской войны внутри революционно-демократического лагеря — между приверженцами различных толкований социализма»¹⁹. Конечно, ответственность за гибель всенародного представительства со всеми ее последствиями несла вся российская демократия, но есть большая разница между убийством невольным, непредумышленным и убийством обдуманым. Взглянем, однако, на вопрос шире. Дело, на наш взгляд, не сводится к тому, что был упущен последний шанс создания правящей коалиции социалистических партий, или к тому, что была фактически спровоцирована гражданская война, для которой это был более чем весомый *casus belli*. Ликвидация Учредительного собрания и всего комплекса связанных с ним гражданских прав и свобод

в эмбрионе содержала и свертывание тех демократических преобразований, ради которых революция совершалась, — прямое народовластие, производственная демократия, земля крестьянам, национальное самоопределение и др. — и которые базировались на политическом и экономическом плюрализме. Неизбежными последствиями этого шага и ему подобных стали партийная монополизация власти, идеологическая индоктринация общества, тотальное огосударствление всей общественной жизни со столь же неотвратимой самоизоляцией от остального мира, прежде всего от западных демократий.

В истории большевистской революции роспуск Учредительного собрания всегда пребывал «в тени» главного события — восстания 25 октября в Петрограде. Но в последние годы этот историографический баланс явно меняется, и не случайно. В истории советского тоталитаризма разгон Учредительного собрания — событие не менее, а скорее более значимое, чем вооруженный захват власти большевиками. В октябре они захватили власть путем свержения непопулярного Временного правительства, мотивируя это и необходимостью обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания. «Никто бы, вероятно, сейчас не осуждал большевиков за октябрь 1917 г., — размышляет современный историк, — если бы они выполнили свое обещание передать верховную власть Всероссийскому Учредительному собранию»²⁰.

После взятия власти большевиками в некоторых кругах общества жила надежда, что они себя быстро дискредитируют и будут сметены Учредительным собранием. После 6 января надежды на конституционное развитие России опали. Но вместе с тем большевистская власть лишила себя легитимности, которую, как это очевидно в исторической ретроспекции, не могли дать подтасованные советские съезды. Одновременно насильственная смерть Учредительного собрания усилила легитимность старых государственных структур, противостоявших режиму, что в итоге придало гражданской войне форму столкновения двух государственных систем, а с нею и особо затяжной и ожесточенный характер.

Эта акция ускорила внутреннюю эволюцию самой большевистской партии в замкнутую организацию военно-политического типа, превращение ее в часть государства. Дело вовсе не сводилось к победе наиболее радикального, ленинского крыла над сторонниками компромиссной линии в партии. В массовое общественное сознание как положительная ценность внедрялось пренебрежение к «формально-демократическим» институтам, вроде парламентаризма, всеобщего избирательного права, свободы личности. Р.Люксембург в своей рукописи о русской революции, написанной в Бреславльской тюрьме в конце

1918 г., при всем сочувствии к большевикам признавала, что они «проявили весьма холодное пренебрежение к Учредительному собранию, всеобщему избирательному праву», и указывала, что это стало поворотным пунктом в политике и тактике большевизма²¹. В самом деле, это было важнейшее звено в системе мер, ознаменовавших переход к военно-коммунистической идеологии и практике. После разгона Учредительного собрания уже не резали глаз ни лишение избирательных прав непролетарского населения, установленное советской конституцией 1918 г., ни административное изгнание всех социалистов из самих Советов в том же году. Вместе с тем правящая партия растрачивала свой внутренний демократический потенциал, а сложившийся в итоге партийно-советский «кентавр» приобрел полностью закрытый характер, будучи неспособным к саморегуляции, к обновлению.

До недавнего времени не принято было в исторических монографиях рассуждать о нравственно-этических аспектах революции, исходя из презумпции: благо революции — высший закон. «Очеловечение» российской истории несовместимо, однако, с моральным релятивизмом. Необходимо признать, что циничный разгон народного представительства глубоко и надолго задел чувства разных слоев российского общества, особенно гуманистической интеллигенции. В.Н.Фигнер, отдавшая революции полвека своей жизни, на склоне ее с горечью писала: «Роспуск Учредительного собрания был новым унижением заветной мечты многих поколений и наивного благоговения веривших в него масс»²².

Можно уверенно утверждать, что ни одно Учредительное собрание в мировой истории не оправдало в полной мере возлагавшихся на него надежд, как не оправдала их ни одна революция в прошлом. Это нормальный социологический закон, ибо истории ничего нельзя предписывать. Было бы нереально ждать от Всероссийского Учредительного собрания чуда хотя бы потому, что в нем столкнулись две социалистические утопии, но и отказывать ему в способности содействовать решению некоторых назревших общественных проблем неправомечно.

Вместе с тем антиисторично винить во всем большевиков, силой навязавших свою партийную волю народу, обществу. Они бы не смогли прорваться к вершинам власти, если бы не уловили в свои политические паруса порывы массового радикализма. Угнетенные, придавленные низы жаждали социального реванша, их не волновали соображения легитимности. В якобинско-уравнительных устремлениях проявился национальный характер Октября. Как отмечал Н.А.Бердяев, большевизм «оказался наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым

исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилуем»²³.

История необратима. Ее внешне беспорядочный поток событий течет по весьма извилистому руслу, но течет в одном направлении, не останавливаясь ни на мгновение. И все же не уходит мысль, недопустимая с профессионально-исторической точки зрения, но по-человечески простительная: если бы депутатам-учредителям, большевикам и меньшевикам, дано было знать, что ждет их за ближайшим уже поворотом реки Леты, какие муки предстоят народу, о благе которого они так пеклись? Какой трагической будет их собственная участь! Неужто не ужаснулись бы, не смягчились сердца и не начались поиски того, что принято теперь называть консенсусом?! Вопрос кажется бессмысленным, но ведь есть же свобода человеческого выбора, и делают его в конечном счете сами люди, а не абстрактный ход событий.

Никогда прежде Россия не нуждалась так остро в осмыслении мирового и собственного исторического опыта, как сейчас, на стыке двух тысячелетий. Восстановление искусственно разорванной связи времен, поделенных на до- и послеоктябрьскую эпохи, предъявляет такой заказ науке. Это осмысление дается, однако, с трудом не только массовому историческому сознанию, но и сознанию научному, поскольку оно не сводится к простому перебору наличного запаса знаний, а требует пересмотра самих принципов исторического познания.

Автор данной книги не берется утверждать, что прошел весь этот путь до конца. Но одно для него неоспоримо: Всероссийское Учредительное собрание — одно из тех мировых событий, которые воплощают в себе глобальные тенденции развития человеческой цивилизации и являются вехами ее истории. Это непреходящий урок для России.

Корень учения горек, но сладки его плоды.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 336.
- ² Попов Г. Учредительное собрание до матроса Железняка // Известия. 1993. 6 марта.
- ³ Шавеко Н.А. Октябрьская революция и Учредительное собрание. М.—Л., 1928. С. 5.
- ⁴ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 341.
- ⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 28.
- ⁶ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 9.
- ⁷ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 14.
- ⁸ См. об этом: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1, 2.
- ⁹ См.: Всероссийское Учредительное Собрание: Стенографический отчет. Киев: «Абрис», 1991; Учредительное собрание, Россия, 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991.
- ¹⁰ Radkey O.H. The Elections to the Russian Constituent Assembly. January 1918. New York, 1950; Idem. Russia goes to the Polls. The Elections to the All-Russian Constituent Assembly, 1917. Ithaca—London, 1989.
- ¹¹ Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции. 1917—1918. М., 1918. С. 104.
- ¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 19.
- ¹³ См.: Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Л., 1973. С. 3.
- ¹⁴ Блок М. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁵ Radkey O.H. The Elections to the Russian Constituent Assembly. P. 75.
- ¹⁶ Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1955. С. 21.

Глава 1

- ¹ См.: Гаврилов Ю. Воля народа? Почему не состоялось Учредительное собрание // Огонек. 1990. № 11. С. 21.
- ² См.: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995. С. 152.
- ³ См.: Глинский Б.Б. Борьба за Конституцию. 1612—1861 гг. СПб., 1908. С. 169, 175.

- 4 Учредительное собрание. Харьков, 1918. 4 января.
- 5 См.: Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 34.
- 6 Цит. по: там же. С. 38.
- 7 Народовластие. Т. 2. М., 1918. С. 17.
- 8 Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21. М., 1933. С. 111.
- 9 См.: Ленин В.И. Указ. соч. Т. 4. С. 252, 370, 435.
- 10 Цит. по: Померанц Г. Долгая дорога истории // Знамя. 1991. № 11. С. 187.
- 11 Энциклопедический словарь Гранат. М., б.г. Т. 42. Стб. 551.
- 12 Народная свобода. Тифлис, 1917. 2 декабря.
- 13 См.: Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1917. 29 декабря.
- 14 См.: Медушевский А.Н. Земство и конституционализм в России // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1996. № 1. С. 11.
- 15 См.: Расцвет и закат Российской империи (XIX — нач. XX в.). Ч. II. М., 1994. С. 68.
- 16 Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М., 1994. С. 50.
- 17 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 119.
- 18 См.: Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 13.
- 19 См.: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 118.
- 20 См.: Программы политических партий России. С. 34, 36, 55, 63, 95 и др.
- 21 См.: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 36.
- 22 См.: Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 16.
- 23 Наша страна. 1907. № 1. С. 75.
- 24 Российские партии, союзы и лиги. С. 20.
- 25 Программы политических партий России. С. 342.
- 26 Там же. С. 345.
- 27 Цит. по: Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 22.
- 28 См.: Головатенко А. История России: спорные проблемы. М., 1994. С. 233.
- 29 Российские партии, союзы и лиги. С. 30.
- 30 См.: Знание — сила. 1991. № 2. С. 11.
- 31 См.: Вишняк М.В. Указ. соч. С. 29.
- 32 Лейтенант П.П.Шмидт. Пг., 1923. С. VI.
- 33 См.: Воронский А.К. За живой и мертвой водой. М., 1970. С. 28—29.
- 34 См.: Народовластие. Т. 2. С. 5.
- 35 Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 197.
- 36 Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 110.

- 37 См.: Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 3.
- 38 См.: там же.
- 39 См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1. М., 1991. С. 53.
- 40 Москва. Октябрь. Революция. Документы и воспоминания. М., 1987. С. 13.
- 41 Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. М.—Пг., 1923. С. 91.
- 42 Цит. по: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 226.
- 43 Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 104.
- 44 См.: Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 228.
- 45 Там же. С. 351.
- 46 Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 2. М., 1990. С. 244.
- 47 См.: Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 19.
- 48 Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.
- 49 Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. Т. 1. С. 137.
- 50 См.: Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. М.—Л., 1927. С. 113.
- 51 Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 419.
- 52 Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 172—173.
- 53 Красный архив. 1927. № 3. С. 26.
- 54 Цит. по: Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 346.
- 55 См.: Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание. М., 1982. С. 84.
- 56 См.: Вишняк М.В. Указ. соч. С. 69.
- 57 Головатенко А. Указ. соч. С. 154.
- 58 Верстюк В.Ф. Вместо послесловия // Всероссийское Учредительное собрание. Киев, 1991. С. VI.
- 59 См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва, фронт, периферия. М., 1971. С. 72—73.
- 60 См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 261.
- 61 Ангарский Н. Московский Совет в двух революциях. М.—Л., 1928. С. 14.
- 62 См.: Подболотов П. Учредительное собрание: выборы, созыв, роспуск // Народный депутат. 1991. № 7. С. 118.
- 63 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110.
- 64 Там же. Т. 35. С. 140.
- 65 См.: там же. Т. 32. С. 132, 165.
- 66 См.: там же. Т. 31. С. 116.
- 67 См.: Вишняк М.В. Указ. соч. С. 126.

- 68 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). М., 1958. С. 92.
- 69 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 141.
- 70 Бакинский рабочий. 1917. 18 июня.
- 71 См.: Жизнь. Н. Новгород, 1917. 18 ноября.
- 72 См.: Социал-демократ. Харьков, 1917. 4 ноября.
- 73 Известия Елисаветградских Советов. 1917. 12 декабря.
- 74 См.: Социал-демократ. Баку, 1917. 11 октября.
- 75 Там же. 15 июня.
- 76 См.: Бах А.Н. Революция и социализм // Год русской революции (1917—1918 гг.). М., 1918. С. 7.
- 77 См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. М., 1991. С. 207.
- 78 Минор О.С. Один день Учредительного собрания // Пережитое. Кн. 1. М., 1918. С. 122.
- 79 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 264.
- 80 См.: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 51.
- 81 См.: Спириин Л.М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 126.
- 82 См.: Изгоев А.С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Т. 10. М., 1991. С. 17.
- 83 См.: Думова Н. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982. С. 79.
- 84 Набоков В. Указ. соч. С. 48.
- 85 Речь. 1917. 18 июля.
- 86 См.: Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 221.
- 87 См.: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 52.
- 88 См.: Набоков В. Указ. соч. С. 72.
- 89 См.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 180.
- 90 См.: Русские ведомости. 1917. 30 ноября; Городской вестник. Самара, 1917. 3 декабря.
- 91 Свободное слово солдата и матроса. Ревель, 1917. 28 октября.
- 92 Анархия. М., 1917. 6 ноября.
- 93 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307—308.
- 94 Карамзин Н.М. Избранные сочинения. Т. 2. М.—Л., 1964. С. 412.
- 95 Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917—1920 гг.) // Архив русской революции. Т. 9. М., 1991. С. 99.
- 96 См.: Вишняк М.В. Указ. соч. С. 65.
- 97 Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 227.
- 98 См.: Мережковский Д.С. В тихом омуте. М., 1991. С. 61.
- 99 См.: Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 19.
- 100 См.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 132.
- 101 См.: Знаменский О.Н., Шишкин В.А. Ленин, революционное движение и парламентаризм. Л., 1977. С. 96.

- 102 См.: *Неизвестная Россия. XX век. Кн. II. М., 1992. С. 179.*
- 103 См.: *Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 206.*
- 104 См.: *Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6—12; 1992. № 1—5, 11—12.*
- 105 См.: *Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т. 13. М., 1992. С. 28.*
- 106 *Государственное совещание. М.—Л., 1930. С. 148.*
- 107 См.: *Борьба за массы в трех революциях в России. С. 19.*
- 108 См.: *Знаменский О.Н., Шишкин В.А. Указ. соч. С. 96.*
- 109 См.: *Петров Ю.А. Москва революционная // Отечественная история. 1996. № 2. С. 25.*
- 110 См.: *Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва, фронт, периферия. С. 34.*
- 111 *Герцен А.И. Соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1958. С. 408.*
- 112 См.: *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.*
- 113 См.: *Дан Ф. Итоги развития и перспективы большевизма // Коммунист. 1990. № 7. С. 72.*
- 114 См.: *Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Т. 1. М., 1919. С. 112.*
- 115 См.: *Неизвестная Россия. XX век. Кн. II. С. 182—187.*
- 116 *Цит. по: Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 97.*
- 117 См.: *там же. С. 77.*
- 118 *Красный архив. 1923. № 3. С. 27.*
- 119 См.: *Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905—1917. М., 1990. С. 149.*
- 120 *Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 168—169.*
- 121 *РГВИА. Ф. 7816. Оп. 2. Д. 301. Л. 69.*
- 122 *Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. С. 167.*
- 123 См.: *Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 134.*
- 124 *Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. документов. М., 1968. С. 64.*
- 125 См.: *Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. С. 224.*
- 126 *Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 101.*
- 127 См.: *Соколов Б. Указ. соч. С. 16.*
- 128 *РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 965. Л. 438.*
- 129 *Вишняк М.В. Указ. соч. С. 67.*
- 130 См.: *Неизвестная Россия. XX век. Кн. II. С. 179.*
- 131 *Струве П. Интеллигенция и революция // Вехи. М., 1909. С. 170.*
- 132 См.: *Токарев Ю.С. Революционное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март—октябрь 1917 г.). М.—Л., 1965. С. 137.*
- 133 См.: *Подболотов П. Указ. соч. С. 119.*

Глава 2

- 1 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 60.
- 2 Вишняк М.В. Указ. соч. С. 71.
- 3 Готье Ю.В. Указ. соч. // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 160.
- 4 См.: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 129.
- 5 Речь. 1917. 8 марта.
- 6 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 61.
- 7 См.: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 125.
- 8 Набоков В. Указ. соч. С. 72.
- 9 Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 260.
- 10 Вестник Временного правительства. 1917. 27 апреля.
- 11 См.: Набоков В. Указ. соч. С. 72.
- 12 Нольде Б.Э. В.Д.Набоков в 1917 г. // Архив русской революции. Т. 7. М., 1991. С. 12.
- 13 См.: Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 265.
- 14 Всероссийское совещание Советов... С. 209.
- 15 См.: Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 76.
- 16 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 72.
- 17 См.: там же. С. 105.
- 18 См.: там же. С. 65—66.
- 19 Чернов В.М. 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. С. 358.
- 20 Речь. 1917. 27 марта.
- 21 См.: Набоков В. Указ. соч. С. 72.
- 22 См.: Булдаков В.П. Указ. соч. // Отечественная история. 1997. № 2. С. 29.
- 23 Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 76.
- 24 См.: Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 287.
- 25 Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 4. М., 1991. С. 276.
- 26 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 63.
- 27 Дело народа. 1917. 1 октября.
- 28 Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 2. М.—Л., 1931. С. 153.
- 29 Цит. по: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 133.
- 30 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 129.
- 31 Московский листок. 1917, 17 октября.
- 32 Всероссийское совещание Советов... С. 206.
- 33 Южные ведомости. Симферополь, 1917. 27 сентября.
- 34 См.: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 135.
- 35 См.: Учредительное собрание, Россия, 1918. С. 14—15.
- 36 См.: Революционное движение в русской армии. М., 1968. С. 61.
- 37 Вестник Временного правительства. 1917. 27 мая.
- 38 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 133.
- 39 См.: Приамурские известия. Хабаровск, 1917. 20 августа.
- 40 Утро России. 1917. 14 октября.
- 41 См.: Речь. 1917. 28 марта.

- 42 См.: Вечер. Пг., 1917. 4 ноября.
- 43 Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 69.
- 44 См.: Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 211.
- 45 ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 59. Л.131—132.
- 46 См.: там же. Л. 427.
- 47 См.: там же. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.
- 48 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 2. М., 1959. С. 617.
- 49 См.: Власть труда. Ярославль, 1917. 16 ноября.
- 50 ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 59. Л. 367.
- 51 См.: Селунская Н.Б., Бородкин Л.И. и др. Указ. соч. С. 211.
- 52 Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 84.
- 53 Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 96.
- 54 Булдаков В.П. Указ. соч. С. 29.
- 55 См.: Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 83.
- 56 Учредительное собрание, Россия, 1918. С. 11.
- 57 См.: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 151.
- 58 См.: Учредительное собрание, Россия, 1918. С. 23—27.
- 59 Там же. С. 28—30.
- 60 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 191.
- 61 См.: Учредительное собрание, Россия, 1918. С. 39—43.
- 62 См.: Клейн Б.С. Россия между реформой и диктатурой (1861—1920 гг.) // Вопросы истории. 1991. № 9—10.
- 63 Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 86.
- 64 ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 59. Л. 118.
- 65 Там же. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 472. Л. 10.
- 66 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 137.
- 67 См.: ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 59. Л. 500.
- 68 См.: там же. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 7. Л. 127.
- 69 См.: там же. Д. 473. Л. 1—2.
- 70 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 137.
- 71 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 18. Л. 146.
- 72 См.: ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 219.
- 73 См.: там же. Д. 59. Л. 117; Д. 219. Л. 76.
- 74 См.: Рубинштейн Н. К истории Учредительного собрания. М.—Л., 1931. С. 26; Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965. С. 435.
- 75 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 297. Л. 55.
- 76 См.: там же. Д. 408. Л. 24.
- 77 См.: там же. Д. 3. Л. 28.
- 78 См.: там же. Д. 481. Л. 2.
- 79 Там же. Д. 503. Л. 4, 9.
- 80 Там же. Д. 117. Л. 34, 35, 58; Д. 297. Л. 55.
- 81 См.: Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 260.

- 82 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 132.
- 83 См.: Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 365.
- 84 См.: Известия Подольской окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. 1917. 20 октября.
- 85 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 313. Л. 8; Учредительное собрание. С. 17.
- 86 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 49. Л. 10; Д. 339. Л. 2, 3а.
- 87 Там же. Д. 313. Л. 8; Учредительное собрание. С. 17.
- 88 См.: Известия Подольской окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. 1917. 3 ноября.
- 89 См.: Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 7 октября.
- 90 Голос революции. Одесса, 1917. 17 ноября.
- 91 См.: Социал-демократ. Баку, 1917. 13 июля; ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 235. Л. 21.
- 92 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 159.
- 93 См.: Известия Подольской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. 1917. 21 октября.
- 94 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 422. Л. 25.
- 95 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.
- 96 Вестник Временного правительства. 1917. 1 октября.
- 97 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 195. Л. 31.
- 98 Оренбургское земское дело. 1917. 5 октября.
- 99 См.: Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85.
- 100 См.: За землю и волю. Казань, 1917. 29 сентября.
- 101 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 197. Л. 16.
- 102 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 184.
- 103 См.: ЦГА Татарстана. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 96. Л. 21.
- 104 См.: ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 313. Л. 26.
- 105 Сибирская речь. Омск, 1917. 5 октября.
- 106 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
- 107 Там же.
- 108 Речь. 1917. 22 июля.
- 109 История СССР. 1987. № 6. С. 139.
- 110 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 113—114.
- 111 Там же. С. 116.
- 112 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 84.
- 113 Первый Всероссийский съезд Советов... С. 282.
- 114 Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 2. С. 164.
- 115 Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968. С. 572.
- 116 Русское слово. 1917. 1 октября..
- 117 Рабочая газета. 1917. 9 августа.
- 118 Госархив Тамбовской области. Ф. 17. Оп. 49. Д. 41. Л. 112.
- 119 Рид Д. Указ. соч. С. 36.
- 120 См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 г. М.—Л., 1929. С. 21.

- 121 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 209.
- 122 *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 213—214.
- 123 Там же. С. 522.
- 124 См.: РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
- 125 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 201, 210.
- 126 См.: там же. С. 213.
- 127 См.: *Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции*. М., 1977. С. 445.
- 128 *Жизнь народа*. Алешки, 1917. 19 ноября.
- 129 См.: *Земля и воля*. Новониколаевск, 1917. 15 ноября.
- 130 Госархив Орловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
- 131 См.: *Камско-Волжская речь*. Казань, 1917. 23 октября; ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 484. Л. 14; *Иркутская жизнь*, 1917. 14 ноября.
- 132 См.: *Комаров А., Сокут К. Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.* Воронеж, 1932. С. 111.
- 133 *Приволжская правда*. Самара, 1917. 12 октября.
- 134 *Пролетарская революция*. 1928. № 10. С. 182.
- 135 Там же. С. 193—194.
- 136 *1917 год на Киевщине. Хроника событий*. Киев, 1928. С. 211.
- 137 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 356.
- 138 См.: *Вперед!* 1917. 10 июля.
- 139 См.: *Пролетарская правда*. Тула, 1917. 15 ноября.
- 140 См.: *Социал-демократ*. М., 1917. 24 ноября.
- 141 *Известия Сызранского Совета*. 1917. 10 октября; *Красное знамя*. Владивосток, 1917. 5 октября.
- 142 *За власть Советов*. Воронеж, 1957. С. 56.
- 143 *Рязанская жизнь*. 1917. 18 ноября.
- 144 См.: *Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии (март 1917 — сентябрь 1918 г.)*. Кострома, 1957. С. 181.
- 145 *Южный Урал*. Оренбург, 1917. 6 декабря.
- 146 *Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 г. — май 1918 г.)*. Омск, 1958. С. 76—77.
- 147 РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1005. Л. 1.
- 148 *Меньшевики в 1917 году*. С. 521.
- 149 *Наш голос*. Самара, 1917. 21 октября.
- 150 *Вперед!* 1918. 23 февраля.
- 151 РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 28.
- 152 См.: там же. Л. 26.
- 153 *Прибой*. Симферополь, 1917. 12 ноября.
- 154 *Меньшевики в 1917 году*. С. 215.
- 155 *Волна*. Великий Устюг, 1917. 18 ноября.
- 156 См.: *Пролетарская мысль*. Тверь, 1917. 18 ноября.
- 157 *Третий съезд партии социалистов-революционеров*. Пг., 1917. С. 5.
- 158 *Земля и воля*. Тула, 1917. 22 июня.

- 159 См.: Всероссийское Учредительное собрание. С. 165—168.
- 160 Северокавказское слово. Ставрополь, 1917. 29 ноября.
- 161 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 114.
- 162 Вестник партии народной свободы. 1917. № 8—10.
- 163 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 220.
- 164 Народная свобода. Баку, 1917. 2 июля.
- 165 Северо-Двинский край. Великий Устюг, 1917. 14 ноября.
- 166 Бобруйский курьер. 1917. 10 октября.
- 167 Пасманик Д.С. Указ. соч. С. 48.
- 168 Рабочий город. Ив.-Вознесенск, 1917. 17 ноября.
- 169 Чит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 48—49.
- 170 См.: Наша борьба. Екатеринослав, 1917. 24 октября.
- 171 См.: Голос нижегородца. Н. Новгород, 1917. 26 ноября.
- 172 Голос труда. М., 1917. 11 ноября.
- 173 Крестьянский вестник. 1917. 20 октября.
- 174 Социал-демократ. Баку, 1917. 25 октября.
- 175 Вперед! 1917. 5 сентября.
- 176 Голос народа. Тула, 1917. 20 октября.
- 177 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 242.
- 178 Утро России. 1917. 6 октября.
- 179 Земля и воля. Тула, 1917. 16 ноября.
- 180 Народное дело. Чита, 1917. 12 ноября.
- 181 Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 13 октября.
- 182 Народное дело. Харьков, 1917. 5 октября.
- 183 Утро России. 1917. 5 октября.
- 184 См.: Народное дело. Харьков, 1917. 13 октября.
- 185 Утро России. 1917. 18 октября; Московский листок. 1917. 28 сентября.
- 186 См.: Социал-демократ. Харьков, 1917. 13 октября.
- 187 См.: Борисоглебская жизнь. 1917. 25 октября; Земля и воля. Симферополь, 1917. 27 октября.
- 188 См.: Вятская речь. 1917. 1 октября.
- 189 Там же. 1917. 26 октября.
- 190 Вятская мысль. 1917. 21 сентября.
- 191 См.: Красное знамя. Н. Новгород, 1917. 23 ноября.
- 192 См.: Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 5 декабря.
- 193 Красное знамя. Н. Новгород, 1917. 23 ноября.
- 194 См.: Спириин Л.М. Указ. соч. С. 214.
- 195 Красная новь. 1924. № 7—8. С. 252.
- 196 Красный архив. 1937. № 5. С. 175—176.
- 197 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85.
- 198 См.: Лазарев В.В. Списки кандидатов во Всероссийское Учредительное собрание: выявление латентных структур // История, статистика, информатика. Барнаул, 1995. С. 162.
- 199 См.: там же. С. 163.

- 200 См.: Труд и земля. Кронштадт, 1917. 19 августа.
201 Голос. Ярославль, 1917. 12 октября.
202 Рабочий путь. 1917. 30 сентября.
203 См.: там же. 28 сентября.
204 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 346.
205 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 206.
206 См.: Рабочий путь. 1917. 3 октября.
207 См.: Северный рабочий. Кострома, 1917. 6 октября.
208 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 208.
209 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Архангельск, 1927. С. 121.
210 См.: Рабочий путь. 1917. 3 октября.
211 См.: Дело народа. 1917. 20 сентября.
212 См.: Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. М., 1996. С. 442.
213 См.: Дело народа. 1917. 23 сентября.
214 Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 152.
215 Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 13 октября.
216 См.: Дело народа. 1917. 3 октября.
217 Голос труда. Воронеж, 1917. 14 октября.
218 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 218.
219 См.: Воля народа. 1917. 12 октября.
220 Знамя труда. 1917. 10 октября.
221 Русское слово. 1917. 14 ноября.
222 См.: Астрахан Х.М. Указ. соч. С. 307.
223 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 218.
224 Наш листок. Екатеринбург, 1917. 24 ноября.
225 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993. С. 107.
226 Власть народа. 1917. 18 ноября.
227 Воля народа. 1917. 3 октября.
228 См.: Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 195, 220.
229 См.: Дело народа. 1917. 9 ноября.
230 Социал-демократ. Баку, 1917. 16 июля.
231 См.: РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 28. Л. 229.
232 Голос народа. Тула, 1917. 20 октября.
233 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 96.
234 См.: Труд и земля. Кронштадт, 1917. 24 июня.
235 Народный социалист. 1917. 6 и 9 октября.
236 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 264.
237 Там же. Д. 54. Л. 11—13.
238 См.: Рыбинец. 1917. 8 ноября.
239 См.: Бердянская жизнь. 1917. 7 ноября.
240 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 222.
241 Голос. Ярославль, 1917. 19 сентября.
242 См.: Утро России. 1917. 12 октября.

- 243 См.: там же. 19 ноября.
244 См.: Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 83—84.
245 Свободная жизнь. 1917. 5 сентября.
246 Протоколы Центрального комитета РСДРП. С. 57.
247 Утро России. 1917. 14 октября.
248 Забайкальская рабочая газета. Чита, 1917. 10 ноября.
249 Голос фронта. 1917. 3 октября.
250 См.: Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 26 июля.
251 Союзная мысль. Челябинск, 1917. 7 октября.
252 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 151.
253 См.: Голос. Ярославль, 1917. 2 августа; Знамя труда. 1917. 10 октября.
254 См.: Голос труда. Александров, 1917. 10 октября.
255 См.: Вятская речь. 1917. 24 сентября, 7 октября.
256 Голос крестьянского союза. М., 1917. 22 октября.
257 Знамя труда. 1917. 12 октября.

Глава 3

- 1 См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3. М., 1991. С. 147.
2 Цит. по: Поликарпов В.Д. Указ. соч. С. 185.
3 См.: Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 172.
4 См. об этом: Поликарпов В.Д. Указ. соч. С. 372—373. А.И.Деникин писал: «В моей апрельской декларации не были произнесены слова "Учредительное собрание"... Но с момента подчинения моего адм. Колчаку, обязавшемуся созвать Учредительное собрание, это препятствие было устранено» (Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 104).
5 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 227.
6 Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 8 октября.
7 См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 229.
8 См.: Вечерний курьер. М., 1917. 16 октября.
9 Дело трудового народа. Валк, 1917. 20 октября.
10 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 403, 475.
11 Протоколы Центрального Комитета РСДРП. С. 103—106.
12 См.: там же. С. 117—118.
13 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 392.
14 См.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Горький, 1957. С. 328.
15 См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 2. Кн. 3. С. 24.
16 См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 276, 279.
17 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 20.

- 18 Там же. С. 26—27.
- 19 См.: Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 206.
- 20 См.: Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 87.
- 21 См.: Новая жизнь. 1917. 27 октября.
- 22 Красное знамя. Н. Новгород, 1917. 23 ноября.
- 23 Голос народа. Тула, 1917. 12 ноября.
- 24 См.: Набоков В. Указ. соч. С. 91.
- 25 См.: там же. С. 93.
- 26 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 18. Л. 184.
- 27 См.: там же. Д. 5. Л. 31.
- 28 Там же. Л. 40.
- 29 См.: Минц И.И. История Великого Октября. Т. 3. М., 1973. С. 930.
- 30 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 167—168.
- 31 Утро России. 1917. 25 ноября; Вечерняя почта. Пг., 1917. 27 ноября.
- 32 Пролетарская мысль. Киев, 1917. 8 декабря.
- 33 Газета для всех. Пг., 1917. 19 декабря.
- 34 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 18. Л. 213.
- 35 Там же. Д. 13. Л. 224.
- 36 Там же. Л. 209.
- 37 Там же. Д. 12. Л. 57.
- 38 Симбирское слово. 1917. 25 ноября.
- 39 Свободный Алтай. Бийск, 1917. 19 ноября, 9 декабря.
- 40 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 197. Л. 8.
- 41 Там же. Д. 94. Л. 19.
- 42 Там же. Д. 457. Л. 34.
- 43 См.: Амурское эхо. Благовещенск, 1917. 17 декабря.
- 44 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 182.
- 45 См.: Оренбургский край. 1918. 1 июля; Народное дело. Оренбург, 1918. 31 июля.
- 46 Камчатский листок. Петропавловск-на-Камчатке, 1917. 3 ноября.
- 47 См.: Кубанский край. Екатеринодар, 1917. 25 декабря.
- 48 Новый мир. Армавир, 1918. 4 февраля.
- 49 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 7. Л. 123.
- 50 Там же. Д. 385. Л. 34.
- 51 Там же. Д. 364. Л. 3, 6; Д. 385. Л. 31, 32.
- 52 Там же. Д. 366. Л. 43.
- 53 Там же. Д. 7. Л. 123.
- 54 Трудовая мысль. Мерв, 1918. 12 января.
- 55 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 105. Л. 8.
- 56 Там же. Д. 472. Л. 18.
- 57 См.: там же. Д. 409. Л. 60—69об.
- 58 См.: там же. Д. 149а. Л. 12, 13, 16, 17.
- 59 См.: Алаш-Орда. Алма-Ата, 1992. С. 98; Политические партии России. С. 602.

- 60 Святицкий Н.В. Указ. соч. С. 105.
- 61 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 14. Л. 57.
- 62 Святицкий Н.В. Указ. соч. С. 105.
- 63 Radkey О.Н. Russia goes to the Polls. P. 91.
- 64 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 425. Л. 44.
- 65 См.: там же. Д. 195. Л. 34.
- 66 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 1. Л. 157.
- 67 См.: Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965. С. 437; Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 416—418.
- 68 Radkey О.Н. Russia goes to the Polls. P. 95.
- 69 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 7. Л. 126.
- 70 Там же. Д. 381. Л. 150.
- 71 Там же. Д. 119. Л. 40-41.
- 72 См.: Дело народа. 1917. 18 июня.
- 73 Святицкий Н.В. Указ. соч. С. 112.
- 74 Огановский Н.П. Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. № 4—6. С. 156.
- 75 См.: Народная свобода. Барнаул, 1917. 20 декабря.
- 76 См.: Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. 1. М., 1994. С. 99.
- 77 Знамя труда. Баку, 1917. 31 декабря.
- 78 Цит. по: Голос тайги. Зея, 1917. 19 декабря.
- 79 Русские ведомости. 1917. 1 декабря.
- 80 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 68; Т. 34. С. 35.
- 81 См.: Одесская почта. 1917. 23 декабря.
- 82 См.: Дело народа. 1917. 1 декабря.
- 83 Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 181.
- 84 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 286.
- 85 См.: Спириин Л.М. Россия. 1917 год. С. 287—288.
- 86 Там же. С. 324.
- 87 Там же. С. 290.
- 88 См.: Бакинский рабочий. 1917. 26 ноября.
- 89 Пролетарская правда. Тула, 1917. 15 ноября.
- 90 Святицкий Н.В. Указ. соч. С. 114.
- 91 Свободный край. Иркутск, 1917. 25 ноября.
- 92 См.: Новая жизнь. 1917. 22 сентября.
- 93 См.: Дело народа. 1917. 7 декабря.
- 94 Луч. 1917. 20 ноября.
- 95 См.: Заря. 1917. 22 ноября.
- 96 Установление Советской власти в Калужской губернии. Март 1917 — июль 1918 г. Калуга, 1957. С. 244—245.
- 97 См.: Непролетарские партии России. С. 344.
- 98 Цит. по: Коммунист. 1990. № 16. С. 78.
- 99 Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 47.

- 100 См. об этом: Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазское» сознание // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994.
- 101 См.: Святицкий Н.В. Указ. соч. С. 115.
- 102 См.: *Русская жизнь.* Харьков, 1917. 2 декабря.
- 103 См.: Пасманик Д.С. Указ. соч. С. 65.
- 104 См.: Рид Д. Указ. соч. С. 68.
- 105 *Вольный Дон.* Новочеркасск, 1917. 10 декабря.
- 106 См.: *Московский листок.* 1917. 13 ноября.
- 107 См.: *Земля.* 1917. 24 ноября.
- 108 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 298.
- 109 Там же. С. 266.
- 110 См.: *Земля.* 1917. 29 декабря.
- 111 Троцкий Л.Д. *Сочинения.* Т. 3. Ч. 2. М., б.г. С. 364—368.
- 112 См.: *Пролетарий.* Омск, 1918. 5 апреля.
- 113 См.: Спирин Л.М. *Россия.* 1917 год. С. 293, 307, 319.
- 114 См.: там же. С. 312.
- 115 Там же. С. 317.
- 116 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 163.
- 117 См.: Головин Н.Н. *Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.* Ч. II. Кн. 3. Париж, 1937. С. 11.
- 118 Цит. по: *Голос Кишинева.* 1917. 4 декабря.
- 119 Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография.* М., 1980. С. 217.
- 120 *Голос фронта.* 1917. 26 сентября.
- 121 См.: Герасименко Г.А. *О взаимосвязи демократии и диктатуры в годы революции 1917 года и гражданской войны // Гражданская война в России.* М., 1995. С. 9.
- 122 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162.
- 123 *Исторический опыт Великого Октября.* М., 1986. С. 235.
- 124 См.: Демин В.А. *Государственная Дума России (1906—1917): механизм функционирования.* М., 1996. С. 30.
- 125 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 13. Л. 207.
- 126 См.: там же. Д. 23. Л. 76, 77.
- 127 См.: там же. Д. 191. Л. 130.
- 128 См.: там же. Д. 79. Л. 72.
- 129 *Сибирь.* Иркутск, 1917. 25 ноября.
- 130 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 197. Л. 22.
- 131 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 455. Л. 40—40об.
- 132 Там же. Д. 91. Л. 115; Д. 94. Л. 165; Д. 381. Л. 140.
- 133 См.: *Власть народа.* 1917. 15 ноября; *Амурское эхо.* Благовещенск, 1917. 17 декабря.
- 134 См.: *Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями.* Т. 2. М., 1957. С. 44, 45.
- 135 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 91. Л. 130; Госархив Тверской области. Ф. 162. Оп. 1. Д. 32. Л. 161.
- 136 См.: *Русское слово.* 1917. 25 октября.
- 137 *Кунгурская жизнь.* 1917. 1 декабря.

- 138 Сибирь. Иркутск, 1917. 15 ноября.
139 Цит. по: Кириенко Ю.К. Крах календинщины. М., 1976. С. 68.
140 См.: Рабочее дело. Ростов-на-Дону, 1917. 10 ноября.
141 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 52.
142 Варнавинец. 1917. 17 ноября.
143 Тифлисский листок. 1917. 26 ноября.
144 Вольный Юг. Севастополь, 1917. 19 ноября.
145 См.: Народная свобода. Барнаул, 1917. 3 декабря.
146 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 156. Л. 45.
147 Донецкая мысль. Юзовка, 1917. 16 ноября.
148 Яицкая воля. Уральск, 1917. 17 декабря.
149 См.: Свободная речь. Курск, 1917. 18 ноября.
150 См.: Оренбургское земское дело. 1917. 25 декабря.
151 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 36.
152 См.: Наша газета. В. Волочок, 1917. 29 ноября.
153 См.: Пролетарская мысль. Киев, 1917. 25 ноября.
154 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 99. Л. 31.
155 См.: Бакинский рабочий. 1917. 13 декабря; Волна. В.Устюг, 1917. 25 ноября, и др.
156 См.: Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 37.
157 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 160. Л. 211.
158 Там же. Д. 99. Л. 34.
159 Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975. С. 334.
160 Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. 18 ноября.
161 Свободный Алтай. Бийск, 1917. 27 ноября.
162 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 160. Л. 207.
163 Нижегородский листок. 1917. 19 ноября.
164 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 343. Л. 41.
165 См.: Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 13. Л. 133—134.
166 См.: Волго-Донской край. Царицын, 1917. 16 ноября.
167 См.: Революционная мысль. Омск, 1917. 26 ноября.
168 См.: Народный путь. Пг., 1917. 21 декабря.
169 См.: Народное дело. Харьков, 1917. 8 декабря.
170 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 467. Л. 310.
171 Госархив г.Москвы. Ф. 2337. Оп. 1. Д. 5. Л. 151; Оп. 3. Д. 1. Л. 142; Голос крестьянского союза. 1917. 16 ноября.
172 См.: Русский Манчестер. Ив.-Вознесенск, 1917. 19 ноября.
173 Народная воля. Ялуторовск, 1917. 16 декабря.
174 См.: ЦГА Татарстана. Ф. 983. Оп. 1. Д. 14. Л. 57.
175 См.: Южный Урал. Оренбург, 1917. 7 декабря.
176 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 399. Л. 7.
177 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 7. Л. 458; Д. 2. Л. 28.
178 Голос труда. Александров, 1917. 20 ноября.
179 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 467. Л. 310.

- 180 См.: Русское слово. 1917. 24 ноября.
- 181 См.: Орловский вестник. 1917. 21 ноября.
- 182 См.: Земля. 1917. 24 ноября.
- 183 Свободная жизнь. Батуми, 1917. 14 декабря.
- 184 Radkey O.H. The Elections to the Russian Constituent Assembly. P. 50.
- 185 См.: Герцен А.И. Соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1958. С. 414.
- 186 См.: Вишняк М.В. Указ. соч. С. 90.
- 187 Бакинский рабочий. 1917. 29 ноября.
- 188 Маяк. Шуя, 1917. 15 ноября.
- 189 Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. 15 ноября; Тульская молва. 1917. 21 ноября; Южная мысль. Одесса, 1917. 14 ноября; Южная газета. Киев, 1917. 29 ноября; Амурское эхо. Благовещенск, 1917. 16 ноября.
- 190 Южный Урал. Оренбург, 1917. 2 декабря.
- 191 Цит. по: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 147.
- 192 См.: Городецкий Е.Н. Указ. соч. С. 437.
- 193 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 294.
- 194 Русские ведомости. 1917. 1 декабря.
- 195 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 472. Л. 16—17.
- 196 Составлено по: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 186. Л. 324—325; Д. 464. Л. 26, 64, 73, 75, 637; Госархив Тверской области. Ф. 162. Оп. 1. Д. 33. Л. 13; Д. 52. Л. 41, 69; Д. 55. Л. 133; Госархив Черниговской области. Ф. 4154. Оп. 1. Д. 33. Л. 14, 60—62; Д. 35. Л. 11, 31; Д. 94. Л. 9, 32; Спирин Л.М. Россия. 1917 год. С. 273, 282, 306, 319, 322, 323; Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 18 ноября; Народная свобода. Барнаул, 1917. 30 ноября, 3 и 19 декабря; Воронежский телеграф. 1917. 15 ноября; Казанское слово. 1917. 15 декабря; Камско-Волжская речь. Казань, 1917. 30 ноября; Рязанская жизнь. 1917. 17, 21 и 23 ноября; Путь народа. Томск, 1918. 1 января; Сибирская жизнь. Томск, 1917. 31 декабря; Старобельская жизнь. 1917. 27 ноября; Наш голос. Харьков, 1917. 15, 17, 18 и 21 ноября; Рижский вестник. 1917. 21 и 22 ноября; Госархив г.Москвы. Ф. 2331. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.
- 197 Союзная мысль. Челябинск, 1917. 9 декабря.
- 198 Известия Кишиневского Совета. 1917. 30 ноября.
- 199 Рабочий город. Ив.-Вознесенск, 1917. 28 ноября.
- 200 Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1917. 15 ноября.
- 201 См.: Трудовая Волянь. Житомир, 1917. 2 декабря.
- 202 Тверская мысль. 1917. 18 ноября.
- 203 См.: Народная свобода. Челябинск, 1917. 29 ноября.
- 204 См.: Известия Елисаветградских Советов, 1917. 17 ноября.
- 205 Донецкая мысль. Юзовка, 1917. 16 ноября.
- 206 См.: Материалы по истории революционного движения. Т. 3. Н.Новгород, 1922. С. 163, 171, 176.
- 207 Госархив г.Москвы. Ф. 2331. Оп. 1. Д. 17. Л. 60.
- 208 Свободный край. Иркутск, 1917. 25 ноября.
- 209 См.: Волна. В.Устюг, 1917. 25 ноября.
- 210 Госархив г.Москвы. Ф. 2331. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

- 211 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 48.
- 212 Русское слово. 1917. 21 ноября.
- 213 См.: Известия Владивостокского Совета. 1917. 28 ноября.
- 214 Земля и воля. Харьков, 1917. 25 ноября.
- 215 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.
- 216 Там же. Д. 464. Л. 629—630.
- 217 Южные ведомости. Симферополь, 1917. 16 ноября.
- 218 Северо-Двинский край. Великий Устюг, 1917. 21 декабря.
- 219 Социал-демократ. Харьков, 1917. 17 ноября.

Глава 4

- 1 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 233—240.
- 2 Русское слово. 1917. 14 ноября.
- 3 Рид Д. Указ. соч. С. 33.
- 4 Утро России. 1917. 15 ноября.
- 5 См.: Спиринов Л.М. Россия. 1917 год. С. 299—300.
- 6 Утро России. 1917. 16 ноября; Московский листок. 1917. 17 ноября.
- 7 Правда. 1917. 16 ноября.
- 8 Современное слово. Пг., 1917. 17 ноября.
- 9 См.: Власть народа. 1917. 7 ноября.
- 10 См.: там же. 8 ноября.
- 11 Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 185.
- 12 См.: Раннее утро. 1917. 9 ноября.
- 13 См.: Власть народа. 1917. 12 ноября.
- 14 Русское слово. 1917. 19 ноября.
- 15 Вечерний курьер. М. 1917. 18 ноября.
- 16 Русские ведомости. 1917. 21 ноября.
- 17 См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 22 ноября.
- 18 См.: Власть народа. 1917. 22 ноября.
- 19 Там же.
- 20 Утро России. 1917. 25 ноября.
- 21 Раннее утро. 1917. 24 ноября.
- 22 Новое слово. М., 1918. 20 января.
- 23 См.: Грунт А.Я. Москва. 1917: революция и контрреволюция. М., 1976. С. 27.
- 24 См.: Власть народа. 1917. 22 ноября.
- 25 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 7.
- 26 См.: Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 3. М., 1991. С. 289.
- 27 См.: Русский календарь на 1917 год. Пг., 1918. С. 92—111.
- 28 См.: Курская жизнь. 1917. 15 ноября. Впрочем, газета оценивала этот успех как случайный: кадеты шли под № 2, под которым в городскую думу был заявлен социалистический список.
- 29 Тверская мысль. 1917. 15 ноября.
- 30 Там же.

- 31 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 145. Л. 2об.—3; Д. 464. Л. 292, 338—355; Ростовские известия. 1917. 16 ноября.
- 32 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 3.
- 33 Социал-демократ. Баку, 1917. 4 декабря.
- 34 Земля. 1917. 29 декабря.
- 35 См.: Воткинская газета. 1917. 31 декабря.
- 36 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 26. Л. 9; Саратовское слово. 1917. 16 декабря; Тифлисский листок. 1917. 17 ноября.
- 37 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 290.
- 38 Голос народа. Орел, 1917. 16 ноября.
- 39 Красноярский рабочий. 1917. 16 декабря.
- 40 Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Тифлиса. 1917. 18 ноября.
- 41 Ростовские известия. 1917. 16 ноября.
- 42 См.: Голос. Ярославль, 1917. 11 октября.
- 43 Рид Д. Указ. соч. С. 215.
- 44 Горький М. Указ. соч. С. 96.
- 45 Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 15 ноября.
- 46 Социалист-революционер. Кострома, 1917. 16 ноября.
- 47 Уральский рабочий. Екатеринбург, 1917. 2 декабря.
- 48 Клич. 1917. 23 ноября.
- 49 Тамбовский земский вестник. 1917. 16 ноября.
- 50 Голос народа. Орел, 1917. 16 ноября.
- 51 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 7.
- 52 Пролетариат Поволжья. Саратов, 1917. 18 ноября.
- 53 Ахиезер А.С. Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1994. № 2. С. 27.
- 54 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 13 сентября.
- 55 Земля и воля. 1917. 29 ноября.
- 56 Яицкая воля. Уральск, 1917. 1 октября.
- 57 См.: Астрахан Х.М. Указ. соч. С. 373.
- 58 Верхнеуральский край. Верхнеуральск, 1917. 26 ноября.
- 59 Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 25 октября.
- 60 Социалист-революционер. Кострома, 1917. 16 ноября.
- 61 Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. 17 ноября.
- 62 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 47. Л. 51.
- 63 Нижегородская земская газета. 1917. 24 ноября.
- 64 См.: Кичий И.В. Борьба за власть Советов на Правобережной Украине. Львов, 1986. С. 55.
- 65 См.: Свободный Алтай. Бийск, 1917. 27 ноября.
- 66 Вольный Юг. Севастополь, 1917. 19 ноября.
- 67 Поволжский вестник. Кострома, 1917. 21 ноября.
- 68 См.: Голос народа. Орел, 1917. 23 ноября.
- 69 См.: Голос земли. Новохоперск, 1917. 24 октября.

- 70 Амурское эхо. Благовещенск, 1917. 16 ноября.
- 71 См.: Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. 15 ноября.
- 72 См.: Приунженский вестник. Кологрив, 1917. 13 декабря.
- 73 См.: Маяк. Шуя, 1917. 17 ноября.
- 74 Казанское слово. 1917. 22 декабря.
- 75 См.: Южный край. Харьков, 1917. 18 ноября.
- 76 См.: Власть народа. 1917. 22 ноября.
- 77 См.: Свободная речь. Курск, 1917. 25 ноября.
- 78 См.: Народ. Н.Новгород, 1917. 28 ноября.
- 79 Нижегородская земская газета. 1917. 24 ноября.
- 80 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 48.
- 81 Там же.
- 82 Там же. Д. 20. Л. 1.
- 83 Там же. Д. 965. Л. 296—297.
- 84 Radkey O.H. The Elections to the Russian Constituent Assembly. P. 64.
- 85 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 37.
- 86 Народная свобода. Барнаул, 1917. 2 декабря.
- 87 См.: Крестьянское дело. Ярославль, 1917. 1 декабря.
- 88 Госархив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 86. Л. 64—65.
- 89 Селунская Н.Б., Бородкин Л.И. и др. Указ. соч. С. 56, 65.
- 90 ГАТО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 19. Л. 6—16.
- 91 Там же. Д. 86. Л. 64—65.
- 92 Революционная мысль. Омск, 1917. 29 ноября.
- 93 См.: Лебедев Н.В. Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть (1917—1920 гг.). Вологда, 1957. С. 65—66.
- 94 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 16.
- 95 Там же. Т. 39. С. 401.
- 96 Rosenberg W.G. The Zemstvo in 1917 under Bolshevich Rule // The Zemstvo in Russia. Cambridge, 1982. P. 415.
- 97 Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 12.
- 98 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 99. Л. 36.
- 99 Там же. Д. 106. Л. 2.
- 100 Бюллетень Особой Армии. 1917. 24 ноября.
- 101 См.: Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Перепись русской армии 25 октября 1917 года // История СССР. 1964. № 2. С. 90—91.
- 102 См.: Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914—1917 гг. Тбилиси, 1969. С. 205.
- 103 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 9—10.
- 104 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 484. Л. 125, 163.
- 105 См.: Известия Советов рабочих и солдатских депутатов Москвы и Московской области. 1917. 18 декабря.
- 106 Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army. The Road to Soviet Power and Peace. Vol. 11. Princeton, New Jersey, 1987. P. 328.
- 107 Красная летопись. 1923. № 6. С. 36.
- 108 Октябрьская революция и армия. М., 1973. С. 79.

- 109 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Ереван, 1957. С. 75—76, 79, 117—119.
- 110 См.: ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 29. Л. 4; Знамя труда. Тифлис, 1918. 14 февраля.
- 111 Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 126.
- 112 См.: Верховский А.И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С. 139.
- 113 Кавказское слово. Тифлис, 1917. 14 ноября.
- 114 Пролетарская правда. Тула, 1917. 17 ноября.
- 115 См.: Народная свобода. Челябинск, 1917. 5 декабря.
- 116 См.: Наше знамя. Нахичевань, 1917. 25 ноября.
- 117 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 434. Л. 52.
- 118 Там же. Д. 464. Л. 28.
- 119 Там же. Д. 262. Л. 145.
- 120 Власть народа. 1917. 15 ноября.
- 121 РЦХИДНИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 134, 152.
- 122 Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 30 ноября.
- 123 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 155. Л. 47—48; Госархив Витебской области. Ф. 289. Оп. 1. Д. 249. Л. 3.
- 124 Сибирь. Иркутск. 1917. 24 ноября.
- 125 См.: Сибирская торговая газета. Тюмень, 1917. 21 ноября.
- 126 Wildman A.K. Op. cit. P. 29.
- 127 См.: Народ. Пг., 1917. 6 ноября.
- 128 Пролетариат Поволжья. Саратов, 1917. 19 декабря.
- 129 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 233.
- 130 Там же. Т. 35. С. 250.
- 131 Государственное совещание. М.—Л., 1930. С. 76.
- 132 Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С. 197.
- 133 См.: Булдаков В.П. Общероссийские и национальные партии Украины в 1917 году. К характеристике взаимоотношений // Великий Октябрь — торжество идей марксизма-ленинизма. Т. II. М., 1987. С. 119.
- 134 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 54. Л. 11—13.
- 135 См.: Робитничка газета. Киев, 1917. 18 октября.
- 136 См.: Лейкун А.Е. Национальные партии и Учредительное собрание // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982. С. 128.
- 137 См.: Спирин Л.М. Россия. 1917 год. С. 289.
- 138 Знамя свободы. Скобелев, 1917. 13 декабря.
- 139 См.: Селунская Н.Б., Бородкин Л.И. и др. Указ. соч. С. 55.
- 140 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- 141 См.: Клич. 1917. 23 ноября.
- 142 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 15.
- 143 Подсчитано по: Спирин Л.М. Россия. 1917 год. С. 278, 281, 282, 289, 301, 302, 322—323.
- 144 См.: Помогаев В.В. К вопросу о генезисе украинского национализма // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. 1996. С. 16.

- 145 См.: Байков Б. Указ. соч. С. 92.
- 146 См.: Кавказское слово. Тифлис, 1918. 21 февраля.
- 147 Там же. 1917. 16 декабря.
- 148 Там же. 9 декабря.
- 149 См.: Афанасьев И.Л. Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // *Анатомия революции*. С. 330.
- 150 См.: Известия Севастопольского Совета. 1917. 16 декабря; РЦХИДНИ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 5. Л. 98.
- 151 См.: Политические партии России. С. 371.
- 152 См.: Алаш-Орда. Алма-Ата, 1992. С. 50—51.
- 153 См.: там же. С. 116.
- 154 Свободное слово. Тюмень, 1918. 13 января.
- 155 См.: там же.
- 156 Народное дело. Чита, 1917. 25 и 28 ноября.
- 157 См.: Молот. Тифлис, 1917. 28 ноября.
- 158 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллинн, 1958. С. 332.
- 159 См.: Булдаков В.П. У истоков советской истории: путь к Октябрю // *Вопросы истории*. 1989. № 10. С. 80.
- 160 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 15.
- 161 См.: Лейкин А.Е. Указ. соч. С. 131.
- 162 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 117. Л. 35.
- 163 См.: Сибирская жизнь. Томск, 1917. 21 октября.
- 164 См.: Вольная Сибирь. Пг., 1918. 21 января.
- 165 См.: Спирын Л.М. Россия. 1917 год. С. 274, 281, 283, 295, 303, 318.
- 166 Товарищ. Грозный, 1917. 18 декабря; Кубанский край. Екатеринодар, 1918. 21 февраля.
- 167 Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 30 декабря.
- 168 Вольный казак. Омск, 1918. 18 апреля.
- 169 Айрапетов А.Г. Австро-Венгрия: взгляд историков на реалии многонационального государства // *Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки*. Вып. 3—4. 1996. С. 32.

Глава 5

- 1 См.: Рутыч Н.Н. Думская монархия. СПб., 1993. С. 130.
- 2 См.: Куртов А.А. Учредительное собрание и развитие института выборов в России // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993. С. 161.
- 3 См.: Политические деятели России. С. 82.
- 4 Маяк. Шуя, 1917. 21 декабря.
- 5 Голос правды. Пенза, 1917. 17 декабря.
- 6 Приволжская правда. Самара, 1917. 12 ноября.
- 7 Солдат, рабочий и крестьянин. Самара, 1918. 1 января.
- 8 Пролетарская правда. Тула, 1918. 11 января.

- 9 См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее — Известия ЦИК). 1917. 9 ноября.
- 10 См.: Новая жизнь. 1917. 12 ноября.
- 11 См.: Известия ЦИК. 1917. 11 ноября.
- 12 См.: Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 206.
- 13 См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 270.
- 14 Известия ЦИК. 1917. 24 ноября.
- 15 См.: Приволжская правда. Самара, 1917. 6 декабря; Известия Сызранского Совета. 1917. 6 декабря, и др.
- 16 См.: Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Лондон, 1991. С. 192.
- 17 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 119.
- 18 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 111.
- 19 Цит. по: Известия ЦИК. 1917. 24 декабря.
- 20 Грядущий день. Пг., 1917. 30 ноября.
- 21 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 375. Л. 49; Всероссийское Учредительное собрание. С. 183, 187.
- 22 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 13. Л. 185.
- 23 См.: Власть народа. 1917. 29 ноября.
- 24 См.: Пламя. 1917. 24 ноября.
- 25 См.: Вечерняя почта. Пг., 1917. 27 ноября.
- 26 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 301.
- 27 См.: Вечерняя почта. Пг., 1917. 27 ноября.
- 28 См.: Вечернее время. М., 1917. 29 ноября.
- 29 См.: Власть народа. 1917. 29 ноября.
- 30 См.: Сорокин П. Указ. соч. С. 101.
- 31 Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 309.
- 32 Власть народа. 1917. 29 ноября.
- 33 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 308.
- 34 См.: Московский листок. 1917. 4 декабря; Утро России. 1917. 5 декабря.
- 35 См.: Протасов Л.Г. К истории движения в защиту Всероссийского Учредительного собрания в конце 1917 — начале 1918 г. // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. I. М., 1994. С. 62.
- 36 Дело народа. 1917. 5 декабря.
- 37 См.: Дело народа. 1917. 16 декабря.
- 38 См.: ГАРФ Ф. 1810. Оп. 1. Д. 18. Л. 244.
- 39 Как это было. Дневник А.И.Шингарева. Петропавловская крепость. М., 1918. С. 7; Дело народа. 1917. 18 декабря.
- 40 Протоколы Центрального Комитета РСДРП. М.—Л., 1929. С. 182.
- 41 Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 193—194.
- 42 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 167—168.
- 43 Вечерний звон. Пг., 1917. 19 декабря.
- 44 Дело народа. 1917. 9 декабря.
- 45 См.: Голос трудового крестьянства. 1917. 10 декабря.
- 46 См.: Жизнь России. Харьков, 1917. 22 декабря.

- 47 См.: Дело народа. 1917. 3 декабря. В газете Б.И.Моисеев ошибочно назван социал-демократом-объединенцем Моисеенко. То, что выступал именно Моисеев, подтверждается другими источниками (см.: Политические деятели России. С. 399).
- 48 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 140.
- 49 См.: Голос трудового крестьянства. 1917. 10 декабря.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 107.
- 53 Пайпс Р. Русская революция. Часть вторая. М., 1994. С. 210.
- 54 Троцкий Л.Д. Указ. соч. 1990. С. 207.
- 55 См.: Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 190, 213—215.
- 56 См.: Политические деятели России. С. 398.
- 57 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162—166.
- 58 См.: Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923. Т. 1—2. М., 1993. С. 107.
- 59 Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 340.
- 60 Цит. по: Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 196.
- 61 Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 207.
- 62 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 278.
- 63 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 334—335; Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 198—199.
- 64 Политические партии России. С. 526.
- 65 Вечерний звон. Пг., 1917. 19 декабря.
- 66 См.: Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т. 13. М., 1992. С. 35.
- 67 Сорокин П. Указ. соч. С. 110.
- 68 См.: Соколов Б. Указ. соч. С. 34.
- 69 См.: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.
- 70 Соколов Б. Указ. соч. С. 50.
- 71 См.: Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 346.
- 72 См.: Игнатъев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. (1917—1921). Ч. 1. М., 1922. С. 6, 7.
- 73 См.: Соколов Б. Указ. соч. С. 47—48.
- 74 Камская волна. Оса, 1917. 5 декабря.
- 75 Дневник барона А.Будберга // Архив русской революции. Т. 12. М., 1921. С. 268.
- 76 Мережковский Д. Больная Россия. Л., 1991. С. 223.
- 77 Голос гражданина. Карачев, 1917. 17 ноября.
- 78 Городской вестник. Самара, 1917. 18 ноября.
- 79 Туркестанский вестник. Ташкент, 1917. 26 ноября.
- 80 Вечерний звон. Пг., 1917. 6 декабря.
- 81 Воля народа. 1917. 23 декабря.
- 82 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 321—324.
- 83 См.: Наши ведомости. 1917. 30 декабря.
- 84 См.: Вольная Сибирь. Пг., 1918. 14 и 21 января.

- 85 Современные вести. 1917. 12 декабря.
86 См.: РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 109.
87 См.: Современные вести. 1917. 6 декабря.
88 Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 341.
89 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45.
90 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 322.
91 См.: РЦХИДНИ. Ф. 274. Д. 49. Л. 5.
92 См.: там же. Д. 45. Л. 109.
93 См.: там же. Л. 1, 4—9.
94 Там же. Л. 7.
95 См.: там же.
96 См.: Огановский Н.П. Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. № 4—6. С. 146.
97 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 28, 29.
98 Там же. Д. 46. Л. 239—240об.
99 См.: Городецкий Е.Н. Указ. соч. С. 443—444; Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 194.
100 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 59.
101 Там же. Л. 53.
102 Там же. Л. 14.
103 Там же. Л. 45; Дело народа. 1917. 10 декабря.
104 Святицкий Н. 5—6 января 1918 года // Утро страны Советов. Л., 1988. С. 384.
105 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 57.
106 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 50. Л. 193.
107 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 46. Л. 19—195.
108 См.: Огановский Н.П. Указ. соч. С. 148.
109 Там же. С. 143.
110 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 92.
111 Огановский Н.П. Указ. соч. С. 143.
112 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 99—100.
113 См.: Святицкий Н. 5—6 января 1918 года. С. 385.
114 Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 339.
115 Огановский Н.П. Указ. соч. С. 148.
116 Соколов Б. Указ. соч. С. 30.
117 Известия Всероссийского чрезвычайного крестьянского съезда. 1917. 7 декабря.
118 Голос трудового крестьянства. 1918. 3 января; ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 18. Л. 287.
119 Современные вести. 1917. 22 декабря.
120 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 18. Л. 249—259.
121 РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 44. Л. 41.
122 См.: там же. Д. 44.
123 Там же. Л. 26—27.
124 Там же. Л. 5—8.
125 ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 50. Л. 213.
126 См.: Современные вести. 1917. 6 декабря.

- 127 См.: Кроль Л.А. За три года (Впечатления, воспоминания, встречи). Владивосток, 1922. С. 7—8.
- 128 Святицкий Н. 5—6 января 1918 года. С. 388.
- 129 См.: Бородин Л.А. Идеалы и действительность. Берлин—Париж, 1930. С. 182—183.
- 130 Известия Московского Союза защиты Учредительного собрания. 1917. 22 декабря.
- 131 Современные вести. 1917. 22 декабря.
- 132 См.: Право народа. Волчанск, 1917. 12 декабря.
- 133 См.: День. 1918. 6 января.
- 134 Свободное слово солдата и матроса. Ревель, 1917. 22 декабря.
- 135 Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 10 декабря; Современные вести. 1917. 24 декабря.
- 136 Петроградский голос. 1918. 4 января.
- 137 См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 2. Кн. 3. М., 1991. С. 24.
- 138 См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 313.
- 139 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 160.
- 140 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 161.
- 141 Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 216.
- 142 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 195об.
- 143 Омский вестник. 1917. 13 декабря.
- 144 См.: Всероссийское Учредительное собрание. М.—Л., 1930. С. 116—138.
- 145 Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 367.
- 146 Бюллетень членов Учредительного собрания фракции социалистов-революционеров. 1917. № 1. Декабрь.
- 147 ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 50. Л. 272.
- 148 См.: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 478. Л. 79.
- 149 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 50. Л. 140, 141, 143, 306.
- 150 Демин В.А. Указ. соч. С. 41.
- 151 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина». Тамбов, 1994. С. 275.
- 152 См.: Лазарев В.В. Указ. соч. С. 177.
- 153 См.: Всероссийское Учредительное собрание. С. 115.
- 154 Горецкий вестник. Горки, 1917. 28 ноября.
- 155 См.: Огановский Н.П. Указ. соч. С. 143.
- 156 Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. М., 1923. С. 338.
- 157 См.: Политические деятели России. С. 155.
- 158 Народовластие. Т. 2. М., 1918. С. 46.
- 159 Огановский Н.П. Указ. соч. С. 154.
- 160 См.: Дьячков В.Л. К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 г. // Революция и человек. М., 1996. С. 161.
- 161 См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 1. М., 1990. С. 326.
- 162 Петроградский голос. 1918. 4 января.
- 163 Революционный вестник Тульского губисполкома Советов. 1918. 5 января.

- 164 Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 199.
- 165 См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 323—324.
- 166 См.: ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 47.
- 167 Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах февральской и октябрьской революций (Воспоминания о В.И.Ленине). М., 1930. С. 246—247.
- 168 Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1954. С. 357.
- 169 Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 353.
- 170 См.: Дело народа. 1918. 7 января.
- 171 См.: Свободное Приамурье. Хабаровск, 1918. 3 февраля.
- 172 См.: Век XX и мир. 1992. № 2. С. 34.
- 173 Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 362.
- 174 Раскольников Ф.Ф. Рассказ о потерянном дне // Утро страны Советов. Л., 1988. С. 311—312.
- 175 Мстиславский С.Д. Пять дней. Пг., 1922. С. 140.
- 176 См.: Российская Конституанта // Родина. 1989. № 3. С. 20.
- 177 Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 362.
- 178 См.: Допрос Колчака. Л., 1925. С. 104.
- 179 См.: Чернов В.М. Указ. соч. С. 366.
- 180 См.: Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 367.
- 181 Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 205.
- 182 Минор О.С. Указ. соч. С. 129.
- 183 Всероссийское Учредительное собрание. С. 85—86.
- 184 Там же. С. 58.
- 185 См.: Огановский Н.П. Указ. соч. С. 158.
- 186 См.: там же. С. 79.
- 187 См.: Селунская Н.Б., Бородкин Л.И. и др. Указ. соч. С. 161.
- 188 См.: Всероссийское Учредительное собрание. С. 16.
- 189 Там же. С. 51—53.
- 190 См.: Российская Конституанта // Родина. 1989. № 3. С. 24.
- 191 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 477—478.
- 192 Знамя. 1989. № 5. С. 78.
- 193 См.: Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 324.
- 194 Наш век (Речь). 1918. 9 января.
- 195 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.
- 196 Там же. Л. 15.
- 197 Вперед! 1918. 12 января.
- 198 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 49. Л. 22.

Эпилог

- ¹ Вперед! 1918. 8 января.
- ² Орлова В.Д. К вопросу о событиях в Козлове в начале января 1918 года // Наш край Тамбовский. Тамбов, 1991. С. 49—51; Козловская газета. 1918. 14 января.
- ³ Дело народа. 1918. 17 января.
- ⁴ См.: Петроградский голос. 1918. 13 января.

- ⁵ Там же. 11 января.
- ⁶ См.: Политические деятели России. С. 405—406.
- ⁷ Кавказское слово. Тифлис, 1918. 9 февраля.
- ⁸ РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 197.
- ⁹ См.: Вперед! 1918. 11 января.
- ¹⁰ Северный луч. Архангельск, 1918. 16 марта.
- ¹¹ См.: Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов. 1918. 17 января; Знамя революции. Томск, 1918. 8 марта; Северокавказское слово. Ставрополь, 1918. 31 января, и др.
- ¹² Свободное слово. 1918. 15 и 21 января.
- ¹³ Цит. по: Протасова О.Л. Политическая и общественная деятельность А.В.Пешехонова: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 170.
- ¹⁴ Фонарь. 1918. 15 января.
- ¹⁵ Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 — февраль 1918. М., 1976. С. 383.
- ¹⁶ Кроль Л.А. Указ. соч. С. 12—13.
- ¹⁷ Цит. по: Наш век (Речь). 1918. 12 января.
- ¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁹ См.: Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 15.
- ²⁰ Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. 1992. № 1. С. 55—56.
- ²¹ См.: Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 24.
- ²² Деятели СССР и революционного движения России. С. 254.
- ²³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 93.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович Р.А. — 101, 170, 289
Аванесов В.А. — 33
Аввакум — 119
Авилов Б.В. — 135
Авинов Н.Н. — 86, 87, 91, 147—
149, 160, 161, 179
Авксентьев Н.Д. — 101, 126, 127,
136, 167, 169, 268, 273, 285,
287, 297, 303
Аврех А.Я. — 330
Аджемов М.С. — 44, 85, 114, 187
Адонц И.Г. — 85
Айрапетов А.Г. — 348
Аксельрод П.Б. — 289
Александр II — 13, 14
Александра Федоровна, имп. — 31
Алексеев М.В. — 31, 53, 71, 177
Алексей Романов, цесаревич — 27
Алкин И.С. — 290, 297
Алюнов Г.Ф. — 283
Ангарский Н.С. — 34, 329
Андреев А.М. — 342
Антонов-Овсеенко В.А. — 242,
294, 302
Арватов Б.А. — 297
Аргунов А.А. — 167, 268, 280,
305
Аросев А.Я. — 303
Архангельский В.Г. — 283, 286,
301, 321
Астрахан Х.М. — 334, 337, 345
Астров Н.И. — 214, 270
Афанасьев И.Л. — 348
Афраний — 317
Ахиезер А.С. — 344, 345
- Багдатыев С.Я. — 36
Багратуни Я.Г. — 208
Бадаев А.Е. — 125, 245
Базаров В.А. — 135, 192
- Байков Б. — 330, 348
Бакунин М.А. — 13
Баринов Г.К. — 288
Барышников В.А. — 292
Бах А.Н. — 38, 330
Баянов С.Б. — 162
Берг — 110
Бердяев Н.А. — 325, 354
Биткер Г.С. — 144
Биценко А.А. — 129, 130
Благоднаров Г.И. — 276
Близнюк А.П. — 149, 165
Блок А.А. — 207
Блок М. — 6, 9, 327
Бобинский С.Я. — 126, 303
Богданов М.Н. — 283
Бонч-Бруевич В.Д. — 148, 305,
308, 353
Бородачев И.П. — 288
Бородин Н.А. — 171, 290, 352
Бородин Л.И. — 333, 346, 347,
353
Бош Е.Б. — 105
Брамсон Л.М. — 63, 68, 86, 87,
131, 149, 196
Брешко-Брешковская Е.К. — 69,
102, 111, 121, 127, 167, 168,
268, 301
Бриллиантов А.И. — 288, 301
Брушвит И.М. — 277
Бубнов А.С. — 126
Будберг А.П. — 279, 350
Булгаков — 192
Булгаков М.А. — 317
Булгаков С.Н. — 118
Булдаков В.П. — 66, 77, 327,
332, 333, 347, 348
Бунаков-Фондаминский И.И. —
242
Бунчук — 261
Бурджалов Э.Н. — 329, 331

- Буревой К.С. — 283
Буровцев — 210
Бурьшкин Н.А. — 264
Бухарин Н.И. — 124, 126, 214,
272, 311, 315, 318
Быховский Н.Я. — 126, 286
- Васильев А.Г. — 242
Васильев И.В. — 283
Васильченко С.Ф. — 302
Вемберг М. — 55
Верстюк В.Ф. — 329
Верховский А.И. — 53, 245, 331,
347
Вильгельм II — 114, 203
Вильмс Ю.Р. — 289
Винавер М.М. — 41, 42, 44, 86,
124, 214, 290
Вихляев П.А. — 284
Вишняк М.В. — 35, 47, 56, 60,
62, 64, 66, 68, 76, 77, 81, 86,
101, 149, 193, 225, 275, 278,
282—284, 286, 296, 308—310,
328—333, 339, 343, 350—353
Владыкин В.Т. — 283
Водовозов В.В. — 40, 62, 63, 68,
73, 131
Волк-Карачевский В.В. — 131
Володарский М.М. — 266
Воронов Б. (Лебедев В.И.) —
130, 168, 213
Воронский А.К. — 22, 328
Ворошилов К.Е. — 125
Восков С.П. — 125
Выхристов В.К. — 283
- Гаврилов Л.М. — 346
Гаврилов Ю. — 327
Гальперн А.Я. — 289
Гарбуза Л. — 108
Гвоздев К.А. — 130
Гейден П.А. — 21
Гендельман М.Я. — 283, 284, 287
Герасименко Г.А. — 341
Герцен А.И. — 10, 13, 51, 192,
303, 328, 331, 343
Гессен В.М. — 62, 64, 73, 75, 86,
149
Гессен И.В. — 28, 328
- Гинзбург В.З. — 297
Гиппиус З.Н. — 279
Глебов Н.Н. — 124
Глебов-Авилов Н.П. — 125
Глинский Б.Б. — 328
Годунов Борис — 11
Голицын Д.М. — 319
Головатенко А. — 328, 329
Головин Н.Н. — 341
Голощекин Ф.И. — 264
Гольдман Я.Ю. — 270, 316
Гомбарг В.В. — 86
Горбачевская Е. — 306
Горев (Гольдман) Б.И. — 37,
101, 103, 109
Городецкий Е.Н. — 162, 333,
340, 343, 351
Горький М. (Пешков А.М.) —
23, 98, 135, 221, 273, 329, 345
Готье Ю.В. — 49, 60, 331, 332
Гоц А.Р. — 101, 127, 128, 167,
169, 268, 273, 284, 285, 307
Григорьев Л.А. — 311
Григорьева Ю.Г. — 333
Гродзицкий И.М. — 86
Грузинов А.Е. — 54
Грунт А.Я. — 344
Гуковский А.И. — 273, 285, 305
Гуревич — 287
Гуревич В.Я. — 277
Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) — 307
Гучков А.И. — 30, 54, 71, 329
Гюго В. — 179
- Далин Д.Ю. — 170
Дан Ф.И. — 39, 51, 95, 103, 170,
289, 331
Дедусенко Я.Т. — 283, 286
Демин В.А. — 341, 352
Деникин А.И. — 54, 331, 338
Державин Г.Р. — 28
Дживилегов А.К. — 42
Дзержинский Ф.Э. — 126, 299,
303
Дзюбинский В.И. — 27
Диаманди — 287
Добраницкий М.М. — 95, 149,
150
Добромыслов А.Н. — 301
Долгоруков П.Д. — 272, 290

- Донской Д.Д. — 286
Думова Н.Г. — 330, 336, 341
Дутов А.И. — 86, 177, 294
Духонин Н.Н. — 241
Дыбенко П.Е. — 242, 270, 303,
308, 311, 318
Дьяконов В.Г. — 288
Дьячков В.Л. — 303, 353
Дюшен Б.В. — 180
- Евдокимов Г.Е. — 214
Ежов В. (Цедербаум С.О.) — 170
Елпатьевский С.Я. — 131
Ельяшевич Л.Б. — 284, 287
Еремеев К.С. — 276
Ерманский О.А. — 289
Ерхан П.В. — 300
Ефремов Л.А. — 311
- Железняков А.Г. — 4, 45, 305,
319, 320, 327
Жиделев Н.А. — 125
Жулев П.И. — 223
Журавлев В.В. — 329, 354
- Завойко В.С. — 155
Зачичневский П.Г. — 13
Залкинд Л.Б. — 211
Залуцкий П.А. — 125
Зарудный А.С. — 40
Зензинов В.М. — 101, 126
Зинкевич — 126
Зиновьев Г.Е. — 124—126, 143,
144, 146, 214, 265, 266, 271,
299, 305
Знаменский О.Н. — 4, 47, 48,
55, 67, 131, 167, 220, 281, 327,
330—338, 343—345, 349—352
Зурабов А.Г. — 289
- Иван IV (Грозный) — 46
Иванов А.А. — 321
Игнатов Е.Н. — 214
Игнатьев В.И. — 278, 350
Изгоев А.С. — 42, 330
Икрамов К.А. — 318
Ильин П.И. — 283
- Инкулец И.Н. — 300
Иоффе А.А. — 293, 303
Иоффе Г.З. — 338
- Кабытов П.С. — 331
Каледин А.М. — 177, 222, 261,
294
Калинин М.И. — 125, 214, 303
Каляев И.П. — 111
Каменев Л.Б. — 35, 124, 126,
143, 144, 146, 265, 292, 299
Каминский Г.Н. — 297
Камков Б.Д. — 40, 128, 130, 214,
308
Карамзин Н.М. — 46, 330
Караулов М.А. — 163
Карелин В.А. — 274, 286, 288,
318
Карр Э. — 275, 350
Кауфман А.А. — 82
Качинский-Орешин В.М. — 129,
288
Квятковский В.М. — 321
Керенский А.Ф. — 27, 28, 43, 48,
66, 94, 96, 127, 142, 167, 169,
177, 205, 243, 250, 273, 293,
308, 318, 330
Кизеветтер А.А. — 42
Кизельштейн А.С. — 105
Кириенко Ю.К. — 342
Киселев А.С. — 124
Кистьяковский Б.А. — 20
Кичий И.В. — 345
Кишкин Н.М. — 264
Клейн Б.С. — 333
Коварский И.Н. — 283, 287, 300
Коган-Бернштейн Л.М. — 300
Коган-Бернштейн М.Л. — 283,
300
Козлов В.А. — 331
Козловский М.Ю. — 63, 64, 71,
149
Кокошкин Ф.Ф. — 42, 43, 62,
65, 66, 71, 72, 85, 124, 214,
272, 274, 288, 290, 318
Колегаев А.Л. — 149, 166, 286
Колеров В.А. — 268, 282, 286
Коллингвуд Р.Дж. — 177, 341
Коллонтай А.М. — 52, 124, 126,
299, 303, 308

- Колоницкий Б.И. — 341
Колосов Е.Е. — 287, 301
Колчак А.В. — 243, 309, 338, 353
Комаров А.А. — 335
Коновалов А.И. — 124, 133, 290
Кноноплева Л.В. — 278
Краснов П.Н. — 205
Коноплянникова З.В. — 111
Корнилов А.А. — 42
Корнилов Л.Г. — 94, 113, 140, 196, 222, 338
Коровиченко П.А. — 156
Котляревский С.А. — 62
Кошевой М. — 261
Красиков П.А. — 64, 149
Крестинский Н.И. — 124
Кристи Н.С. — 171
Кроль Л.А. — 290, 322, 352, 354
Крохмаль В.Н. — 86, 101, 289
Крупская Н.К. — 52
Крыленко Н.В. — 241, 242, 308
Куватов Г.М. — 283
Кульманов Б.А. — 158
Куртов А.А. — 348
Кутлер Н.Н. — 214, 270, 290
Кутузов В.В. — 346
Кутузов Г.А. — 301
- Лавров К.П. — 155
Лавров П.Л. — 13
Лазарев В.В. — 124, 299, 301, 336, 352
Лазарев Е.Е. — 286, 308
Лазаревский Н.И. — 62
Лаппо-Данилевский А.С. — 62
Ларин М.А. (Ларин Ю.) — 125, 126, 135, 169, 265, 267, 292
Лебедев Н.В. — 346
Лебединец М.М. — 294
Левин М.И. — 127
Лейкин А.Е. — 347, 348
Лейтейзен-Линдов Г.Д. — 176
Лелюхин А.Г. — 86
Ленин В.И. — 3, 8, 14, 17, 20, 23, 34—37, 52, 57, 72, 75, 95, 106, 112, 116, 124, 125, 135, 141, 142, 144—146, 148, 150, 158, 166, 174—176, 178, 196, 207, 213, 218, 220, 224, 230, 238, 242, 250, 255, 258, 263—
- 269, 273—276, 279, 280, 293, 299, 302, 304, 305, 307, 308, 317, 318, 323, 327—330, 334—341, 344—350, 352, 353
Лещинский Ю.М. — 299
Либер М.И. — 97, 103, 289
Лист Ф. — 100
Литвак Б.Г. — 331
Лихач М.А. — 268, 277, 280, 283, 284
Логвинов Г.Л. — 306
Лордкипанидзе Г.И. — 86
Лордкипанидзе И.Н. — 308
Лорис-Меликов М.Т. — 14
Лосицкий А.Е. — 82
Лукашевич И.Д. — 111, 230
Луначарский А.В. — 124, 126, 148, 166, 173, 221, 268, 299, 303, 308
Львов Г.Е. — 32, 61, 66, 68, 70
Львович-Давидович Д.В. — 316
Людовик XVI — 16, 26
Люксембург Р. — 324, 354
Люпергольский о. — 119
- Магазинер Я.М. — 268
Майнов И.И. — 111, 130
Майоров И.А. — 288
Майский И.М. — 289
Макаров И.Ф. — 82
Маклаков В.А. — 42, 69, 86, 124, 214
Максимовский В.Н. — 126
Малеев И.Г. — 300
Маянгович П.Н. — 269
Мамкин И.В. — 311
Мануилов А.А. — 66
Марков — 187
Маркс К. — 330
Мартынов А.С. — 289
Мартюшин Г.А. — 129, 167
Маслов П.П. — 130
Маслов С.Л. — 126, 164, 284
Маслов С.С. — 283, 284
Матвеевская О.А. — 308
Машкин Г. — 186
Медушевский А.Н. — 328
Мельгунов С.П. — 131
Мережковский Д.С. — 330, 350
Меркулов Е.Н. — 298

- Мещеряков Н.Л. — 302, 303
Миль Д.-С. — 72
Милюков П.Н. — 19, 27, 32, 42,
94, 114, 124, 267, 309, 329
Милюкова А.С. — 70
Милютин В.П. — 124, 135, 292
Минин С.К. — 303
Минор О.С. — 39, 214, 301, 308,
330, 353
Минц И.И. — 334, 339
Михаил Александрович, вел. кн. —
27, 28, 212
Михаил (Романов) — 11
Михайличенко И.В. — 292
Моисеев Б.И. — 273, 350
Моисеенко Б.Н. — 283, 350
Морозов Н.А. — 124
Морозов С.Т. — 110
Мстиславский С.Д. — 309, 353
Муравьев — 289
Муравьев Н.М. — 12
Муранов М.К. — 126
Мурзин — 188
Мякотин В.А. — 40, 73, 131
- Набоков В.Д. — 27, 28, 42—44,
62, 63, 66, 86, 87
Натансон М.А. — 130, 149, 276
Наумов В.Н. — 297
Нахимсон С.М. — 102, 302, 303, 319
Невский В.И. — 302
Некрасов Н.А. — 54
Некрасов Н.В. — 32
Никитин — 186
Николаев С.Н. — 283
Николаевский Б.И. — 222
Николай II — 15, 20, 27—29, 46,
69, 114, 329
Николай Михайлович, вел. кн. —
72
Николай Николаевич, вел. кн. —
53
Никонов С.А. — 301
Новгородцев П.И. — 114, 124,
214, 270, 290
Новиков Н.И. — 15
Новов — 126
Ногин В.П. — 33, 35, 126
Нольде Б.Э. — 28, 62, 63, 86,
149, 239, 332, 346
- Оболенский В.А. — 115
Овчаренко А.Т. — 288
Огановский Н.П. — 165, 284,
287, 301, 308, 340, 351—353
Окулов А.И. — 302
Ольденбург С.Ф. — 42
Ольминский М.С. — 126, 302
Ольхин Н.Н. — 288
Онипко Ф.М. — 277, 279
Оппоков-Ломов Г.И. — 126
Орлова В.Д. — 354
- Павлов — 135
Павлов В.Е. — 286
Павлов Д.Б. — 328
Пайпс Р. — 350
Панин — 108
Панина С.В. — 70, 272
Парамонов — 187
Пасманик Д.С. — 73, 115, 173,
333, 336, 341
Пестель П.И. — 12, 15
Петров А.Н. — 333
Петров Ю.А. — 331
Петровский Г.И. — 149
Петрункевич И.И. — 14, 124,
328
Пешехонов А.В. — 40, 131, 321—
322, 354
Плеве В.К. — 15
Плеханов Г.В. — 52, 103, 211,
289, 331
Подболотов П.А. — 329, 331
Подвыский Н.И. — 242, 243,
276
Подвицкий В.В. — 268
Покровский В.Л. — 156
Покровский Г.К. — 129, 268
Покровский М.Н. — 126, 302
Поликарпов В.Д. — 331, 338, 354
Померанц Г. — 328
Помогаев В.В. — 348
Понтович Э.Э. — 86
Попов Г.Х. — 327
Поска И.И. — 270
Потемкин Г.А. — 28
Потресов А.Н. — 130, 289
Прибылев А.В. — 130
Пригородский М.Д. — 151, 319
Прокопович С.Н. — 269

- Протасов Л.Г. — 349
Протасова О.Л. — 354
Прошьян П.П. — 276
Пумпянский Л.М. — 103
Пумпянский Н.П. — 287, 300
Путятин М.С. — 27
Пятаков Л.Л. — 124, 294
- Рабинович А. — 338
Рабинович Б.Н. — 296
Рабичев Н.Н. — 107
Рабчинский И.И. — 292
Радищев А.Н. — 15
Ракитников Н.И. — 110, 126
Раппопорт (Ан-ский) С.А. — 300
Раскольников Ф.Ф. — 308, 318, 353
Рейснер М.А. — 15
Рид Д. — 5, 100, 173, 207, 221, 327, 334, 341, 344, 345
Роговский Е.Ф. — 127
Родзянко М.В. — 26, 27, 31, 32, 53, 61, 115, 267
Родичев Ф.И. — 114, 124, 214, 270, 290
Розенберг У. — 238, 346
Розенблюм Д.С. — 283
Розмирович Е.Ф. — 308
Романовы — 71, 72, 288
Рубинштейн Н.Л. — 333
Руднев В.В. — 127, 270, 282, 283, 287, 296, 307, 318
Рузский Н.В. — 177
Рутыч Н.Н. — 348
Рыков А.И. — 196, 292
Рэдки О. — 8, 9, 160, 163, 173, 192, 234, 327, 340, 343, 346
Рябушинский П.П. — 133
Рязанов Д.Б. — 135, 292, 299
- Савин А.Н. — 60
Савинков Б.В. — 168
Салтыков-Щедрин М.Е. — 54
Сапронов Т.С. — 292
Свердлов Я.М. — 135, 146, 293, 303, 308
Святицкий Н.В. — 8, 63, 101, 128, 159, 160, 162, 164, 168, 170, 172, 176, 284—286, 308, 327, 340, 341, 351, 352
- Северов-Одоевский А.С. — 291, 316
Селунская Н.Б. — 333, 346, 347, 353
Сельяма Ю.Ю. — 289, 316
Селюгина Е.П. — 307
Семевский Н. — 82, 83
Семенникова Л.И. — 327
Семенов Г.И. — 278
Семковский С.Ю. — 289
Сен-Жюст Л. — 72
Сеньбос Ш. — 67
Сергеев П.В. — 92
Сергий (Страгородский И.Н.) — 294
Серов — 69
Симонов Н.С. — 329, 354
Скворцов-Степанов И.И. — 126, 214, 308, 311
Склянский Э.М. — 242
Скобелев М.И. — 27, 66, 280, 289, 315
Скрипилев Е.А. — 42, 167, 329, 330, 332, 333, 340, 343, 351
Слетова-Чернова А.Н. — 283, 308
Смидович П.Г. — 36, 214
Смирнов А.П. — 126
Смирнов В.М. — 126
Смирнов И.Н. — 296
Соболев Г.Л. — 8, 54, 327, 331
Соколов — 289
Соколов Б.Ф. — 49, 55, 242, 277, 278, 288, 331, 350, 351
Соколов Н.Д. — 29
Сокут К.А. — 335
Солженицын А.И. — 74, 75, 303
Сорокин Е.И. — 311
Сорокин П.А. — 76, 167, 270, 277, 284, 305, 333, 349, 350
Сорокин Ф.И. — 283
Сороколетов — 187
Спиридонова М.А. — 40, 129, 166, 168, 280, 301, 308, 309, 320, 322
Спирин Л.М. — 162, 330, 336, 340, 341, 343, 344, 347, 348

- Сталин И.В. — 124, 126, 148—150, 214, 272, 280, 281, 292, 299, 303,
 Станкевич А.П. — 265
 Станкевич В.Б. — 63, 69, 251
 Старов И.Е. — 28
 Старцев В.И. — 43, 330.
 Стахович М.А. — 21
 Стеклов А.П. — 346
 Стеклов Ю.М. — 29
 Столыпин П.А. — 225, 231
 Стрелков Н.В. — 289
 Стрельцов А.И. — 288, 316
 Строев (Десницкий) В.А. — 147
 Струве П.Б. — 20, 57, 331
 Стуков И.Н. — 126
 Стучка П.И. — 302
 Суворин А.С. — 44
 Суетин А.А. — 230
 Сунчалев Ш.Х. — 316
 Сургучев Д.П. — 277
 Суханов А.С. — 289
 Суханов Н.Н. — 25, 29, 39, 47, 67, 140, 145, 292, 329, 330, 332, 338, 349, 352
 Сухомлин В.В. — 300
 Сыромятников Б. — 98
- Танашев В. — 158
 Таскин С.А. — 171
 Тимофеев — 186
 Тимофеев Е.М. — 287, 300, 315
 Токарев Ю.С. — 331
 Толстой Л.Н. — 54
 Томашевский — 157
 Третьяков С.Н. — 133
 Троицкий — 180
 Троцкий Л.Д. — 33, 126, 142, 145, 146, 166, 175, 220, 267, 270, 272, 274, 276, 279, 293, 299, 304, 329, 338, 339, 341, 349, 350, 353
 Трояновский А.А. — 135, 289, 315
 Трубецкой Е.Н. — 21, 118
 Трутовский В.Е. — 286
 Тыркова-Вильямс А.В. — 70, 171
- Уайлдмэн А. — 243, 249, 347
 Уншлихт И.С. — 214
- Урицкий М.С. — 126, 135, 149—151, 154, 156—158, 161, 175, 242, 271, 272, 276, 282, 285, 286, 288, 290, 296, 299, 307
 Утгоф В.Л. — 242, 277, 287
- Фельштинский Ю. — 272, 310, 349, 350, 352, 353
 Феофилактов А.Е. — 318
 Фигнер В.Н. — 69, 70, 111, 308
 Филатов В.А. — 129
 Филипповский В.Н. — 242, 269, 277
 Флейшер — 200
 Фокеев М.С. — 86
 Фортунатов Б.К. — 277
 Фрадкин — 210
 Фрейман В.Н. — 302
 Фридман Н.М. — 74, 270
 Фролов М. — 186
 Фрунзе М.В. — 189, 302
- Харламов В.А. — 171
 Хрисаненков Л.А. — 285
- Цаликов А.Т. — 290, 316
 Цвиллинг С.М. — 294
 Цезарь Гай Юлий — 30
 Церетели И.Г. — 39, 64, 66, 85, 106, 289, 310, 311, 315, 317, 318
- Чайкин В.А. — 164
 Чайковский Н.В. — 40, 131, 289, 307
 Чарнолуцкий В.И. — 27
 Чаянов А.В. — 117
 Череванин Ф.А. — 103, 289
 Черемисов В.А. — 243
 Черепанов С.А. — 214
 Чернецов В.М. — 181
 Чернов В.М. — 65, 66, 127, 128, 161, 166, 167, 169, 265, 266, 270, 274, 282, 285—287, 301, 305, 306, 309, 310, 314, 315, 318, 319, 322, 332, 353
 Черносивтов К.К. — 290

- Чернышевский Н.Г. — 13
Чеховский В.М. — 170
Чудновский Г.И. — 105
Чхеидзе Н.С. — 27, 29, 39, 97,
130, 251
- Шавеко Н.А. — 4, 327
Шанин — 186
Шапошников А.И. — 165
Шаумян С.Г. — 124, 126
Шаховской Д.И. — 66, 124
Шацкий П.Е. — 173
Швецов С.П. — 301, 308
Шингарев А.И. — 32, 66, 114,
124, 272, 318, 349
Шипов Д.Н. — 21
Шишкин В.А. — 48, 330, 331
Шишкин М.Д. — 289
Шкловский В.Б. — 245, 347
Шлихтер А.Г. — 302
Шляпников А.Г. — 26, 329
Шмидт В.В. — 303
Шмидт-Очаковский Е.П. — 273
Шмидт П.П. — 22, 328
- Шрейдер Г.И. — 214, 293
Штейнберг И.З. — 128, 286, 321
Штернберг П.К. — 125
Шубин И.Я. — 158
Шульгин В.В. — 29
- Щегловитов И.Г. — 208
- Эйдеман Р.П. — 129, 297
Энгельс Ф. — 46, 330
Эрлих Г.М. — 289
- Юрнев К.К. — 149
- Якимова А.В. — 111
Яковлев Я.А. — 121
Яковлева В.Н. — 308
Янсен М. — 350
Ярославский Е.М. — 214, 303
Ясперс К. — 4, 327
Яшунский И.В. — 86, 87

ПРИЛОЖЕНИЕ

Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание

Округ	эсеры	энесы	мен-ки	бол-ки	социалисты	кадеты	национ. списки	правые	прочие	Всего
Алтайский	621377	6068	3785	45268*	—	12108	8048	17292	—	713946
Аму-Дарьинский	Выборы не состоялись									
Архангельский	106570	—	7335	36522	—	12086	—	—	1160	163673
Астраханский	100482	942	2220	36023	—	13017	25023	—	16400	194107
Бессарабский**	112886	1367	4179	28614*	10797	19050	49018	6317	116467	348695
Витебский	150279	3599	12471	287101	32108	8132	41227	15117	10504	560538
Владимирский	196886	6917	13139	345306	—	38058	—	9193	1659	611158
Вологодский	348239	8340	3606	—	84358	25357	—	—	—	469900
Волынский	27575	—	16947	35612	570073	22397	113992	1746	15866	804208
Воронежский	875300	6116	8658	151517	11871	36488	—	7281	769	1098000
Вятский	612525	37621	19167	236952	—	48106	55585	9396	55476	1074828
Донской	478901	5049	17504	205497	5718	43345	—	13640	636966***	1406620
Екатеринославский	231717	9496	39155	213163	565150	27551	72152	34665	—	1193049
Енисейский	233345	8000	4581	96138	—	12263	—	—	2452	356779
Забайкальский	104220	4260	3245	17260	—	7200	26155	218	15078	177636
Закавказский	117522	514	661934	93581	825672	25673	728206	—	—	2453102
Закаспийский	Выборы не состоялись									
Иркутский	127834	14935	6899	33576*	—	9393	39248	3267	—	235152
Казанский	273978	—	4906	51936	382640	31728	99080	12322	2001	858591
Калужский	127313	601	6996	225378	1067	24125	—	4409	—	389889

Округ	эсеры	энесы	мен-ки	бол-ки	социалисты	кадеты	национ. списки	правые	прочие	Всего
Камчатский**	226	—	95	—	—	—	—	—	16	337
Киевский	19220	3072	32685	60693	1179234	28667	133766	48758	3624	1509719
КВЖД	5079	—	13138	10613	—	6322	—	—	—	35152
Костромской	249838	—	19488	226905	—	41448	—	17901	—	555580
Курский	869497	8591	6043	120094	—	47221	—	8715	—	1060161
Кубано-Черноморский**	2828	—	794	9167	—	3226	98	—	5733	21846
Лифляндский	—	—	7046	97781	—	—	—	—	31253	136080
Минский	181673	—	16277	579087	14054	10724	101928	13505	—	917248
Могилевский	511998	—	21664	93060	6600	19316	62278	10136	—	725052
Москва	62260	2508	21597	366148	37651	263859	—	—	10740	764763
Московский	172229	6978	27928	368264	—	44478	—	8458	31536	659871
Нижегородский	314472	5186	7660	133970	19959	34724	402	67305	2216	585894
Новгородский	220665	10314	10196	203658	—	31484	—	7804	2301	486422
Олонецкий	—	—	—	—	127120	20278	—	—	2813	150211
Орловский	510628	—	16301	241785	3338	18345	—	12911	10096	813404
Ордынский	Выборы состоялись. Сведения не обнаружены									
Оренбургский	112209	6550	9575	166121	—	24847	158663	—	226604	704569
Пензенский	517226	4336	4726	54731	—	25407	29821	—	—	636247
Пермский	665118	—	27502	268292	29012	111241	77861	83734	15129	1277889
Петроград	156936	19109	29820	424024	4377	246506	—	42308	18001	941081
Петроградский	119761	12048	6100	229698	16904	64859	15963	5661	841	471835
Подольский**	11052	852	12487	32942	660432	9371	113588	—	7530	848254

Округ	эсеры	энесы	мен-ки	бол-ки	социалисты	кадеты	национ. списки	правые	прочие	Всего
Полтавский	198437	4391	5993	64460	761313	18105	33340	—	63217	1149256
Приамурский	61967	—	16772	43534	—	17799	3275	—	97556	240903
Прикаспийский	Выборы состоялись. Сведения не обнаружены									
Псковский	295012	4059	4870	173631	—	25961	3859	3209	4703	515304
Рязанский	427364	5695	5039	272153	—	30734	—	9368	4216	754569
Самаркандский	4238	—	1586	—	—	—	87059	—	1913	94796
Самарский	690341	4369	6125	195132	51212	44507	192861	20180	3083	1207810
Саратовский	612094	10243	15152	261308	—	27226	103470	51774	6379	1087646
Семиреченский	—	—	—	—	120150	—	200639	—	28272	349061
Симбирский	424185	7953	4785	90388	—	18303	71931	11130	2116	630791
Смоленский	250134	2855	7901	361062	—	29274	1708	5300	—	658234
Ставропольский	291395	670	1836	17430	—	10898	—	3078	2609	327916
Степной**	14930	—	2500	18901	7713	7886	135386	1469	5869	194654
Сыр-Дарьинский	Выборы не состоялись									
Гаврический	300150	4544	16875	31154	63271	38108	105586	8022	825	568535
Гамбовский	837497	7412	22424	240652	6222	47548	—	12494	889	1175138
Гверской	245997	3739	18752	398479	—	37453	—	7723	2974	715117
Терско-Дагестанский**	11542	443	1461	29889	386	11330	1881	—	29924	86856
Тобольский	392061	50780	12061	—	—	13793	25830	—	—	494525
Томский	541153	15802	5769	51456	—	18618	—	—	2686	635484
Тульский	256069	1991	10940	237558	—	22782	—	—	9516	538856
Тургайский	63650	—	6758	—	—	—	211274	—	—	281682

Округ	эсеры	энесы	мен-ки	бол-ки	социалисты	кадеты	национ. списки	правые	прочие	Всего
Уральский	5076	—	—	—	—	—	278014	—	87535	370625
Уфимский	322166	11429	2614	48151*	304844	15825	224817	11178	15372	956396
Ферганский	—	—	—	—	—	—	770284	—	—	770284
Харьковский	838873	11852	20529	114743	1802	61302	11587	24335	11448	1096451
Херсонский**	368078	6177	17371	107975	65210	57699	117805	21609	143647	905571
Черниговский	105565	10089	10813	271174	486964	28864	28308	16715	15154	973646
Эстляндский	3200	64704	—	119863	—	—	68085	—	17022	299844
Якутский	1208	—	247	—	—	586	—	—	1541	3582
Ярославский	197465	5637	16803	176035	—	53730	—	4427	4421	458518
Балтийский флот	45016	—	—	66810	—	—	—	—	3997	115193
Черноморский флот	22251	—	1943	10771	12895	—	—	—	4769	52629
Северный фронт	249832	5868	10420	471828	88956	13687	—	—	—	840591
Западный фронт	180582	—	9700	653430	68455	16750	—	—	47083	976000
Юго-Западный фронт	402930	1125	79630	300112	177354	13724	9465	—	23083	1007423
Румынский фронт	670047	4004	36485	173728	188760	20956	31623	—	—	1125603
Кавказский фронт	229705	20574	61783	—	10285	8640	—	—	—	330987
Русские войска за границей	Выборы не состоялись									
Всего	19110074	439200	1522467	10889437	7030897	2180488	4670189	674160	1885050	48401962

* Совместно с меньшевиками-интернационалистами

** Сведения неполные

*** В том числе казаки — 636966

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава 1.</i>	
ИДЕЯ, РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ	
1. У истоков великой идеи	11
2. Учредительное собрание в программах и тактике политических партий в 1917 году.	32
3. «Народовластие» и народ.	46
<i>Глава 2.</i>	
ПРЕДВЫБОРНЫЙ МАРАФОН	
1. В юридических лабиринтах	59
2. Организационная лихорадка: в погоне за утерянным временем	81
3. Предвыборная политическая кампания: борьба за электорат.	99
4. Кандидатские списки и предвыборные блоки.	122
<i>Глава 3.</i>	
ПЕРВЫЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ	
1. Октябрь уж наступил...	140
2. От Камчатки до Кубани	151
3. Иллюзии и реальности всенародного волеизъявления	177
4. Почему они не голосовали?	193
<i>Глава 4.</i>	
ВСЕРОССИЙСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ	
1. На избирательных участках Петрограда и Москвы.	205
2. Города и люди.	214
3. Крестьяне голосуют за землю	224
4. С винтовкой и избирательным бюллетенем	239
5. В национальных районах страны.	250
<i>Глава 5.</i>	
ДРАМА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ	
1. Вокруг открытия Учредительного собрания	263
2. В депутатских фракциях	281
3. «Кто был кто» в Учредительном собрании	294
4. Историческая ночь	304
Эпилог	320
Примечания	327
Именной указатель	355
Приложение	363

Протасов Л.Г.

**ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ:
РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ**

Художественное оформление *А.Сорокин*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *В.Юрченко*

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 27.08.1997.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,0 + 1,0 вкл. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 2293

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-00-13 (дирекция).
181-04-13 (отдел реализации). Факс 181-01-13.

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6